

SELECTA

XIII

SELECTA. Программа серии гуманитарных исследований, 2003–2012

1. *О. Р. Айратетов.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.
2. *В. А. Козлов.* «Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД–МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949. М., 2003.
3. *В. И. Молчанов.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004.
4. *Кирилл Шевченко.* Луицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948. М., 2004.
5. *Кирилл Шевченко.* Русины и Чехословакия: 1919–1939. К истории этнической инженерии. М., 2006.
6. *Ирина Глинка.* Дальше — молчание... : Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой. 1933–2003. М., 2006.
7. *И. В. Дубровский.* Институт и высказывание в конце Римской империи. М., 2009.
8. *Вугар Н. Сеидов.* Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX–начало XX вв.). М., 2009.
9. *Ю. А. Наумова.* Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010.
10. *Ольга Эдельман.* Следствие по делу декабристов. М., 2010.
11. *Горан Милорадович.* Карантин идей: лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010.
12. *И. В. Дубровский.* Очерки социальной истории средних веков. М., 2010.
13. *Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2010.
14. *В. Б. Каширин.* Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
15. *Анна Резниченко.* О смыслах имен: от философии языка — к языку философии. Русский контекст. М., 2011.
16. *М. А. Колеров.* Труд и война: военнопленные в экономике СССР (1944–1949). М., 2011.
17. *Украина в 1918 году: сборник воспоминаний.* М., 2011.
18. *Сборники «Малая Русь» (1918): репринт и исследование.* М., 2011.
19. *Алексей Тимофеев.* Партизаны, четники, комиты: Один век повстанческих традиций Западных Балкан. М., 2012.
20. *Кирилл Шевченко.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX–1 пол. XX вв.). М., 2012.
21. *Брюс Меннинг.* «Пуля — дура, штык — молодец»: Русская императорская армия, 1861–1914. М., 2012.
22. *М. А. Колеров.* Измена: «Вехи» и коммунизм: очерки по истории русской мысли (1918–1923). М., 2012.
23. *М. Йованович.* Над обломками Академии: Русский научный институт в Белграде (1928–1941). М., 2012.
24. *М. М. Шевченко.* Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. как проблема внутренней политики и стратегии России. М., 2012.

В 2012 году издание серии прекращается

Л. Ф. Кацис
М. П. Одесский

«СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ»

МОДЕЛЬ И ТОПИКА

Очерки

Москва
REGNUM
2010

УДК 82:1
ББК 83.3(0-021)
К 30

Серия SELECTA
под редакцией М. А. Колерова

Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский.

К 30 «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки.
М.: Издательский дом «Регнум», 2011. 314 с. (SELECTA XIII)
ISBN 987-5-91887-009-9

УДК 82:1
ББК 83.3(0-021)

ISBN 987-5-91887-009-9

© Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский. Текст
© М. А. Колеров. Составление серии
© А. А. Яковлев. Оформление

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 7

ГЛАВА I.

Коллар – Пушкин – Одоевский – Мицкевич.

Польское восстание 1830–1831 19

ГЛАВА II.

Тютчев и «славянская взаимность».

От Польского восстания до Крымской войны..... 43

ГЛАВА III.

Роман Тургенева «Накануне» и «славянская взаимность».

«Болгарский» след Крымской войны..... 59

ГЛАВА IV.

Тютчев и «славянская взаимность» (1860–1870-е)..... 71

ГЛАВА V.

Русская философия и топика «славянской взаимности».

Николай Данилевский, Константин Леонтьев,

Владимир Соловьев (1860–1890-е)..... 95

ГЛАВА VI.

Коллар – Хлебников – Блок – Маяковский.

От боснийского кризиса до Первой мировой войны 121

ГЛАВА VII.

Авангард в контексте балканского и карпатского вопросов.

Пьеса «Янко крУль албанский» (1916 – 1918)

и роман «Философия» И. М. Зданевича (1930)..... 167

ГЛАВА VIII.

Маяковский и Якобсон в Праге (1927) 201

ГЛАВА IX.

Бальмонт и Эренбург

между Прагой и Варшавой (1926 – 1928)..... 233

ГЛАВА X.

«Новое славянское движение».

От «дела славистов» к Всеславянскому комитету

(1930 – 1940-е) 265

ГЛАВА XI.

А. А. Ахматова и «славянская взаимность».

«Реквием. 1935 – 1940» 279

Вместо заключения..... 297

Предисловие

Идея «славянского единства» уходит корнями в древнюю историю.

Согласно современным научным представлениям, «славяне как самостоятельный этнос сформировались в середине I тыс. до н. э. в условиях внутрорегионального взаимодействия древнеевропейского населения...»¹. Этот вывод основан на отождествлении археологической культуры «подкloшевых погребений» (Восточная Европа) с праславянами. В VI в. славяне — после многовектовых разнонаправленных миграций — выступают участниками решающих политических событий на Западе, и отражением новой ситуации становится фиксация в сочинении историка готов Иордана этнонима «склавене»: «Установлено, что -к- в написании этого этнонима вставное и, таким образом, это первое упоминание славян в письменных источниках под своим именем. (...) Относительно происхождения этого этнонима в науке высказано несколько гипотез. Наиболее убедительной представляется концепция о происхождении самоназвания “словене” (так этноним передается в ранних славянских источниках) от понятия “слово” и означает ‘ясно говорящие’ или ‘люди, владеющие словом’, в отличие, например, от “немцев”, т. е. “немых»².

Имя «словене» могло подразумевать «единство людей, говорящих на общем, понятном для всех членов этноса языке», и общих «культурных центров»³. Дело в том, что в середине I тыс. славяне уже не представляли собой единой народности, и этноним, который стал обозначать широкую этническую общность, по-видимому, соответствовал не «всему славянскому миру раннего Средневековья, а лишь его крупной племенной группировке»⁴. Что подразумевает существование других славянских группировок (племен, союзов) и других «частных» этнонимов-«самоназваний».

К началу II тыс. — с возникновением славянских государств — разделение этнической общности на отдельные народности (с особыми

¹ Седов В. В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V–VII вв. // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 28.

² Там же. С. 65.

³ Флоря Б. Н. Формирование славянских народностей. Их этническое самосознание в эпоху раннего средневековья и перспективы его дальнейшего развития // Очерки истории культуры славян. С. 388.

⁴ Седов В. В. Указ. соч. С. 65.

самоназваниями) окончательно состоялось. Вместе с тем сохранялось и «сознание принадлежности к славянской общности», которое «связывалось с какими-то для нас, к сожалению, не очень ясными представлениями о историческом прошлом славянского мира»⁵ и которое нашло отражение в письменности разных славянских народностей — древнерусской «Повести временных лет», польской хронике Галла Анонима (оба текста датируются началом XII в.) и т. д.

В XVIII–XIX вв. — в эпоху национальных движений — начинается так называемое Славянское возрождение: идея «славянского единства» трансформировалась в идеологию. К этому времени историческая судьба славянских народов сложилась совершенно по-разному: русские и поляки создали собственную государственность, но большинство славян находилось в составе чужеродных образований — Турецкой империи (балканские славяне), империи Габсбургов (чехи, словаки, частично балканские народы) или под властью других славян (противостояние украинцев полякам и русским). Впрочем, не утрачены были и воспоминания о едином славянском мире, охарактеризованные великим славистом Л. Нидерле как «славянофильское и братское учение, провозглашавшее справедливость и любовь ко всем и равенство всех»⁶.

По словам признанного эксперта А. Н. Пыпина, «славянское возрождение есть один из сильных фактов общеевропейского прогресса; это — естественное и глубокое применение европейской идеи, которое таким образом может свидетельствовать, что славянство — не какая-нибудь новая орда, грозящая потопить европейскую цивилизацию, а такое же европейское племя, возбужденное духом времени и стремящееся войти в круг этой цивилизации с тем сознанием человеческого достоинства, какое прививается европейской образованностью»⁷. Рассматривая Славянское возрождение в сравнении с аналогичными движениями других народов Европы, А. Н. Пыпин указал его специфику: «...славянское движение, очевидно, непохоже на национальное движение немецкое или итальянское; это есть стремление объединить не *народ*, а целое *племя* — в таком роде, как если бы, например, явилось стремление объединить латинское племя (была и действительно речь о «панлатинизме») или если бы германство возымело намерение слить с собою Голландию, Данию и Скандинавию»⁸.

Такого рода сложная культурно- и этно-политическая картина концептуализировалась — и славянами, и теоретиками, представляющими другие национальные традиции, — посредством идеологических моделей предсказуемо широкого спектра. В качестве противоположностей выступали общая модель «славянского единства» — и особые национальные идеи

⁵ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 393–394.

⁶ Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 461.

⁷ Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913. С. 165.

⁸ Там же. С. 60.

каждого народа. В качестве промежуточных — модели, санкционирующие близость избранных славянских народов, которые могли оправдывать даже борьбу с другими славянами (дискуссии о белорусах и украинцах в отношениях России с Польшей, о македонцах в отношениях Сербии с Болгарией или о русинах в отношениях чехов со словаками) и, напротив, включение в этническую общность народов, которые «академически» славянами не считаются (греки и румыны в балканской ситуации или литовцы в русско-польской).

Если к тому же учесть конкретные исторические обстоятельства, в которых манифестировались различные модели «славянской идеи», то «славянскую идею» правомерно рассматривать и в качестве некоей идеологии, и одновременно в качестве родового понятия. С этой точки зрения, общая модель «славянского единства» реализуется в таких исторических разновидностях, как, например (не претендуя на полноту), панславизм в версии М. П. Погодина, славянофильство, «славянская федерация» М. А. Бакунина, Н. И. Костомарова, польский мессианизм А. Мицкевича, австрославизм, идея единого славянского языка Й. Юнгмана, М. Маяра, «славянская взаимность» Я. Коллара и др.

Диалектика общего и особенного здесь выражается в том, что каждая модель может замещать общее — «славянскую идею» — и свободно монтироваться с другими ее разновидностями, и в то же время каждая модель — в качестве особенной — может оказаться с ними во враждебном отношении (оппозиция «славянская федерация» vs. имперский панславизм).

Иную перспективу открывает рассмотрение моделей «славянского единства» в аспекте их функционирования в разных национальных славянских традициях. Так, в России панславизм и славянофильство смыкаются (не совпадая) с имперски-государственной или евразийской идеями, а «славянская федерация» — с радикальным социализмом.

Следует принять во внимание и то очевидное соображение, что «славянское единство» — не просто идеология. Дело в том, что во второй трети XIX в. «славянская идея» приняла академическую форму, преобразившись в философское основание научной дисциплины славистики. Вместе с тем она регулярно мобилизовывалась в жестких политических (в том числе военных) столкновениях, и ее практическое использование закономерно приводило к смешенной актуализации разных моделей, которые представляли (и предстают) своего рода инструментарием, пригодным для пропагандистского решения актуальных задач.

Равно апеллируя к «славянскому единству», участники конкретных событий (иногда сознательно «играя», иногда добросовестно заблуждаясь) могли иметь в виду разные ее модели. Так, в правление Николая I европейские публицисты подозревали действие панславизма как в активной внешней политике России, так и в национальном движении славянских народов. А во время революции 1848 г. основатели марксизма, напуганные тем же фантомом, считали ипостасями панславизма русского императо-

ра, австрийских славян, боровшихся против революционной Венгрии, и Бакунина с его утопией «славянской федерации»: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам»⁹.

Напротив, цитировавшийся труд А. Н. Пыпина был направлен на дифференциацию панславизма (в терминологии либерального академика это — синоним общей идеи «славянского единства») и доказательство нетождественности российской империи и программы М. П. Погодина с национальным движением славянских народов. Пыпин также предупреждал: «Угнетенные турками, мадьярами или немцами, славянские национальности в большей или меньшей степени были бы расположены воспользоваться политическим могуществом России для своего освобождения — вот все, что до сих пор имеется в виду. Но затем самое стремление к *совместному* с Россией политическому существованию остается еще вопросом»¹⁰.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что плодотворное и посильное изучение «славянской идеи» должно быть необходимо ограничено одной из ее моделей (естественно, с привлечением по мере надобности и других моделей). В настоящей работе — это модель «славянской взаимности», которая была сформулирована «будителями» (чешскими и словацкими интеллектуалами эпохи национального Возрождения) и затем получила впечатляющее развитие в России.

* * *

В конце XVIII – первой половине XIX вв. будители под воздействием просветительских реформ императора Иосифа II начали борьбу против германизации и за восстановление народного самосознания славян. Благодаря усилиям Й. Добровского, Й. Юнгмана, Ф. Л. Челаковского, П. Й. Шафарика, Ф. Палацко и др., «чешский язык, на протяжении почти двух столетий после битвы под Белой Горой (1620) вытесняемый немецким

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 6. С. 305–306.

¹⁰ Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 55.

и практически полностью утративший свой социальный статус, снова стал языком литературы и науки»¹¹.

Деятельность будителей, по определению авторитетного богемиста, характеризовалась «чертами синтеза, сплава форм культурного творчества»: «В той же мере, в какой научное мышление вторгалось в художественное видение мира, искусство накладывало заметный отпечаток на характер, проблематику и даже изобразительные средства науки. В этом смысле, например, Гавличек и Сабина как писатели, (...) Антонин Манес или Навратил как художники становились историками эпохи так же, как историк Палацкий, писавший стихи и создавший труды по эстетике, мог быть причислен к деятелям искусства. А такие будители, как, скажем, филолог Юнгман или историк Шафарик, писавшие стихи, занимавшиеся литературными переводами и журналистикой, с полным основанием относились и к тем и к другим»¹².

Эта особенность стиля их мышления может оцениваться и негативно. Иштван Бибо — венгерский мыслитель, т. е. представитель культурной традиции, обыкновенно оппонирующей будителям, — при осмыслении итогов Второй мировой войны отнес обе традиции («свою», венгерскую и чешско-словацкую) к одному культурному типу и дал ему отрицательную оценку: «Особое значение в восточноевропейских странах приобрела деятельность представителей различных гуманитарных профессий — писателей, лингвистов, историков, священников, учителей, этнографов, занимающихся изучением, культивированием всех тех своеобразных, характерных моментов, которые отличали национальную общность. Поэтому здесь культура приобрела чрезвычайно большую роль, однако это означало не столько расцвет культуры, сколько ее *политизацию*. Поскольку эти государства не обладали исторической преемственностью в ее западноевропейском понимании, то на национальную интеллигенцию легла задача выявления и сохранения свойственного этим новым или возрождающимся нациям языкового, этнического своеобразия, а также доказательства того, что эти новые этникумы, несмотря на неполноценность их национальной жизни, обладают — что было на самом деле — более глубокими корнями

¹¹ Баран Х. К проблеме идеологии Хлебникова: Мифотворчество и мистификация // Россия/Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX вв. М.; Венеция, 1999. С.267. Научная литература, посвященная эпохе чешского национального Возрождения, необозрима. См., напр.: *Удальцов И.И.* Историкография чешского национального Возрождения: Новейшие чехословацкие и советские исследования (1950–1980 гг.). М., 1984. Особого внимания заслуживает монография: *Masura V.* Znamení zrodu: Ceske obrozeni jako kulturni tip. Praha, 1983.

¹² *Мильников А. С.* Культура чешского Возрождения. Л., 1982. С. 133; ср. также: *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985.

и являются более жизнеспособными, чем существующие династические государства»¹³.

Ян Коллар (1793–1852) — яркий представитель будителей: словак по рождению, подданный Австрийской империи, большую часть жизни служивший пастором евангелической общины в Пеште, автор популярных произведений, написанных на чешском языке¹⁴. Будучи типичным деятелем эпохи «синтеза» и «политизации», Коллар — в качестве поэта, публициста ученого — отстаивал (с опорой на идеи Гердера¹⁵) права и достоинство славян, испытывавших в государстве Габсбургов национальный гнет. Согласно Коллару, славяне — единый народ, и, следовательно, чехи и словаки не какие-то бессильные «малые народы», но часть великого и неодолимого народа. Пастор из Пешта отвергал путь насилия, был доялен, однако как апологет славянства ориентировался на державу, где славяне образовали могущественное государство, — на Россию.

Не удивительно, что у современников Коллар заслужил репутацию «провозвестника славянской взаимности» (в версии единомышленников) и /или инициатора панславизма (в версии оппонентов)¹⁶. Кстати, в рамках того же государства Габсбургов оформился пангерманизм, стоящий на страже ущемляемого императорским правительством немецкого народа и ориентированный на иностранную державу — монолитно-немецкую Пруссию¹⁷.

«Славянская идея» пропагандируется в причудливой поэме Коллара «Дочь Славы» (первое издание — 1824), которая представляет собой внушительное собрание сонетов. Подражая Ф. Петрарке с его Лаурой, чешско-словацкий поэт посвятил сонеты возлюбленной — лужичанке Вильгельмине (Мине) Шмидт, но любовная лирика мотивировала у него широкую панораму славянской жизни, а лужицкая девушка предстала олицетворением славянства — Дочерью Славы (Слави).

Образ богини Славии встречается не только в поэме «Дочь Славы»: еще в пасторали «Вила Словинка» (1614) хорватский писатель Ю. Баракович описывает «свое путешествие по окрестностям Шибеника и встречу с прекрасной фантастической девой (виллой) — Словинкой, рассказавшей

¹³ Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Венгры и Европа: Сб. эссе/Сост. В. Серада, Й. Горетич. М., 2002. С. 253–254.

¹⁴ Никольский С. В. Ян Коллар — поэт и культурный деятель // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист: К 200-летию со дня рождения. М., 1993.

¹⁵ См. современное состояние вопроса: Гланц Т. Изобретение Славии: О роли путешествия для формирования «славянской идеи» // *Inventing Slavia: Сб. материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004)*. Prague, 2005. С. 12–15.

¹⁶ Исламов Т. М. Коллар, славянская идея, Венгрия // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист: К 200-летию со дня рождения. М., 1993; Попова И. В. Ян Коллар и «Пешти хирлап» // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист.

¹⁷ См., напр.: Кобн Н. Pan-Slavism: its History and Ideology. University of Notre Dame Press, 1953.

о происхождении славян и их языке»¹⁸. Баракович «воспел Задар, столицу мифического князя Словена, праотца всех славян. Славянские географические названия ему известны, включая пределы Московии. (...) примечательны выпады против «латынян» и защита славянского языка. Славянская муза просит поэта напомнить народу, что она существует»¹⁹. Тем не менее именно Ян Коллар придал образу Славии характер идеологии.

В парижских лекциях о славянских литературах Адам Мицкевич говорил: «Коллар влюблен в национальную идею славянства, вот его возлюбленная, вот Лаура, которую он повсюду изыскивает, оплакивает... Иностранцу трудно понять, как это можно воспевать народ в образе человека; тем не менее эта форма распространена и у поляков и чехов»²⁰.

Поэма «Дочь Славы» состоит из программного вступления, написанного без соблюдения сонетной формы²¹, и пяти песен, которые объединяют 645 сонетов (в наиболее полном издании 1852). Каждая песнь названа «речным» именем: первая — «Сала», вторая — «Лаба, Рейн, Влтава», третья — «Дунай», четвертая — «Лета», пятая — «Ахерон». Поэма декларировала, что славяне — единый народ, у которого существуют четыре «ветви» (чешская, русская, польская, иллирийская, т.е. южная), и на протяжении XIX столетия функционировала как авторитетнейшая «энциклопедия» идей «славянского единства».

Поэма получила европейскую известность, вызвала полемику, и Коллар, «в ответ на рецензии (...), а также исходя из внутренней потребности объяснить собственное видение единства славян и целей этого единства»²², опубликовал специальный трактат — «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (чешский вариант — 1836 г., расширенный немецкий вариант — 1837)²³.

Коллар плодотворно работал до самой кончины: он — автор стихотворений, статей, пространных сочинений «Путешествие в Верхнюю Италию» и «Боги Ретры». Однако два его произведения — поэма «Дочь Славы» и трактат о «славянской взаимности» — имеют особое значение, поскольку послужили образцом и источником специфической идеологии.

¹⁸ См.: Акимова О.А., Мельников Г.П. Идея славянской общности в представлениях чехов и хорватов эпохи Средневековья // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 16.

¹⁹ Голенищев-Кутузов И.Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков. М., 1963. С. 80.

²⁰ Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1948–1954. Т. 4. С. 394–395.

²¹ Об идеологической нагрузке стихотворной формы вступления в поэму см.: Cooper D. L. Competing Languages of Czech Nation-Building: Jan Kollar and the Melodiousness of Czech // Slavic Review. 2008. № 67 (2).

²² Роккина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 62.

²³ См. современный русский перевод фрагментов трактата в кн.: Антология чешской и словацкой философии. М., 1988.

Это определяет место Коллара в истории чешской (шире — славянской) культуры: он не только писатель, но автор текстов, которые символизировали идеологическую модель «славянской взаимности», отличную как от универсального западничества, так и от других моделей «славянского единства».

В независимой Чехословакии Коллар и другие «будители» отнюдь не получили статус «отцов-основателей»: первый президент Т. Г. Масарик полагал, что он с соратниками «завершили столетние усилия таких деятелей, как Добровский, Коллар, Палацкий, Гавличек»²⁴, и в то же время несколько дистанцировался от их консервативной программы. В современной Чехии Коллар рассматривается как конструктор некоей (не очень актуальной) идеологии и становится объектом процедур «деконструкции»²⁵.

В СССР к Коллару относились с настороженностью (понятной у марксистов), характеризуя его в духе ленинских пассажей о Толстом. К примеру, «учение Яна Коллара о литературной взаимности славян было глубоко противоречивым; будучи программой культурного подъема и взаимообогащения славян, оно в то же время, ориентируясь преимущественно на их образованные, т. е. имущие слои, не было демократичным. Призывы Коллара к славянам соблюдать верность своим монархам и правительствам, пропаганда принципа незыблемости существующих политических порядков, осуждение революционных действий, «верноподданничество» придавали всей системе взглядов Яна Коллара на судьбы славян консервативно-охранительные черты»²⁶.

В посткоммунистической России обязательность критического отношения к писателю отменена, но по-прежнему Коллар = «славянская взаимность». Показательно, что монография о «Яне Колларе и России», фиксирующая новый этап изучения писателя, снабжена подзаголовком — «история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в.». Другими словами, интерес к «Дочери Славы» и трактату «О литературной взаимности» диктовался не столько их литературными или публицистическими достоинствами, сколько «модельностью», т. е. возможностью продюцировать идеологию «славянской взаимности».

²⁴ Чанек К. Беседы с Т. Г. Масариком. М., 2000. С. 109.

²⁵ См., напр.: *Inventing Slavia*: Сб. материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004). Prague, 2005. В то же время технологии «деконструкции» используются для изучения места идей «будителей» в истории осмысления комплексного феномена «Центральной Европы» (*Uffelmann D. Palackys «Dekonstruktion» Mitteleuropas // Die Slaven und Europa/Trierer Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 8. 2008*).

²⁶ Удальцов И. И. Указ. соч. С. 192.

Авторы настоящих очерков, стремясь избежать смешения идеологии «славянской взаимности» с другими моделями «славянского единства», при анализе ее русской рецепции приняли в качестве точки отсчета рубеж 1820–1830-х.

По выражению слависта А. С. Будиловича, «от Нестора до Коллара и Хомякова можно назвать целый ряд лиц, то ясно сознававших, то хоть смутно чувявших мировое значение этой идеи»²⁷. Однако если начало общей «славянской» идеологии в русской истории можно видеть в рассуждениях составителя «Повести временных лет» об общем происхождении славянских народов, то модель «славянской взаимности» оказалась впервые востребована лишь во времена Польского восстания 1830–1831 гг.

Расположение предлагаемых очерков подчинено хронологическому порядку: не претендуя на энциклопедический охват, авторы стремились изучать идеологию «славянской взаимности» на фоне определяющих исторических событий XIX–XX вв. — от Европы после Наполеоновских войн до Европы после Второй мировой войны.

«Славянский вопрос» всегда имел крайне политизированный характер, и на протяжении десятилетий его открытое обсуждение (не только в СССР) было практически невозможно. Некоторые авторы «славянских» текстов служили профессиональными дипломатами (Ф. И. Тютчев, К. Н. Леонтьев), некоторые — агентами влияния (В. В. Маяковский, И. Г. Эрэнбург) или «разведчиками и дипломатами поневоле» (Р. О. Якобсон). Политико-прагматическая установка придавала их поэтическим и философским текстам многофункциональный характер.

Отсюда — использование символических комплексов «славянской взаимности» (идеологем) как в откровенном, так и в «вырожденном» вариантах, когда бывало достаточно «активировать» (на первый взгляд, нейтрально) отдельные элементы (вроде «речной» топики), чтобы читатель опознал идейную направленность соответствующего текста.

Подобная ситуация актуализирует специальную проблему диагностики идеологем «славянской взаимности» в художественных и философских текстах. В качестве источников преимущественно использованы произведения русских писателей, принадлежащих к разным эстетическим направлениям — вплоть до авангарда. С одной стороны, это позволяет выявить место и роль традиции «славянской взаимности» в истории отечественной мысли и продемонстрировать последовательность и преемственность ее развития. С другой стороны, открывается уникальная возможность интерпретации самих этих произведений.

Для толкования текстов такого рода принципиально не применимы ни чисто политологический, ни чисто исторический, ни чисто филологи-

²⁷ Будилович А. С. Мечта ли панславизм? // Беседа. 1872. № 1/2. С. 214.

ческий подход. Что и обуславливает выбор комплексной методологии настоящих очерков: модель «славянской взаимности» анализируется и как (1) историческая идеология, и как (2) регулярно воспроизводимая (в частности, в русской культуре) топика — система аргументов, исторических сюжетов, устойчивых метафор и символов, которые могли существовать и вместе, и порознь²⁸.

²⁸ Материал представленной работы прошел апробацию в статьях, опубликованных в авторитетных научных изданиях (Известия РАН «Серия литературы и языка», «Славянский альманах», «Зборник Матице Српске за славистику» и др.). См.: *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* «И если когда-нибудь в этой стране...»: О некоторых славянских параллелях к «Реквиему» А. Ахматовой // Очерки довоенной литературы / Литературное обозрение. 1996. № 5/6; *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* Пушкин – Коллар – Мицкевич // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999. Т. 58. № 3; *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* А. С. Пушкин и Я. Коллар: Из комментария к стихотворению «Клеветникам России» // А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000; *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* Идее «славянской взаимности» в творчестве В. В. Хлебникова и литераторов его круга // Известия АН. Серия литературы и языка, 2001. Т. 60. № 1; *Одесский М. П.* «Славянский» контекст стихотворений Блока: «На поле Куликовом» // Блоковский сборник. Тарту, 2003. Вып. 16: Александр Блок и русская литература первой половины XX века; *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* Тютчев и славянский вопрос // Известия АН. Серия литературы и языка, 2003. Т. 62. № 6. С. 11–24; *Одесский М. П.* От «Как дочь родную на закланье» к «Над русской Вильной стародавней»: Литва в историософии Тютчева // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст. СПб.: Наука, 2005; *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* Поэтика «славянской взаимности» и ее отражение в творчестве Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева // Славянский альманах 2005. М., 2006 (также — «Зборник Матице Српске за славистику». Нови Сад, 2006. Кн. 70); *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* Константин Бальмонт, Владимир Маяковский и Илья Эренбург в 1926–1928 гг.: К поэтике и идеологии «славянского единства» и «славянской политики» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сб. научных трудов. Иваново, 2006. Вып. 7; *Кацис Л. Ф.* К. Бальмонт и И. Эренбург в контексте идеологии «славянского единства» // *Russian Studies*. Seoul. 2006. Vol. 16. № 2; *Одесский М. П.* Роман Тургенева «Накануне» и идеология «славянской взаимности» // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2007. Т. 66. № 5; *Одесский М. П.* Идеология «славянской взаимности» и Россия: Тургенев – Григорьев – Добролюбов // Русская почта: Журнал о русской литературе и культуре. Белград (Сербия). 2008. № 1; *Кацис Л.* «Янко крУль албанский» Ильи Зданевича в славянском контексте // Славянские чтения. Даугавпилс (Латвия). 2008. Вып. VI; *Одесский М. П.* Пьеса Ильи Зданевича «Янко крУль албанский» и балканский вопрос // Авангард и идеология: Русские примеры. Белград, 2009.

Глава I.

*Коллар – Пушкин –
Одоевский – Мицкевич.
Польское восстание 1830 – 1831*

По словам исследователя, сведения о Яне Колларе «начинают проникать в Россию с начала 1820-х годов, т.е. буквально с первых публикаций Коллара в Пеште и Праге»²⁹. Специалисты полагают, что первое упоминание (в обзорной статье, по-видимому переводной) появилось в 1822 г. в журнале Н. И. Греча «Сын Отечества»³⁰: «...г. Коллар написал около 100 сонетов и издал их вместе со своими Элегиями и Эпиграммами. Во многих из его сонетов виден истинный дух Петрарки; Элегии и Эпиграммы его, по размеру их, почитаются также в числе лучших. Сей поэт, равно как и Сафарик (П. Й. Шафарик — *Л. К., М. О.*), принадлежат к славянам венгерским, из коих протестанты берут верх над католиками в познании богемского языка, употребляемого ими для письма, и стараются тем возвысить своих соотчичей»³¹. Большое внимание чешско-словацкому поэту уделял П. И. Кеппен, который — начиная с первого номера (1825) — пропагандировал поэзию Коллара в своем журнале «Библиографические листы» (1825)³². И т.д. Однако интерес к Коллару оставался в рамках интереса к новому литературному явлению, кроме того, возвышающему братский славянский народ. Ситуация принципиально изменилась, когда России пришлось иметь дело с польским восстанием 1830–1831 гг.

1.

Стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России» создавалось как произведение прямо публицистическое, непосредственный отклик на близившееся завершение девятимесячной борьбы с повстанцами.

В июле 1831 г. русская армия фельдмаршала И. Ф. Паскевича, переправившись через Вислу, двинулась к мятежной Варшаве. А уже 25 и 26 августа — в годовщину Бородинского сражения — произошел решительный штурм, что послужило поводом для создания нового стихотворения «польского» цикла — «Бородинская годовщина». «Завершенное 16 августа 1831 г. стихотво-

²⁹ *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 159.

³⁰ *Кишкин Л. С.* Словацко-русские литературные контакты в XIX в. М., 1990. С. 49.

³¹ Цит. по: *Рокина Г. В.* Указ. соч. С. 159–160.

³² Там же. С. 104–109, 160–165.

рение было вскоре же (вместе с «Бородинской годовщиной» и «Старой песней на новый лад» В.А. Жуковского) опубликовано в пропагандистской брошюре «На взятие Варшавы», стремительно отпечатанной (цензурное разрешение 7 сентября, билет на выпуск в свет — 10 сентября; объявление о продаже в книжной лавке А. Ф. Смирдина — 14 сентября) в военной типографии по личному распоряжению Николая I»³³.

При подобной художественной установке закономерно, что многочисленные суждения и исследования не столько содержат информацию, сколько иллюстрируют историю полувековой идеологической борьбы, поводом которой служило стихотворение. В качестве примера можно назвать статью Л. Г. Фризмана «Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов», написанную в начале 1960-х, но отлученную от печати по причинам идейной рискованности. «Рискованности», а не «сомнительности». Опирируя цитатами «образцовых» радикалов типа А. И. Герцена или Н. А. Добролюбова, автор статьи вроде бы «лояльно» доказывал, что отношение к восстанию, сформулированное в «польских» текстах А. С. Пушкина, совершенно совпадает с официальным и в какой-то мере обслуживает правительственный заказ. Получалось, что по советским меркам, ориентированным на тех же Герцена и Добролюбова, Пушкин — страшно выговорить — «реакционер». Это обусловило недоверчивое отношение к статье Л. Г. Фризмана коллег вкуче с недопущением к публикации. И надо сказать, оппоненты поняли Л. Г. Фризмана адекватно: по традиции, сложившейся вокруг «Клеветников», он высказался намеренно полемически и не без идеологического подтекста.

Аргументируя выдвинутый тезис, Л. Г. Фризман осуществил простейшую процедуру, о которой ранее в дискусионном задоре, похоже, забывали: сопоставил стихотворение «Клеветникам России» с тогдашней российской периодикой. Результат вышел предсказуемый, но эффектный: строки Пушкина разительно напоминают суждения «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина за 1831 г. (№№ 43, 92, 246, 249). Наиболее яркие и репрезентативные параллели приведены по работе Л. Г. Фризмана³⁴.

«Северная пчела»: «Никогда Россия не была так сильна, как при Императоре Александре и в нынешнее время. Какое же употребление сделала Россия из своей силы? Освободила Европу от всемирного завоевателя, восстановила падшие народы и престолы и обеспечила всем права и мудрые законы...».

«Клеветникам России»³⁵:

**За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир**

³³ Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подг. Л. С. Сидяков. СПб., 1997. Сер. «Литературные памятники». С. 592.

³⁴ Фризман Л. Г. Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов // Вопросы литературы. 1992. № 3. С. 221–222.

³⁵ Стихотворения Александра Пушкина. С. 270.

**И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?**

«Северная Пчела»: «...вся Россия из конца в конец ополчится по одному слову Государя. Пример 1812 года еще у всех перед глазами...». «Какая цель врагов наших? Возбудить противу России ненависть Европы? За что же эта ненависть? За то, что Россия могущественна, спокойна, доброжелательна ко всем народам, гостеприимна и торжествует над врагами, дерзающими вызывать ее на поле битвы... По первому слову Царя Русского соберутся верные сыны России под знамена, развевавшиеся на берегах Ефрата и Сены, на вершинах Тавра, Балкана, Альпов, на укреплениях Варшавы».

«Клеветникам России»:

**Иль Русского Царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль Русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских холодных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?..**

Стихотворение А. С. Пушкина перекликается и с интереснейшей статьей из авторитетного журнала Н. И. Надеждина «Телескоп», которая, на первый взгляд, не имеет отношения к политике. В № 11 за 1831 г. (цензурное разрешение от 11 июля) было помещено небольшое — но принципиальной важности — сообщение, озаглавленное «Национальное направление богемской словесности» и подписанное латинскими литерами «R. В.»:

«Богемцы суть чистая Славянская кровь; и их привязанность к своему происхождению простирается почти до суеверия. Вельможи состязаются в ней с простым народом с благородной ревностью. Многие из них выстроили на свой счет музеи и публичные библиотеки, в кои, не щадя никаких издержек, собирают отовсюду отечественные древности и памятники древней народной словесности. Один современный Богемский поэт, Коллар, издал недавно два тома стихотворений, дышащих пламенным патриотизмом. Под именем *Славы* (Slawa) он олицетворил в них свою отчизну или, лучше сказать, всю родную семью Славян, и изливается пред ней в пламенных выражениях неисповедимого одушевления, подобно как перед обожаемою любовницею, или как таинственная Госпожа Гюон пред несозданною красотою. В его стихотворениях есть нечто сходное с *Мелодиями* Томаса Мура, где родная Ирландия олицетворена под своим древним именем Эрина. Страсть, коей сгорает душа поэта, едва скрывается под его слишком прозрачными аллегориями. Иногда даже, увлекаясь исступлением чувства, он не может совладать с собой — и его Славянская душа вся обнажается. В своих патриотических восторгах он обращается преимущественно к России. “Исполинская дочь Славян, могущественная

Россия, — восклицает он в одном из сих благородных порывов, — когда соединишь ты в одну рукоять эти разметанные ветви одного корня, *когда сольешь в один поток эти расплесканные волны одной крови?*» (курсив наш. — Л. К., М. О.)³⁶ [З, С. 400–401].

Последние строки явно отозвались в «Клеветниках»:

**Славянские ль ручки сольются в Русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.**

Без учета «телескопского» контекста уподобление славянских народов ручьям, сходящимся в «Русском море», может показаться очевидным, почти банальным. Потому, вероятно, оно и оставалось никак не комментированным.

На самом деле, это — одна из важнейших идеологем, символизирующих единство славянства. Ее хрестоматийную формулу предложил Ян Коллар. В поэме «Дочь Славы» поэт воспеваает реки, где обитали или обитают славяне: Салу (Зале), Лабу (Эльбу), Дунай (а также мифологические Ахерон и Лету, у которых помещены «святые» и «грешники», в их числе «святой» Пушкин, «грешник» Дантес и т.п.), — и развивает обобщенный образ славянских народов-потоков, которым предстоит соединиться³⁷. Среди прочих эта принципиальная идеологема аранжируется в 48 сонете первой песни. Приведем его прозаический перевод (подстрочник), составленный славистом А. А. Зайцевой (с незначительными коррективами)³⁸:

**Слава украсила сладостной речью польку,
Обаянием — сербку,
А словачек (нашу родню) —
Певучеством уст и бесхитростным сердцем;
Русскую наделила властностью, а в чешскую девушку вдохнула
Смелость и жажду героических деяний.
А потом каждый цветок этих красот
Она захотела увидеть еще объединенным в целом;
Тогда она приказала, чтобы
Объединил Милек (в поэме — своего рода гид, «Вергилий» поэта. — Л. К., М. О.) ее любимиц
Прелести в одной дочери Славы.
Поэтому в ней, как в море реки,
Удивительно всех славянок
Сливаются добродетели, красота, обаяние.**

Именно 48 сонет «Дочери Славы» цитируется в статье из «Телескопа». Правда, при первом взгляде практически невозможно опознать в трех

³⁶ Р. В. Национальное направление богемской словесности // Телескоп. 1831. № 11. С. 400–401.

³⁷ О мифологии рек в европейской культуре Нового времени см.: Schama S. Landscape and Memory. N. Y., 1996. P. 245–382.

³⁸ Зайцева А. А. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX в. // Литература славянских народов. М., 1963. С. 113.

финальных строках Коллара источник цитаты, обыгранной Пушкиным: «Исполинская дочь Славян, могущественная Россия, когда соединишь ты в одну рукоять эти разметанные ветви одного корня, когда сольешь в один поток эти расплесканные волны одной крови». Этому виной — зигзаги переводческой истории «телескоповского» сообщения, тщательно прослеживаемые А. А. Зайцевой.

В 1828–1831 гг. солидный французский журнал «Revue Britannique» дважды обратился к 48 сонету Коллара. В вольном прозаическом переводе этот сонет был полностью воспроизведен в анонимной статье «Литература и поэзия Богемии» (1828), которая, в свою очередь, представляла собой перевод сообщения английского знатока «экзотических» культур Джона Бауринга. По наблюдениям А. А. Зайцевой, на стадии «Revue Britannique» «появляется комментарий к сонету 48, отсутствующий у Бауринга: “Политические намерения автора очень сильно проявляются в следующем сонете, где мечты о великой славянской конфедерации выражены со всей откровенностью и недвусмысленностью”. Прозаический перевод этого сонета, опубликованный к тому же под заглавием “Славяне”, уже существенно отличается не только от чешского оригинала, но и от перевода Бауринга»³⁹.

Бауринг, точно передав строки Коллара «Поэтому в ней, как в море реки, // Удивительно всех славянок // Сливаются добродетели, красота, обаяние», оставил «водную» стихию внутри финального развернутого сравнения:

«...as flow
**The rivers to one ocean, so should one —
 One spirit — made in truth and beauty’s mould,
 Slavonia’s widely scattered charms unfold»**
 («...как стекаются реки в один океан, так пусть один — один
 дух — отлитый в форму истины и красоты, откроет рассеянные
 добродетели Славы»).

Во французском прозаическом переводе «водные» строки автономизировались и стали, так сказать, смыслообразующими: «Si la Russie, cette gigantesque fille de la Slavonie, se melait a l’hymne commun! (...) Grand Dieu! Fais que tant de ruisseaux, sortis d’une meme source, confondent enfin leurs ondes...»⁴⁰ («Если бы Россия, эта исполинская дочь Славии, присоединилась бы к общему гимну (...) Великий Боже! Сотвори так, чтобы все ручьи, вытекающие из одного и того же источника, смешали наконец свои волны...»).

В 1831 г. французский журнал снова вспомнил о поэзии Коллара и о 48 сонете: в статье «Оценка политического и военного положения австрийской монархии» ее автор («S.»), характеризуя военно-политический потенциал

³⁹ Зайцева А. А. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX в. // Литература славянских народов. М., 1963. С. 114.

⁴⁰ Litterature et poesie de la Boheme // Revue Britannique. 1828. V. 17. P. 250.

Империи Габсбургов, мимоходом привлек внимание к сепаратистским и про-русским настроениям славян, нашедшим выражение в лирике Коллара⁴¹.

В условиях польского восстания статья «Revue Britannique» оказалась настолько своевременной для России, что эпизод с Колларом был вычленен и почти полностью приведен в «Телескопе» (латинские литеры «R. В.» значат журнал-источник «Revue Britannique»). Причем цитата из Коллара восходит к какому-то другому (отличному от версии 1828) французскому переводу финальных строк 48 сонета: «Fille gigantesque des Slaves, puissante Russie! s'ecria Kollar, quand voudras-tu reunir dans un meme faisceau tous ces rameaux de la meme souche, et confondre dans un seul cours ces flots epars de meme sang?».

Соответственно, стихотворение Коллара, его литературная репутация привлекли внимание русских литераторов. Даже декабристы штудировали «Revue Britannique» в Петровском заводе. По свидетельству Н. В. Басаргина, «мы выписывали также много иностранных и русских журналов, тоже через посредство и с помощью дам. Из французских: “Journal des Debats”, “Constitutionnel”, “Journal de Francfort”, “Revue Encyclopedique”, “Revue Britanique”, “Revue des deux mondes”, “Revue de Paris”; немецкие: “Preussische Staatszeitung”, “Гамбургского корреспондента”, “Аугсбургскую газету”; русские почти все журналы и газеты. Вот это мы читали с жадностью, тем более, что тогдашние события в Европе и в самой России, когда сделалось Польское восстание, не могли не интересоваться нас. При чтении журналов и газет введен был порядок, по которому каждый ими пользовался в свою очередь, и это наблюдалось с большой строгостью и правильностью. На прочтение газеты определялось два часа, а для журнала два и три дня. Сторожа наши беспрепятственно разносили их из номера в номер с листом, где отмечалось каждым из нас время получения и отправки»⁴².

Что привлекало в России рубежа 1820–1830-х, то естественно вызывало раздражение в Австрии, заставляя тревожиться Коллара и его близких. П. Й. Шафарик — соавтор и единомышленник — не без упрека писал ему тогда, что славянское единение возможно «только в духе любви, а эти наполовину онемеченные и наполовину (что касается характера) отатаренные северяне плохо поняли идею единения, полагая, что заговором Екатерины и союзом с предателями и естественными, главными и кровожадными врагами славянского народа и затем расчленением благороднейшего и воистину рыцарского славянского племени может быть положено основание в будущем единению славян»⁴³.

⁴¹ S. Appreciation de l'etat politique et militaire de la Monarchie Autrichienne // *Revue Britannique*. 1831. V. 4. P. 54.

⁴² *Басаргин Н. В.* Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск, 1988. Сер. «Полярная звезда». С. 168–169.

⁴³ Цит. по: *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902. С. 165; ср. *Латтева Л. П.* Творчество П. Й. Шафарика в освещении русского слависта В. А. Францева // Павел Йозеф Шафарик: к 200-летию со дня рождения. М., 1995. С. 105.

Коллар, действительно, был русофилом и — при всем сочувствии полякам — не отказался от своей позиции в роковой момент восстания⁴⁴, однако он не мог допустить подозрений в «русской» агитации. Это осознавали и чешские деятели его круга. В 1831 г. Ф.Л. Челаковский напечатал в чешском (т.е. в границах Австрийской империи) журнале рецензию на «Дочь Славы», где оспаривал «Бауринговский» контекст, утверждая, что никакие политические выводы здесь неуместны⁴⁵. Челаковский переживал за своего единомышленника тем более, что сам консультировал Бауринга при выборе сонетов. Еще в письме от 26 мая 1828 г. он пенял английскому литератору, выражая сожаление, что пассаж о «Дочери Славы» не был надлежащим образом смягчен и может показаться «опасным» (Челаковский даже вставляет в немецкое письмо английское слово «dangerous»), у Коллара же «выйдут неприятности»⁴⁶. Равным образом Й. Юнгман-младший озабоченно информировал Коллара: «В каком-то парижском журнале был-де помещен перевод рецензии Бауринга на Вашу “Дочь Славы”, в котором Бауринг Мину выставляет как всеобщую славянскую родину и т.д. — по поводу этого-де венская пол<иция> и цензурщики страшно гневались и возмущались. Как Вы думаете, не следует ли им открыть глаза и объяснить, что это не связано ни с какой вообще Славией...»⁴⁷. И в позднейшем сонете (485) Коллар — словно следуя рекомендации Юнгмана — свидетельствовал, что Бауринг его оклеветал, «nalhal»⁴⁸.

Впрочем, как бы ни маневрировал Коллар, трактовка сведений «Revue Britannique» в прорусском духе выглядела вполне адекватной. Вот таков фон краткого сообщения из «Телескопа»⁴⁹, которое подчеркивало и акцентировало симпатии Коллара к России. В этом же и причина интереса А.С. Пушкина к колларовской цитате в искаженном ее варианте.

Аккуратности ради здесь уместно упомянуть, что в российской периодике существовали более ранние отклики на «Дочь Славы» — прежде всего в известной Пушкину «Литературной газете», где статья «Некоторые мысли Гете о богемской словесности» называла Коллара (Колляра) среди «славного ряда новобогемских писателей, коими трудами усовершенствование отечественной словесности и языка доведено до того, что они могут надежно противостоять вполне времени»⁵⁰. И тем не менее создается впечатление, что именно «Телескоп» объясняет обращение А.С. Пушкина к значимому «водному» образу.

⁴⁴ Ср., напр.: *Рокина Г.В.* Указ. соч. С. 111.

⁴⁵ Там же. С. 60–61.

⁴⁶ *Korrespondence a zapisky F.L. Celakovskeho/Vydal F. Bily. Praha, 1911. Dil II. S. 604.* За указание на важность переписки Ф.Л. Челаковского для уяснения истории рецензии Бауринга мы благодарны проф. С.В. Никольскому.

⁴⁷ Цит. по: *Зайцева А.А.* Указ. соч. С. 119.

⁴⁸ *Kollar J. Slavy dcera // Kollar J. Basne. Praha, 1952. S. 269.*

⁴⁹ Сообщения о Колларе появились в «Телескопе» и позднее, что, по мнению специалиста, «было связано с увеличением самого редактора славянскими вопросами и с участием в издании М. Погодина и С. Шевырева» (*Рокина Г.В.* Указ. соч. С. 164).

⁵⁰ *Некоторые мысли Гете о богемской словесности // Литературная газета. 1830, 8 окт. № 57;*

2.

Князь Александр Иванович Одоевский (1802–1839) с юных лет «любил заниматься словесными науками»⁵¹, однако по-настоящему его поэтическое дарование реализовалось после 1825 г. В годы заключения поэзия стала средством преодоления психической травмы, а в Сибири Одоевский почувствовал ее необходимость для товарищей по несчастью. Отсюда — рост творческой активности: Одоевский много пишет, экспериментирует (для поэмы «Василько» была выработана оригинальная строфика и т. д.).

Лирический герой Одоевского — общий голос декабристов. В этом качестве поэт ответил на послание А. С. Пушкина «В Сибирь» (стихотворение «Струн вещей пламенные звуки...»), где, апеллируя к пушкинским строкам, создал знаменитую «искровую» формулу, запечатлевшую веру в конечную победу освободительных идей. Одновременно лирический герой Одоевского — одинокий романтический узник, которому открыта «поэзия темноты»⁵², мир ощущений, неизвестный литературной традиции, уникальный по психической нюансировке и философской глубине.

**Как много сильных впечатлений
Еще душе недостает!
В тюрьме минула жизнь мгновений,
И медлен, и тяжел полет
Души моей, не обновленной
Явлений новых красотой
И дней темничных чередой,
Без снов любимых, усыпленной.
Прошли мгновенья бытия,
И на земле настала вечность.
Однообразна жизнь моя,
Как океана бесконечность («Узница Востока»⁵³).**

Стихотворения Одоевского хроникально фиксировали важнейшие события в жизни ссыльных: память о погибших («Тризна»), безвременная смерть («На грозном приступе, в пылу кровавой битвы...»), переход в сентябре 1830 г. из Читинского острога в Петровский Завод («Что за кочевья чернеются...»), приезд любимых («Кн. М. Н. Волконской», «По дороге столбовой...»), их тяжелые испытания и недуги («Зачем ночная тишина...»), рождение детей («Колыбельная песнь»), отправка на Кавказ («Куда несетесь вы, крылатые

ср. *Кишкин Л. С.* Русская периодика о Яне Колларе: Первая половина XIX века // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист: К 200-летию со дня рождения. М., 1993.

⁵¹ Восстание декабристов: Документы и материалы. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 250.

⁵² *Айхенвальд Ю.* Александр Одоевский // *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 537.

⁵³ *Одоевский А. И.* Полн. собр. стихотворений / Вст. ст. М. А. Брискмана. Л., 1958. Сер. «Библиотека поэта». С. 75.

станции...»). Вместе с тем политическая лирика Одоевского — как у Пушкина и других поэтов того времени — включала вполне официальные произведения («Сен-Бернар», «На западе подымется заря...» и т. п.).

Одоевский интересовался отечественным прошлым. Поэма «Василько» (сохранились 1, 2, 4 песни) основана на «Повести временных лет» и на «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и повествует о жестокости властителей, о княжеских злодеяниях конца XI в. Одоевский, подобно многим писателям конца XVIII – начала XIX вв., развивал историософский миф о Новгороде (и Пскове) — твердыне исконной русской вольности. Стихотворения, составившие новгородский цикл, трагичны: автор изобразил гибель республики и триумф московского деспотизма («Зосима», «Иоанн Преподобный» и др.). В качестве действующего лица здесь фигурирует Святая София — не столько храм, сакральный палладий древнего Новгорода, сколько мистическое олицетворение вольности⁵⁴, которая оплакивает своих защитников и вселяет в них надежду на грядущую победу-воскресение («Старица-пророчица», «Неведомая странница», «Кутья»).

С мистически-революционной трактовкой новгородской Софии перекликается персонификация страдающей отчизны в стихотворении «Тебя ли не помнить?» — переводе Томаса Мура (лирический цикл «Ирландские мелодии»):

**В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастает,
И с каждою каплею крови твоей
Пьют чада любовь из живительных персей**⁵⁵.

Кстати, творчество Т. Мура (поэта-романтика, друга Байрона) было также актуально для А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера, братьев Бестужевых: «...с именем Мура связано предсмертное завещание М. П. Бестужева-Рюмина, который накануне казни передал Басаргину через сторожа как память о себе перевод Муровой мелодии “Музыка”»⁵⁶. Знаменательно, что в «телескопской» статье сонет Коллара сопоставлен с «Ирландскими мелодиями», «где родная Ирландия олицетворена под своим древним именем Эрина».

Особое место в поэзии Одоевского занимает «славянский» цикл. В стихотворении «Недвижимы, как мертвые в гробах...» (датировано годовщиной казни пяти декабристов) он солидаризировался с польскими повстанцами 1830–1831 гг., в которых видел представителей братского народа, борющегося с тиранией и продолжающего дело 1825 г.:

**Вы слышите: на Висле брань кипит! —
Там с Русью лях воюет за свободу**

⁵⁴ *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. С. 31, 43.

⁵⁵ *Одоевский А. И.* Указ. соч. С. 64.

⁵⁶ Воспоминания *Бестужевых*/Вст. ст. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951. Сер. «Литературные памятники». С. 687–688.

И в шуме битв поет за упокой
Несчастливых жертв, проливших луч святой
В спасенье русского народу.
Мы братья их!..⁵⁷

В стихотворении «Дева 1610 года» («К Василию Шуйскому») «божественная дева» — аллегория вольности (ср. Софию и страждущее отечество из Мура) — взывает к Руси⁵⁸:

Что медлишь ты? Из западного мира,
Где я дышу, где царствую одна,
И где давно кровавая порфира
С богов неправды сорвана,
Где рабства нет, но братья, но граждане
Боготворят божественность мою
И тысячи, как волны в океане,
Слились в единую семью, —
Из стран моих, и вольных, и счастливых,
К тебе, на твой я прилетела зов
Узреть чело сармат волелюбивых
И внять стенаниям рабов.
Но я твое исполнила призванье,
Но сердцем и одним я дорожу,
И на души высокое желанье
Благословенье низвожу.

В этом историческом стихотворении (видимо, отрывке из неоконченной поэмы о Смутном времени) задана сложная нравственная проблема: с одной стороны, русские «рабы» противопоставлены полякам («сарматам волелюбивым»), с другой — борец с поляками и защитник Смоленска в стремлении спасти Отечество также становится тем «одним» сердцем, в котором обитает вольность.

Равным образом оппозиция свободного Запада/деспотического Востока выражена в упоминавшейся элегии «Узница Востока». По словам Ю. И. Айхенвальда, «Тюрьма и Россия — это восток; свобода — это Запад»⁵⁹.

Мысль узника-лирического героя:

И за оградой душевных стен —
Востока узница — не внемлет
Восторгам западных племен⁶⁰.

⁵⁷ *Одоевский А. И.* Указ. соч. С. 142.

⁵⁸ Там же. С. 66–67.

⁵⁹ *Айхенвальд Ю.* Указ. соч. С. 537.

⁶⁰ *Одоевский А. И.* Указ. соч. С. 75.

Стихотворение «Славянские девы»⁶¹ — ключевое в «славянском» цикле. «Девы» олицетворяют братские славянские народы (ср. Софию, «божественную деву» и т.п.):

**Девы! согласно что не поете
Песни святой минувших времен?
В голос единый что не сольете
Всех голосов славянских племен?**

Отдельные славянские племена уподоблены рекам, сливающимся в единый «поток-исполин» славянского народа (ср. сходный образ в «Деве 1610 года»: «И тысячи, как волны в океане, // Слились в единую семью»):

**Боже! когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!**

Славянский контекст мотивирует призыв России к освобождению:

**Дружно сплетая руки с руками,
Сладкую песню с ними запой!**⁶²

По воспоминаниям М.А. Бестужева (очерк «Песня “Что ни ветер шумит”», конец 1860-х), стихотворение «Славянские девы», положенное на музыку Ф.Ф. Вадковским, функционировало почти на правах «декабристского» гимна, обладало соответствующими музыкальными свойствами (вызывая у мемуариста ассоциации с гимном Жуковского – Львова) и в Петровском заводе исполнялось обладателем «упойительно задушевного голоса» А.И. Тютчевым (членом Общества соединенных славян) и хором в годовщину восстания: «... мотив его очень близко подходил к мотиву гимна “Боже, царя храни” Львова, и точно как будто бы гимн Львова был скомпонован по его образцу. В последнем куплете, где речь относится прямо к России и где Вадковский, неприметными оттенками гармонии, переходит в чисто русский мир и заканчивает мотивом русской песни, — все присутствующие невольно восторжались, а особенно, когда послышался в этом куплете упоительно задушевный голос Тютчева. Он пел:

**Старшая дочь в семействе Славяна
Всех превзошла величием стана.
Славой гремит — но грустно живет,
В тереме дни проводит, как ночи,
Грустно чело — заплаканы очи
И заунывные песни поет.**

⁶¹ *Одоевский А.И.* Указ. соч. С. 138–139.

⁶² Вариант «Сладкую песню с ними запой!» восходит к авторитетной рукописи, которая хранилась у И.И. Пущина; в варианте, засвидетельствованном М.А. Бестужевым и А.Е. Розеном, строка выглядит более революционно — «Радостно песню свободы запой!».

Что же не выйдешь в чистое поле —
 Не разгуляешь грусти своей?
 Светло душе на солнышке-воле,
 Сердцу светло от ясных лучей.
 В поле спешу с меньшими сестрами
 И хоровод веди за собой —
 Дружно сплетаясь, руки с руками,
 Радостно песню свободы запой...»⁶³.

В 1857 г. И. И. Пущин подарил петербургскому врачу Н. Ф. Здекауэру рукопись, в которой содержались ноты Вадковского, и сопроводил дар инскриптом, где назвал песню «Славянские девы» «отголоском нашей мечты, может быть, несбыточной»⁶⁴.

Стихотворение было впервые опубликовано в 1859 г. в журнале «Русская беседа». Оно было включено в подборку лирических текстов наряду с произведениями как покойных классиков (В. А. Жуковский, Н. М. Языков), так и здравствующих поэтов (А. К. Толстой, К. К. Павлова). Журнал придерживался славянофильского направления (официальный редактор А. И. Кошелев, неофициальный — И. С. Аксаков), и хотя ни стихотворение Одоевского, ни вся подборка не сопровождалась никакими комментариями, однако показательное, что в номере были помещены программные статьи корифея славянофилов М. П. Погодина.

Напротив того, Н. П. Огарев — в мемуарном очерке «Кавказские воды» (1861) — представил либеральное толкование славянофильского пафоса стихотворения Одоевского: «Что в нем отразилось направление славянства, это свидетельствует песнь славянских дев, набросанная им в Сибири, случайно, вследствие разговора и для музыки, и, конечно, принадлежащая к числу его неудачных, а не его настоящих, с ним похороненных стихотворений. Она важна для нас как памятник, как свидетельство того, как в этих людях глубоко лежали все зародыши народных стремлений; но и в этой песне выразилось только заунывный напев русского сердца и тайная вера в общую племенную будущность, а о православии нет и помину. (...) Музыка писал Вадковский (...); она носит характер романского времени, с тех пор хотя осмеянного с ученой точки знатока, но которого задумчивая прелесть, вышедшая из слияния русской песни с европейской музыкой, для непредубежденного останется изящной. В мотиве Вадковского есть талант, но в целом выработка ученическая, и в нашем списке столько ошибок, что мы не решились напечатать музыку»⁶⁵.

⁶³ Воспоминания *Бестужевых*. С. 293–294; характеристику позднее обнаруженной музыки Вадковского см.: *Брискман М. А.* «Славянские девы»: Музыка декабриста Ф. Ф. Вадковского на стихи Одоевского // *Литературное наследство*. М., 1956. Т. 60: Декабристы-литераторы. Кн. 1; в статье М. А. Брискмана также указано, что музыка была сочинена Вадковским в 1835 г. — к десятилетию восстания.

⁶⁴ *Брискман М. А.* Указ. соч. С. 269.

⁶⁵ *Огарев Н. П.* Кавказские воды // *Огарев Н. П.* Избр./Сост. Г. Г. Елизаветина. М., 1983. С. 299.

В другом месте очерка Огарев мимолетно упомянул о «панславизме юного общества Соединенных славян»⁶⁶, похоже, рассматривая Одоевского и Общество в одной исторической перспективе — как «зародыши народных стремлений», «тайную веру в общую племенную будущность». Тем самым Огарев противопоставил программу Одоевского официальному панславизму Погодина и др.

Занимательно также, что в финале «Кавказских вод» Огарев передает впечатления от некоего стихотворения Одоевского, которое ему читал сам автор: «Это был рассказ о видении какого-то женского образа, который перед ним явился в прозрачной мгле и медленно скрылся»⁶⁷. Имеется в виду стихотворение «Венера небесная», которое долгое время считалось утраченным и впервые было опубликовано в 1956 г.; оно не совсем отвечает описанию Огарева, но мемуарист запомнил и воспринял его именно как «рассказ о видении какого-то женского образа, который перед ним явился в прозрачной мгле и медленно скрылся». Что сближается с образом мистически-революционной Софии.

Согласно очерку (1881) декабриста Д. И. Завалишина, написание «Славянских дев» было приурочено к «славянскому празднику», который ссыльные устроили в Читинском остроге (так!) для бывших членов Общества соединенных славян, страдавших от чувства социальной приниженности: «Вот, чтобы ободрить их и показать, что они ошибаются насчет чувств к ним товарищей по заключению, и был затеян праздник братства или соединения всех славян. По этому поводу Одоевский написал известную песню “Славянские девы”, где Россия, “превзошедшая всех величием страна” и от которой одной другие славянские народы могут ждать своего освобождения, сама представлена заключенной в тюрьме; Вадковский положил стихи на музыку... (...) Все это могло быть очень хорошо хотя бы как развлечение в тюремной жизни, если бы те самые, которые затевали весь этот праздник, сами же не подсмеивались потом над ним и тем самым не оправдали тех, которые не хотели участвовать в нем, зная, что тут нет искренности, и которых между тем упрекали за несочувствие»⁶⁸.

Независимо от того, верно или нет Завалишин воспроизвел обстоятельства «славянского праздника», в его воспоминаниях принципиально акцентирование связи «Славянских дев» с кругом идей Общества соединенных славян.

⁶⁶ Огарев Н. П. Кавказские воды // Огарев Н. П. Избр./Сост. Г. Г. Елизаветина. М., 1983. С. 295.

⁶⁷ Там же. С. 305.

⁶⁸ Завалишин Д. И. Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском замке // Одоевский А. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания об А. И. Одоевском. М., 2003. С. 321; в «Воспоминаниях» этот эпизод изложен более скупо: «...для некоторых стихотворений была сочинена и музыка (например, для пьес: «Славянские девы», «На мосту стояла странница» и пр.), чем преимущественно занимался Вадковский» (Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003. С. 351).

Представители этого общества — под явным влиянием масонов, карбонариев и польской традиции⁶⁹ — разработали амбициозную программу, подразумевавшую освобождение славянских народов и их объединение в могущественное государство: «Политической целью этого общества было образование федеративного союза славянских республик. Число их было восемь: предполагалось объединить русских, поляков, венгров, богемцев, кроатов, далматов, сербов и “мораван”. Каждое племя, освобожденное “от самовластия”, имело бы “приличное” ему постановление, т. е. формы управления, законодательство и пр. могли бы отличаться у разных племен. Все “поколения” объединяются в один федеративный союз»⁷⁰.

«Катехизис» общества (сочинен братьями Борисовыми и поляком Ю.К. Люблинским) включал 17 пунктов и, в том числе, гласил:

15) Ты еси Славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота: Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в середине оных воздвигнешь (в оригинале начерчен параллелограмм (без верхней стороны), внутри которого проведена черта, выше ее две точки и ниже три точки, а под ними одна точка, над параллелограммом проведена волнообразная линия (изображение башни или вообще здания). — *Прим. издателей*) и в нем богиноу просвещения и своим могуществом на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя Правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оно с дороги, тобою начертанною, совращаться не будет.

16) В (в оригинале здесь нарисованы три якоря. — *Прим. издателей*) твоих, славянин, будет цвести торговля и морская сила, а в (городе) посредине земли твоей справедливость для тебя обитать станет.

17) Желашь иметь сие? соединишь с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя»⁷¹.

«Девизом» же Общества была эмблема, разъясненная П.И. Борисовым: «единица в лучах посредине восьмиугольника — символ единства; каждая грань восьмиугольника — одно из объединяемых славянских племен; четыре якоря означают четыре моря»⁷².

Суммируя декабристские воспоминания, М.К. Азадовский подытожил, что хотя «Славянские девы» были впервые опубликованы в славянофильском журнале, однако видеть в нем «предчувствие позднейших идей славянофильства» «совершенно неверно»: «...в данном стихотворении отразились мысли членов Общества соединенных славян о славянской взаимности, чем и объясняется большая популярность этого стихотворения на декабристской каторге»⁷³.

⁶⁹ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913. С. 80–84; Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л., 1927. С. 26–27, 91.

⁷⁰ Там же. С. 26.

⁷¹ Восстание декабристов: Документы и материалы. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 13.

⁷² Там же.

⁷³ Воспоминания Бестужевых. С. 773.

Благодаря работе А. А. Зайцевой, идеологический контекст стихотворения «Славянские девы» был существенно уточнен. «Славянские девы» — перевод 48 сонета первой песни поэмы Яна Коллара. А значит, Одоевский — подобно автору статьи из «Телескопа» (и, значит, подобно Пушкину) — очевидно, реагировал на колларовский текст. Кстати, стихотворение Одоевского «Липа» также есть перевод сонета из «Дочери Славы» (III песня, 121 сонет); к сожалению, пути знакомства русского поэта с оригиналом остаются невыясненными⁷⁴.

Впрочем, текст стихотворения Одоевского «Славянские девы», по-видимому, восходит не к публикации «Revue Britannique» от 1831 г., а к ранней статье «Литература и поэзия Богемии» 1828 г. Кроме того, нет оснований утверждать, что Одоевский намеренно полемизировал с Пушкиным.

Ян Коллар «Дочь Славы», 1824	
«Revue Britannique», 1828	«Revue Britannique», 1831
	«Телескоп»
А. И. Одоевский «Славянские девы»	А. С. Пушкин «Клеветникам России»

Тем не менее современники ощущали объективный контраст позиции Одоевского и Пушкина в польском вопросе. К примеру, Огарев обыграл этот контраст в предисловии к эмигрантскому сборнику «Русская потаенная поэзия» (1861): «В 31 году он дошел до оды “Клеветникам России”. Видно, что граждански общество и поэт падали быстро. Польская революция иначе откликнулась в Сибири, сохранявшей благородную традицию в лице мучеников 14 декабря. Если сравнить “Клеветникам России” с стихотворением Одоевского, помещенным в конце этой книги на стр. 423 <«Недвижимы, как мертвые в гробах...»>, то и самое сверкание *стальной щетины*, образ, взлелеянный петербургским Марсовым полем, померкнет перед чистотою гражданской мысли в рудниках, на каторге»⁷⁵.

Если Пушкин прославлял Россию как надежду всех славян, то Одоевский призывал собственное отечество к освобождению. Но при этом поэт явно апеллировал не столько к воспоминаниям об Обществе соединенных славян, сколько — параллельно с Пушкиным — к актуальным идеям чешско-словацкого литератора, сформулированным в 48 сонете из «Дочери Славы». Любопытно, что и М. К. Азадовский, настаивая на связи «Славянских дев» с Обществом соединенных славян, странным (анахронистическим) образом использовал для характеристики воззрений Общества словосочетание «славянская взаимность» — идеологему, вычканенную Колларом в его знаменитом трактате.

⁷⁴ Зайцева А. А. Указ. соч. С. 116–117.

⁷⁵ Огарев Н. П. Избр. С. 374.

3.

«Водная» образность в стихотворении А. С. Пушкина «Клеветникам России» не просто мотивная перекличка с поэзией А. И. Одоевского⁷⁶ или Коллара, но идеологическая конструкция. Эта образность, на первом смысловом уровне наглядно иллюстрируя идею стихотворения «Клеветникам России», на более глубинном уровне подразумевала противопоставление «враждебных» западных славян — «ляхов», сражающихся с Россией, — «дружественным» западным славянам, «богемскому» поэту Коллару, который с Россией солидарен. Западно-европейские «клеветники» лишней раз посрамлялись: подавление польского восстания толкуется не как имперская агрессия России против польского народа, а как «семейная вражда»:

**Оставьте: это спор Славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.**

Конструкт получился убедительным. Коллар, вынужденный защищаться от критики полонофилов, систематически выразил свои идеи в трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», где, в частности, сожалел, что и «русского Пушкина», и «польского Мицкевича не одушевил гений этой взаимности»⁷⁷. (Редакция журнала «Отечественные записки», публикуя перевод трактата, поместила здесь осторожное примечание: «Странно, что автору этого сочинения не известны ни переводы “Песен западных славян”, ни “Клеветникам России”, ни другие творения, в которых Пушкин так глубоко сознавал необходимость этой взаимности и такую высокую цель указывал ей»⁷⁸.)

Реакция «польского Мицкевича» — знаменитого пушкинского оппонента — показывает, что идеологическая конструкция «Клеветникам России» была им воспринята адекватно.

История дискуссии Пушкина и Мицкевича не раз попадала в поле внимания специалистов⁷⁹. Как известно, российская брошюра «На взятие Варшавы» вызвала резкое стихотворение польского поэта «Русским друзьям», вошедшее в сборник 1832 г. В 1833 г. С. А. Соболевский презентовал эту книгу Пушкину,

⁷⁶ Кишкин Л. С. Чешские мотивы в русской литературе // Литературные связи славянских народов: Исследования, публикации, библиография. Л., 1988. С. 65.

⁷⁷ Коллар И. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. № 1/2. Отд. II. С. 4.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ См., напр.: Измайлов Н. В. Мицкевич в стихах Пушкина: К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостных фонтанов...» // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976; Основат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1987; Строганов М. В. «Песни западных славян»: диалог с Мицкевичем // Пушкин: проблемы поэтики. Тверь, 1992; Муравьева О. С. «Вражды бессмысленной позор...»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6; Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М., 2003.

который переписал себе очевидно задевшие его строки. Незаконченным остался пушкинский ответ Мицкевичу — «Он между нами жил...», где, в частности, имеются такие горькие стихи⁸⁰:

**...Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет.**

Были, возможно, и другие реплики в споре русского и польского поэтов. Однако явно недооцененным остается значение в этом аспекте лекций о славянских литературах, которые Мицкевич по-французски читал в Париже (1840–1844). Здесь — вне пределов Российской или Австрийской империи — он мог свободно формулировать свои воззрения на славянский вопрос: «Франция — единственное убежище для славянских стран, где истина может быть услышана. Эта твердыня — единственное место, где поляки, русские, чехи могут публично обсуждать религиозные и моральные проблемы. Франция освободила славянскую речь...»⁸¹.

Именно в парижских чтениях польский поэт резко отвечает на стихотворения Пушкина 1831 г., причем этим ответом оказывается лекция о Колларе⁸². Что не привлекало внимания исследователей: вне пушкинского аргумента «от Коллара» подобная логика была бы непонятной.

Коллар упоминается в самом начале многотомного курса лекций, да и в дальнейшем Мицкевич щедр на хвалебные определения — вроде «известнейший, знаменитейший и единственный национальный» поэт⁸³. Более того, как раз во время парижских чтений (10 ноября 1842) Коллар предпринимает шаги к личному сближению, отправляя великому «соплеменнику» послание: «Благородный муж! Многочтимый брат славянин! Мужи других народов, пекущиеся о литературе и духовной жизни, всячески стараются сблизиться посредством личного общения, а не письменного. Таким путем достигается то, что деятельность их обретает связь, а разобщенные силы объединяются в одном стремлении и с большим успехом действуют на благо народа. Так оно во Франции, так оно в Англии и Германии; живущие вдали друг от друга

⁸⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 3. С. 48.

⁸¹ Mickiewicz A. Cours de littérature slave // Mickiewicz A. Pisma. T. 7–11. Paris, 1860. Т. 9. С. 309.

⁸² Анализ собственно научного аспекта лекций Мицкевича см.: Karaguzov P. Курс Адама Мицкевича по славянским литературам в Коллеж де Франс: В контексте сравнительного славянского литературоведения // Revue des études slaves. 1998. LXX/4.

⁸³ Mickiewicz A. Op. cit. Т. 10. С. 51.

люди находятся в подлинной связи и взаимодействии. Так должно было бы быть и у нас славян, сынов одной матери Славы. Я давно стремился установить с вами более близкую связь. По вашим произведениям, которые я внимательно читал, я увидел в вас не только возвышенную душу, вдохновенного певца, благородного мужа, но и ревностного друга нашего единого народа. (...) В прошлом году я послал вам в дар через ехавшего в Париж графа Станислава Дунша-Барковского в знак моего уважения один экземпляр моего произведения "Дочь Славы". Я не знаю наверняка, передано ли оно вам, в случае если бы вы его не получили, сообразоволяйте написать ему и переслать вам. Что в настоящее время вы делаете? Много ли у вас слушателей? Вы меня порадуете, если не замедлите ответить мне. Будьте счастливы. Ваш почитатель Ян Коллар»⁸⁴.

Но дружеские жесты, похоже, не помогли: строго после получения колларовского письма — в декабре 1842 г. — Мицкевич наговорил о «многочтимом брате славянине» много неприятного: «У него нет отечества: чехи признают его своим, но он по рождению словак, венгры, которые говорят на другом языке, преследуют его; поляки не читают его произведений. До настоящего времени он мало связан с этими странами. Русские даже не знают о его существовании»⁸⁵. И что еще трагичней в ситуации Коллара — по убеждению Мицкевича — собственный «народ не понимает ни его миссии, ни его усилий»⁸⁶. Эту жесткость оценок можно отнести на счет историсофской концепции польского поэта.

Согласно его схеме, общеславянскую идею мессианизма первыми выразили чехи, но их национальная идея оказалась увлечена призраком прекрасного прошлого. Эстафету приняли русские, но им было суждено попасть в плен настоящего, соблазнившись «материальным» (характерное «словечко» Мицкевича) могуществом империи. Лишь поляки — с их надеждой на будущее и одновременно с их готовностью самоотверженно бороться за него в настоящем — остаются верными предназначению славянских народов. Коллар же — типичный поэт-чех: историк, а не политик, певец прошлого, а не будущего. Равным образом, Пушкин — показательный пример воплощения русской национальной идеи: великий поэт, сломленный деспотизмом, то впадающий в уныние, то ищущий утешения в эстетизме. Соответственно, творчество обоих предстает ущербным в перспективе славянского мессианизма

И — как результат — трудно избавиться от ощущения, что критические суждения о Колларе обусловлены контекстом давнего спора с Пушкиным. Тем более, что спор этот неожиданно актуализировался: до Мицкевича могла прийти полемическая реплика «с того света». В августе 1841 г. печатается девятый том «Сочинений Александра Пушкина», где редактор В. А. Жуковский поместил отрывок «Он между нами жил...», снабдив его вдобавок уточняющим

⁸⁴ Цит. по: *Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1948–1954. Т. 5. С. 680–681.

⁸⁵ *Mickiewicz A. Op. cit.* Т. 10. С. 53.

⁸⁶ *Ibid.* С. 57.

адрес посвящением-заголовком «М»⁸⁷. Кстати, и о статьях Бауринга — непосредственном источнике аллюзий Пушкина в стихотворении «Клеветникам России» — Мицкевич, вероятно, был осведомлен: в лекциях он бегло говорит об «англичанах», переведивших сонеты Коллара⁸⁸.

В любом случае поэт-лектор — словно отвечая Пушкину — посылно опровергает русофильскую репутацию Коллара: «Коллар со слезами на глазах говорит о несчастиях чехов, поляков, сербов; он в сердце несет три этих народа и любит их равной любовью»⁸⁹. Получается, что русских «равной любовью» любить не за что: они не испытывают «несчастий». Конечно же, Мицкевич не собирается игнорировать мнения Коллара: «Он все время мечтает о славянской взаимности, это его любимая идея; он хотел бы внушить всем согражданам желание основать славянскую монархию...»⁹⁰. Но эту составляющую колларовской концепции Мицкевич характеризует как утопическую, как противоречащую интересам — прежде всего — самих чехов, что и обуславливает равнодушие народа к великому художнику: «...чешская масса никогда не хотела полагаться на Россию; она никогда не пыталась связать свои интересы с российскими; она предпочитала выжидать; она никогда не объявляла Россию единственной надеждой славянского народа»⁹¹. В ход идут цитаты из сочинения влиятельного австрийского политика Л. фон Туна, стремившегося доказать Габсбургам лояльность их славянских подданных: «Невозможно представить единение славянских народов под одним скипетром. С того момента, когда один славянский народ атакует славянский же народ, чувство братства перестает связывать эти два народа, которые отныне воспринимают друг друга как иноземцев. Единение всех славянских народов под российским скипетром поведет к гибели двадцати пяти миллионов славян, которые не принадлежат еще к подданным империи»⁹². «И если верно, — торжествующе завершает Мицкевич лекцию 27 декабря 1842 г., — что чехи опасаются России, как это утверждает дипломат Леон фон Тун, то они осознают, что интересы чехов заключаются в углублении тех тенденций, которые свойственны польскому народу»⁹³. Это напоминает идею Пушкина, вывернутую наизнанку.

Впрочем, было бы некорректно упрощать профетические видения поэта-историософа, сводя их к картине солидарного единения славян против России. Мицкевич напоминает, что Коллар в своем славянском раю «помещает Костюшко рядом с Суворовым, объединяя таким образом все славянские наро-

⁸⁷ Пушкин в печати за сто лет: 1837–1937 / Сост. К. П. Богаевская. М., 1938. С. 171.

⁸⁸ *Mickiewicz A. Op. cit. T. 10. C. 52.*

⁸⁹ *Ibid.* С. 55.

⁹⁰ *Ibid.* С. 59.

⁹¹ *Ibid.* С. 60.

⁹² *Ibid.* С. 65–66.

⁹³ *Ibid.* С. 72–73.

ды. Правда, по мысли поэта, они должны были предварительно испить немало воды из Леты, чтобы позабыть взаимные обиды»⁹⁴.

К слову сказать, формула «позабыть взаимные обиды» поразительно напоминает строки Пушкина «...народы, распри позабыв, // В великую семью соединятся». Однако в оригинальном тексте Мицкевича этот фрагмент звучит несколько иначе: «pour oublier les injures qu'ils se sont faites mutuellement», «чтобы позабыть несправедливости, которые они причиняли друг другу», т. е. переключка цитат возникает по воле переводчика из советского собрания сочинений Мицкевича середины 1950-х годов (Ю. Мирская). Что, впрочем, тоже показательно.

Пересказывая «Дочь Славы», Мицкевич как бы интерпретирует идеологему «славянских потоков» и переименовывает ее применительно к собственному мировидению. Ведь, несмотря на «взаимные обиды», славянские народы осознают общность, и два врага — Суворов и Костюшко — по мнению Коллара и Мицкевича, в равной мере достойны восхищения. Вот только единение состоится не на берегах европейских рек, а на берегу Леты. Не в границах Российской империи (как вроде бы утверждает Пушкин в «Клеветникам России»), а в эсхатологическом пространстве, мессианский прорыв в которое и составляет — по Мицкевичу — славянскую национальную идею. Коллар он стремился нейтрализовать Колларом же.

Строкам о Суворове и Костюшко, «взаимных обидах» и т. п. предшествуют рассуждения о польском восстании, о ссыльных поляках в Сибири (с явным педалированием «братства в терпении поляков и русских»⁹⁵), о творчестве В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, да и о самом А. С. Пушкине. То есть лекция о Колларе, по каким бы причинам биографического или иного порядка она ни оказалась на своем месте, так сказать, венчает конструкцию.

Соответственно, не стоит удивляться, что Коллар в одном из добавленных сонетов «Дочери Славы» (V песнь, 6 сонет) мстительно отправил «невзаимника польского»⁹⁶ из Парижа в славянский ад, а Пушкину, наоборот, вознес хвалу от имени Славы, поместив в ад Дантеса (V песнь, 55 сонет). В 1843 г. Коллар напечатал очередное принципиальное сочинение — «Путешествие в Верхнюю Италию», в котором замечания путешественника перемежаются археологическими суждениями и «на основе археологической аргументации конструируется воображаемая территория славянского будущего»⁹⁷. Примечательно, что пропагандист «славянской взаимности» включил в свой текст и тем самым впервые опубликовал (латинскими буквами) стихотворение А. С. Хомякова

⁹⁴ *Мицкевич А.* Собр. соч. Т. 4. С. 386.

⁹⁵ *Piwińska M.* Dzieje kultury polskiej w prelekcjach paryskich // *Mickiewicz A.* Prelekcje paryskie. Wybor. Krakow, 1997. Т. 1. С. 7.

⁹⁶ Буквальный перевод по: *Kollar J.* Slavy dcera / Vyd. J. Jakubec. Praha, 1903. С. 576.

⁹⁷ *Гланц Т.* Изобретение Славии: О роли путешествия для формирования «славянской идеи» // *Inventing Slavia: Сб. материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004).* Prague, 2005. С. 15.

«Орел» (начало 1830-х), которое, запрещенное цензурой, распространялось в списках и, вероятно, попало к Коллару от слависта И. И. Срезневского⁹⁸:

Высоко ты гнездо поставил,
 Славян полунощных орел,
 Широко крылья ты расправил,
 Глубоко в небо ты ушел!
 Лети, но в горнем море света,
 Где силой дышащая грудь
 Разгулом вольности согрета,
 О младших братьях не забудь!
 На степь полуденного края,
 На дальний Запад оглянись:
 Их много там, где гнев Дуная,
 Где Альпы тучей обвилились,
 В ущельях скал, в Карпатах темных,
 В балканских дебрях и лесах,
 В сетях тевтонов вероломных,
 В стальных татарина цепях!..
 И ждут окованные братья,
 Когда же зов услышат твой,
 Когда ты крылья, как объятья,
 Прострешь над слабой их главой...

О, вспомни их, орел полночи!
 Пошли им звонкий твой привет,
 Да их утешит в рабской ночи
 Твоей свободы яркий свет!
 Питай их пищей сил духовных,
 Питай надеждой лучших дней
 И хлад сердец единокровных
 Любовью жаркою согрей!
 Их час придет: окрепнут крылья,
 Младые когти подрастут,
 Вскричат орлы — и цепь насилья
 Железным клювом расклюют!⁹⁹

В этом же сочинении Коллар, шокированный венгерскими симпатиями польских радикалов, снова адресовал им обвинение в «невозможности»: «Причиною вашего несчастья была невозможность славянская: вы охотнее шли с французами, мадьярами и другими иноземцами — и потому вы должны были

⁹⁸ Досталь М. Ю. И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 447.

⁹⁹ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / Вст. ст. Б. Ф. Егорова. Л., 1969. С. 100–101.

придти к падению. Вы не хотите быть разумными всеславянами и поэтому останетесь офранцузившимися псевдославянами»¹⁰⁰.

Итак, и в стихотворении Пушкина, и в лекциях Мицкевича фигурирует идентичная триада славянских народов. У Пушкина: русское стихотворение — о польском восстании — с чешской аллюзией. У Мицкевича: польский текст — о чехе — с русской отсылкой. Мицкевич — в отличие от Пушкина — знал поэму Коллара из первых рук. Но подход обоих поэтов к тексту брата-славянина был сходным: оба воспринимали поэму как носитель идеологемы славянского единства, «славянской взаимности», что и обуславливало напряженное неравнодушие их оценки.

¹⁰⁰ Цит. по: Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.: Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 164.

Глава II.

*Тютчев и «славянская взаимность».
От Польского восстания
до Крымской войны*

Тема «Тютчев и славянские народы», долгие советские десятилетия казавшаяся идеологически сомнительной, снова попала в поле внимания отечественных ученых¹⁰¹. Однако тема далеко не исчерпана: не ограничиваясь контекстом тютчевского творчества, важно рассмотреть ее еще и в специфическом контексте славянского вопроса¹⁰². Здесь мы остановимся на рецепции в творчестве Тютчева модели «славянской взаимности».

1.

На польское восстание 1830–1831 гг. Тютчев откликнулся в стихотворении «Как дочь родную на закланье...» (и, возможно, в стихотворении «Альпы», если справедливо его иносказательное понимание¹⁰³): когда стихотворение «Как дочь родную на закланье...» (датируется 1831) было впервые опубликовано (после смерти поэта, 1879), то издатели добавили симптоматическое заглавие «На взятие Варшавы».

Стихотворение, как известно, апологетическое, однако Тютчев отказывается здесь солидаризироваться с официальным имперским пафосом:

**Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача¹⁰⁴.**

Поэт стремится найти собственные аргументы, доказывающие историческую справедливость действий Петербурга:

**Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!**

¹⁰¹ См., напр.: *Жакова Н. К.* Тютчев и славяне. СПб., 2001.

¹⁰² *Джонг Хи-Сок.* Идея славянского единства в мировоззрении Ф. И. Тютчева // *Славянский вопрос: Вехи истории.* М., 1997. Там же — библиография.

¹⁰³ *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.: Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // *Пушкинский сборник.* Прага, 1929. С. 141–143.

¹⁰⁴ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2002. Т. 1. С. 15.

Грозой спасительной примера
Державы целость соблаусти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать¹⁰⁵.

Поэт оправдывает подавление восстания «родного» славянского народа двумя соображениями: государственным требованием защищать «державу целость», а также исторической миссией Российской империи вести — «на подвиг просвещенья» — всех славян. В том числе — поляков. Население Польши мыслится единым народом, символизируемым польским государственным гербом:

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем¹⁰⁶.

2.

В начале 1840-х Тютчев познакомился с чешской составляющей, определявшей специфику идеологии «славянской взаимности».

Обстоятельства возникновения чешской темы в жизни и творчестве Тютчева хорошо известны. В августе 1841 г. поэт с семьей посетил Прагу, был там радушно принят Вацлавом Ганкой — филологом, поэтом, переводчиком «Слова о полку Игореве», изготовителем фальсифицированных древних текстов¹⁰⁷ — и имел с ним продолжительные беседы.

И. С. Аксаков писал, что «хотя идея панславизма уже бродила тогда между западными славянами, однако же мало была известна немцам, среди которых жил Тютчев. Таким образом то отношение, в которое Тютчев, мыслью и сердцем, стал к славянскому вопросу в 1841 году, было его личным делом...»¹⁰⁸. Современные данные, однако, позволяют утверждать, что встреча была закономерной. Ганка последовательно придерживался русофильской позиции,

¹⁰⁵ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2002. Т. 1. С. 15.

¹⁰⁶ Там же. С. 16.

¹⁰⁷ Новейший свод данных см.: Лантвева Л. П. Краледворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М., 2002.

¹⁰⁸ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 66.

охотно контактировал с русскими литераторами: так, в библиотеке Пушкина имеются книги, присланные ему чешским писателем с уважительными инскриптами на русском языке — «усерднейше подносит Вячеслав Ганка», «в знак высокопочитания сочинитель»¹⁰⁹. Историк славянской филологии И. В. Ягич писал о Ганке: «Но в особенности к русским он пристрастился до того, что в Праге играл роль чичероне для всех русских знаменитостей и незнаменитостей, навещавших проездом в Карлсбад или по другим причинам также Прагу. Эти личные знакомства распространили его славу далеко по славянскому миру, дальше, чем могли бы это сделать одни ученые труды его...»¹¹⁰.

Кроме того, русское правительство, заинтересованное в европейских апологетах России, выказывало Ганке и другим будителям вполне материальное расположение. При этом требовалась политическая деликатность: русофильство западных славян беспокоило Австрийскую империю, и Россия Николая I — в силу союзнических обязательств и принципиальной настороженности по отношению к национальным движениям — также официально сохраняла сдержанность в демонстрации славянских симпатий. Тем не менее, благодаря усилиям министра народного просвещения С. С. Уварова и М. П. Погодина¹¹¹, делалось многое. В частности, М. П. Погодин во время второго (1839) из четырех своих знаменитых «путешествий в славянские земли» исполнил тайное предписание Уварова «доставить Шафарыку и Ганке каждому по пяти тыс. рублей согласно с данными мною вам словесными наставлениями по сему предмету»¹¹².

Кстати, «во время этого путешествия, когда на Погодина была возложена секретная миссия правительства, он встретился впервые с Я. Колларом. После личной встречи между ними завязалась переписка, из которой сохранилось два письма Коллара. Из этих писем, которые, по-видимому, составляют лишь незначительный фрагмент переписки, можно судить о начавшейся материальной поддержке Коллара со стороны России и помощи в публикации его сочинений. Даже после смерти Коллара его вдова Фредерика неоднократно обращалась к М. П. Погодину за материальной поддержкой и, как свидетельствуют письма, ее получала»¹¹³.

Не исключено, что к моменту пражской встречи Тютчев также имел некоторые политические планы: уволенный со службы и лишенный придворного звания, он, будучи озабочен восстановлением своего статуса, составлял планы

¹⁰⁹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 173, 245; об интересе Ганки к Пушкину см.: Францев В. А. Письма к В. Ганке из славянских земель. Варшава, 1905.

¹¹⁰ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 254.

¹¹¹ О планах М. П. Погодина по организации контрпропаганды в Европе см.: Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. С. 100–103.

¹¹² Цит. по: Роккина Г. В. Ян Коллар и Россия: История идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 119.

¹¹³ Там же. С. 121.

по повышению эффективности «пропаганды русских интересов» в Западной Европе¹¹⁴.

Результатом пражского общения стало стихотворение «К Ганке», которое Тютчев вписал в альбом чешскому собеседнику, сопроводив посвящением: «Вам, Милостивый государь, душевно преданный и за радушный прием Вам признательный Ф. Тютчев»¹¹⁵. В том же году стихотворение было опубликовано во II сборнике «Русская беседа».

Стихотворение «К Ганке»¹¹⁶ — в отличие от текстов 1830–1831 гг. — лишено аллегоризма или античных аллюзий, оно прямо открывается призывом к объединению славян:

**Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И простерть друг другу руки —
К нашим кровным и друзьям?..**

Необходимость объединения диктуется тем, что славянские племена, забыв о родстве, погрязли в семейных распрях:

**А случилось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь, —
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь...**

Ослабев в результате этого рокового заблуждения, славянские племена попали под гнет враждебных народов — немцев и турок:

**И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло...
Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил —
Тех обезьязычл немец,
Этих — турок осрамил...**

Надежду на преодоление семейной вражды поэт связывает с деятельностью чешских единомышленников:

**Вот, среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблльй муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах —**

¹¹⁴ *Осват А. Л.* Новонайденный политический меморандум Тютчева: К истории создания // Новое литературное обозрение. 1991. № 1. С. 93; ср. также: *Осват А. Л.* Тютчев и заграничная служба III Отделения // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1994.

¹¹⁵ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 1. С. 474–475.

¹¹⁶ Там же. С. 188–189.

Тютчев не назвал «мужа» по имени: согласно жанровой логике, им должен быть адресат стихотворения. Впрочем, Ф. Вымазал в изданной по-чешски книге «Русская поэзия» (1873) расшифровал намек иначе: «Иосиф Добровский, основатель славистики»¹¹⁷. Действительно, славянские будители высоко ценили Добровского: Коллар посвятил ему сонет-некролог (песнь II, сонет 132), Ганка был верным учеником Добровского и хранил его архив, Погодин питал к слависту уважение. Гипотеза может подтверждаться и звуковой символикой текста: *«Добровский»/«доблий»*.

В любом случае — усилиями единомышленников «на пражских высотах» — славяне вспоминают о кровном родстве:

**О, какими вдруг лучами
Озарились все края!..
Обличилась перед нами
Вся Славянская Земля!..**

«Славянская Земля», которую населяют пока разрозненные народы, занимает грандиозную территорию:

**Горы, степи и поморья
День чудесный облистал, —
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал...
Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой Золотоглавой
Вышеград заговорил...**

Как итог преодоления племенных и языковых различий образуются радужные перспективы грядущего национального воссоединения:

**И родного Слова звуки
Вновь понятны стали нам...
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам...**

По замечанию Н.К. Жаковой, Тютчев выразил в стихотворении «владевшие им славянские чувствования в словах, во многом созвучных колларовским. Это дает основание полагать, что имя Коллара и его идеи славянской взаимности затрагивались в беседах с Ганкой. Вполне вероятно также, что Тютчев мог слышать о Колларе и раньше. Незадолго до этого в русской печати дважды был опубликован трактат Коллара «О литературной взаимности между славянскими племенами и наречиями»: в 1838 г. в «Московских ведомостях» и в 1841 г. в «Отечественных записках»¹¹⁸.

¹¹⁷ Цит. по: Жакова Н.К. Указ. соч. С. 33.

¹¹⁸ Там же. С. 5–6.

Исправив библиографическое указание (трактат по-русски был издан один раз — в журнале «Отечественные записки» за 1840 г., перевод М. П. Погодина и Ю. Ф. Самарина¹¹⁹), целесообразно уточнить, в чем именно заключалось «созвучие» тютчевского стихотворения колларовским «словом». Это: 1) сетования на славянские убоицы («Дочь Славы», песнь II, сонет 141); 2) тема уничтоженных славянских народов, которая связана с центральным образом колларовской поэмы — лужичанкой Миной, представительницей полностью онемеченного народа, а также с образами славян, принуждаемых к отказу от родного языка; 3) перечисление топонимов, знаменующих необъятность «всей Славянской Земли» — Всеславии (песнь II, сонет 139), что важно как для трактата «О литературной взаимности», так и для многих сонетов; 4) мотив обретения «родного Слова», который напоминает призыв колларовского трактата к сближению четырех основных славянских племен (чехи, русские, поляки, иллирийцы) посредством взаимообогащения языков.

Занимательно также, что мюнхенский эллинист Я. Ф. Фальмерайер, чьими сочинениями Тютчев интересовался и которого рассчитывал привлечь к тайной службе на российское правительство¹²⁰, упоминается Колларом (14 параграф трактата) в качестве автора прогноза, сулившего славянам — вслед за латинским и германскими народами — духовное доминирование в человечестве.

Как отмечалось выше, востребованность идеологии «славянской взаимности» в русской литературе определялась не только позитивным — «славянофильским» — моментом, но и, так сказать, негативным — реакцией на польский вопрос. Тютчевское стихотворение встраивается в эту парадигму, в частности благодаря вероятной аллюзии на стихотворение А. С. Хомякова «Киев» (1839 г.; напечатано в «Москвитянине», 1841 г., № 5 — цензурное разрешение 7 апреля)¹²¹. Сходство здесь не сводится к использованию четырехстопного хорей: «размер-удачник» (по выражению М. Л. Гаспарова) был в то время весьма распространен и характеризовался разнообразием семантического ореола¹²², — Тютчев очевидно подхватывает идеи единомышленника.

По Хомякову, только Киев — древняя столица Руси — способен, в отличие от Москвы и тем более Петербурга, вернуть опоячленные и затем отошедшие к Австрии народы Волины и Галиции:

**Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моленья и любви¹²³.**

¹¹⁹ Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. С. 188–191.

¹²⁰ Осоват А. Л. Тютчев и заграничная служба III Отделения. С. 124–125.

¹²¹ О близости высказываний Тютчева и Хомякова см.: Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. С. 67–77.

¹²² Гаспаров М. Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999. С. 192–216.

¹²³ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / Вст. ст. Б. Ф. Егорова. Л., 1969. С. 114.

Выбор Хомяковым Киева созвучен настроениям эпохи. После учреждения Киевского университета св. Владимира, предназначенного для сглаживания польско-русской вражды, на языке официальной доктрины С. С. Уварова «Киев почитался как оплот православия, так же как Петербург был средоточием самодержавия, а Москва — народности»¹²⁴.

Тютчев еще более заостряет хомяковскую мысль, что, вероятно, связано и с его прежним трагическим восприятием польского восстания («Как дочь родную на закланье...»), и с пафосом «славянской взаимности». Он выстраивает четырехчленный ряд: *Варшава – Киев – Москва – Прага (Вышеград)*, который целесообразно разделить на две пары. В паре *Варшава/Киев* древняя столица Руси важна в качестве центра, сохранившего — вопреки многовековым конфликтам — притягательность для польского народа. Ср. в позднейшем (1850) стихотворении¹²⁵:

**Тогда лишь в полном торжестве,
В славянской мировой громаде,
Строй вождесленный водворится, —
Как с Русью Польша помирится, —
А помирятся эти ж две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...**

Пара же *Москва/Прага* представляет пример гармоничного единомыслия восточных и западных славян: «Мы начали с Праги, мне еще не знакомой, которую я осмотрел с величайшим интересом, — писал Тютчев родителям во время пребывания в Праге. — Это великолепный город, в некоторых отношениях напоминающий Москву»¹²⁶.

Сопоставив тютчевское четверостишие с аналогичным топонимическим рядом из «Дочери Славы», нетрудно убедиться, что если Коллара занимает величественность пределов Всеславии («от казаков к Дубровнику, // от Балатона к Балту, Азову, // от Праги к Москве, Киеву, // от Камчатки аж к Японии» — песнь II, сонет 139), то Тютчева — сложные отношения поляков, русских и чехов.

Потому информация о парижских лекциях Мицкевича застала русского поэта подготовленным.

Русские интеллектуалы, очевидно, ожидали от политического эмигранта жесткой, однозначной критики, но его рафинированные славянофильские концепции первоначально воспринимались как шаг к национальному примирению. Тютчев, познакомившись с фрагментами чтений, составил о них самое

¹²⁴ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 221.

¹²⁵ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 2. С. 17.

¹²⁶ Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: Кн. 1: 1803–1844/Научн. руководитель Т. Г. Динесман. Мураново, 1999. С. 242; ср. *Рогов К. Ю.* Вариации «Московского текста»: к истории отношений Ф. И. Тютчева и М. П. Погодина // Тютчевский сборник. Тарту, 1999. Вып. II. С. 85–92.

благоприятное представление. В сентябре 1842 г. он отправил Мицкевичу по парижскому адресу стихотворение, озаглавленное «От русского, по прочтению отрывков из лекции г-на Мицкевича» и подписанное «Ф. Тчв.»¹²⁷:

Небесный Царь, благослови
 Твои благие начинанья —
 Муж несомненного призванья,
 Муж примиряющей любви...
 Недаром ветхие одежды
 Ты бодро с плеч своих соваек.
 Бог победил — прозрели вежды.
 Ты был Поэт — ты стал Пророк...
 Мы чуем приближенье Света —
 И вдохновенный твой Глагол,
 Как вестник Нового Завета,
 Весь Мир Славянский обошел...

Пророческое изображение польского поэта близко постоянно декларируемой Мицкевичем вере в пророческих мужей «откровения», которым дано вербализовать миссию славянского народа. В остальном послание парижскому изгнаннику аранжирует преимущественно идеи чешских будителей: совокупление славянских племен в один народ — не административно, но духовно — это, безусловно, пафос Коллара.

Мы чуем Свет — уж близко Время —
 Последний сокрушен оплот, —
 Воспрянь, разрозненное племя,
 Совокупись в один Народ —
 Воспрянь — не Польша, не Россия —
 Воспрянь, Славянская Семья! —
 И отряхнувши сон, впервые —
 Промолви слово: «Это я!» —
 Ты ж, сверхъестественно умевший
 В себе вражду уврачевать, —
 Да над душою просветлевшей
 Почнет Божья Благодать!

Хотя Ганка — дружественный чех, а Мицкевич — представитель враждебной Польши, оба стихотворения принадлежат к жанру высокого послания и оба построены как прославление глашатаев славянской солидарности, благодаря усилиям которых разрозненные, враждующие племена вспоминают о национальном единстве. Тем самым реализуется политическая версия основного сюжета Тютчева, как его понимает Ю. И. Левин: «“Субъект” политических стихов — Россия и Славянство — должен выдержать борьбу с силами зла, как внешними (Запад, а также мусульманский Восток), так и коренящимися

¹²⁷ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 1. С. 191.

в нем самом (силы разделения), неизбежно победить и достичь вожделенного единства»¹²⁸.

Впрочем, во втором случае — при всем сходстве — коммуникативный итог получился разительно другим: Мицкевич «мог установить, кто был его таинственный мюнхенский корреспондент, но, по-видимому, не отвечал ему»¹²⁹, Тютчев же — по цензурным или идеологическим соображениям — не отдал послание в печать.

Послания Ганке и Мицкевичу реализуют модель «славянской взаимности», которая уже сформировалась в русской литературе: идеологически-художественно — это обыгрывание топосов, восходящих к Коллару и другим будителям, политически — использование чешского аргумента в польском вопросе.

Характерно, что М.П. Погодин, по собственным воспоминаниям, восхищался славянской компетентностью Тютчева середины 1840-х гг.: «В Германии прожил он лет двадцать сряду. Воротясь в отечество, поселился в Петербурге. Услышав его в первый раз, после всех странствий, заговорившего о славянском вопросе, я не верил ушам своим; я заслушался его, хоть этот вопрос давно уже сделался предметом моих занятий и коротко был мне знаком»¹³⁰. К.Ю. Рогов проницательно связывал этот общий мемуарный пассаж именно с пражским эпизодом — со «славянским вопросом», об обоюдном интересе к которому собеседники, весьма вероятно, были предуведомлены В. Ганкой»¹³¹.

3.

Кризисный период конца 1840-х – первой половины 1850-х гг. (европейские революции, Крымская война) ознаменовался циклом стихотворений Тютчева («Русская география», «Рассвет», «Пророчество» и др.), где славянский вопрос решался при помощи топики, далекой от модели «славянской взаимности»: апелляция к библейскому пророку Даниилу, метафизика византийской преемственности, утопия православной империи¹³².

Равным образом, идеология «славянской взаимности» была существенно деформирована во франкоязычной публицистике Тютчева того времени. Писатель адресовался к западноевропейской интеллектуальной элите и осве-

¹²⁸ Левин Ю.И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. Таллинн, 1990. С. 194.

¹²⁹ Тютчев Ф.И. <Адаму Мицкевичу> / Публ. Кс. Костенич // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 175.

¹³⁰ Погодин М.П. Воспоминание о Ф.И. Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М., 1989. С. 24–25.

¹³¹ Рогов К.Ю. Указ. соч. С. 81.

¹³² Ср. Симицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 16–21; Основат А.Л. Элементы политической мифологии Тютчева: Комментарий к статье 1844 // Тютчевский сборник. Тарту, 1999. Вып. II. С.240–244.

щал славянский вопрос с позиций своего трехсоставного идеала: *российская империя/православие/славянская раса*. Отсюда — иные приоритеты и иные «славянские» аргументы.

Анализируя отношения России и Австрийской империи (шире — Германского мира), Тютчев писал в статье «Россия и революция» (1848): «Как-то забыли, что в самом сердце мечтающей об объединении Германии, в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец, одним словом, всегда остается *Немцем*... Разумеется, здесь идет речь не о литературном патриотизме нескольких пражских ученых, сколь почтенным бы он ни был; эти люди, несомненно, уже сослужили великую службу своей стране и еще послужат ей; но жизнь Богемии состоит в другом. Подлинная жизнь народа никогда не проявляется в напечатанных для него книгах, за исключением, пожалуй, германского (заменяем «немецкого» на «германского», что отвечает особому использованию русского слова «немец» в статье Тютчева. — Л. К., М. О.) народа; она состоит в его инстинктах и верованиях, а книги (нельзя не признаться) способны скорее раздражать и ослаблять их, чем оживлять и поддерживать. Все, что еще сохраняется от истинно национального существования Богемии, заключено в ее *гуситских* верованиях, в постоянно живом протесте угнетенной славянской народности против захватов римской Церкви, а также против германского («немецкое» заменено на «германское». — Л. К., М. О.) господства. Здесь-то и коренится связь, соединяющая ее со всем ее славным боевым прошлым, находится звено, которое свяжет однажды *чеха* из Богемии с его восточными собратьями. Нельзя переусердствовать в настойчивом внимании к этому предмету, поскольку именно в сочувственных воспоминаниях о Восточной Церкви, в возвращениях к *старой вере* (гуситство в свое время служило лишь несовершенным и искаженным ее выражением) и сказывается глубокое различие между Польшею и Богемией: между Богемией, против собственной воли покоряющейся западному церковному общению (восстанавливаем здесь аксаковский перевод французского слова «communaute» — не «сообщество», а «церковное общение» — как более адекватное контексту статьи. — Л. К., М. О.), и мятежно католической Польшей — фанатичной приспешницей Запада и всегдашней предательницей своих»¹³³.

Повторяя характерные для «славянской взаимности» оппозиции *западных славян/«немцев»* (слово «немец» написано по-русски) и *чехов/поляков*, Тютчев, однако, в новой ситуации упрекает чешских будителей в «книжной» разобщенности с собственным народом (что совпадает с позицией Мицкевича) и — самое главное — отстаивает тезис о конфессиональном родстве чехов с русскими, подразумевая православное толкование деятельности Яна Гуса и гуситов.

¹³³ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 3. С. 152–153.

Это совершенно не соответствует традиции «славянской взаимности». Так, Ян Коллар создал впечатляющий образ Рейна, в воды которого после казни бросили прах Яна Гуса (песнь II, сонет 90). Поэт даже прямо называл себя «Гусом, с той только разницей, // что меня немцы десять лет пекут» (песнь III, сонет 119). Одновременно Коллар свободно допускал формулировку: «Мы дали уграм Зриньи, // немцам — Гуса, итальянцам — Коперника» (песнь III, сонет 54). Хорват Никола Зриньи, служивший Габсбургам, в 1566 г. героически погиб при осаде турками венгерской крепости Сигетвар, Коперник выступил в качестве предшественника научных открытий итальянца Галилея, а Гуса сам Лютер считал предтечей немецкого дела Реформации.

По Коллару, Гус — великий славянин, но его проповедь никак не имеет характера национальной исключительности и не связана с православием. По Тютчеву, Гус — символ борьбы с католицизмом и неизменного тяготения чешского народа к «старой вере», православию.

Подобная интерпретация гуситства спорна с исторической точки зрения¹³⁴. Напоминает она позицию публицистов консервативного журнала «Маяк», восходящую к суждениям А. Ф. Вельтмана¹³⁵, которая сближалась с воззрениями Тютчева как в «гуситских» нюансах, так и в общем «культурологическом» пафосе противопоставления России и Запада (ср. интерес Тютчева к сочинениям Ю. И. Венелина, которому «Маяк» симпатизировал¹³⁶).

Тютчев задавался и вопросом об отделении от Вены, который будители не отваживались рассматривать (по крайней мере, публично). Коллар прямо декларировал в своем трактате, что «взаимность не состоит в политическом объединении всех Славян; в каких-либо демагогических происках или революционных возмущениях против правительств и государей, откуда исстекает только замешательство и несчастье»¹³⁷. Русский автор же апеллирует к собственному опыту, основываясь на общении с Ганкой: «Чтобы понять, к какому государству Богемия будет вынуждена примкнуть, несмотря на господствующие в ней сегодня идеи и на те учреждения, которые станут управлять ею завтра, остается лишь вспомнить слова, сказанные мне в 1841 году в Праге самым национально мыслящим патриотом этой страны. «Богемия, — говорил мне Ганка, — будет свободной и независимой, достигнет подлинной самостоятельности лишь тогда, когда Россия вновь завладеет Галицией»¹³⁸.

Ответ — для Австрии прямо пугающий: оказывается, Богемия мечтает о независимости, да к тому же эта независимость будет обусловлена присоеди-

¹³⁴ Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 246–247.

¹³⁵ Досталь М. Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (По материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 48–49, 86–89.

¹³⁶ Там же. С. 288–289.

¹³⁷ Коллар И. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. № 1/2. Отд. II. С. 3.

¹³⁸ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 3. С. 153–154.

нением Россией восточнославянских земель, после раздела Польши вошедших в состав империи Габсбургов (ср. стихотворение Хомякова «Киев»).

Как известно, тютчевские статьи соотносятся с его незаконченным французским трактатом «Россия и Германия», где — опять же в связи с темой Австрии — встречаются сходные положения.

Основной тезис напоминает мысли, высказанные в статье «Россия и революция», но сформулирован более жестко, без дипломатической осторожности: «Вопрос для австрийских славян сводится к следующему: либо остаться славянами, сделавшись русскими, либо сделаться немцами, оставаясь австрийцами»¹³⁹. Это, кстати, почти дословная цитата из рассуждений университетского профессора Ф.Л. Морошкина, изложенных в «Маяке» (1842): «Судьба на выбор славянам отдала одно из двух, быть русскими, или быть славянами Европы, т. е. подвластными чужеземникам; третье невозможно»¹⁴⁰.

В трактате присутствует скрытая полемика с Франтишекком Палацким. Будитель, историк, публицист, приятель Коллара и Ганки, Палацкий во время революции 1848 г., актуализировавшей идеи венгерской независимости и пангерманизма — воссоединения Австрии и германских государств, видел спасение западных славян в доктрине австрославизма, согласно которой права чехов и др. народов будут надежно обеспечены только в империи Габсбургов. Отсюда — знаменитый афоризм: «Если б Австрии не было, ее следовало бы выдумать»¹⁴¹. По Тютчеву, однако, расчеты будителей неверны: «Существование Австрии не имеет более смысла. Было сказано: «Если б Австрии не было, ее следовало бы выдумать», — но зачем? Чтобы сделать из нее оружие против России...»¹⁴².

Потому Тютчев, как и в статье, призывал различать деятелей чешского Возрождения — «литературных панславистов», по причине своей книжности почти неотличимых от немецких ученых, и простых людей, которыми движет ненависть к «немцу» (слово «немец» опять написано по-русски): «Литературные панслависты — это немецкие идеологи — точно такие же, как и все прочие. — Истинный панславизм — в массах, он проявляется в общении русского солдата с первым встретившимся ему славянским крестьянином, словаком, сербом, болгаринном и т. п., даже мадяром... Все они солидарны между собой по отношению к немцу»¹⁴³.

¹³⁹ Тютчев Ф.И. Россия и Германия // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 221.

¹⁴⁰ Цит. по: Досталь М. Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. С. 53.

¹⁴¹ Пятин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002. С. 127.

¹⁴² Тютчев Ф.И. Россия и Германия. С. 221.

¹⁴³ Там же.

Наконец, практическое приложение основного тезиса — проблема освобождения западных славян от австрийской власти: «Панславизм вот еще в чем: никакая политическая национальность невозможна для славян вне России»¹⁴⁴.

Что касается Польши, то Тютчев — кроме прямых выпадов в адрес ее «мятежного» духа — возможно, полемически отталкивался от парижских лекций Мицкевича. Эта научная проблема заслуживает специального исследования, но в порядке предварительных замечаний правомерно констатировать удивительное сходство (с предсказуемым обратным знаком) формул Мицкевича и Тютчева.

<i>А. Мицкевич</i>	<i>Ф. И. Тютчев</i>
Франция — место выражения свободной славянской мысли.	Франция — воплощение идеи Революции, губительной для мирового порядка.
Россия — идея материальной силы, явленная в настоящем.	Россия — идея спасительной для мира Империи, которая откроется в будущем.
Польша — идея жертвенного спасения, явленная в будущем.	Польша — воплощение предательства славянских интересов, явленное в прошлом.
Вселенская церковь — католицизм.	Вселенская церковь — православие.
Россия — ложная империя, основанная на идее силы.	Россия — истинная империя, основанная на православии.
Наполеон — истинный император.	Наполеон — лжемесия.
Прообраз мессии, который объединит славян, — Наполеон.	Прообраз мессии, который объединит славян, — русский царь.

Прямых доказательств знакомства Тютчева с полным текстом лекций, насколько известно, нет, однако симптоматично, с каким вниманием в 1844 г. эти лекции изучал А. И. Герцен (судя по записям в дневнике от 12 февраля): «Мицкевич — славянофил, вроде Хомякова и С-пе, со всею той разницей, которую ему дает то, что он поляк, а не москаль, что он живет в Европе, а не в Москве, что он толкует не об одной Руси, но о чехах, иллирийцах и пр., и пр. Нет никакого сомнения, в славянстве есть истинная и прекрасная сторона; эта прекрасная сторона верования в будущее всего прекраснее у поляка, — у поляков, бежавших от ужасов и казней и носящих с собою свою родину. Но с этим прекрасным характером надежды у славян всегда является какое-то самодоволь-

¹⁴⁴ *Основат А.Л.* К источникам незавершенного трактата Тютчева «Россия и Запад»: Неопубликованное письмо А.Н. Попову // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. Таллинн, 1990. С. 222.

ство...»¹⁴⁵. И далее (запись от 17 марта 1844): «Дочитал Мицкевича лекции. Много прекрасного, много пророческого, но он далек от отгадки; напротив, грустно видеть, на чем он основывает надежду Польши и славянского мира. В его надежде, если ее принять за надежду всех поляков, полный приговор Польше. Нет, не католицизм спасет славянский мир и воззовет его к жизни, и (истина заставляет признаться) не поляк поймет будущность. (...) Он далек от ненависти к России — напротив, он хвалит ее, — но не понимает, до того не понимает, что иной раз лучшие ее стороны его приводят в отчаяние...»¹⁴⁶.

Показательно, что И. С. Гагарин — вначале хороший знакомый Тютчева, затем его католический оппонент — в 1850 г. увидел в статье «Папство и римский вопрос» «*ce cri de joie tartar*», «радостный крик варвара»¹⁴⁷. Автор публикации расширительно переводит французское слово «*tartar*» как «варвар», но при буквальном переводе — «татарский» — это заставляет вспомнить об эффектном образе Мицкевича, который считал мистическим источником власти Романовых «крик», перенятый русскими государями от татарских завоевателей («*le cri des Tartares*»): «Великие князья московские, долгое время пребывавшие в монгольском рабстве, преуспели в постижении тайны силы их хозяев, они усвоили монгольскую ноту (*la note mongole*). Они в свою очередь испускали этот *balla* и в свою очередь заставляли трепетать московское княжество и пограничные области»¹⁴⁸.

Суммируя сказанное, необходимо отметить, что европейский кризис лимитировал значение модели «славянской взаимности», обусловив интерес Тютчева к идеологическим моделям православной империи и конфессионально-государственного воссоединения славянских племен, чуждым чешским будителям.

¹⁴⁵ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 2. С. 333–334.

¹⁴⁶ Там же. С. 342–343.

¹⁴⁷ Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 240.

¹⁴⁸ *Mickiewicz A. Cours de litterature slave // Mickiewicz A. Pisma. T. 7–11. Paris, 1860. T. 10. С. 359.*

Глава III.

*Роман Тургенева «Накануне»
и «славянская взаимность».
«Болгарский» след Крымской войны*

Дмитрий Никанорович Инсаров — протагонист романа И. С. Тургенева «Накануне» (1860). Инсаров завоевывает руку и сердце русской красавицы Елены Стаховой, легко одолевает русских соперников — достойных (Шубин, Берсенов) и недостойных (Курнатовский), потому что он — «иной». По словам Н. А. Добролюбова, «г. Тургенев, столь хорошо изучивший лучшую часть нашего общества, не нашел возможности сделать его *нашим*»¹⁴⁹. Инсаров — «иной»: разночинец, любовник, волевой человек и, наконец, «болгар».

1.

Читатель узнает (из *vorgeschichte*), что родители Инсарова в 1835 г. погибли на родине, «Инсарову в то время пошел восьмой год. Он остался на руках у соседней. Сестра узнала об участии братниного семейства и пожелала иметь племянника у себя. Его доставили в Одессу, а оттуда в Киев»¹⁵⁰. Тургенев аккуратен в датах и деталях: в Киеве и Одессе — особенно после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. — образовывались и расширялись болгарские колонии.

Само действие романа разворачивается в 1853 г. Инсаров живет в России, учится «и русской истории, и праву, и политической экономии, переводил болгарские песни и летописи, собирал материалы о восточном вопросе, составлял русскую грамматику для болгар, болгарскую для русских»¹⁵¹.

Инсаров — знаток родной истории. Легкомысленный Шубин — один из неудачливых соперников Инсарова — «пил здоровье непонятного, но великого Венелина, здоровье болгарского короля Крума, Хрума или Хрома, жившего чуть не в Адамовы времена.

В девятом столетии, — поправил его Инсаров.

В девятом столетии? — воскликнул Шубин. — О, какое счастье!»¹⁵²

¹⁴⁹ Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1961–1964. Т. 6. С. 122–123.

¹⁵⁰ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1960–1968. Т. 8. С. 51.

¹⁵¹ Там же. С. 54–55.

¹⁵² Там же. С. 57.

Русин Юрий Иванович Венелин (1802–1839) — знаковая фигура. В 1829 г. он издал монографию «Древние и нынешние болгаре», в которой сочетались энциклопедические познания, скандальные гипотезы (Атилла — «Русский Царь») и славянский патриотический пафос. Было известно, что эта книга, несмотря на скептическое отношение профессионалов¹⁵³, «вызвала у болгар большую симпатию. В знак глубокой признательности Ю. И. Венелину за то, что он сделал для их народа в области истории, фольклористики и языковедения, балканские беженцы сложили ему при жизни оду, а после смерти — поставили памятник на могиле в Даниловском монастыре с трогательным посвящением...»¹⁵⁴.

С событийной, сюжетной точки зрения, заголовок «Накануне» значит «накануне Крымской войны», и ближе к финалу война начинается: «Между тем гроза, собиравшаяся на Востоке, разразилась: Турция объявила России войну; срок, назначенный для очищения княжеств, уже минул; уже недалек был день Синопского погрома»¹⁵⁵. «Болгар» Инсаров надеется, что в условиях войны славянской России с Турцией он сможет делом послужить освобождению Болгарии: «Последние письма, полученные Инсаровым, неотступно звали его на родину»¹⁵⁶. Весной 1854 г. Инсаров с женой Еленой оказывается в австрийской Италии, в Венеции. Он рассчитывает пробраться «в Сербию, в Болгарию». Ситуация — подходящая: «Война уже кипела на Дунае; Англия и Франция объявили России войну, все славянские земли волновались и готовились к восстанию»¹⁵⁷. Однако на Западе Инсаров — как и Рудин во Франции — неожиданно умирает (туберкулез), а Елена, которая «выучилась по-болгарски и по-сербски»¹⁵⁸, пропадает без вести, отплыв с его телом в направлении родины любимого.

Специфика тургеневского письма заключалась в том, что, создавая персонажей, он отталкивался от действительных прототипов и вообще стремился соблюдать точность в передаче реалий. Тургенев «составлял предварительный список действующих лиц, писал им «формуляры», с кратким указанием их биографии, возраста, характера, внешности и т. п. При этом он прибегал к весьма характерному в таких случаях методу «прототипов», т. е. называл действующих лиц собственными именами живых лиц...»¹⁵⁹.

Подобно другим тургеневским героям, Инсаров также восходит к «прототипу» — болгарину Н. Д. Катранову¹⁶⁰, о котором известно, что он учился

¹⁵³ См.: Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 450–456.

¹⁵⁴ Тулаев П. Возвращение Юрия Венелина // Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Репринт с издания 1841 г. М., 2004. С. 9.

¹⁵⁵ Тургенев И. С. Накануне. С. 136.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. С. 149.

¹⁵⁸ Там же. С. 165.

¹⁵⁹ Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М., 1959. С. 96; списки действующих лиц, авторские планы, конспекты «Накануне» см.: Тургенев И. С. Накануне. С. 407–411.

¹⁶⁰ См.: Клишаров И. Г. Инсаров. Николай Д. Катранов. София, 1938.

в Московском университете и занимался народной болгарской поэзией. Однако, судя по тексту романа, Тургенев не смог почерпнуть в личности Катранова достаточно материала, а других болгар со сходной судьбой не знал. Это отметил современник Добролюбов: «...мудрено было ему (Инсарову. — Л. К., М. О.) высказаться вполне с своей идеей, живя в Москве и ничего не делая...»¹⁶¹. С Добролюбовым согласен его антагонист А.А. Григорьев: «Никаких местных болгарских черт ни в нем самом, ни в его обстановке... Постоянно, вместо того, чтобы показать нам Инсарова *делающим*, Тургенев показывает его *рассказывающим*...»¹⁶². Это же обстоятельство позднее вызвало размышления Л.В. Пумпянского: «...почему именно болгарин? Тут мы нуждаемся в обстоятельном исследовании всей не политической, но общественно-идеологической стороны истории балканского вопроса в середине XIX в. в России; нужна история взглядов и славянофильской и либерально-западнической части дворянской интеллигенции на восточный вопрос и на балканские народности; история русско-болгарских культурных отношений и пр. Тургенев в вопросах хронологической, топографической и политической обстановки действия своих романов не писал ни одной строчки без сознательного и точного замысла. Национальность Инсарова (равно как и хронология романа: 1853–1854) выбрана им, вероятно, совершенно обдуманно, быть может в результате глубокого знания особенностей культурной истории дворянства за годы Восточной войны»¹⁶³.

Крымская (Восточная) война — в отличие от позднейшей турецкой войны 1877–1878 гг. — не вызвала в России столь горячей симпатии к освобождению Болгарии и не способствовала распространению в обществе знаний о братском народе. Тургенев, в частности, был уязвлен суждением светской знакомой, которая обвиняла роман «Накануне» в «фальшивости» на том основании, что невозможно «допустить увлечения болгарской идеей на Руси и особенно в женском сердце»¹⁶⁴. И П.В. Анненков, который в этой полемике поддержал Тургенева, в мемуарах апеллировал к событиям не настоящего или прошлого, но будущего: «Повесть, однако же, дождалась своего завтра — через 17 лет, когда в самой Болгарии русская кровь лилась ручьями за спасение этой несчастной земли»¹⁶⁵.

Правительство Николая I, верное преданиям Священного Союза и антиреволюционному политическому курсу, не могло вполне сочувствовать призывам к восстанию даже болгар или сербов, родственных по славянской крови и вере. Никакой пропаганды в подобном духе не велось, и в момент приближения войны «славянская» карта не разыгрывалась. Правда, в 1854 г. — когда обна-

¹⁶¹ Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? С. 123.

¹⁶² Григорьев А. А. Искусство и нравственность // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 270.

¹⁶³ Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 394.

¹⁶⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 407.

¹⁶⁵ Там же. С. 406.

ружилась враждебность к России Франции и Англии, их готовность вступить в войну на стороне Турции — император решил вспомнить о южных славянах. В начале ноября 1854 г. он направил конфиденциальную записку ветерану дипломатии канцлеру К. В. Нессельроде: «...признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов Европы, подпавших несколько веков тому назад оттоманскому игу. Принимая на себя почин этого святого дела, мы взываем ко всем христианским нациям присоединиться к нам для достижения такой священной цели»¹⁶⁶. Примечательно, что неожиданный поворот в воззрениях Николая I связывают с идеологическим воздействием славянофила М. П. Погодина¹⁶⁷. Однако — кроме «экспертов»-славянофилов — ни российское общество, ни бюрократы-дипломаты не были готовы мыслить в новых категориях: обыкновенно исполнительный Нессельроде сделал все возможное, чтобы блокировать идею государя. И преуспел — проект призыва к славянским народам не был реализован.

Подобная сдержанность российской дипломатии (кроме идейного наследия Священного Союза) определялась традиционной установкой на союз с Австрией, которую агитация за освобождение славянских народов совершенно не устраивала. Австрия имела собственных славянских подданных и основательно опасалась эффекта «перманентного» освободительного движения (в ряде национальных областей военное положение, введенное после революционных событий 1848–1849 гг., сохранялось до 1854). Правительство Николая I, играя на национальных фобиях союзника, пыталось убедить Австрию занять решительную прорусскую позицию. Император в декабре 1853 г. писал венценосному «доброму, дорогому другу» Францу-Иосифу: «...мы вновь сражаемся против революции, которая овладела так называемым Восточным вопросом, чтобы эксплуатировать его в своих видах; этого не желают признать ни Англия, ни Франция, если они не в согласии с ней. Дело, впрочем, совершенно ясно, и мы найдем в рядах турецких войск наших старинных знакомых — поляков и венгров. Таким образом, это дело наше общее; оно так же твое, как и мое, и ты не можешь этого не признать»¹⁶⁸. Дипломатический маневр не удался. В Австрии оказались первостепенными другие аспекты создавшейся ситуации: «забота об итальянских владениях», которые в случае союза с Россией — по причине «перманентной» национальной революции и при поддержке Франции, которая вмешалась бы в итальянские дела на стороне противников Вены, — могли быть потеряны, а также «непосредственное соседство славянских провинций Габсбургской монархии с единоплеменными и единоверными им областями Оттоманской империи»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. СПб., 2002. Т. 2. Ч. 1, С. 560.

¹⁶⁷ Там же. С. 564. О «славянских» текстах Погодина см. также: Пьтин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913. С. 86–94, 98–104.

¹⁶⁸ Там же. С. 497.

¹⁶⁹ Там же. С. 507.

Тургенев фиксирует враждебный нейтралитет австрийских властей к России и славянскому вопросу. Один знакомый (правда, малосимпатичный), навестив Инсаровых в Венеции, сетует: «Во мне самом славянская кровь так и кипит! Однако я советую вам быть осторожнее; я уверен, что за вами наблюдают. Шпионство здесь ужасное! Вчера подходит ко мне какой-то подозрительный человек и спрашивает: русский ли я? Я ему сказал, что я датчанин...»¹⁷⁰

2.

В поисках конкретизации образа протагониста Тургенев, по-видимому, решился выйти за рамки традиции Болгарского Возрождения. Как уже указывалось, в романе Инсаров «составлял русскую грамматику для болгар, болгарскую для русских». Эта филологическая акция — важный компонент идеологического проекта, который Инсаров уточняет в экзальтированной беседе с Еленой: «Русскому стыдно не знать по-болгарски. Русский должен знать все славянские наречия»¹⁷¹.

Такого рода идеи Инсарова, очевидно, восходят не к Болгарскому Возрождению, а к знаменитой концепции «славянской взаимности» Коллара. В 1840 г. его трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» был опубликован (в русском переводе Ю.Ф. Самарина и М.П. Погодина) в журнале А.А. Краевского «Отечественные записки», с которым Тургенев как раз в первой половине 1840-х гг. был тесно связан. Коллар мечтал не о политической, но духовной взаимности славянских народов. В том числе он «устанавливает три ступени образованности, ведущие к взаимности. На первой ступени образованный славянин, «невысокоученый», должен знать четыре главных наречия, на которых пишутся и печатаются славянские произведения: русский, иллирийский, польский и чехословацкий. (...) На второй ступени «ученейший и образованнейший» славянин должен познакомиться и с «меньшими наречиями», или поднаречиями — «малороссийским, кроатским, виндским, болгарским, лузацким». Славянин третьей ступени, к которой Коллар относит ученых, филологов и историков, должен знать все славянские наречия без исключения, в том числе и мертвые языки, в первую очередь церковнославянский»¹⁷².

Обращение Тургенева — в стремлении изобразить болгарина-патриота — к трактату чешско-словацкого автора вполне понятно: к середине XIX в. славянская идеология была ясно и рафинированно сформулирована именно в сочинениях Коллара и др. будителей. В результате идеологическая программа Инсарова соединяет две «славянские» традиции, отмеченные ло-

¹⁷⁰ Тургенев И. С. Накануне. С. 159.

¹⁷¹ Там же. С. 67.

¹⁷² Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 65–66.

яльным отношением к России (в отличие, например, от польской): собственно (1) Болгарское Возрождение (собрание народных песен) и (2) Чешское («взаимные» грамматики, изучение славянских наречий).

Но Инсаров — деятель, заговорщик, повстанец. Духовная, мирная модель «славянской взаимности» (Коллар не планировал восстаний и манифестировал приверженность к культурным формам национального освобождения) ничем не могла способствовать Тургеневу в создании образа воина, и писатель, похоже, нашел новый «славянский» источник — (3) история южных славян (ср. размышления Николая I о том, «что наступило время восстановить независимость христианских народов Европы, подпавших несколько веков тому назад оттоманскому игу»). С этой точки зрения, значимо, что (как уже отмечалось) упомянутый Инсаровым самоотверженный поступок далматских рыбаков, которые пожертвовали на свинец для пуль грузики на сетях (гл. XXXIII), восходит не к Крымской войне, а к событиям черногорского восстания 1852 г.¹⁷³

3.

Оснащая подробностями таинственные конспиративные замыслы Инсарова (в их мотивной связи с Венецией и Австрией), Тургенев опирался также на исторический контекст, в котором он работал над романом, т. е. на актуальную ситуацию.

В 1858 г. в ярком, но недолговечном западническом журнале «Атеней» (где Тургенев сотрудничал — в шестом номере помещено антиславянофильское письмо «Из-за границы»; на страницах журнала происходила полемика Н. Г. Чернышевского и П. В. Анненкова об «Асе») редактор Е. Ф. Корш поместил статью «Взгляд на задачи современной критики», в которой задиристо (в «протобазаровской» манере) доказывал право науки на беспристрастное исследование народности: «...иногда, наконец, ставили сбережение народности в первобытной чистоте выше всех успехов общественной и государственной жизни народа. Что до науки, то она, не меньше безотчетных любителей старины, дорожит остатками древнего народного быта, преданиями и памятниками; она-то именно собирает их и с видимым успехом объясняет помощью глубокого сравнительного исследования. (...) Она лобознательно следит исчезающие остатки более или менее продолжительного детства народов, будь то сожигание вдов в Индии или подвенечная потасовка в церкви у стирийских славян, но нисколько не тужит об усилиях образованности прекратить тот или другой варварский обычай. (...) если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие, по большей части, ждет внешних побуждений, то нечего сетовать, что в Индии английский солдат, а в Сирии австрийский жандарм являются орудиями образованности (...) Наука сама по себе, конечно, не имеет ничего общего ни с любовью, ни с ненавистью...»¹⁷⁴.

¹⁷³ Вальская Б. А. «Накануне» и «Путевые записки о славянских землях» Е. П. Ковалевского // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1969. Вып. 5. С. 237.

¹⁷⁴ Е. К. <Корш Е. Ф.> Взгляд на задачи современной критики // Атеней. 1858. № 1. с. 65.

Декларируя — в программном, начальном номере — приоритет ценностей универсальной цивилизации над ценностями национальной культуры, редактор «Атеней» ясно отдавал себе отчет в том, что российская общественность (особенно после Крымской войны) сочувствует угнетенным индусам и славянам, а не англичанам и австрийцам. Пассаж об индусах и стирийских славянах, формально выполняя служебную функцию примера, по сути был публицистическим жестом: в номерах 3–5 Корш опубликовал пространную статью «Индийское восстание, его причины и последствия», где отстаивал цивилизаторскую миссию английских колонизаторов, а в специальной «Заметке» (прозрачно подписанной «...шь») снова повторял тезис о благотворности австрийского влияния на славян: «Надо быть справедливым ко всякому, но строжайше справедливым к тем, кто нам всего менее по сердцу. Вот почему, если даже и австрийский жандарм отучит наших братьев славян от потасовок в храме Божиим, мы отдадим справедливость австрийскому жандарму, хотя и крайне сожалее, что судьба предоставила ему такую роль»¹⁷⁵.

Но в 1859 г. ситуация радикально изменилась: Франция Наполеона III и Пьемонт Кавура разгромили Австрию. Виллафранкский мирный договор существенно продвинул дело освобождения и объединения Италии, Национально-освободительное движение активизировалось: русский мемуарист П. В. Анненков отмечал, что окончательно устранить влияние Австрии в Италии «приходилось уже Гарибальди высадкой в Неаполь и возмущением Сицилии (...) Италия доделявала то, что Наполеон оставил полуоконченным, и притом доделявала на свой страх (...) Письма его (Тургенева. — Л. К., М. О.) от этой эпохи наполнены восторженными восклицаниями: *evviva Italia, evviva Garibaldi*, которые он считал еще революционными возгласами...»¹⁷⁶.

В России освобождение Италии вызвало надежды на освобождение братских австрийских славян. «Славянское» образовало единый политический мотив с «итальянским». На страницах журнала «Русская беседа» за 1859 г. (в 4 части, где впервые было опубликовано стихотворение А.И. Одоевского «Славянские девы») М.П. Погодин в статье «Два слова по поводу современных обстоятельств» (отдел критики), уповая на поражение Австрии в войне с Францией и на объединение Италии, призывал к освобождению славянских народов, а в статье «Австрия» (отдел «Смесь») — «подпольном» сочинении 1854 г., которое он наконец отважился придать гласности, — напористо обличал антиславянскую и антирусскую политику Вены и приветствовал чешских («богемских») литераторов Й. Добровского, Я. Коллара (Коляра), П. Й. Шафарика¹⁷⁷.

Аполлон Григорьев в статье «После “Трозы” Островского» (газета «Русский мир», 1860) — с подзаголовком «Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» — воспел победное шествие идеи «народности» в русской словесности: «Русский вестник», некогда точивший яд на народность, с течением времени становился все милостивее и милостивее к вопросу о народности, а по выделении из его центрального

¹⁷⁵ ...шь <Корш Е. Ф.> Заметка // Атеней. 1858. № 10. С. 147.

¹⁷⁶ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 402.

¹⁷⁷ Погодин М. П. Австрия // Русская беседа. 1859. Ч. 4. С. 108.

единства кружка, основавшего «Атеней» и павшего (но, увы! не со славою, а без славы) в этом лагере вместе с знаменитыми положениями о том, что «австрийский солдат является цивилизатором славянских земель» — все более и более лишился своего антинационального цвета, и ныне, к немалому удивлению всех нас, поборников народности в жизни, искусстве и науке, — печатает лирические выходки в пользу народности Ник. Вас. Берга...»¹⁷⁸.

Знаменательно, что Григорьев тенденциозно редактируем слова Корша. Вместо «в Стирии австрийский жандарм является орудием образованности» — «австрийский солдат является цивилизатором славянских земель»; вместо «жандарма», блюстителя общественного порядка — солдат-оккупант; наконец, вместо «стирийских» славян, чьи локальные трудности не были особенно актуальны для российского общественного мнения, — «славянские земли».

Характеризуя «выходки в пользу народности» на страницах «Русского вестника», Григорьев разумел серию восторженных очерков об Италии и Гарибальди, которые в июне – октябре 1859 г. печатал итальянский корреспондент «Русского вестника» Николай Васильевич Берг (1823–1884), который с 1840-х гг. был известен как пропагандист и переводчик поэзии славянских народов¹⁷⁹.

Одновременно — в сентябрьском номере — «Русский вестник» обнародовал корреспонденцию «Из Праги» филолога М. И. Сухомлинова, который прямо связал поражение Австрии в итальянской войне с надеждами других порабощенных народов: «...от хода дел в Италии ожидают решительных последствий для всех народов и областей, имеющих несчастье входить в состав Австрии»¹⁸⁰. Сухомлинов, обращаясь «из Праги» к русскому читателю, естественно уделил особое внимание литераторам-будителям, прежде всего Коллару: «Слава Колара (так!) проникла во все концы славянского мира»¹⁸¹.

Чаяние близкого освобождения славянских народов приобрело — в предреформенные годы — социальное измерение. В очерке, заключавшем итальянскую серию («На обратном пути»), Берг перешел к России (что, собственно, и вызвало замечание Григорьева): «...и нам можно бы жить, как живут другие, и даже во многом остановить их внимание, как они теперь останавливают наше»¹⁸².

Такого рода ассоциация стала привычной в российской публицистике и служила основой для весьма экстравагантных агитационных ходов. Автор радикального «Письма из провинции» (1860 г., напечатано в герценовском «Колоколе» под псевдонимом «Русский человек»), в политических воззрениях далекий от Берга (предположительно — Добролюбов), иронизировал: «Что, если

¹⁷⁸ Григорьев А. А. После «Грозы» Островского: Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 256.

¹⁷⁹ См. заинтересованное обсуждение книги переводов Берга «Песни разных народов» (1854) в переписке Тургенев с Некрасовым (Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т./Вст. ст. Г. В. Краснова. М., 1987. Т. 1. С. 411–416); см. также пространную рецензию Н. Г. Чернышевского: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. 2. С. 291–317.

¹⁸⁰ Сухомлинов М. И. Из Праги // Русский вестник. 1859. Сентябрь. С. 105.

¹⁸¹ Там же. С. 116.

¹⁸² Берг Н. В. На обратном пути // Русский вестник. 1859. Октябрь. С. 236.

Франц-Иосиф вздумает дать австрийским славянам свободную конституцию? Ведь роли между Голштинцами (публицистический намек на немецкое происхождение Романовых. — Л. К., М. О.) и Габсбургами переменяются. Вот была бы потеха!»¹⁸³ А в 1860-х гг. М.А. Бакунин — по сходной логике — строил фантастические планы, уповая на участие Гарибальди (человека-символа) в польском восстании и создании федерации свободных славянских народов¹⁸⁴.

На подобном интертекстуальном фоне (но без славянофильских выводов Григорьева) Тургенев в романе «Накануне» синтезировал славянское и итальянское национальное освобождение, описав конспиративную деятельность Инсарова — в дополнение к (1) болгарским, (2) чешско-словацким и (3) южнославянским источникам — при помощи распространенных романтических рассказов о героических деяниях (4) итальянских революционеров¹⁸⁵. Прием был замечен современниками. Евгения Тур, к примеру, увидела в судьбе Елены Стаховой, отдавшей себя делу возлюбленного, аллюзию на биографию Гарибальди: «Обязанность жены — идти за мужем, хотя бы он шел на верную смерть в Черногорию, или Болгарию, или Севастополь (...) Еще в 1848 году жена Гарибальди следовала за ним всюду, скиталась с ним в горах Калабрии и умерла от истощения сил»¹⁸⁶.

Конструируя образ героя-идеолога, Тургенев прибег к монтажу. Именно монтаж, а не копирование было использовано в романе «Накануне». Инсаров, подобно протагонистам других тургеневских романов (Базаров и т.п.), не фиксировал, а скорее моделировал реальные исторические типы, потому этот образ (как о том свидетельствовали мемуаристы) и оказал существенное воздействие на позднейшие поколения болгарских патриотов.

4.

Западник Тургенев был недружественно настроен в отношении славянофилов и даже отнюдь не солидаризировался с моделью «славянской взаимности». Апеллируя к ней в романе «Накануне», писатель стремился изобразить «монтажный» образ носителя этой идеологии, в котором автору была ценна не его конкретная программа, но «инаковость» и общелиберальная причастность к борьбе за абстрактную свободу.

¹⁸³ Добролюбов Н. А. Избранное / Сост. А. Ф. Смирнов. М., 1984. С. 288.

¹⁸⁴ Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990. С. 111–112.

¹⁸⁵ Ср. также наблюдение исследователя, отметившего, что упомянутый Инсаровым самоотверженный поступок далматских рыбаков, которые пожертвовали на свинец для пуль грузики на сетях (гл. XXXIII), восходит не к Крымской войне, а к событиям черногорского восстания 1852 г. (Вальская Б. А. «Накануне» и «Путевые записки о славянских землях» Е. П. Ковалевского // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1969. Вып. 5. С. 237).

¹⁸⁶ Тур Е. Несколько слов по поводу статьи «Русской женщины» // Московские ведомости. 1860, 17 апр.; см. подробнее: «Накануне»: Героиня романа в кругу своих современниц (статья Е. Н. Щепкиной) // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2.

Григорьев адекватно оценил идею автора «Накануне» (журнал «Светоч», 1861): «Героя для своего романа ему надобно было сискать, — и если не у нас, то где же? В Италии, что ли? (...) Такт поэта указал ему, из всех одноплеменных с нами народов, на болгаров. Не на чехов, например, не на другие славянские племена, но именно на болгаров, ибо самое правое со всех возможных и даже невозможных точек зрения (...) дело болгарского племени, положительно стоящего и терпящего за свою индивидуальность, за свою совесть. Против болгарского дела не может быть сделано никакого возражения: дело совсем правое, ясное и понятное всякому»¹⁸⁷. Одновременно критик-славянофил несколько раздраженно сетовал на славянскую индифферентность романиста, не способного убедительно обрисовать болгарина: «Его эпоха совершенно чуждалась славянства (...) Во всяком случае, у поэта при верности понимания постановки недоставало красок, а ведь это, согласитесь, не безделица! Взятся рисовать болгара, так и рисуй его!»¹⁸⁸

Добролюбов в хрестоматийной статье «Когда же придет настоящий день?» («Современник», 1860) предложил альтернативное толкование «монтажности» славянина Инсарова.

Критик утверждал: «Нам кажется, что болгар действительно здесь мог быть заменен, пожалуй, и другою национальностью — *сербом, чехом, итальянцем, венграм*, — только *не поляком и не русским* (курсив наш. — Л. К., М. О.). Почему не поляком, об этом, разумеется, и вопроса быть не может; а почему не русским, — в этом заключается весь вопрос, и мы постараемся ответить на него как умеем»¹⁸⁹.

Добролюбов, как известно, сформулировал преимущественно социальную интерпретацию «инаковости» Инсарова (которая не устроила Тургенева), и для него принципиально важным был пункт «не-русскости» тургеневского типа. Социальной установкой объяснимо и упоминание «поляка»: «...это означало показать борца с самодержавием за независимость своей отчизны»¹⁹⁰, — и закономерно, что в журнальной версии упоминание было снято.

Однако критик — в свое время внимательный слушатель И. И. Срезневского и составитель обстоятельных конспектов лекций знаменитого ученого о славянских литературах, Колларе и т. д.¹⁹¹ — вполне компетентно судил о «славянском» аспекте романа. Потому показателен список потенциальных «замен» болгарина-бунтаря: «серб, чех, итальянец, венгр». Не исключено, что Добролюбов акцентированно добавил «венгра» к перечню жертв австрийской национальной политики: если в «славянской» перспективе венгры — противники славянских народов, то в «демократической» перспективе венгры и славяне — союзники в борьбе за свободу. В остальном же список Добролюбова — это точно расшифрованный тургеневский «монтаж», которым определялся образ Инсарова.

¹⁸⁷ Григорьев А. А. Искусство и нравственность. С. 270.

¹⁸⁸ Там же. С. 271.

¹⁸⁹ Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? С. 119–120.

¹⁹⁰ Егоров Б. Ф. Николай Александрович Добролюбов. М., 1986. С. 140.

¹⁹¹ Досталь М. Ю. И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 50.

Глава IV.

*Тютчев и «славянская взаимность»
(1860 – 1870-е гг.)*

В 1867 г. в России собрался грандиозный Славянский съезд. Здесь принципиально важны два политических момента: после подавления восстания 1863 г. польские депутаты (из австрийской Галиции и из эмиграции) бойкотировали съезд, напротив того, чешская делегация во главе с Ф. Палацким и другими ветеранами чешского Возрождения была самой представительной¹⁹². Оно и понятно. В ходе стремительной войны 1866 г. жители Праги оказались свидетелями прусской оккупации, а в результате Соглашения 1867 г. государственность Габсбургов была оформлена как австро-венгерская, и славянские народы попали в область венгерского управления и влияния. По словам авторитетного венгерского публициста, «венгры приступили к реализации довольно недальновидной политики, пытаясь сохранить историческую Венгрию путем мелочного ограничения права национальных меньшинств на использование родного языка в административной сфере. В результате не только национальные меньшинства на юге страны, уже давно обладавшие самостоятельным национальным сознанием, но и жившие на северных территориях словаки и русины окончательно отвернулись от идеи исторической Венгрии»¹⁹³. Таким образом, среди чехов и словаков русофильские настроения были необыкновенно сильны.

Дискурс «славянской взаимности», вычеканенный будителями, на съезде фактически функционировал в качестве общепринятого аргю. Один из чешских делегатов комплиментарно оценивал историческую миссию России как продолжательницы чешской инициативы «славянской взаимности»: «Мысль о славянской взаимности возникла у нас. Эту великую мысль о духовной взаимности может осуществить только великий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и этот народ — русский!»¹⁹⁴ А другой, отстаивая право каждого славянского народа на собственный путь, аргументировал это аллюзиями на важнейший для Коллара и его сторон-

¹⁹² *Досталь М. Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 99–102; см. также: *Майорова О.* Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. 2001. № 51; *Найт Н.* Империя напоказ: всероссийская этнографическая выставка 1867 года // Там же.

¹⁹³ *Бибо И.* О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Венгры и Европа: Сб. эссе/Сост. В. Серда, Й. Горетич. М., 2002. С. 230.

¹⁹⁴ Цит. по: *Жакова Н. К.* Тютчев и славяне. СПб., 2001. С. 19.

ников символ славянского дерева липы (ср. стихотворение А. И. Одоевского «Липа» — перевод сонета 121 из III песни поэмы «Дочь Славы»): «Разнообразие частей не исключает единства; единства должно искать в гармонии этих частей. (...) Липа славянская не выиграла бы в красоте, если бы вы, отсекая ее ветви, оставили ее ствол»¹⁹⁵.

Симптоматично, что престарелый романтик В. Г. Бенедиктов, сочтя необходимым откликнуться на Славянский съезд, опубликовал в журнале «Литературная библиотека» (издатель — журналист и библиограф Ю. М. Богушевич) подборку стихотворений Коллара¹⁹⁶. В этих текстах нетрудно опознать переводы трех сонетов из III песни «Дочери Славы».

III, 5

Сдается мне, весь род славян — большая
 Река, что, путь величественный свой
 Хоть медленно, но мощно совершая,
 Стремится плавно к цели вековой;
 И, на пути громады гор встречая,
 Их та река обходит стороной,
 И льется, в рай пустыни превращая,
 Чрез города живительной волной.
 Другие ж шумно катятся народы,
 Как вздутые напором вешним воды,
 Но сбыл прилив — и светлый, злачный дол
 Трясиной стал с упадком волн их мутных,
 Развалинами стали кровы сел,
 А жители — сброд нищих бесприютных.

III, 7

О, если б все славяне предо мной
 Металлами явились, — их собрание
 Я б сплавил, слил — и в статую одной
 Великое б представил изваянье!
 И русский бы узрелся головой,
 А туловищем — лях при том слиянье,
 Из чехов вышли б руки, склад плечной,
 Из сербов — ноги: крепкое стоянье!
 Меньше же все отрасли славян
 Пошли бы в одеянье, в складки, в тени,

¹⁹⁵ Цит. по: *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002. С. 122–123.

¹⁹⁶ Литературная библиотека. 1867. Т. 4. Кн. 2. С. 317–319; цит. по: *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения/Сост., подг. текста, примеч. Б. В. Мельгунова. Л., 1983. С. 671–673.

В оружие: воздвигся б великан —
И вся Европа, преклонив колени,
Взирала бы! А он — превыше туч —
Мир попирал бы, грозен и могуч!

III, 110

Чрез сотню лет, о братья, что-то будет
Из нас, славяне? Что будет в свой черед
С Европою? В наш ток воды прибудет —
И жизнь славян не весь ли мир залет?
И наш язык, что ныне лживо судит
Немецкий суд и рабским вкривь зовет,
Из уст врагов заслышится, разбудит
Дворцов их эхо — и гудеть пойдет!
Славянским руслом знание польется,
И в моду быт славянский весь вполне
Над Сеною и Лабою введется...
О, лучше бы тогда родиться мне
И вольной жизни плыть по океану!
Но — я тогда еще из гроба встану!

Своего рода продолжением выступления Бенедиктова стала книга «Поэзия славян» (СПб., 1871), для которой он и Н. В. Берг перевели подборку текстов из «Дочери Славь», остававшуюся самой репрезентативной до второй половины XX в.¹⁹⁷

1.

Ф. И. Тютчев с симпатией наблюдал за событиями 1867 г., что нашло выражение в переписке со славянофилом И. С. Аксаковым (его зятем и одним из организаторов съезда), а также в трех стихотворениях, следовавших модели «славянской взаимности» и вошедших в коллективный сборник «Братьям славянам» (вместе с произведениями И. С. Аксакова, Н. В. Берга, П. А. Вяземского, А. С. Хомякова и двумя более ранними текстами самого Тютчева — «Пророчество», «Рассвет»).

8 мая делегаты съезда прибыли в российскую столицу, где на вокзале их встретила двухтысячная восторженная толпа; 9 мая они ознакомились со славянскими раритетами в Публичной библиотеке, присутствовали на службе в Казанском и Исакиевском соборах, побывали в мозаичных

¹⁹⁷ См. подробнее: Шведова Н. В. «Сто сонетов» Яна Коллара как русский вариант «Дочери Славь» // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист: К 200-летию со дня рождения. М., 1993.

мастерских Академии художеств, в Мариинском театре слушали оперу Глинки «Жизнь за царя» и т. д.; 10 мая — императорский Эрмитаж, визит к А. М. Горчакову и т. п.¹⁹⁸ Делясь петербургскими новостями, Тютчев 10 мая 1867 г. сообщал Аксакову: «Мы теперь в полном славянском или даже всеславянском разгаре. До сих пор все обстоит благополучно. Гости наши, очевидно, ничего подобного себе не воображали. Они не только поражены, но тронуты и умилены общим, можно сказать, народным приемом и угощением»¹⁹⁹.

К этому письму поэт приложил новый вариант стихотворения «К Ганке». По сравнению с 1841 г. он внес принципиальную правку. Реагируя на очередное обострение польского вопроса, Тютчев изменил строку с Варшавой: вместо «Рассветает над Варшавой» — «Русь покончила с Варшавой»²⁰⁰.

С чехами же поэт стремился быть максимально политесным. Он уточнил формулировку последней строфы: вместо «И родного Слова звуки// Вновь понятны стали нам...» — «И наречий братских звуки// Уж не чужды стали нам...»²⁰¹. Согласно толкованию комментатора, «вместо утверждения родства осторожное — «не чужды»; вместо единого, общего «Слова» появились наречия. Конечно, во второй редакции поэт мыслит более реалистически, не столь восторженно-романтически, как в первой»²⁰². Как представляется, дело здесь не столько в «реализме», сколько в «политической корректности». Одним из спорных вопросов съезда стала проблема общеславянского языка. Принимающая сторона на этот раз настойчиво выдвигала в качестве такового русский язык (позиция, отстаиваемая славистом В. И. Ламанским, который подкрепил свою точку зрения трактатом словака Л. Штура «Славянство и мир будущего», намеренно опубликованным по-русски в преддверии съезда²⁰³). Тютчев, друживший с Ламанским, был с ним солидарен²⁰⁴, что видно из того же письма Аксакову 10 мая: «Но вот что при первой же встрече, при первом соприкосновении дало себя электрически почувствовать: это отсутствие общего языка. Этот многовековой факт разразился каким-то неожиданным, внезапным, всепотрясающим откровением — все как-то стало страшно не-

¹⁹⁸ *Досталь М. Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве. С. 104–105.

¹⁹⁹ *Тютчев Ф. И.* Письма к московским публицистам // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 296.

²⁰⁰ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. М., 2002. Т. 1. С. 254.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же.

²⁰³ *Рокина Г. В.* Канун Славянского съезда 1867 г.: трактат Л. Штура «Славянство и мир будущего» // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 73–94; см. о лингвистической позиции Ламанского: *Серно П.* «Смещение» России на восток: дискурс о границах «славянского мира» // *Inventing Slavia: Сб. материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004).* Prague, 2005. С. 57–60. Противоположность воззрений Коллара и Штура на словацкий литературный язык — основательно изученная научная тема, см., напр.: *Смирнов Л. Н.* Словацкий литературный язык эпохи Национального Возрождения. М., 2001. С. 56–59.

²⁰⁴ *Жакова Н. К.* Указ. соч. С. 11–12.

ловко — тою неловкостью, которую чувствовали, вероятно, на другой день после столпотворения Вавилонского. Вот где ключ позиции — и им-то надо завладеть во что бы то ни стало... Надеюсь, что у вас, в Москве, все усилия будут устремлены именно на это. Это для Славянского дела, для славян вообще, будет вторым даром слова, без коего они, в отношении друг к другу, сами становятся настоящими немцами и, к довершению позора, выходят из этой немоты не иначе, как усвоением языка так называемых немцев»²⁰⁵.

Однако чехи демонстрировали в языковом вопросе сдержанность. Согласно Коллару, «славянская взаимность» отнюдь «не состоит так же в обобщении или насильственном смешении всех славянских наречий в один главный язык...»²⁰⁶. На съезде ему вторил авторитетный Палацкий: «Все мы славяне тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более почетного и утешительного будет нам представлять русская литература; но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой. Мечты об образовании и распространении одного языка всеславянского суть мечты и ничего более»²⁰⁷.

Показательно, что Тютчев, выражая сочувствие идеям Ламанского, одновременно избавляется от двусмысленного сочетания «родного Слова» в пользу более нейтрального с точки зрения чешских делегатов «наречий братских». Кроме того, поэт добавил три мемориальных строфы, в которых панегирически почтил скончавшегося в 1861 г. Ганку и снова акцентировал значение будителей для славянского дела²⁰⁸:

Так зывал я, так гласил я.
Тридцать лет с тех пор ушло —
Все упорнее усилия,
Все назойливее зло.
Ты, стоящий днесь пред Богом,
Правды муж, святая тень,
Будь вся жизнь твоя залогом,
Что придет желанный день.
За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник Всеславянства
Приношеньем будь тебе!.. [21, с. 189]

²⁰⁵ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. С. 296.

²⁰⁶ Коллар И. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. № 1/2. Отд. II. С. 4.

²⁰⁷ Цит. по: Никитин С. А. Славянские съезды 60-х годов XIX в. // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. М., 1948. С. 53.

²⁰⁸ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 189.

На день памяти просветителей славянства св. Кирилла и Мефодия (11 мая 1867) — после торжественной обедни в Исакиевском соборе и посещения заседания Отделения русского языка и словесности Академии наук — в честь гостей устроили банкет в Дворянском собрании: «В центре, на платформе перед царской ложей была помещена Хоругвь Кирилла и Мефодия, над которой помещались императорский российский герб и по сторонам гербы всех славянских земель. (...) Справа и слева были помещены хоругви с надписями, повествующими о великих событиях пореформенной России и именами выдающихся славянских государей и деятелей культуры и просвещения (в том числе Шопена, Мицкевича, Ганки. — Л. К., М. О.). Меню обеда, сложенное трубочкой и перевитое розовой лентой, представляло собой произведение полиграфического искусства (по рисунку М. О. Микешина. — Л. К., М. О.) с множеством надписей и иллюстраций на темы из славянской жизни. Перед обедом состоялся очередной концерт из произведений славянских композиторов...»²⁰⁹.

Наконец, произнес речь министр народного просвещения Д. А. Толстой и было зачитано стихотворение Тютчева «Славянам», лексику которого Ю. Н. Тынянов назвал «нарочито прозаической, “газетной”»²¹⁰ и которое действительно было напечатано 14 мая в газете «Московские ведомости»²¹¹:

**Привет вам задушевный, братья
Со всех Славящины концов,
Привет наш всем вам, без изъятя!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!
Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!
Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,**

²⁰⁹ Досталь М. Ю. Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве. С. 105.

²¹⁰ Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 47.

²¹¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 228–229.

Но все же мы народ единый,
 Единой матери сыны;
 Но все же братья мы родные!
 Вот, вот что ненавидят в нас!
 Вам не прощается Россия,
 России — не прощают вас!
 Смущает их, и до испугу,
 Что вся славянская семья
 В лицо и недругу и другу
 Впервые скажет: — Это я!
 При неотступном вспоминанье
 О длинной цепи злых обид
 Славянское самосознание,
 Как Божья кара, их страшит!
 Давно на почве европейской,
 Где ложь так пышно разрослась,
 Давно наукой фарисейской
 Двойная правда создалась:
 Для них — закон и равноправность,
 Для нас — насилие и обман,
 И закрепила стародавность
 Их как наследие славян.
 И то, что длилось веками,
 Не истощилось и поднесь
 И тяготееет и над нами —
 Над нами, собранными здесь...
 Еще болит от старых болей
 Вся современная пора...
 Не тронута Коссово поле,
 Не скрыта Белая Гора!
 А между нас, — позор немалый, —
 В славянской, всем родной среде,
 Лишь тот ушел от их опалы
 И не подвергся их вражде,
 Кто для своих всегда и всюду
 Злодеем был передовым:
 Они лишь нашего Иуду
 Честят лобзанием своим.
 Опально-мировое племя,
 Когда же будешь ты народ?

Когда же упразднится время
 Твоей и розни и невзгод,
 И грянет клич к объединенью,
 И рухнет то, что делит нас?..
 Мы ждем и верим провиденью —
 Ему известны день и час...
 И эта вера в правду Бога
 Уж в нашей не умрет груди,
 Хоть много жертв и горя много
 Еще мы видим впереди...
 Он жив — верховный промыслитель,
 И суд Его не оскудел,
 И слово *царь-освободитель*
 За русский выступит предел...

Сюжет стихотворения привычен для политической лирики Тютчева: Россия и Славянство, вопреки внешним и внутренним опасностям, неуклонно стремятся к победе и воссоединению.

Отличие же от ситуации начала 1840-х гг. заключается в открытой полонофобии, впрочем приносившей к понятному делегатам дискурсу. Тютчев экспроприрует собственные формулы, ранее использованные в послании Мицкевичу. Стихотворение, адресованное польскому поэту, и само по себе не содержало ничего специфического, выходящего за пределы топики «славянской взаимности», а теперь такие находки, как возглас славянского самосознания «Это я!» или призыв к разрозненным племенам стать народом²¹², окончательно оторваны от польского вопроса и перемещены в новый контекст.

Кроме того, военные аллюзии в шестой строфе (разгром сербов турками в битве на Косовом поле 15 июня 1389 г. и чехов немцами в битве под Белой Горой 8 ноября 1620) явно перекликаются с топикой «битв», которая была выработана в сочинениях Коллара и других славянских авторов и подкреплялась установившейся среди австрийских славян практикой отмечать «национальные торжества, связанные с годовщинами памятных сражений или юбилеями выдающихся личностей»²¹³.

²¹² Ср. текстологические наблюдения: Тютчев Ф. И. <Адаму Мицкевичу>/Публ. Кс. Костенич // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 175.

²¹³ Врублевская Т. Общественные функции и роль культурно-просветительных организаций славянских народов Центральной Европы и Балкан в XIX–начале XX в. // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 73. По мнению специалиста, в 1825 г. Магарешевич (подобно Шафартику, преподаватель сербской гимназии в Нови Саде) в редактируемом им сербском журнале «Летопись» «первым предложил считать годовщину Косовской битвы — Видов день — национальным праздником сербского народа, придав ему мемориально-мобилизующий смысл», окончательно же «такая практика сложилась лишь к концу XIX века, когда был отпразднован 500-летний юбилей этого знаменательного события» (Белов М. В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика раз-

В поэме «Дочь Славы» (92 сонет третьей песни) Коллар соединил три фатальных битвы:

**В году я знаю три печальных дня,
в те дни мой тяжкий стон летит горе:
Святого Вита день — в календаре —
паденьем Сербии вошел в меня.
Октябрь. Я в доме не зажгу огня,
в слезах, во мраке к Белой мчусь Горе...
И снова горько плачу в октябре,
в тот день, когда, на землю пав с коня,
и кровью истекая, и скорбя,
Костюшко, мною чтимый, повторял:
«О Польша, Польша! Кто спасет тебя?..»²¹⁴**

Как легко убедиться, Коллар, несмотря на русские симпатии, добавил к траурному ряду славянских катастроф разгром польских повстанцев Т. Костюшко русскими войсками при Мацевицах 10 октября 1794 г. Разумеется, у Тютчева польский компонент отсутствует: вместо этого в стихотворении следует строфа, в которой Польша отождествляется с Иудой (вероятно, в соотнесенности с подразумеваемой христологической трактовкой России, см. «Эти бедные селенья...»).

Финальный образ стихотворения «Славянам» (грядущая трансформация царя — «внутреннего» освободителя собственного народа в царя — «внешнего» освободителя славянских народов) эффектно вписывается в праздничную атмосферу съезда, в частности банкета в Дворянском собрании, где прославление пореформенной России сочеталось с прославлением славянства. А 14 мая славянских гостей принял сам Александр II, сопровождаемый женой и детьми.

16 мая делегаты съезда перебрались в Москву, где их уже встречало до 10 тысяч народа. Гости снова посещали достопримечательные места, общались с известными людьми (М. П. Погодин, И. С. Аксаков и др.), присутствовали на банкетах. 21 мая на одном из таких банкетов была торжественно зачитана третья стихотворная новинка Тютчева (напечатана 24 мая в «Московских ведомостях»), первоначально озаглавленная «Австрийским славянам» («Они кричат, они грозятся...»). Это произведение, в целом повторявшее идеи предыдущего, было вызвано грозным заявлением австрийского министра иностранных дел Ф. фон Бейста, озабоченного политическим характером съезда.

вития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX вв.). СПб., 2007. С. 456). Ср. исторический факт, относящийся ко Второй мировой войне: 28 июня 1941 г. по новому стилю — в день Св. Вита и битвы на Косовом поле — усташи устроили массовую резню сербов (Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск, 1998. С. 121–123).

²¹⁴ Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973. С. 157 (пер. Н. Горской).

Официально Бейсту ответил Горчаков, декларировавший непричастность России к «прославлению мнимой объединенной славянской национальности» и одновременно снимавший с правительства ответственность за речи, которыми могут обмениваться делегаты²¹⁵. Тютчев же, адресуясь не министру, а делегатам, не дипломатически, но поэтически позволил себе реагировать в жесткой форме.

2.

После съезда интерес Тютчева к славянскому вопросу не угас. В 1868 г. он председательствовал на торжественном обеде, венчавшем празднование дня св. Кирилла и Мефодия, где было единогласно решено в 1869 г. отметить 500-летний юбилей Яна Гуса²¹⁶. А. Н. Пыпин характеризовал такого рода направление работы Славянского комитета как «клерикальное»²¹⁷. И в лирических произведениях Тютчева 1869–1870 гг., связанных с темами солунских братьев и Яна Гуса, поэт, оперируя образностью «славянской взаимности», тем не менее нередко предлагал формулировки, которые явно противоречили колларовской модели.

В стихотворении «Великий день Кирилловой кончины...» (и в стихотворении «11 мая 1869») ничто не могло вызвать возражения сторонников «славянского единства»: миссия России — «великое служение славянам»; главный завет св. Кирилла и Мефодия — союз «братских племен». Закономерно, что это произведение было впервые напечатано в брошюре, изданной в Праге.

Одновременно пражане получили символический дар от русских славянофилов: Славянский благотворительный комитет — по случаю юбилея Гуса — торжественно отправил чехам золотую чашу. Напоминая о борьбе гуситов-чашников за право причастия под обоими видами — не только по-католически хлебом, но и вином, славянофилы акцентировали изначальную приверженность чешского народа к православию. Сходным образом в стихотворении «Чехам от московских славян», которое сопровождало российскую чашу, Тютчев писал:

**Нет, нет, не даром благодать
На вас призвали предки ваши,
И будет вам дано понять,**

²¹⁵ *Досталь М. Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве. С. 98.

²¹⁶ *Жакова Н. К.* Указ. соч. С. 31–32. Ср. воспоминания Т. Г. Масарика, записанные К. Чапком: «В день 500-летия сожжения Гуса в 1915 г. В зале Реформации <...> впервые я вместе с Дени <Эрнест Дени — французский славист. — Л. К., М. О.> открыто выступил против Австрии. Этот день я выбрал сознательно для того, чтобы показать миру связь исторических событий с нашей историей. Я уже тогда осознал: либо мы выиграем, либо в Австрию я никогда не вернусь» (*Чапек К.* Беседы с Т. Г. Масариком. М., 2000. С. 117).

²¹⁷ *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002. С. 118.

Что нет спасенья вам без Чаши.
 Она лишь разрешит вконец
 Загадку вашего народа:
 В ней и духовная свобода,
 И единения венец.
 Придите ж к дивной Чаше сей,
 Добытой лучшей вашей кровью,
 Придите, приступите к ней
 С надеждой, верой и любовью²¹⁸.

Как видно, в дарственном стихотворении наличествует сомнительный для чешских идеологов призыв к обращению в православие, но это выражено весьма обтекаемо и, учитывая контекст праздничного акта, едва ли вызывало отторжение.

Но в стихотворении «Гус на костре» (1870), которое предназначалось для вечера в пользу Славянского благотворительного комитета, Тютчев уже безоглядно заострил «православное» осмысление гуситского наследия чехов:

О чешский край — о род единокровный!
 Не отвергай наследья своего —
 О, доверши же подвиг свой духовный
 И братского единства торжество!
 И, цепь порвав с юродствующим Римом,
 Гнетущую тебя уж так давно,
 На Гусовом костре неугасимом
 Расплавь ее последнее звено²¹⁹.

Знаменитое тютчевское стихотворение «Два единства» (1870) вписывается в ту же модель конфессионального единства славян. Если остановиться на имманентном анализе, текст представляет собой гимн терпимости, образцовый с точки зрения парадигматики «славянской взаимности». Однако впервое стихотворение было оглашено на торжестве, устроенном Славянским благотворительным комитетом по случаю перехода в православие 13 чехов. При таких условиях смысл получается несколько иным: перефразируя трактат Тютчева, западные славяне или, сохраняя католичество, утратят славянство и растворятся в западном мире, где правит железо и кровь, или сохранят славянство на путях любви, обратившись в православие.

²¹⁸ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 207.

²¹⁹ Там же. С. 217.

3.

Стихотворение «Над русской Вильной стародавной...» при жизни Тютчева не издавалось (впервые — в 1886). Традиционно датируется 1870 годом на основе фактов биографии: в июле 1870 г. поэт, отправляясь за границу, проезжал через Вильну (Вильнюс), и предполагают, что Тютчев отталкивался от конкретных зрительных впечатлений. Впрочем, в альбоме М. Ф. Тютчевой вместо «в холодной, ранней полумгле» зафиксирован вариант «в холодной, зимней полумгле»²²⁰. В любом случае — независимо от сезонной точности зарисовки — стихотворение не пейзажное, но политическое (как «Альпы» или «Рассвет»). И комментаторы достаточно единодушны в подобном толковании трех его начальных катренов:

Над русской Вильной стародавной
Родные теплятся кресты —
И звоном меди православной
Все огласились высоты.
Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела —
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.
Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней²²¹.

Стихотворение содержит позитивную оценку политики, принятой правительством в отношении Литвы после нового польского восстания, разразившегося в 1863 г., а именно — официального курса на русификацию и спонсирование православия. Когда «на пост виленского генерал-губернатора был назначен (в мае 1863) М. Н. Муравьев, прозванный «Вешателем», Тютчев всемерно поддерживал политику диктатора в Литве и пропагандировал ее всеми, в том числе и поэтическими, средствами»²²².

Уточняя политический контекст стихотворения, Р. Лейбов установил, что формула «Русская Вильна» восходит к заглавию брошюры А. Н. Муравьева (1864), «знакомого Тютчева по раичевскому кружку, адресату двух его стихотворений (1821 и 1869 годов)», которая была напечатана «в разгар виленского периода служебной деятельности М. Н. Муравьева — старшего брата А. Н. и мужа двоюродной сестры Тютчева»²²³. Брошюра представляет собой

²²⁰ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 579.

²²¹ Там же. С. 218.

²²² Твардовская В. А. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев, М., С. 144.

²²³ Лейбов Р. Стихотворение Тютчева и «Русская Вильна» А. Н. Муравьева // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана, Тарту, 1992. С. 143.

«серию очерков, посвященных виленским православным памятникам (церковь Св. Параскевы, Пречистенский собор, Острожская церковь святителя Николая и др.)», и рассказ о каждом «православном памятнике начинается с описания современного плачевного состояния храма (слово «запустение», восстановившее в «Над русской Вильной...» свой библейский микроконтекст, повторяется здесь неоднократно) ...»²²⁴.

Действительно, М. Н. Муравьев радел не только о духовном, но и «материальном» восстановлении православия. В 1863 г. русские почитатели генерал-губернатора собрали по подписке деньги на часовню в честь его патронима — архангела Михаила, но Муравьев предложил использовать собранные средства для приведения в порядок Острожского храма св. Николая. Мемориальная доска, установленная на фронте, гласила: «Церковь св. Николая самая древняя в г. Вильне, почему в отличие от других Николаевских называлась Великою. Вторая жена Ольгерда, Юлиания Александровна княжна Тверская, около 1350 года, вместо деревянной воздвигла каменную. В 1514 году князь Константин Иванович Острожский вновь отстроил оную с основания. Доведенная во время унии до грустного уничтожения, она, в 1865 году, по желанию Михаила Николаевича Муравьева, возобновлена благолепно на добротные пожертвования всей русской земли». Часовня же архангела Михаила была позднее пристроена к реставрированному храму. В 1869 г. ее освятил Макарий (Булгаков), архиепископ Литовский и Виленский.

Более того, как указал Р. Лейбов, интерес А. Н. Муравьева к конкретным храмам манифестирует его «общую концепцию истории Литвы, которая стоит и за тютчевским стихотворением. Особое значение здесь придается православному первокрещению при князе Ольгерде (Альгирдасе) и расцвету православия при кн. Константине Острожском (Острогском)»²²⁵. В предельно упрощенном виде эта идеологема функционирует в публицистическом финале романа «Княжна Острожская» (1876), где Вс. С. Соловьев патетически писал, что иезуиты «в немногие годы погубили и обезличили прекрасный край русский, подчинили его дряхлой и больной Польше. Однако пришел конец и их владычеству. Они исчезли с оскверненной ими земли русской. Быстрее и быстрее исчезает и зло, посеянное ими. В развалинах стоят монастыри их со всеми своими страшными тайнами, с цепями и грудями костей человеческих, разбросанными в подземельях. А на этих развалинах создается православная церковь и звучит русское слово»²²⁶.

Макарий (Булгаков) в томе монументальной «Истории русской церкви», охватывающем события с 1240 по 1448 гг., подчеркивал (1866), что православие распространялось в Литве — до Кревской унии — весьма успешно,

²²⁴ Лейбов Р. Стихотворение Тютчева и «Русская Вильна» А. Н. Муравьева // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана, Тарту, 1992. С. 144.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Соловьев Вс. С. Княжна Острожская. М., 1990. С. 247.

«особенно между князьями. Со времен Миндовга до Ягайлы большая часть литовских князей исповедовали православие. Правда, некоторые принимали его не по убеждению, а по каким-либо видам и потому иногда перекрещивались в латинство или даже возвращались к язычеству и делались гонителями христиан. Зато другие князья были истинно преданы православной Церкви и заботились о распространении ее в народе, и в семействах княжеских вообще господствующею верою являлась православная. Это зависело главным образом от брачных союзов литовских князей с нашими князьями». В частности — продолжает историк церкви — «двоюродный брат Ягайлы Витовт, занимавший престол литовский с 1392 года по 1430, был сначала православным христианином. Он принял святое крещение с именем Александр еще в 1384 году в троцком монастыре Рождества Пресвятой Богородицы и тогда же подарил этому монастырю разные земли». И после бесповоротного перехода Витовта в католичество «православие было еще довольно сильно в Литовском княжестве. В 1393 году легат папы, Мессинский епископ Иоанн, осматривал «много русских церквей в Вильне». В 1397 году великий магистр Конрад Юнгинген перед всеми европейскими дворами свидетельствовал, что в Литве незаметно успехов латинства, потому что «литовцы больше обращаются в русскую веру» (Макарий опирается здесь на сочинение о литовской истории Теодора Нарбутта. — Л. К., М. О.). Вообще, подытоживает Макарий, «православие до того укоренилось в Литве в течение настоящего периода, что хотя со времен Ягайлы, принявшего римскую веру, оно не было покровительствуемо здесь правительством наравне с латинством, напротив, часто терпело тяжкие притеснения, однако ж оставалось твердым и непоколебимым еще целые столетия»²²⁷.

Концепция (как и слог) Макария соответствует официальному историческому нарративу Российской империи, который претерпел радикальное обновление в промежуток между двумя польскими восстаниями.

Согласно концепции авторитетного североамериканского слависта Зенона Когута²²⁸, традиционный русский исторический нарратив (увенчанный трудом Н. М. Карамзина) подразумевает, что народ произведен от государства, правительства (династии) и отчасти от православной церкви. Получается, что русская держава — как результат вокняжения Рюриковичей и христианизации — возникла в Киеве. Позднее — вместе со светской и церковной властью — центр русской державы перемещался во Владимир, Москву, Петербург, опять в Москву. Вместе с тем, по мнению Когута, существовал исторический нарратив, привнесенный в российскую традицию представителями украинской элиты. В рамках этого альтернативного нарратива была вычлещена идея внегосударственной (догосударственной) общности славянских народов, единстве восточных славян и в то же время их раздельном

²²⁷ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 82–87.

²²⁸ Когут З. Коріння ідентичності: студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004.

историческом бытовании как белорусов, русских, украинцев. «Славянская идея» не была актуальной для Московской Руси и формировалась в политических условиях многонационального Польско-Литовского государства.

На таком фоне особое значение приобретает книга Н.Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории» (СПб., 1836) — «первый официально признанный учебник», который должен был (в противовес идеологии подавленного польского восстания) демонстрировать «российскость» земель бывшего Великого Княжества Литовского²²⁹. Устрялов, отождествив Россию с Киевским княжеством времен Ярослава Мудрого, объявил Юго-Запад насильственно отторгнутым от исконной русской державы и, к примеру, акцентированно включил историю Украины XVI–XVII вв. в курс русской истории. Сочинение Устрялова, направленное против проекта Польско-Литовского государства, построено как адаптация «многонационального» нарратива к государственно-династической доминанте российской традиции — как своего рода «выворачивание» исторического нарратива, который был создан именно в Польско-Литовском государстве.

Современная наука также не подвергает сомнению факт этноконфессионального балто-славянского смешения, отличительный для первого времени существования Великого княжества Литовского. Например, медиевист Е.Л. Конявская пришла к заключению, что «анализ текстов XIV века, посвященных Литве и русско-литовским взаимоотношениям, не дает возможности говорить о формировании в литературе этого времени какого-то определенного образа Литвы и литовца, осознаваемого как иноплеменника с неким уникальным комплексом отличительных черт, присущих только данному этносу. Отчасти это объясняется слабой сформированностью в этот период этнического самосознания русских вообще, для которых конфессиональное, как правило, было важнее национального. С другой стороны, Литва как государство было настолько наполнено русскими людьми и русскими землями, что не могла восприниматься как “чужое”»²³⁰.

Этноконфессиональная общность в Великом княжестве Литовском имела и языковой план выражения. Потому — от обратного — закономерно, что, когда впоследствии литовским интеллектуалам понадобилось акцентировать различия со славянскими народами, они апеллировали к сходству литовского языка с латынью и вообще пропагандировали версию римского происхождения своего народа. Согласно трактату Михалона Литвина (составлен в середине XVI и напечатан в начале XVII века), «рассердившись на кого-либо из своих, москвитяне желают, чтобы он перешел в римскую или польскую веру, настолько она им ненавистна. У нас, к сожалению, нет гимназий. Мы изучаем

²²⁹ Когут З. Коріння ідентичности: студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. С. 185–186.

²³⁰ Конявская Е.Л. Литва в восприятии русских (на материале древнерусских литературных памятников XIV столетия) // Древняя Русь и Запад: Научная конференция: Книга-резюме. М., 1996. С. 95.

московские письма, не несущие в себе ничего древнего, не имеющие ничего, что бы побуждало к доблести, поскольку рутенский язык чужд нам, литвинам, то есть италиянцам, происшедшим от италийской крови»²³¹. По мнению итальянского лингвиста П. Дини, теория римских предков позволяла литовской элите эффектно противопоставить себя как «сарматскому мифу, которым похвалялась польская знать», так и восточным славянам: «(...) связь с таким классическим языком, как латынь, достоинство (*dignitas*) которого не подвергалось сомнению, гарантировала возможность лучше выдержать сравнение и соревнование с другими языками культуры, употреблявшимися в Великом княжестве, прежде всего с *ruski*»²³².

Кстати, реакцией на подобное размежевание балтийского и славянского начал внутри Великого Княжества Литовского была политическая мифология, агрессивно суммированная белорусским националистом Иосифом Лесиком. В статье, напечатанной в 1921 г. на белорусском языке, он, пересказав итальянскую версию генезиса литовцев, представил альтернативную историософскую схему: литовцы — маргинальный народ, Литва — изначально славянское государство, основанное племенем лютичей, топоним Литва — славянский (ср. лютичи), топоним Вильнюс — славянский, да и (выпад в сторону России) топоним «русский» — белорусского происхождения, ведь историческое самоназвание русского этноса было «москвиты»²³³.

Таким образом, российская политика, в интерпретации Тютчева, отрицающая католицизм («позднее былое» Литвы), одновременно возвращает Вильнюсу — спустя «веки искушенья» и «страшные дела» — изначально профессиональную традицию — православие («святое» преданье, «стародавнее» — в противоположность «позднему» былому). По словам Р. Лейбова, «*позднее былое*» здесь — то же, что «*веки искушенья*», то есть не несколько лет предшествующих XIX века, но несколько столетий истории Литвы»²³⁴. Эта историософская концепция — частное приложение глобальной программы Тютчева, сформулированной им еще в 1840-х: будущее славянских народов зависит от реализации грандиозного трехсоставного идеала *российская империя/православие/славянская раса*. Значит, славян Центральной Европы ожидает одна из двух возможностей: или они сохраняют верность католичеству, вследствие чего утратят национальную идентичность и растворятся в западном мире, или они сохранят славянство, что возможно лишь при обращении в православие.

²³¹ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 85–86.

²³² Дини П. У. Балтийские языки. М., 2002. С. 329, 331.

²³³ Лесік Я. Літва–Беларусь: Гістарычныя выведы // Беларуская думка XX стагоддзя: Філасофія, рэлігія, культура: (Анталогія)/Уклад. Ю. Гарбінскі. Варшава, 1998. С. 52–57; ср. современные концепции «литвинизма» Мицкевича, что есть «историческая фаза белорусскости» (Лойка А. Адам Міцкевіч і Беларусь // Адам Міцкевіч і нацыянальная культуры. Мінск, 1998. С. 10), или упрёки Мицкевичу и Пушкину, в полемике «поляка» и «русского» равно игнорированных судьбы белорусов (Кавко А. Мицкевич и Пушкин: «литовский» аспект поэтической полемики // Пушкин — Беларуская культура — Сучаснасць. Мінск, 1999. С. 25–36).

²³⁴ Лейбов Р. Указ. соч. С. 144–145.

Отсюда же — полонофобия Тютчева, вызванная стойкой приверженностью поляков католицизму. Негативное отношение к Польше актуализирует понимание Вильнюса как «русского» и «православного», что отвечает дифференцированному отношению Российской империи, с одной стороны, к землям собственно польским и, с другой, к землям, некогда Польшей присоединенным, — Великому княжеству Литовскому, т. е. к современной Литве и Белоруссии.

В стихотворении «Над русской Вильной стародавней...» все, что не Польша, есть Россия, и странная формула «позднее былое», напоминающая поэтический тезаурус школы «гармонической точности», неожиданно обозначает политическую реалию — враждебное поэту польское начало²³⁵. Это «позднее былое» содержит аллюзию на определение «недавнее былое», которое использовал М. Н. Катков. Главный редактор журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» возмущался в 1867 г.: «Недавно случилось нам представить несколько ретроспективных очерков недавнего былого в этих местах: какие поразительные и непонятные в европейском мире явления!» Катков имел в виду пагубную ориентацию официальной России на консервативные силы Западного края — на польскую аристократию и католическую церковь. Что, по убеждению публициста, фактически отдавало народы бывшего Литовского княжества во власть антирусского элемента: «Провинции, прилегающие к Балтийскому морю и составляющие нераздельную часть Российской империи, (...) — провинции эти искони заселены племенами разнородными и друг другу чуждыми, но не чуждыми Русскому государству, при рождении которого они присутствовали и в образовании которого они более или менее участвовали, и в состав которого изначала более или менее входили. (...) С другой стороны, дела у нас сложились так, что иноверие не просто допускается как дело свободы совести, но правительство берет на себя заботу о развитии и поддержании разных чуждых русскому народу и русскому православию учреждений и возводит их в силу властей. В видах охранения православной церкви, отрицаются самые неотъемлемые и священные права свободы совести; а в то же время, в явный ущерб и православию, и государству, и русскому народу организуются и поддерживаются правительственными способами, иногда насильно, учреждения, не имеющие ничего общего ни с государством, ни с православием»²³⁶.

²³⁵ Ср. также тонкое наблюдение Д. П. Ивинского, что другой тютчевский «поэтизм» «первоначальных лучших дней» восходит к пушкинской строке «первоначальных, чистых дней», обозначая не только художественную преемственность, но и «обращение к единомышленнику» (*Ивинский Д. П.* Об одной скрытой цитате у Тютчева: Из комментария к стихотворению «Над русской Вильной стародавней...» // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 269)

²³⁶ *Катков М. Н.* Передовые статьи из газеты «Московские ведомости»: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков / Сост. Н. Г. Федоровский. М., 1997. С. 209–211.

Автор статьи, помещенной в катковском «Русском вестнике» за 1869 год, публикует характерные извлечения из циркуляра губернаторам от 1 мая 1864 г.: «Многие из помещиков здешнего края польского происхождения, не заботившиеся во время существования крепостного права об образовании своих крестьян, с уничтожением этого права и с началом мятежных действий в крае, принялись деятельно и усердно устраивать сельские школы, в которых, при помощи католического духовенства и содействии бывших мировых учреждений, состоявших из туземцев польского происхождения, крестьяне обучаемы были грамоте на польских букварях, а также многие из православных крестьян — римско-католическому катехизису». Что значит, разъясняет циркуляр, «вести польскую пропаганду в ущерб коренной русской народности»²³⁷.

Будучи сторонником линии Муравьева и одновременно преданным сотрудником министра иностранных дел А. М. Горчакова, Тютчев в пору кризиса середины 1860-х гг. организовывал контакты правительства с Катковым. Его тогдашнее отношение к двум Михаилам — виленскому губернатору Муравьеву и московскому журналисту Каткову — красноречиво выражается в письме от 6 ноября 1863 г., где поэт одически поздравлял Каткова с приближающимися именинами: «Послезавтра по всей России усердно будут празднуемы два Михаила — один в Вильне, другой в Москве»²³⁸. И хотя в 1867 г. Тютчев — как раз во время Славянского съезда — по неизвестным причинам разошелся с журналистом, это никак не зачеркнуло близости их воззрений на «польский вопрос». «Позднее былое» (как и катковское «недавнее былое») — эпоха польского (католического) засилья, которой диахронически противопоставлено «стародавнее», — до-польское (православное) прошлое Великого княжества Литовского.

Политическая идея Тютчева базируется на том, что в логике называется отношением контрадикторности (противоречия): Россия — это не-Польша, значит, если Литва не-Польша, то Литва — Россия. Однако — при всех исторических аргументах — здесь корректно обратиться к отношению контрадности (противоположности): Польша — это Польша, Россия — Россия, тогда и Литва — не Польша, но и не Россия. Современный исследователь русско-польского диалога в творчестве Пушкина и Мицкевича пишет: «А между тем в самом этом вопросе, в его крылатой пушкинской версии («спор славян между собою») изначально имелся один принципиальный аспект, в своем роде исторический стержень, вне которого ни сама эта проблема, ни ее художественные модификации (в русской литературе на Пушкине не исчерпанные) невозможно должным образом ни объяснить, ни оценить. Речь идет о белорусско-литовских, отчасти украинских землях в составе бывшего Великого Княжества Литовского, о так называемой «литовской Руси», захватнические притязания на которую составляли, начиная с конца XIV в., одну

²³⁷ Райковский С. Польская молодежь западного края // Русский вестник. 1869. Т. 83. С. 535.

²³⁸ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам. С. 417.

из главных стратегических установок во внешней политике великих князей московских, а следом за ними российских императоров»²³⁹.

Характерно, что некоторые (немногие) современники Пушкина и Тютчева также — на свой лад — осознавали «литовский» аспект русско-польского вопроса во всей его этнической сложности. Фрондер-радикал князь П. В. Долгоруков в памфлете 1863 г. доказывал, что самое разумное для петербургского правительства «это — немедленное дарование конституции России, совершенное и безусловное освобождение и отделение Царства Польского и предоставление в Западном краю каждому уезду решить *свободно, всеобщей подачей голосов*, с кем уезд хочет быть: с Россией или с Польшей? Может быть, тогда губерния Ковенская и несколько уездов губерний Виленской и Гродненской отошли бы от России; но что за беда?»²⁴⁰.

Впрочем, и стихотворение Тютчева «Над русской Вильной стародавней...» — несмотря на победоносную однозначность государственной идеи — отнюдь не оставляет парадного, оптимистического ощущения. По предположению Р. Лейбова, глубинный источник такой амбивалентности — в том биографическом обстоятельстве, что «виленская тема была связана с именами братьев Муравьевых, вызывавшими воспоминания о ранней молодости поэта»²⁴¹.

Кроме того, можно указать некоторые «поэтологические» обстоятельства. В двух финальных четверостишиях детализирован образ царства теней, куда отошло «позднее былое»:

**Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденьем
Живых тревожить здесь покой.
В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле**²⁴².

Побежденное, отмененное «прошлое былое» оказывается в ассоциативной связи со сновиденьем, ночью. А ведь нет необходимости повторять здесь общеизвестные тезисы о значимости для Тютчева ночной ипостаси мироздания, о неизбежности для него борьбы/сосуществования дня и ночи.

²³⁹ Кавко А. Указ. соч. С. 30.

²⁴⁰ Долгоруков П. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1992. С. 340.

²⁴¹ Лейбов Р. Указ. соч. С. 145.

²⁴² Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 218.

4.

Многоаспектность славянской позиции Тютчева нашла отчетливое выражение в его поздних эпистолярных текстах. Так, 6 декабря 1871 г. он пишет в Прагу княгине Е. Э. Трубецкой, что еще на съезде 1867 г. сформулировал свои расхождения с «Чешской национальной партией»: «Работа, которая им предлежит, для восстановления органической связи с миром Славянским во всей его полноте, с Восточною Европою, одним словом, — такая работа не может быть низведена до размеров исключительно политического движения. У нее корни идут поглубже. Чехия истинно национальная — прежде всего Гуситка, а гуситство не что иное как возвратное стремление, весьма сознательное, весьма решительное, хотя и прерванное насилием, — возвратное стремление, повторяю, Чешского племени к Церкви Восточной»²⁴³. Однако — параллельно с полемическими выпадами против Палацкогго и др. будителей — Тютчев, ссылаясь на современный политический момент, неожиданно излагает Трубецкой программу, почти идентичную идеям трактата Коллара и почти в тех же словах: «В настоящий час Россия, по отношению к Западу, по отношению к Германии, оказывает большую услугу Славянским интересам своим всемогущественным бездействием, чем какую могла бы оказать решительным действием, которое теперь только бы прервало существенное дело России, дело только еще начатое, объединения и ассимиляции. Помимо всякой действительности официальной, самому Русскому обществу, той его стороне, которая всего более независима и национальна, следует теперь способствовать довершению этого важного дела, умножая всеми возможными мерами взаимные со Славянами сношения: в области церковной, в искусствах, художествах, — одним словом, всякого рода общении: оно только одно может примкнуть к России рассеянных членов великой семьи»²⁴⁴.

В 1929 г. В. А. Францев, сопоставляя воззрения Пушкина, Мицкевича и Коллара на славянский вопрос, утверждал: «Напрасно Коллар высказал в названном трактате сожаление, что оба поэта, и Пушкин и Мицкевич, не прониклись идеей славянской взаимности и не указали своим соотечественникам пути к ней. (...) Оба славянских поэта (...) с такою мощью выявили в своем творчестве национальную идею, т. е. в колларовском понимании идею славянскую, что в самом деле они могут быть причислены к тем, кто способствовал ее утверждению»²⁴⁵. Другими словами, с «внешней» точки зрения, Пушкин, Мицкевич, Коллар — бесспорные сторонники и апологеты славянской общности; с «внутренней» же точки зрения, они понимали славянскую общность принципиально по-разному и их суждения составляли причудливый полемический полилог. С. Вольман писал: «Коллар с позиции

²⁴³ Цит. по: *Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева*. С. 145.

²⁴⁴ Там же. С. 217.

²⁴⁵ *Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.: Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 207–208.*

единой славянской нации считал Мицкевича (так же как и Пушкина) “невзائمником”. Но Мицкевич написал Ганке в 1848 г.: “Мы вместе служим национальному делу, которое, охватывая все более широкую область, становится делом всех славян, призванных Божьей волей идти к единой цели”. А сам Коллар, вводя понятие “литературная взаимность”, отказываясь от политического соединения, отмечая существенные различия между “наречиями” и практической программой сотрудничества, уже признал дифференциацию, хотя бы *de facto*.²⁴⁶

Аналогично, с «внешней» точки зрения, Тютчев — автор сочувственно им продуманной славянской темы. Как писал А. Н. Пыпин, «славянофильские поэты, от Коллара до Ф. Тютчева, и панславистские историки-публицисты (...) с самого начала видят в славянстве одну семью родных братьев, всегда друг другу близких, но разлучаемых только злобой врагов, которая и теперь только одна не дает им слиться в прежний братский союз, в одно целое»²⁴⁷.

Однако с «внутренней» точки зрения очевидно, что славянский вопрос существовал в мировоззрении Тютчева как сложная система. М. Ю. Досталь, ссылаясь на В. А. Дьякова, предлагала в качестве определения компромиссную формулу «идея славянской взаимности на русской почве»²⁴⁸, поясняя, что славянская доктрина Тютчева сопоставима «не столько с воззрениями славянофилов, сколько консервативных деятелей типа М. П. Погодина»²⁴⁹.

Мы полагаем, что славянское мировоззрение писателя синтезировало несколько несходных моделей, которые едва ли возможно описать как непротиворечивое целое.

Правомерно различать, по крайней мере:

1) «византийскую» модель, подразумевавшую освобождение турецких славян, обретение Константинополя и создание всеславянской православной империи;

2) «русскую» модель, которая включала в освобождение западных славян (от австрийского гнета) их лингвистическое воссоединение с русским языком, конфессиональное воссоединение с православием и, может быть — в далекой перспективе, политическое воссоединение с Россией;

3) модель «славянской взаимности», апеллирующую к пробуждению национального самосознания славянских народов посредством культурного сближения.

Славянские тексты Тютчева не только сами попадают в контекст непростой дискуссии, но и «внутри» отнюдь не составляют единства. И при-

²⁴⁶ Вольман С. Значение традиций прошлого для становления и развития национальных культур славян XVIII–XIX вв. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 41–42.

²⁴⁷ Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 55.

²⁴⁸ Общественная мысль и славистическая историография: Конференция 12 апреля 1989 г.: Экспресс-информация. Калинин, 1989. С. 9.

²⁴⁹ Там же. С. 14.

чина тому не эволюция («диахронный аспект») или непоследовательность («синхронный аспект») писателя, а специфика его поэтического мира (возможно, вдобавок корректируемая дипломатическими навыками).

Примерно такое же видение поэтического мира Тютчева предложено Ю. И. Левиным, который стремился «обосновать единство и системность лирики Тютчева, равно как и ее “дуальный” характер, путем выделения одного глобального инварианта, а именно единого *архисюжета*»: «Архисюжет этот состоит из архимотивов; в конкретных стихотворениях он, во-первых, *редуцируется*, т. е. сохраняются, как правило, лишь некоторые из его архимотивов; во-вторых, *конкретизируется*, воплощаясь в конкретный сюжет данного стихотворения, причем система инвариантных оппозиций как раз и служит материалом для этой конкретизации; наконец, архисюжет может подвергаться и значительной *деформации*, связанной с глубинными изменениями как самих архимотивов, так и связей и отношений (например, ценностных) между ними»²⁵⁰.

Высказываясь — в лирике, публицистике, частных письмах — на славянские темы, Тютчев адаптировал свою многосоставную концепцию к обстоятельствам или к адресату, делая акцент на той или иной модели²⁵¹.

²⁵⁰ Левин Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллинн, 1990. С. 143.

²⁵¹ О значении «жанра и адресации текста» для адекватности выражения позиции Тютчева-публициста см.: Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 244.

Глава V.

*Русская философия и топика
«славянской взаимности».*

*Николай Данилевский, Константин
Леонтьев, Владимир Соловьев
(1860 – 1890-е)*

Идеологическая модель «славянской взаимности», как и ее рецепция в России, основательно изучена историками-славистами²⁵², но в русистике, к сожалению, сложилась принципиально иная ситуация. Функционирование «славянских» идей в творчестве русских писателей и мыслителей исследуется «дискретно», вне общей истории модели «славянского единства» как системы. Авторитетнейшая идеология распадается на случайные теории и топосы, анализируемые без учета логики ее исторического развития.

В предыдущих главах мы старались показать, что начиная с 1830-х гг. модель «славянской взаимности» постоянно присутствовала в творчестве российских авторов первого ряда (А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев и др.), постепенно становясь сложной системой образов, подтекстов, политических намеков и иных средств реализации идеологии в художественных, публицистических и философских текстах. Такого рода топику — систему логических аргументов, художественных образов и т. п., сложившуюся при конкретных исторических обстоятельствах и нередко осмысляемую с противоположных идейных позиций, — продуктивно отличать от чистой идеологии.

Топика «славянской взаимности» манифестирована и в философской публицистике Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, несмотря на оригинальность их концепций и полемику друг с другом²⁵³.

1.

Как известно, Данилевский в трактате «Россия и Европа» (первая публикация — почвеннический журнал «Заря», 1869) одновременно разрабатывает теоретическую область (1) философии, излагая теорию культурно-исторических типов, и (2) практическую область политики. Причем политика, в свою очередь, рассматривается и (2.1) в злободневном аспекте (вся первая глава трактата посвящена итогам Крымской войны 1853–1855 гг. и прусско-

²⁵² См., напр.: *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

²⁵³ Ср., в частности, недавнюю статью: *Фетисенко О. Л.* «Как быть с Соловьевым?»: «L'idée russe» Вл. Соловьева в отзывах современников (по неопубликованным архивным материалам) // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 398–415.

датской войны 1864), и (2.2) с «эпохальной» точки зрения, когда в противостоянии России и Европы открывается извечное стремление разрозненных славянских народов к объединению и непримиримая борьба Запада и Востока за наследство античной цивилизации: «Но и Рим, и Византия уже изжили свои творческие силы и должны были передать свое наследие новым народам. Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии — славяне; и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом»²⁵⁴.

В этом последнем отношении на Данилевского бесспорно оказали воздействие споры, порожденные Славянским съездом 1867 г. и ясно обнаружившие различные варианты «славянской» идеологии. Прежде всего, выявилась оппозиция «польское/чешское». Стоит отметить, что М. Н. Катков еще ранее предлагал заменить нелояльных священников-поляков на специально завезенных чехов: «Но откуда могли бы мы взять других католических иерархов и священников? Откуда? Есть целые славянские страны, исповедующие католическую веру; укажем преимущественно на чехов, которым ничего не стоит в самом скором времени знать как нельзя лучше и русский, и польский язык»²⁵⁵.

Соответственно, топика «славянской взаимности», восходящая к наследию будителей, определяла язык депутатов. Однако если чехи — при всех призывах к единству — трактовали идеи Коллара как обоснование каждого славянского народа на собственный путь, то русская сторона отстаивала понимание русского языка как всеславянского (ср. публикацию трактата словака Л. Штура «Славянство и мир будущего»).

Потому и Данилевский среди «знаменитых славянских имен», для которых была дорога «мысль о славянском объединении», называет Хомякова, Погодина, Ганку, Коллара, Штура²⁵⁶ — двух русских славянофилов и трех деятелей чешско-словацкого Возрождения. А в качестве поэтических эпиграфов к различным главам трактата — наряду с текстами Хомякова и Тютчева — символически избирает цитату из поэмы Коллара «Дочь Славы» (песнь III, сонет 62):

**Стократе йсем млувил, теь уж кричим
К вам, о розкидани Славове!
Будьме целек а не дробтове,
Будьме анеб вицецко, анеб ничим**²⁵⁷.

²⁵⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 308.

²⁵⁵ Катков М. Н. О свободе совести и религиозной свободе // Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002. С. 153.

²⁵⁶ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 407.

²⁵⁷ Там же. С. 54. Кириллическая графика принадлежит Данилевскому. Ср. в оригинальном тексте Коллара: «Stokrate jsem mluvil, ted' uz kricim// k vam, o rozkydani Slavove! // bud'me celek a ne drobtove, // bud'me aneb vsecko aneb nicim». Ср. обратный графический эксперимент Коллара — публикация текста стихотворения Хомякова латинскими буквами («Путешествие в Верхнюю Италию»).

Кроме того, некоторые высказывания Данилевского производят впечатление скрытой цитации той же поэмы. Например, фраза «волны этого древнего немецкого Рейна и соседние равнины не раз обогрелись славянской кровью, проливавшейся за немецкое достояние и за немецкую честь»²⁵⁸ разительным образом напоминает стих Коллара о кровавых водах Рейна, в который после казни был брошен прах славянина-реформатора Яна Гуса (песнь II, сонет 90).

В духе съезда 1867 г. воспринимает Данилевский и врагов славянского народа, указывая на венгров и на австрийского министра иностранных дел Ф. фон Бейста: «(...) в числе приверженцев дуализма можно считать только небольшой мадьярский народец, приобретающий при этом дуализме роль, на которую не имеет права ни по своей действительной политической силе, ни по своему культурному значению, да еще нескольких отвлеченных политиков, вроде г. Бейста...»²⁵⁹.

Впрочем, для автора «России и Европы» использование идеологем, составляющих парадигму «славянской взаимности», отнюдь не означает солидарности с ее инициаторами — представителями славянских народов Австрийской империи. Напротив, Данилевский прямо полемизирует с ними: «(...) те ревнители и друзья Славянства, которые для укрепления славянского общения желали бы ограничиться чисто нравственным образом действия (каковому образу мыслей было представлено довольно много примеров на знаменитом Славянском съезде в Москве и Петербурге), утверждают свой взгляд на том, что славянские идеи еще мало проникли как в наше, так и в западнославянские общества. По их мнению, общение научное, литературное, так сказать, союз славянских душ и сердец заключается в высшей, сверхполитической сфере, и к нему только и должно стремиться. Я знаю, что многие из выражающихся в этом духе изустно и письменно накладывают узду на свою мысль и слово из-за внешних соображений, ради разного рода благоприличий; но некоторые искренно так думают. Такое эфирное общение и единение душ и сердец может действительно существовать в одной сфере человеческих отношений, но только в одной — в той, которая выше всего земного: в сфере религиозной. Но интерес народный, как он ни возвышен, хотя идет непосредственно после интереса религиозного, есть все-таки интерес вполне и совершенно земной и должен быть достигаем и средствами более положительного, земного и материального свойства»²⁶⁰.

Другими словами, русский философ — в противоположность Ф. Палацкому и другим продолжателям идей Коллара, отстаивавшим возможность существования славян в пределах империи Габсбургов, — видит в качестве формы национального объединения создание независимого славянского федеративного государства на основе России: «По этнографическим условиям

²⁵⁸ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 334.

²⁵⁹ Там же. С. 349.

²⁶⁰ Там же. С. 431–432.

славяне должны действительно составить федерацию; но федерация эта должна обнять все страны и народы — от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага. Сообразно этим же условиям, а также согласно с фактами истории и с политическим положением в непосредственном соседстве с могущественным и враждебным романо-германским миром, — федерация эта должна быть самая тесная, под водительством и гегемонией цельного и единого Русского государства»²⁶¹. Отсюда — спор с Палацким: «Когда знаменитый чешский историк Палацкий говорил, что если бы не было Австрии, то ее нужно было бы создать в интересах славянства, — не утверждал ли он этим, что славянство не имеет никакой реальной основы...»²⁶².

Пропагандируя идею политического объединения славянских народов (и тем самым — разрушения Австрии), Данилевский — в противоположность Палацкому — настойчиво агитирует за превращение русского языка во всеславянский: «(...) необходимым плодом политического объединения Славянства явился бы общий язык, которым не может быть иной, кроме русского...»²⁶³.

Наконец, Данилевский сводил историческую деятельность гуситов к восстановлению православных основ чешской религиозности. Будители никогда бы не согласились с такого рода толкованием конфессиональной природы гуситства, но для русского публициста, который воспроизводил здесь идейную конструкцию журнала «Маяк», борьба гуситов-чашиников за право причастия под обоими видами объективно свидетельствовала об их православных симпатиях, да и на древней территории Чехии первоначально христианскую проповедь вели св. Мефодий и ученики солунских братьев: «В окруженной горами Чехии долее сохранилась славянская самобытность, но и она подчинилась латинству и вступила в вассальные отношения к Германской империи. Только память православия жила в ней сильнее, чем в других западнославянских странах, и она-то прорвалась в чехах их народные начала, дала им возможность вновь воскреснуть после полного наружного подавления»²⁶⁴.

Несмотря на расхождения с будителями, Данилевский, суммируя наблюдения над жизнью западных славян и следуя идеологии съезда 1867 г., изображает чехов как исторических союзников России в деле национального воссоединения славян и тем самым противопоставляет их полякам, которые, по его мнению, предали высокое предназначение во имя враждебного Запада: «И что же произвела чешская и польская цивилизация? Форма, в которой европейские народы усвоили себе христианство — католицизм, —

²⁶¹ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 363.

²⁶² Там же. С. 362.

²⁶³ Там же. С. 429.

²⁶⁴ Там же. С. 314.

как несвойственная славянскому духу, именно в Польше (где, по обстоятельствам, она была усвоена самым искренним образом) приняла самый карикатурный вид и произвела самое развещающее действие. (...) Германский аристократизм и рыцарство, исказив славянский демократизм, произвели шляхетство; европейская же наука и искусство, несмотря на долговременное влияние, не принялись на польской почве так, чтобы поставить Польшу в число самобытных деятелей в этом отношении. Чехи, по счастью, не отнеслись столь пассивным образом к чуждым их народному характеру началам, старались сбросить с себя иго их; и только эти самостоятельные порывы чехов, эти противугерманские антиевропейские подвиги, каковыми их Европа считала и считает (как-то: религиозная реформа на православный лад и борьба из-за нее с Европой во времена Гуса и Жижки и начатое ими в наше столетие панславистское движение), могут и должны считаться всемирно-историческими подвигами чешского народа, его заветом потомству»²⁶⁵.

Общий итог славянской концепции трактата «Россия и Запад» формулируется в терминах «славянской взаимности», но с политической акцентировкой, заведомо неприемлемой для «культуртрегерской» («культурофильской», по выражению К. Н. Леонтьева) тенденции будителей: «Итак, для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгарина (желал бы прибавить и поляка), — после Бога и Его святой Церкви, — идея славянства должна быть вышею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления — без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности»²⁶⁶.

2.

Славянские воззрения Леонтьева²⁶⁷ получили ясную формулировку еще в работе «Византизм и Славянство» (1875, первая публикация — «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских»), которая затем уточнялась в поздних сочинениях («Записки отшельника», «Национальная политика как орудие всемирной революции», «Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву» и т. д.).

Леонтьев, деликатно обозначив цель своего выступления в качестве «поправки к книге Данилевского», кардинально пересмотрел выводы автора «России и Европы»²⁶⁸. «Сторонник Данилевского и его теории смены куль-

²⁶⁵ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 122–126.

²⁶⁶ Там же. С. 127.

²⁶⁷ См. их обстоятельное реферирование в кн.: Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997.

²⁶⁸ Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 385.

турных типов, хотя и не разделявший его либерального славянолюбия»²⁶⁹, Леонтьев создал концепцию столь же многоуровневую, как у Данилевского.

С философской точки зрения (1) — теория трех состояний человечества вообще и каждого культурно-исторического типа в частности; с актуально-политической точки зрения (2.1.) — анализ европейских национально-освободительных движений, развития «восточного вопроса» и «славянского вопроса», церковного противостояния греческой и болгарской церкви; с «эпохально-политической точки зрения (2.2) — эпатирующая русскую аудиторию версия славянской идеологии, сознательно построенная как ряд вызывающих анти-тезисов к утверждениям Данилевского.

По Леонтьеву, традиционное убеждение в исключительной близости с чехами — опасное заблуждение: «Чехи? Чехи? О чехах говорить у нас очень трудно. У нас принято писать за правило говорить им всякого рода лестные вещи; писатели наши считают долгом ставить чехов непременно выше русских. Почему? Я не знаю. Потому ли, что народ их грамотнее нашего; потому ли, что у них когда-то были благородный Гус и страшный Жижка, а теперь есть только “честные” и “ученые” Ригер и Палацкий? Конечно, чехи — братья нам; они полезны (...) славянству, т.е. племенной совокупности славян; они полезны как передовая батарея славянства, принимающая на себя первые удары германизма»²⁷⁰.

Не отвергая значения пропаганды «славянской взаимности», Леонтьев акцентирует книжный, а значит, «германский» характер интеллектуальной деятельности «будителей»: «Чехия есть орудие немецкой работы, обращенное ныне славянами против германизма»²⁷¹.

Корректируется им и идеологема «православного» гуситства: «Прибавим, что они все-таки католики, и воспоминания о Гусе имеют у них, надо же согласиться, более национальный, чем религиозный характер»²⁷².

Ясно, что «орудие немецкой работы» никогда не будет оценено Леонтьевым позитивно, поэтому более откровенное изложение его программы подразумевает нежелательность политического объединения с чехами и другими западными славянами, слишком уже европеизированными: «Я нападаю на идеал всеславянского объединения *когда бы то ни было и во что бы то ни стало*; я считаю этот последний идеал (чисто политический) для первого (для *идеала самобытности* духовной) весьма опасным уже по одному тому, что большинство образованных *не русских* славян слишком привыкло к европейским формам свободы и равенства или слишком предано им, не говоря уже об иноверии славян австрийских»²⁷³.

²⁶⁹ Косик В. И. Указ. соч. С. 203.

²⁷⁰ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 43–44.

²⁷¹ Там же. С. 46.

²⁷² Там же. С. 45.

²⁷³ Там же. С. 350–351; ср.: Косик В. И. Указ. соч. С. 107–110.

Леонтьев — в отличие от Данилевского — акцентирует заинтересованность российской дипломатии в продлении существования современной Австро-Венгерской империи: *«Истинное (то есть культурное, обособляющее нас в быте, духе, учреждениях) славянофильство (или точнее культурофильство) должно отныне стать жестоким противником опротивевшего, чисто политического панславизма. (...) Нужно теперь славянолюбие, не славянопотворство, не славяноволие; нужно славяномыслие, славянотворчество, славяноособие. Вот что нужно теперь. Русским в наше время надо, ввиду перечисленного мною прежде, стремиться со страстью к самобытности духовной, умственной и бытовой... И тогда и остальные славяне пойдут со временем по нашим стопам. Эту мысль, простую и ясную до грубости, но почему-то у нас столь немногим доступную, я постараюсь подробнее развить в следующем особом ряде писем: об опасностях панславизма и о средствах предотвратить эти опасности. Я полагаю, что одно из главных этих средств должно быть, по возможности, долгое, очень долгое сохранение Австрии, предварительно, конечно, жестоко проученной. Воевать с Австрией — желательно; победить ее необходимо; но разрушить ее — избави нас Боже! Она до поры до времени (до православно-культурного возрождения самой России и восточных единоверцев ее) — драгоценный нам карантин от чехов и других уже слишком «европейских» славян. Ясно ли?»*²⁷⁴

Наконец, Леонтьев выказывает симпатии к венграм²⁷⁵ и полякам, подчеркивая «аристократический характер» их национальной идеологии²⁷⁶. Потому Леонтьев ухитрился посочувствовать восстанию 1863 г.: «Взбунтовалась весьма дворянская и весьма католическая Польша против России, искренно увлеченной в то время своим разрушительно-эмансипационным процессом. (...) Россия же после этого стала смелее, сильнее, еще и еще либеральнее сама и в то же время насильственно демократизировала Польшу и больше прежнего ассимилировала ее»²⁷⁷. Впрочем, в системе воззрений автора «Византизма и славянства» никаких противоречий тут не содержится: «До 63-го года и Польша, и Россия, обе внутренними порядками своими гораздо менее были похожи на современную нам Европу, чем они обе стали после своей борьбы за национальность»²⁷⁸.

²⁷⁴ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 335–336.

²⁷⁵ См.: Косиж В. И. Указ. соч. С. 118–119.

²⁷⁶ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 312.

²⁷⁷ Там же. С. 323.

²⁷⁸ Там же. Симптоматично, что — при всей оригинальности — воззрения Леонтьева явно напоминают программу «аристократической» оппозиции правительству Александра II. Ср. характеристику этой оппозиции в записке славянофила А. И. Васильчикова (1872–1874 гг.): «<...> Палацкий и Ригер считались в этих сферах такими же зловредными трибунами, как Гарибальди и Бакунин <...> Эта оппозиция также проявлялась в сочувствии блестящей Венской и Венгерской аристократии, противоположной неряществу славянских племен...» (Васильчиков А. И. Тайная полиция в России // Христоворов И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 377–378).

3.

Для Соловьева 1880-е – начало 1890-х — годы создания статей, составивших выпуски «Национального вопроса в России», трактата на французском языке «Россия и Вселенская Церковь» и других сочинений, где философ оппонировал консервативным, националистическим настроениям в России Александра III. Потому если Леонтьев находился под влиянием книги Данилевского, то Соловьев вел с Данилевским принципиальную полемику (что актуализировалось третьим изданием «России и Европы», осуществленным в 1888 г. по инициативе Н. Н. Страхова).

Соловьев выступал против (1) теории культурно-исторических типов с позиций идеала «единого человечества», но, кроме того, и против (2) политических конструкций Данилевского в области славянских отношений. Причем необходимо подчеркнуть, что Соловьев владел дискурсом «славянской взаимности» и в «узком», «чешском» смысле (точно прилагая колларовскую формулу к деятельности иностранных гостей — «западных и южных славян»²⁷⁹), и в широком смысле, который к тому времени был создан в русской культуре.

В аспекте злободневности (2.1) расхождения Соловьева с Данилевским проявляются в осмыслении балканских событий 1876–1878 гг., прежде всего — непопулярного в России Берлинского конгресса, решения которого существенно ограничивали российские достижения, зафиксированные в прелиминарном Сен-Стефанском мирном договоре. Соловьев напоминал, что Данилевский «писал свою книгу в конце шестидесятых годов и в будущей войне из-за восточного вопроса ожидал увидеть тот грозный опыт истории, который должен был оправдать его воззрения и дать нам спасительные уроки. (...) Грозный опыт истории, которого с такой уверенностью ждал Данилевский, совершился на наших глазах. Громов и молний было довольно на Балканах, но “Синай” наш оказался в Берлине. (...) Опыт, во всяком случае, оказался неудачным, а до другого было далеко»²⁸⁰.

Суждения Соловьева тем более горьки, что сам он в преддверии войны опубликовал знаменитую статью «Три силы», где пророчествовал о скорой манифестации в современных событиях великой миссии «Славянства и его главного представителя — народа русского»²⁸¹. И даже, «поддавшись общему патриотическому порыву, охватившему русское общество в связи с Манифестом о войне с Турцией»²⁸², отправился на фронт «в качестве политического корреспондента “Московских ведомостей”» и «для занятия учебным и церковным делом в будущем болгарском государстве»²⁸³.

²⁷⁹ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 658.

²⁸⁰ Там же. Т. 1. С. 394–395.

²⁸¹ Там же. С. 30.

²⁸² Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 385.

²⁸³ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 629.

Но поездку Соловьева — «трагикомический эпизод»²⁸⁴ — трудно было назвать успешной. 16 июля 1877 г. философ напечатал в командировавшей его газете единственный маловыразительный материал «Из Свиштова (Систово)»²⁸⁵, а в поздних мемуарах (1897) позволил себе поделиться вполне выразительными печальными наблюдениями. Соловьев вспоминал, как князь В. А. Черкасский, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. занимавшийся устройством временных гражданских учреждений на территории Болгарии, распекал «нескольких болгар в шуртуках и даже фраках. Более сильных бранных слов и более громких окриков я, кажется, не слышал во всю свою жизнь. Но лица этих освобожденных братьев, или — на языке князя — “анафемские рожи этих архибестий”, ясно показывали, что они не без удовольствия принимали отеческое внушение, как милостивую замену хорошо заслуженной виселицы. Отпустив их с миром, хотя и не с честью, кн. Черкасский ввел меня в свою комнату и, после первых расспросов, стал говорить о положении дел. Он был разочарован, утомлен и раздражен»²⁸⁶.

Отсюда проистекает и общая пессимистическая оценка организационной деятельности славянских комитетов в период балканских событий (статья «Народная беда и общественная помощь», 1891): «(...) когда в 1876 г. разнеслись по России вести об избитиях в Болгарии и возникло сильное и по крайней мере некоторое время серьезное стремление помочь избиваемому народу, те же самые славянские комитеты, над которыми года два перед тем покойный Катков в качестве реального политика издевался как над пустою затеею “старца Погодина и его молодого друга Нила Попова”²⁸⁷, вдруг выросли и стали руководящею общественною силою и увлекли за собою самого Каткова в числе прочих. Когда цель общественного движения была достигнута, славянские комитеты, несмотря на честолюбивые старания отдельных лиц, вернулись навсегда к своей прежней незначительности»²⁸⁸.

Позднее же «Письмо о восточном вопросе» (1898), посвященное армянским и греческим погромам 1896–1897 гг., по-настоящему трагично и эсхатологично: «Провидение как будто выжидает и безмолвствует. Вот почему в прошлом году все горячие исторические материалы были как отсырелые дрова, и не могла зажечь восточного вопроса борьба христианского мира с мусульманским! Но где же, в чем наше христианство?»²⁸⁹

²⁸⁴ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 629.

²⁸⁵ См. атрибуцию и публикацию А. А. Носова: Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 309–310.

²⁸⁶ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 629.

²⁸⁷ О славянофильской деятельности Н. А. Попова, женатого на сестре Соловьева Вере, см. подробнее: Воробьева И. Г. Некоторые источники обоснования идеи славянского единства в русской историографии // Славянский вопрос: Вехи истории. М.: РАН Институт славяноведения и балканистики, 1997. С. 77–78.

²⁸⁸ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 382.

²⁸⁹ Там же. С. 638.

Рассматривая полемику Соловьева со (2.2) «славянскими» идеологемами Данилевского, следует сразу акцентировать индифферентное, доходящее до враждебности отношение философа к чешской версии «славянской взаимности». Выбирая себе в могущественные союзники Анну Федоровну Аксакову, «дочь и жену славянофилов» — дочь Ф.И. Тютчева и жену И.С. Аксакова, Соловьев вспоминал, что она «очень своеобразно относилась к славянофильству. Западные и южные славяне вызывали в ней глубокое презрение и отвращение. Правда, она их знала по тем образчикам, которые она могла видеть в Славянском комитете и в кабинете ее мужа, где их понятие о славянской взаимности (так!) принимало несколько узкую форму, всецело сосредоточиваясь на испрашивании и получении денежных пособий»²⁹⁰.

Никак не симпатизируя идеям «славянской взаимности», Соловьев, впрочем, искусно владел этим дискурсом. Что он демонстрирует, например, в статье «О народности и народных делах России» (сборник «Национальный вопрос в России»): «Мудрость и самоотвержение наших предков обеспечили самостоятельное бытие России, давши ей зачаток сильной государственности. Такая государственность была необходима для России, расположенной на большой дороге между Европой и Азией, без всяких природных защит, открытой для всех ударов. Без глубокого государственного смысла, без самоотверженной и непоколебимой покорности правительственному началу Россия не могла бы устоять под двойным напором с Востока и Запада: подобно другим нашим единоплеменникам, мы были бы поработены бусурманами или же поглощены немцами»²⁹¹.

Идеологема, выраженная в словах «подобно другим нашим единоплеменникам, мы были бы поработены бусурманами или же поглощены немцами» и апеллирующая к горестной судьбе южных славян в Турции и западных славян в Германии, присутствует во вступлении к колларовой поэме «Дочь Славы» — согласно пересказывающему переводу известного слависта А.С. Будиловича²⁹²:

**Давно ли нежный голос Славии звучал
От пенных Балта волн до синего Дуная,
И от предательского Лаба до равнин
Неверной Вислы! Ныне он уж онемел...**

Та же идеологема реализована в стихотворениях Хомякова «Орел», Тютчева «К Ганке». Аналогичным образом в предсмертных «Трех разговорах» Соловьев позволяет своему персонажу — Политику — приязненно цитировать слова Палацкого, вызвавшие гневную отповедь Данилевского: «(...) более меня

²⁹⁰ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 658.

²⁹¹ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 286.

²⁹² Будилович А. С. Ян Коллар и западное славянство. Б. м., 1894. С. 10.

компетентные люди — национальные вожди Богемии — уже давно объявили: «Если бы Австрии не было, ее надо было бы выдумать»²⁹³.

Политик — явно не alter ego автора, и отношение Соловьева к формуле Палацкого скорее всего не столько сочувственное, сколько скорбно-прагматическое — как к формуле, фиксирующей обоснованное сомнение в возможности «идеалистической» политики. И закономерно, что эта цитата соседствует с репликой Политика, перекликающейся с болгарскими впечатлениями философа: «Нет, хоть мы нередко вдавались в дурную политику, но я все-таки уверен, что такого безумия, как новая война с Турцией, мы не увидим...»²⁹⁴.

Учет славянского контекста дает возможность для истолкования одного из темных мест в отрывочном трактате «La Sophia», а именно — вставку на полях л. 57 об. и л. 58, которая представляет собой ряд топонимов:

«2. *Восток **Запад ***Славянство

3. *Сев<ерная> Африка, Зап<адная> Азия, Индия.

**Романск<ий> Запад, Германский, Англо-Саксонский.

***Южное славянство, Западное сл<авянство>, Восточн<ое> слав<янство>.

4+. Египет, Мавритания, Абиссиния.

4+++. Туран и Иран, Малая Азия и Сирия, Аравия.

4++++. Южная Индия, Северозап<адная> Индия, Северовосточн<ая>

Индия.

4. Италия, Исп<ания> с Португ<алией>, Франция.

Южная Германия, Северная Германия, Скандинавия.

Великобритания, Южн<ые> Штаты, Сев<ерные> Штаты.

Греция, Болгария, Сербия.

Венгрия, Польша, Чехия.

Малая и Белая Русь, Восточная Россия, Великороссия.

etc. etc. etc.»²⁹⁵.

Это, по-видимому, попытка классифицировать культурно-географические регионы по тринитарному принципу, где особенно интересна схема славянских этносов: «Славянство» — «Южное славянство, Западное сл<авянство>, Восточн<ое> слав<янство>» — «Южное славянство — «Греция, Болгария, Сербия» — западное славянство — «Венгрия, Польша, Чехия» — восточное славянство — «Малая и Белая Русь, Восточная Россия, Великороссия».

Можно подумать, что автор «Софии», движимый желанием все подчинить троичному принципу, пошел даже на экстравагантное (с современной точки зрения) включение Греции в южнославянский и Венгрии — в западнославянский этнический ряд. Но подобная географическая странность вполне разъясняется при обращении к трактату Данилевского и идеологемам «славянской взаимности».

²⁹³ Соловьев В. С. Три разговора. М., 1991. С. 74.

²⁹⁴ Там же. С. 73.

²⁹⁵ Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. С. 73.

Автор «России и Запада» был совершенно убежден, что во «всеславянскую федерацию должны, волею или неволею, войти те не славянские народности (греки, румыны, мадьяры), которые неразрывно, на горе и радость, связала с нами историческая судьба. (...) Эти народы <греки и румыны. — Л. К., М. О. > не так чужды славянам и по крови, как некоторые думают и как многие того бы желали. (...) Что касается до мадьяр (...), и это племя, подобно румынам и теперешним грекам, сильно смешано со славянами»²⁹⁶. Причем антивенгерская ориентация явно оказывается «вывернутым» вариантом негативного отношения к системе австро-венгерского дуализма, определившей поведение западнославянских депутатов на съезде 1867 г., а теория о принадлежности греков к славянам дана со ссылкой на эпатажные исследования Я. Ф. Фальмерайера²⁹⁷, высоко ценимые как Колларом, так и Тютчевым.

Экстатический текст неоконченного трактата «La Sophia» позволяет понять дополнительные причины, в силу которых Соловьев так болезненно воспринял решения Берлинского конгресса 1878 г.

Дело в том, что именно в 1878 г. должны были свершиться грандиозные историософские надежды мыслителя. Согласно откровениям трактата, в 1878 г. родится София²⁹⁸ и начнется третий период истории человечества, когда «разделение на мертвых и живых прекращается, оба мира объединяются»²⁹⁹. Очевидно, что разительность контраста ожиданий и печальных политических фактов была для философа травматической. По словам его племянника-биографа, «осуществлять свои схемы в реальной политике текущего дня, втискивать исторический процесс в “Тегелевские трихотомии” всегда было присуще Соловьеву. Здесь гениальные прозрения смешиваются иногда с детски беспомощными иллюзиями. Интерес к политике Соловьев обнаруживает во время египетского путешествия в письмах к отцу. Весьма пронизательно он говорит, что “восточного вопроса до 1877 г. быть не должно, а если и будет, то самый паршивый”. Мы видим, что с 1878 г. Соловьев связывал мистические чаяния, с 1878 г. наступает новая, третья эра, новое рождение Софии в сознании человечества. От этого же года Соловьев ждал больших политических событий, и не ошибся»³⁰⁰.

Используя славянские идеологемы в целях прямой дискуссии с Данилевским, Соловьев в трактате «Россия и Вселенская Церковь» явно противопоставил собственное понимание христианского назначения России политизированному рецепту автора «России и Европы»: «Панславистские политики хотели бы, чтобы Россия разрушила австрийскую империю и основала славянскую конфедерацию. А затем?»³⁰¹

²⁹⁶ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 363–364.

²⁹⁷ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 367.

²⁹⁸ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 55.

²⁹⁹ Там же. С. 143.

³⁰⁰ Соловьев С. М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 126.

³⁰¹ Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь. М., 1991. С. 86–87.

Универсалистская программа Соловьева, обуславливая отрицание концепции Данилевского (согласно которой борьба славянства с немцами есть форма древней борьбы Византии с Римом), возлагает на Российскую империю великую миссию — греко-римский религиозный синтез: «Вопрос в том, есть ли в христианском мире власть, способная вновь и с лучшей надеждой на успех взяться за дело Константина и Карла Великого. Глубоко религиозный и монархический характер русского народа, некоторые пророческие факты в его прошлом, огромная и сплоченная масса его империи, великая скрытая сила национального духа, стоящая в таком противоречии к бедности и пустоте его теперешнего существования, — все это указывает, по-видимому, что исторические судьбы судили России дать Вселенской Церкви политическую власть, необходимую ей для спасения и возрождения Европы и всего мира»³⁰².

Данилевский, доказывая исконное миролюбие славян и толерантность их версии христианства — православия, сводит церковные преследования инакомыслящих к воздействию национального мышления народов Запада: «Первая еретическая кровь пролилась, как известно, на Западе, хотя число ересей было гораздо многочисленнее на Востоке. В 385 году испанский еретик Прискиллиан с шестью сообщниками были пытаны и казнены в Бордо после осуждения их на соборах Сарагосском, Бордосском и Трирском. Православная церковь, в лице Амвросия Медиоланского и Мартина Турского, в ужасе отвратилась от этого преступления. Эта казнь, эта религиозная насильственность, совершенная еще во времена Римской империи, еще при общем господстве православия, послужили как бы началом той нетерпимости, которую выказал впоследствии католицизм»³⁰³.

Соловьев ровно те же самые факты интерпретирует как иллюстрацию искажения христианской истины не в католическом, а православном мире («О причинах упадка средневекового мирозерцания», 1891): «Мудрено ли, что Кодекс Юстиниана есть, в сущности, лишь подкрашенное христианскими словами законодательство языческой Римской империи? На Западе было несколько лучше. Были яркие примеры стремлений к социально-нравственному христианству, начиная от принципиального протеста св. Мартина Турского и св. Амвросия Медиоланского — против смертной казни...»³⁰⁴.

Для Данилевского Коперник — образец специфического славянского научного мышления: согласно трактату, «Россия и Европа», астрономия задана «четырьмя великими именами: греком Гиппархом, славянином, поляком, Коперником, немцем Кеплером и англичанином Ньютоном. (...) Гиппарховский период должно, следовательно, назвать периодом искусственной системы. Эта крайняя сложность привела ясный славянский ум Коперника в сомнение, и он

³⁰² Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь. М., 1991 С. 65.

³⁰³ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 180.

³⁰⁴ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 353.

заменял Гиппархову, или (как ее обыкновенно называли) Птолемееву, искусственную систему своею естественною системою...»³⁰⁵.

Разумеется, Соловьев не смирился с этим: «Говоря о научных задатках грядущего славяно-русского типа, Данилевский упоминает, между прочим, о Копернике. (...) совершенно несомненно, что имя Коперника, неразрывно связанное с именами немца Кеплера, итальянца Галилея и англичанина Ньютона, принадлежит всецело и безраздельно к настоящей европейской, или романо-германской, а никак не к будущей русско-славянской науке»³⁰⁶.

Более того, к этому тезису Соловьев прибавил энергичное примечание, в котором враждебно акцентировал антипольскую направленность славянской идеологии оппонента: «Когда дело идет у нас о каком-нибудь великом *польском* имени, — будь то в сфере научной, как Коперник, или же в сфере политической и военной, как Ян Собеский, — поляки не только признаются настоящими славянами, но даже почти не различаются от русских: их слава — наша слава! Когда же хотят во что бы то ни стало оправдать существующие ненормальные отношения между Россией и польской нацией, тогда поляки выставляются отщепенцами, изменниками и предателями славянства, перешедшими во враждебный латино-германский мир и долженствующими погибнуть вместе с ним без всякого права на участие в будущих великих судьбах славянского племени»³⁰⁷.

4.

Критическое определение места польского вопроса в славянской идеологии Данилевского позволяет уточнить специфику славянской идеологии самого Соловьева. Действительно, противопоставляя себя как культуртрегерской «славянской взаимности» чешско-славянских будителей, так и политизированной концепции автора «России и Европы», он отнюдь не выходит за пределы общей «славянской» модели. Он лишь реализует, творчески адаптируя, другую ее разновидность.

Во введении к трактату «Россия и Вселенская Церковь» философ, экстатически пророчествуя, возводит свои воззрения к мало известной в России хорватской традиции: «Бессмертный дух великого апостола (Петра. — Л. К., М. О.), невидимый слугитель Господа в правлении видимой Церковью Его (...) ты покоришь ей империю Константина и империю Карла Великого. После этих двух предварительных воплощений она ждет третьего и последнего воплощения своего. Целый мир, полный сил и желаний, но без ясного сознания судеб своих, стучится в двери мировой истории. Какое слова скажите вы, народы слова (типичная для «славянской взаимности» оппозиция славян как народов

³⁰⁵ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 142–143.

³⁰⁶ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 343.

³⁰⁷ Там же.

слова и германцев как немых, «немцев». — *Л. К., М. О.*)? Громада ваша еще не знает этого, но могучие голоса, раздавшиеся в вашей среде, уже поведали это. Два века тому назад кroatский священник пророчески возвестил, а в наши дни епископ той же нации неоднократно с дивным красноречием заявлял об этом. Сказанное представителями западных славян, великим Крижаничем и великим Штроссмейером, нуждалось лишь в простом а м и н ь с о стороны восточных славян. Это а м и н ь я пришел сказать от имени ста миллионов русских христиан, с твердой и полной уверенностью, что они не отрекутся от меня»³⁰⁸.

Впрочем, хорватская аллюзия значима для Соловьева скорее в качестве конфессиональной, т. е. католической. А по-настоящему влиятельной католически-славянской идеологией для русского философа, бесспорно, была польская. Как отметил еще С. М. Соловьев: «Оригинальное славянофильство склоняет его (В. С. Соловьева. — *Л. К., М. О.*) симпатии к католикам-славянам, полякам и хорватам»³⁰⁹. Что — как ранее с Леонтьевым — предсказуемо по законам «славянской» модели: если не Россия и не Чехия, то Польша.

Тем более, что в польской мысли оформилось авторитетное мессианское течение, казалось бы, обреченное на симпатии Соловьева: «Широкий идеализм польского духа, впечатлительного к чужим влияниям до увлечения и энтузиазма, составляет характерную черту, слишком очевидную. Универсализм поляков заслужил им со стороны ограниченных националистов упрек в “измене славянству”³¹⁰. Но кто знаком с корифеями польской мысли — Мицкевичем, Красинским, Товьянским, Словацким, тот знает, насколько в их универсализме проявилась великая сила национального гения»³¹¹.

Привлекал Соловьева и католический характер польской мысли, при апологии которого он — в какой-то мере — имплицитно апеллировал к идеям Леонтьева (статья «Мнимая борьба с Западом», сборник «Национальный вопрос в России»): «Не только чехи, поляки и хорваты, признающие свою солидарность с европейской культурой, могут оказаться невольными изменниками тому русско-славянскому миру, к которому они должны принадлежать (...), но нечто подобное может случиться и с теми русскими, которые, ввиду получения нами нашего просветительного начала из Византии, пришли бы к убеждению, что мы должны подчинять наши национальные интересы не славянскому, а греческому культурному типу...»³¹².

Это — с одной стороны. С другой же — Соловьев неоднократно демонстрировал неприятие польского мессианизма, когда подозревал в нем подмену

³⁰⁸ Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь. С. 73–74.

³⁰⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 220.

³¹⁰ Ср. суждение Данилевского о Польше, «не только бесполезном, но и вредном члене славянской семьи, изменившем общим славянским началам» (*Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 314).

³¹¹ Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996. С. 271.

³¹² Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 538.

универсализма национализмом. В принципиальном письме С. А. Толстой (27 апреля 1877), суммирующем познания философа в мистической словесности, он свидетельствовал: «Познакомился немного с польскими философами, — общий тон и стремления очень симпатичны, но положительного содержания никакого, — пара нашим славянофилам»³¹³. И позднее — в статье, напечатанной по-французски в 1889 г. на страницах польского журнала, Соловьев заявлял: «Для польских мессианистов родина была не только предметом любви, что естественно и нравственно обязательно, — она была для них предметом веры и культа. Но это — некий вид идолопоклонства»³¹⁴.

Противоречия такого рода разрешаются тем, что Соловьев ориентировался не на польскую мысль вообще, а на ее яркого представителя — Адама Мицкевича, которым темпераментно увлекся еще в 1875 г.³¹⁵ и которого уверенно — наряду с Пушкиным — именовал (1888/1890) любимым поэтом³¹⁶.

Восхищаясь поэмой «Конрад Валленрод», другими художественными произведениями Мицкевича, Соловьев был знаком и с лекциями о литературе славянских народов, которые польский изгнанник читал в Париже. Русский философ подробно анализировал их содержание в юбилейной статье 1899 г.³¹⁷, что позволяет задним числом восстановить значимость польского диалога и для его сочинений 1880-х — начала 1890-х.

Прежде всего, Соловьев уточняет своеобразие польского мессианизма в понимании Мицкевича: «Важно не то, что кто-нибудь считает свой народ избранным, — это свойственно почти всем, — а важно то, в чем полагается избраннычество. Не то важно, что Мицкевич объявил Польшу народом-Мессией, а то, что он преклонился перед нею, как перед Мессией не торжествующим, а страждущим, понял, что торжество не дается даром и не добывается одною внешнею силою, а требует тяжелой внутренней борьбы, должно быть выстрадано. (...) он думал, что польский народ своими страданиями искупает грехи других народов. Конечно, это не так (...) в новых воззрениях Мицкевича важно именно то, что он признал для *своего* народа этот нравственный путь, ведущий к высшей и всеобъемлющей цели через самоотречение, вместо прежнего валленродовского пути. Важен этот со времен еврейских пророков небывалый подъем национального сознания в область высшего нравственного порядка...»³¹⁸.

³¹³ Цит. по: Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. II. М., 1990. С. 140; см. также комментарий на с. 236–237.

³¹⁴ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 269.

³¹⁵ Лукьянов С. М. Указ. соч. Кн. 3. Вып. I. С. 74.

³¹⁶ Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 642.

³¹⁷ Э. Л. Радлов считал эту статью итоговой для Соловьева, сопоставляя ее с трактатом «Оправдание добра» (Радлов Э. Л. Характер творчества и поэзии Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 377).

³¹⁸ Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. С. 375.

Здесь примечательно как очевидное сходство с тем, как Соловьев понимал миссию России — самоотречение во имя теократической идеи вселенской церкви, так и сравнение с «временами еврейских пророков». «Для меня Россия, — возглашал Соловьев в уже цитированной статье, закономерно адресованной польскому читателю, — своего рода второй Израиль, который может разделить и жребий первого»³¹⁹.

Эсхатологическое толкование связи славянского вопроса с еврейским обнаруживает удивительное (почти текстуальное) сходство лекций Мицкевича с сочинениями Соловьева. Мицкевич: «Мессианизм один только может разрешить древнейший и тяжелейший из всех вопросов: вопрос еврейского народа. Этот народ не без причины избрал Польшу в качестве своей родины. Народ, самый спиритуалистский на земле, способный понять то, что есть самого возвышенного в человечестве, но остановленный в своем развитии, бессильный завершить свое предназначение, народ деградировавший, он, однако, не прекращал надеяться на Мессию: это ожидание, возможно, оказало влияние на характер польского мессианизма. Эти два вопроса связаны в один узел. (...) Напрасно старались и стараются до сих пор привязать еврейский народ к польскому делу, предлагая ему и собственность, и материальное благосостояние. Как Израиль сможет забыть столько веков бедствий и продать свое славное прошлое за кусок земли! И разве не будет несчастьем даже для вселенной, если этот народ, уникальный обломок древних народов, единственный, что никогда не сомневался в Провидении, впадет в отступничество?»³²⁰ Соловьев («Еврейство и христианский вопрос», 1884): «Служить католичеству — вот высшее назначение польской нации. И первая и величайшая служба — воссоединение католичества с православием, примирительное посредничество между папой и царем, — первое начало новой христианской теократии. (...) Наступит день, и исцеленная от долгого безумия Польша станет живым мостом между святыней Востока и Запада. Могущественный царь протянет руку помощи гонимому первосвященнику. Тогда восстанут и истинные пророки из среды всех народов и будут свидетелями царю и священнику. Тогда прославится вера Христова, тогда обратится народ Израилев. Обратится потому, что вьвь увидит и познает царство Мессии в силе и деле. И не будет тогда Израиль лишним среди Египта и Ассура, среди Польши и России»³²¹.

Своеобразие оригинальной славянской концепции Мицкевича, по Соловьеву, заключается в «истине продолжающегося внутреннего роста христианства. Если мир стоит столько веков после Христа, значит, делается что-то, готовится в нем желательное для нашего спасения; и принимать участие

³¹⁹ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 269.

³²⁰ Mickiewicz A. Cours de litterature slave // Mickiewicz A. Pisma. Т. 7–11. Paris, 1860. Т. 10. Р. 365–366.

³²¹ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 253.

в этом делании — есть наша обязанность, если только христианство действительно есть богочеловеческая религия»³²².

И впрямь, незавершенность христианского откровения — важнейшая идея Мицкевича: согласно его убеждению, славяне, «которые восприняли, сохранили и увеличили христианскую истину, тем самым оказываются способными в свою очередь воспринять последующие откровения и должны завершить христианство. Я говорю об откровениях последующих и частичных, потому что не могло бы быть и не может быть другого вселенского откровения, кроме христианства»³²³. И далее: «Я полагаю, и все заставляет меня верить в это, что христианские народы будут постоянно двигаться к реализации Евангелия и что однажды исключительные души, которые в состоянии получить божественное вдохновение, будут призваны играть роль, что сегодня, возможно, не соответствует действительному уровню общества»³²⁴.

Однако, как явствует хотя бы из введения к трактату «Россия и Вселенская Церковь», Соловьев исповедовал ту же мистическую идею. Разумеется, речь не идет об одностороннем и однозначном заимствовании. Для Мицкевича Польша — народ будущего и народ христианского откровения, а Россия — народ исключительно настоящего и народ государственного служения. Отсюда и его суждения о русской религиозности: «Европа в целом, если мы ее рассматриваем как принадлежащую к Вселенской Церкви, есть христианская, католическая и ортодоксальная. Как дух жизни и действия она именуется христианской; как закон, как форма она именуется католической; как образ действия, как приложение догмы к жизни она именуется ортодоксальной. Это суть три свойства одной сущности. (...) Среди славянских народов Россия именуется *православной* (Мицкевич транслитерирует русское слово. — Л. К., М. О.), то есть народом, который блюдет истинный культ: культ — это внешний способ почитания Божества. Польша имеет титул ортодоксальной; она прилагает христианский дух и католическую форму к политическому образу действия»³²⁵.

В соловьевской концепции — повторим — все обстоит совершенно иначе (статья «Славянский вопрос» из сборника «Национальный вопрос в России»). Для Соловьева народ будущего — это Россия: «Российская империя располагает большими, нежели у какого-либо другого государства, естественными возможностями продолжить дело Константина и Карла Великого»³²⁶. И тем не менее цель у России Соловьева оказывается почти той же, что у Польши Мицкевича: «Но она исполнит свой долг, лишь воссоединив Восток со Вселенской Церковью и введя христианский принцип в свою внешнюю и внутреннюю политику»³²⁷. Потому — в отличие от Данилевского

³²² Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. С. 378.

³²³ Mickiewicz A. Op. cit. T. 9. P. 9.

³²⁴ Ibid. P. 24.

³²⁵ Mickiewicz A. Op. Cit. T. 10, P. 306–307.

³²⁶ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 269.

³²⁷ Там же.

(и Мицкевича) — славянский идеал Соловьева предполагает не соперничество России с Польшей, но сотрудничество на путях реализации теократического идеала Вселенской Церкви: «Жизненный вопрос для славянских народностей не в том, как им освободиться от иноплеменников: большая часть этого дела уже сделана, и довершение остального есть лишь вопрос времени; жизненный же вопрос для славянства гораздо труднее и значительнее: как и чем соединить два разрозненные мира — греко-славянский и латино-славянский? (...) Ясно, значит, что духовное единение западных и восточных славян (так же как и вселенское единение) возможно только в том случае, если православие и католичество не будут исключать друг друга, если можно будет, оставаясь православным, быть вместе с тем католиком, и оставаясь католиком — быть православным»³²⁸.

Таким образом, можно заключить, что Соловьев — при всех расхождениях с Мицкевичем — мыслил в согласии с тем вариантом славянской идеологии, который был реализован польским поэтом. Спустя годы — во время Первой мировой войны — Вячеслав Иванов писал (статья «Польский мессианизм как живая сила», газета «Утро России», 1916): «Славянское дело — дело, прежде и главное всего, духовное, в духе соборное, во Христе вселенское, — этим сознанием, казалось, проникнуто каждое слово говоривших (как поляков, так и русских) на заседании московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, где поэт Тадеуш Мицинский вдохновенно и прочувствованно повествовал о священном предании и живом преемстве польского мессианизма»³²⁹.

Но также с полным основанием можно констатировать, что Соловьев придал славянской концепции теократический характер. Что — вернемся к теме нашего исследования — и обуславливало остроту дискуссии с политизированным «всеславянством» Данилевского. Князь Е. Н. Трубецкой, который, развивая идеи Соловьева, тем не менее неоднократно критиковал его общественные построения, свидетельствовал: «(...) Соловьев был мне сроден не только в том, что я от него принимал, но и во многих его положениях, которые я отрицал. Я жил в атмосфере славянофильской мессианической мечты об осуществлении Царства Божия на земле через Россию. — Но именно учение Соловьева о всемирной теократии и доводило эту мечту до конца. Соединение церковью примиряло и объединяло под верховным водительством России две враждующие между собой половины славянства. Оно наносило смертельный удар Австрии и создавало духовные основы для будущей Российской Всемирной Империи. — Учение Соловьева о России как теократическом “царском народе” было чрезвычайно сродно той славянофильской империалистической мечте, которую я лелеял с детства»³³⁰.

³²⁸ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 319–322.

³²⁹ Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 665.

³³⁰ Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000. С. 225.

По словам современного специалиста, Соловьев считал, что именно Россия «может инициировать процесс интеграции человечества, а для этого, в качестве первого шага, ей предстоит объединение славянских народов, “собираение славянского мира”. И это дело воспринималось Соловьевым не как абстрактная идея или отдаленная задача, а как реальная “ближайшая, естественная цель” российской политики (вспомним, что его статья называется “Славянский вопрос”, а не “Славянская идея”), что вполне понятно и оправданно в период, когда Россия брала на себя миссию освобождения южных славян. Однако философ был уверен, что для того, чтобы Россия стала “настоящим центром единения” славян, она должна изменить свое отношение к Западу, к католицизму (что поможет решить не только польский вопрос, но и сблизиться с остальными славянами-католиками)»³³¹.

5.

Топика «славянской взаимности», как выше указывалось, предполагает тезаурус не только идей, но образов, регулярно актуализируемых в соответствующих текстах. В частности, обращение к образу ручьев/рек, впадающих в море, можно считать одним из самых характерных знаков «славянской взаимности», привычно используемых при описании соотношения разрозненных славянских народов и славянства в целом.

Формула восходит к поэме «Дочь Славы» (I песнь, 48 сонет), однако у Коллара она носит служебный характер. Потому парадигматической эта формула может считаться только после ее трансформации в стихотворении А. С. Пушкина «Клеветникам России»:

**Славянские ль ручьи сольются в Русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос**³³².

Данилевский — согласно топике «славянской взаимности» — постоянно прибегал к «речной» формуле (выше цитировалась фраза о «древнем немецком Рейне», берега которого обогрелись славянской кровью»). Так, автор «России и Европы» сравнивает симпатии славянских народов, которые неизбежно обратятся к могущественной России, с «всколыхнувшимся морем», а «пронски и соблазны Европы» — с «тихо журчащими ручейками»³³³.

И наконец, весь трактат венчается новым развернутым «водным» сравнением: «Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один, небесный, божественный, через Иерусалим, Царьград, достигает в невозмущенной чистоте до Киева и Москвы; другой —

³³¹ Аксенова Е. П. Славянская идея в русской философской мысли (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Г. В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 160–161.

³³² Стихотворения Александра Пушкина/Изд. подг. Л. С. Сидяков. СПб., 1997. Серия «Литературные памятники». С. 270.

³³³ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 433.

земной, человеческий, в свою очередь дробящийся на два главные русла: культуры и политики, течет мимо Афин, Александрии, Рима в страны Европы, временно иссякая, но опять обогащаясь новыми, все более и более обильными водами. На Русской земле пробивается новый ключ справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства. На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один обширный водоем:

**И верю я: тот час настанет,
Река свой край перебежит,
На небо голубое взглянет
И небо все в себе вместит.
Смотрите, как широко воды
Зеленым долом разлились,
Как к берегу чуждые народы
С духовной жаждой собрались!»³³⁴**

«Водная» идеологема дежурно фигурирует и в «Византизме и Славянстве», где Леонтьев, в частности, пишет о чехах: «Вставленный в германское море малочисленной славянской нации нужно было вооружиться jusqu'aux dents всеми теми силами, которыми так богато было издавна это германское море; сохраняя больше древнеславянского в быте и уме, она, может быть, не устояла бы против более зрелых и сложных германских ресурсов»³³⁵.

Вероятно, в 1880-х гг. «водная» идеологема воспринималась в отечественной журналистике настолько трафаретной, что И. И. Ясинский в памфлетном романе «Иринарх Плутархов» (1886) выводит журнал, в котором опознается либеральная «Русская мысль» и который именуется «Славянский ручей»³³⁶.

Соловьев также не отстает от современников. «Великий спор и христианская политика» (1883): «И если тем не менее польские патриоты скорее согласятся потонуть в немецком море, нежели искренно примириться с Россией, то, значит, есть тут более глубокая, *духовная* причина вражды»³³⁷; «О народности и народных делах России» (сборник «Национальный вопрос в России»): «...если каждый народ смотрит на другие или как на вечных врагов и соперников, или же как на ручьи, которые должны слиться в его море, — если, одним словом, национальное чувство является только в образе национально эгоизма, — то,

³³⁴ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 509.

³³⁵ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 45.

³³⁶ О полемической составляющей романа Ясинского см.: Ньым Е. Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003. С. 44–61. Ср. полемику А. Н. Пыпина с «водной» идеологемой как эмблемой имперского панславизма: «Наконец, хотя славянский мир и обнаруживает теперь видимое стремление восстановить и укрепить взаимную связь своих частей, это вовсе не значит, что славянские “ручьи” желают слиться и потеряться в русском “море”. Совсем напротив» (Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913. С. 70).

³³⁷ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 70.

без всякого сомнения, оно есть отречение от вселенского христианства и возвращение к языческому и ветхозаветному партикуляризму»³³⁸; «Что требуется от русской партии?» (сборник «Национальный вопрос в России»): «Как будто недовольные великим и спокойным русским морем, где для всех есть простор, мы хотим создать какие-то шумливые и бурливые потоки, которым недостает только альпийских тесин и ледников. (...) Так, можно быть уверенным, что поляки во времена Мицкевича более интересовались русской литературой, нежели теперь, когда они *принудительно* знают по-русски»³³⁹. В последнем случае Соловьев, похоже, контаминирует «славянскую» формулу с библейским стихом (Ис. 8, 5–8): «И продолжал Господь говорить во мне, и сказал еще: за то, что этот народ пренебрегает водами Силоама, текущими тихо, и восхищается Рецином и сыном Ремалииным, наведет на него Господь воды реки бурные и большие — царя Ассирийского со всею славою его; и поднимется она во всех протоках своих, и выступит из всех берегов своих; и пойдет по Иудее, наводнит ее, и высоко поднимется, дойдет до шеи...».

Показательно, что и собственную теорию Соловьева впоследствии оценивали при помощи расширения «водной» формулы. Его оппонент В. В. Розанов в некрологической статье (журнал «Мир искусства», 1900) писал: «И “школа” его, в смысле заданной темы, конечно, просуществует некоторое время, но она начнет теряться, как ненужный ручеек, в пустынности и безмолвии общего нашего исторического бытия»³⁴⁰. Напротив того, Поликсена Соловьева, сестра мыслителя, выступая в 1913 г. на собрании Религиозно-философского общества, оптимистически утверждала: «То, что в православии есть чисто христианского, пребудет вовеки и вольется, как одна из многочисленных рек, в далекий, грядущий океан вселенской церкви»³⁴¹.

Нет ничего удивительного, что Соловьев интерпретировал финал трактата Данилевского как раз в согласии с пушкинской огласовкой формулы, придав ей тем самым имперский, милитаристский смысл: «...славянский мир есть море, в котором должны слиться все потоки истории, — эту мысль Данилевский заканчивает свою книгу, это есть последнее слово всех его рассуждений. Слияние же исторических потоков в славянском мире должно произойти не иначе, как посредством великой войны между Россией и Европой»³⁴².

Очевидно, однако, что Соловьев здесь неадекватно толковал слова Данилевского, и на это немедленно указал Н. Н. Страхов: «Да разве для развития, для создания своей культуры нам нужна власть над Европой, или Африкой, или Индией и т. п.? Н. Я. Данилевский был слишком разумен, чтобы тешиться подобными мыслями, а главное — другого он желал своей родине, не внешнего

³³⁸ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 280.

³³⁹ Там же. С. 329.

³⁴⁰ Розанов В. В. Памяти Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. С. 339.

³⁴¹ Соловьева П. Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве // Логос: Диалог Восток – Запад. 1995. № 50. С. 360.

³⁴² Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 515.

блеска и торжества. В конце своей книги он действительно говорит о потоках, которые когда-то сольются в славянском водоеме (не в море); но он говорит весьма определенно о четырех потоках и разумеет здесь четыре главных направления культурной деятельности, т. е. он только выражает в подобии или метафоре ту свою надежду, что славянский мир будет четырехосновным³⁴³. Более того, оспорив версию Соловьева, Страхов указал, что автор поэтических строк, которыми Данилевский заканчивает трактат, — Хомяков. Имеется в виду стихотворение «Ключ» (1832), что Данилевский прикровенно и обозначил, написав: «На Русской земле пробивается новый ключ (так!) справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства»³⁴⁴.

Трудно сказать, содержит ли хомяковское стихотворение аллюзию на «Клеветников России» и опознал ли сам Соловьев — без подсказки Страхова — источник цитаты. Бесспорно то, что философ, критикуя Данилевского, оперировал не собственно текстом, а идеологемой, которую (сознательно или бессознательно) интерпретировал по правилам «славянской» топики, игнорируя оригинальный контекст трактата «Россия и Европа».

Символическая нагруженность «водной» формулы позволяет сделать еще несколько заключительных замечаний.

Известно, какое значение для позднего Соловьева приобрел новый «Враг с Востока» (заглавие статьи 1892) — губительные засухи: «(...) какими мерками и при каких условиях можно спасти русскую землю не от мнимых супостатов политического, религиозного и экономического свойства, а от действительного и страшного врага — от надвигающейся на нас с Востока пустыни»³⁴⁵. Похоже, что здесь — кроме прямого, «мелиоративного» смысла — правомерно ощущать некий переносный смысл: «водной» доминанте России угрожают не только (и не столько) «супостаты политического, религиозного и экономического свойства», сколько сверхвраг (причем, как и положено в системе ценностей Соловьева, угрожает с Востока) — «пустыня», засуха.

Аналогичным образом преобразенная «водная» формула угадывается в рассуждениях Леонтьева («Письма Владимиру Сергеевичу Соловьеву»), когда он утверждает дорогую для него идею спасительной дистанцированности от западных славян: «(...) я люблю национальный идеал наш и боюсь, как бы неосторожное и преждевременное сближение (а потом и слияние) наше с либеральными и католическими славянами не повредило бы этому национальному идеалу, — не погубило бы наших национальных особенностей, не утопило бы их в страшном море европейского демократизма»³⁴⁶. Если Леонтьев обратился к «водной» формуле намеренно, то он здесь вывернул пушкинскую интерпретацию наоборот: у Пушкина выражена надежда на то, что славянские ручьи «сольются в Русском море», у пессимиста Леонтьева страх того, что «слияние»

³⁴³ Цит. по: Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 529.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 444.

³⁴⁶ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 345.

со славянско-европейскими потоками «утопит» (растворит?) национальное русское начало в «страшном море европейского демократизма».

По крайней мере, именно так Соловьев понял своего друга-врага, когда в биографической статье для энциклопедического словаря образцово изложил славянскую программу Леонтьева, четко маркируя использование им основных идеологем «славянской» модели: «Идеал Леонтьева был византийским, а не славянским; он прямо доказывал, что “славянство” есть термин без всякого определенного культурного содержания, что славянские народы жили и живут чужими началами. Их нынешняя культура слагается отчасти из слабых остатков традиционного византизма, большею же частью — из стремительно усвоенных элементов прогрессивного европеизма. Этот второй, ненавидимый Леонтьеву элемент решительно преобладает у славян австрийских, а в последнее время возобладали и у балканских. Поэтому слияние славян с Россией, к которому стремится панславизм, не только не может быть целью здоровой политики с русской точки зрения, но было бы прямо для нас опасным, так как усилило бы новыми струями уравнительного прогресса наши разлагающие демократические элементы и ослабило бы истинно консервативные, т. е. византийские, начала нашей жизни»³⁴⁷.

³⁴⁷ Соловьев В. С. *Философия искусства и литературная критика*. С. 569.

Глава VI.

*Коллар – Хлебников –
Маяковский – Блок – Яacobсон.
От боснийского кризиса
до Первой мировой войны*

«Славянские» идеи, явно присутствующие в текстах футуристов, долгое время игнорировались по причине их «несвоевременности» (как в официально-советском, так и в цензурирующе-доброжелательном понимании читателей). За последние десятилетия ситуация изменилась, особенно в отношении Хлебникова, творчество которого вообще невозможно адекватно интерпретировать вне «славянского кода». По словам Х. Барана, во многих работах которого изучается воздействие на «идеологический уровень в модели мира» Будетлянина «сферы славянских древностей, славянской культурной общности», «идеологические моменты в биографии и творчестве Хлебникова остаются до сих пор окончательно не проясненными. Такая ситуация, на наш взгляд, является результатом своеобразного “джентльменского соглашения” исследователей (...), которые в советскую эпоху стремились “легализовать” Хлебникова и защитить его наследие от вполне реальных политических опасностей. (...) При этом как бы забывалось, что утопии и мифы (как социальные, так и литературные) глубоко родственны друг другу и что за их различными проявлениями в культуре нашего столетия — будь то в художественных произведениях, будь то в лозунгах, тиражируемых многомиллионными изданиями, — обычно скрывается вполне серьезное отношение к окружающей действительности и стремление преобразовать ее на новый лад»³⁴⁸. Равным образом, Х. Баран констатировал особое значение для Хлебникова «эпохи чешского национального возрождения»³⁴⁹, причем индивидуальное авторство отдельных топосов «славянской взаимности», как правило, дискуссионно — образы и мотивы переходили от одного писателя к другому или бытовали во всякого рода «суммах» славянской истории.

³⁴⁸ Баран Х. К проблеме идеологии Хлебникова: Мифотворчество и мистификация // Россия/Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. М.; Венеция, 1999. С. 263–264. См. в мемуарном тексте В.П. Катаева «Алмазный мой венец» (1978) неожиданную характеристику Хлебникова как «странного гибрида панславизма и Октябрьской революции» (Катаев В. Соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 2. С. 269), что правомерно отнести на счет не столько проникаемости исследователя, сколько адекватности свидетеля-современника.

³⁴⁹ Баран Х. К проблеме идеологии Хлебникова. С. 267.

1.

Обращение русских писателей XIX–XX вв. к модели «славянской взаимности» обуславливалось преимущественно конкретной политической ситуацией. В статье «Россия. Искусство. Мы», напечатанной в газете «Новь» 19 ноября 1914 г. — во время Первой мировой войны — В. В. Маяковский счел целесообразным процитировать «Воззвание к славянам студентам» В. В. Хлебникова (1908), которое, в свою очередь, было реакцией на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией.

В 1878 г. — после катастрофической для Турции войны с Россией — был заключен Берлинский трактат, который на несколько десятилетий определил ситуацию на Балканах. По этому договору турецкий султан удерживал в Европе Албанию и Македонию. Независимость (по-разному оформленная) была закреплена за Грецией, Сербией, Черногорией, Румынией, Болгарией. Хорватия и Словения входили в Австро-Венгерскую империю, она же оккупировала территорию Боснии и Герцеговины, которая официально еще принадлежала Стамбулу. Берлинский трактат был во многом направлен против России, собственно разгромившей Турцию в войне 1877–1878 гг., а его дипломатическим инициатором выступила Великобритания, озабоченная равновесием сил в мировой политике и опасавшаяся роста российского влияния. Исходя из прагматических соображений, Россия уступила давлению европейских держав и подписала Берлинский трактат, но общественное мнение было возмущено, а старейшина славянофильства И. С. Аксаков оказался — за публичную критику официальной дипломатии — во владимирской ссылке. В качестве непримиримых врагов России отныне воспринималась Австро-Венгрия, корыстно заинтересованная в вытеснении России с Балкан (а также Великобритания, которая «бескорыстно» руководствовалась общими стратегическими соображениями и потому вызывала еще большую неприязнь).

К началу XX в. отношения России с Австро-Венгрией основывались «на двух предпосылках: на идее солидарности монархических государств и на обоюдном отказе от попыток изменения status quo на Балканах»³⁵⁰. Но в июле 1908 г., решив воспользоваться революцией младотурков, Австро-Венгрия взяла курс на формальное присоединение Боснии и Герцеговины.

В июле 1908 г. происходит еще одно важнейшее — с точки зрения «славянской взаимности» — событие, привлекшее внимание российской общественности: в Праге собрался Славянский съезд. Инициаторами традиционно выступили чехи, прежде всего лидер Национальной партии свободомыслящих К. Крамарж (недовольный «правизной» делегатов, в последний момент отказавшийся участвовать в съезде Т. Масарик, ученый, политик, в будущем президент Чехословакии и постоянный оппонент Крамаржа). Россию представляли общественные деятели, близкие к солидным оппозиционным партиям кадетов и октябристов: М. В. Красовский, В. А. Маклаков, Н. Н. Львов, А. А. Стахович, из-

³⁵⁰ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II: В 2 т. Мюнхен, 1949. Т. 2. С. 34.

датель И. Д. Сытин, психиатр В. М. Бехтерев и др. Были и делегации других славянских народов. Вопросы ставились самые разные, что видно по результатам съезда: для координации был избран Всеславянский исполнительный комитет под председательством Крамаржа, а в центрах славянства рекомендовалось создавать «комитеты славянской взаимности», включающие пять секций: культурную, экономическую, туристическую, «сокольскую» («Сокол» — чешское молодежное движение; ср. упоминание о нем в странном проекте Хлебникова, озаглавленном «Советы Самохина»: «Заботясь о нравственности своего населения, земство может открыть в селах отделы общества “Сокол”, поддерживая приличным пособием его существование...»³⁵¹) и информационную³⁵².

Крамарж и его единомышленники считали основной задачей сближение позиции русской и польской делегаций, которых разделяло отношение к статусу Польши в Российской империи; русских же представителей занимала проблема немецкой экспансии, в частности наступление Австро-Венгрии на Балканах. По обоим вопросам — вследствие компромиссов и осторожности делегатов — никаких серьезных решений не было принято. Крамарж на пленарном заседании съезда позволил себе очень осторожную формулировку: «Мы хотим только чувствовать себя единым великим целым, спаянным совместными культурными интересами, чтобы, разделенные, враждующие между собой, мы не падали один за другим под натиском энергичной, планомерно организуемой, культурной и экономической экспансии»³⁵³. Это не препятствовало некоторым австро-немецким газетам подчеркивать, «что съезд преследовал не столько “всеславянские”, сколько антинемецкие цели»³⁵⁴.

Тем временем, в сентябре 1908 г. главы дипломатических ведомств двух центрально-европейских монархий — А. П. Извольский и А. фон Эренталь — вели переговоры о Боснии и Герцеговине, приведшие к предварительным и не очень ясным результатам, но 7 октября 1908 г. Эренталь объявил об аннексии в качестве свершившегося факта. Сербия выступила с резким протестом, а русская общественность — в силу традиционных симпатий к Сербии и с ощущением венской измены — расценила аннексию «как самовольное присвоение славянских земель»³⁵⁵. Германия, несмотря на нежелание вступать в прямую конфронтацию с Россией, твердо поддержала Австрию. К весне 1909 г. аннексия была признана мировым сообществом, в том числе прави-

³⁵¹ *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб, 1994. С. 322. Примечательно, что в 1909 г. левый литератор В. В. Водовозов в переписке с Т. Г. Масариком — чешским оппонентом К. Крамаржа — назвал сокольство «наиболее ярким выражением чешского национализма и шовинизма» (цит. по: *Инов И. В.* Томаш Гарриг Масарик и российские литераторы и журналисты // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. М., 2005. С. 85).

³⁵² *Ненашева З. С.* Съезд неославистов 1908 г. в Праге // Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 100.

³⁵³ Там же. С. 183.

³⁵⁴ Там же. С. 195.

³⁵⁵ *Ольденбург С. С.* Указ соч. Т. 2. С. 37.

тельствами Сербии и России. Оппозиционные русские публицисты «писали о “дипломатической Цусиме”. Изображали происшедшее как унижительное поражение России. Наряду с искренним чувством обиды, тут действовали и политические факторы: желание оппозиции подчеркнуть и преувеличить новую неудачу “царского правительства” и стремление сторонников англо-французской ориентации — углубить расхождение между Россией и Германией»³⁵⁶. В самом деле, именно после боснийского кризиса стало очевидно, что Россия, Англия, Франция, с одной стороны, и Германия, Австрия, с другой, образовали два враждебных лагеря, готовые вступить в большую войну.

Пристальный интерес к «славянской» проблематике демонстрировал П. Б. Струве, выступавший с соответствующими статьями в газете «Слово». Так, откликаясь на «славянские дни», Струве писал 18 мая 1908 г.: «Прежде всего: русское общество могло живо почувствовать на этот раз, какое значение имеют для внутренних дел, для внутреннего самочувствия, самоопределения международные проблемы. Постановка славянского сближения на очередь совершенно деловым образом сблизила разные русские политические группы, смягчила резкие отталкивания, утвердила некоторую общность. Таким образом, благодаря славянам и ради славян произошла некоторая внутренняя détente»³⁵⁷. А в статье с хлестким заголовком «Унижение России» (22 марта 1909) Струве бичевал царское правительство за уступчивость Австрии: «Известие о том, что Россия признает аннексию Боснии и Герцеговины, действует ошеломляюще. Это национальный позор. (...) Пусть интересы Сербии не суть интересы России. Но честь России есть ее честь. Этим моральным народным благом велась и ведется игра с такой бесцеремонностью, которая беспримерна в истории отношений между великими державами. С современной Россией разговаривали и разговаривают хуже, чем в моменты величайшего опьянения своим могуществом Наполеон I говорил с Александром I, а Наполеон III — с Вильгельмом I. В то время как Франция и Англия соблюдают свое достоинство, Россия не находит для этого достаточной решимости»³⁵⁸.

«Воззвание к славянам студентам» Хлебникова, которое позднее актуализировал Маяковский, строилось на политических реалиях 1908 г.: «Славяне! В эти дни Любек и Данциг смотрят на нас молчаливыми испытателями — города с немецким населением и русским славянским именем... Ваши обиды велики, но их достаточно, чтобы напоить полк коней мести — приведем же их и с Дона, и Днепра, с Волги и Вислы. В этой силе, когда Черная Гора и Белград, дав обет побратимства, с безумством обладающих жребием победителей по воле богов, готовые противопоставить свою волю воле несравненно сильнейшего врага, говорят, что дух эллинов в борьбе с мидянами воскрес в современном славянстве, когда в близком будущем воскреснут перед изумленными взорами и Дарий Гистасп и Фермопильское ущелье и царь Леонид с его тремястами.

³⁵⁶ Ольденбург С. С. Указ соч. Т. 2. С. 39.

³⁵⁷ Струве П. Б. Patriótica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 124.

³⁵⁸ Там же. С. 115–116.

Или мы не поймем происходящего, как возгорающейся борьбы между всем германством и всем славянством? Уста наши полны мести, месть капает с удила коней, понесем же как красный товар свой праздник мести туда, где на него есть спрос — на берега Шпрее. Русские кони умеют попирать копытами улицы Берлина. Мы это не забыли, мы не разучились быть русскими. В списках русских подданных значится кенигсбергский обыватель Эммануил Кант. Война за единство славян, откуда бы она ни шла, из Познани или из Боснии, приветствую тебя! Гряди! Гряди, дивный хоровод с девой Словией как предводительницей горы. Священная и необходимая, грядущая и близкая война за поправленные права славян, приветствую тебя! Долой Габсбургов! Узду Гогенцоллернам!»³⁵⁹

Н. И. Харджиев посвятил статье Маяковского из «Нови» специальную работу, где, в частности, утверждал: «В статью “Россия. Искусство. Мы” Маяковский почти дословно включил “Воззвание к славянам” Хлебникова. (...) под этим воззванием, написанным в связи с аннексией славянских земель Боснии и Герцеговины и вывешенным 14 октября 1908 г. в коридоре Петербургского университета, авторская подпись отсутствует (см. газету “Вечер”, 1908, 15 октября). 16 октября в той же газете был опубликован полный текст воззвания как коллективного обращения учащихся славян. Пользуясь случаем исправить опечатку в “Воззвании”, повторенную и в статье Маяковского “Россия. Искусство. Мы”: “Гряди, дивный хоровод с девой Словией...”. Правильное чтение: “с девой Славией”. Ср. в статье Хлебникова “Западный Друг” (1913): “Вокруг белолицей Славии с криком “никогда” (...) носится ворон Австрии”. Образ белолицей девы Славии восходит к известной поэме Яна Коллара “Дочь Славы” (Slavy Dcera)»³⁶⁰.

Замечание Н. И. Харджиева о происхождении образа Славии вызвало возражения А. Е. Парниса, который писал: «Однако здесь опечатка — мнимая, Хлебников пользовался одновременно двумя формами написания этого слова: “белоликая Славия” (...) и “Словия для славян” (как явствует из неизданной мнемонической записи, относящейся к “славянскому вечеру” (весна 1913), в котором участвовал сам поэт (...). В последней формуле Хлебников строит звуковую метафору на характерном для него принципе “внутреннего склонения” и возводит “Словию” не только к “славянам”, но и к “слову”. Неубедительно также утверждение Харджиева, что образ Славии (Словии) “восходит к известной поэме Яна Коллара «Дочь Славы»”. Как известно, поэтический образ Славии, выступающей в роли богини, покровительницы славян, был широко распространен в чешской и словацкой традиции начала XIX в., прошел через всю литературу эпохи национального возрождения и более позднего периода (приводятся ссылки на послевоенные (1940-х – 1960-х гг.) словари чешского и словацкого языков. — Л. К., М. О.), а также использовался как символ всего славянства в неославянофильской литературе начала XX в. в России. В приве-

³⁵⁹ *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955–1961. Т. 1. С. 318–319.

³⁶⁰ *Харджиев Н. И.* Новое о Велимире Хлебникове // *Russian Literature*. 1975. № 9. С. 10.

денной цитате Хлебников слил образ Славии (Словии) с образом вилы, которая в белых одеждах ведет хоровод»³⁶¹.

Например, сонет 5 четвертой песни поэмы Коллара содержит видение Славы:

Мать Слава, опершись рукой о трон,
среди небес блистает неустанно
своею мантией звездотканой,
своей короной четырех племен.
У ног ее лежат коврами страны,
величьем лик богини осенен.
В деснице — скипетр, шуйцей гром взметен,
превыше туч она главой венчанной.
Так вознеслась и станом, и челом
богиня, что ее орлиный взгляд
объемлет небо звездное кругом,
когда, вкушая материнства сладость,
стоит она среди любимых чад,
вокруг нее сплоченных ей на радость³⁶².

Богиня Славия — как «символ всего славянства» — не может трактоваться как чья-либо исключительная интеллектуальная «собственность» (ср. пастораль Ю. Бараковича), но она, бесспорно, подразумевает отсылку к имени Коллара (аналогично, Х. Баран прослеживает воздействие на Хлебникова единомышленника Коллара — В. Ганки — не столько как оригинального автора, сколько «медиума» традиции «славянского единства»³⁶³). Отвечая А. Е. Парнису в споре о Славии и Словии, Х. Баран отметил: «Оставляя в стороне вопрос о датировке отдельных записей в тетради и о вероятности использования Хлебниковым менее понятной лексемы в документе, предназначенном для широкой аудитории, заметим, что образ девы (богини) Славы (Славии) приобрел широкую известность благодаря успеху поэзии Коллара и что более поздние авторы-славянофилы постоянно цитируют своих предшественников, создавая, таким образом, дополнительный механизм передачи традиции»³⁶⁴. Х. Баран цитирует также некий материал 1913 г. из газеты «Славянин», где акцентируется тождество этнонимов «славяне» и «словяне»: «Наше племенное название многие производили от “слова”: словяне — это те, кто пользуются словом, в отличие от тех, кто не понимает нас и которых мы назвали немцами, т. е. немцами. Старый патриарх славяноведения, чешский аббат Добровский, сказал: Царство Славии — это царство Бога-Слова. (...) Другие производили наше название от “славы”. Мы не словяне, а славяне, толковали они. Но и слово,

³⁶¹ Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 227.

³⁶² Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973. С. 181 (перевод Ю. Нейман).

³⁶³ Баран Х. Указ. соч. С. 264–271.

³⁶⁴ Там же. С. 270.

и слава производятся от одного корня “слыть”. Так что, по Барану, «обыгрывание Хлебниковым пары *слово/слава* также имеет свою традицию»³⁶⁵.

Равным образом, имело свою традицию мифологическое использование имени «Слава» («Славия») в русской публицистике и общественной жизни начала XX в., сигнализируя как об идее «славянской взаимности», так и, разумеется, о Колларе — ее известнейшем пропагандисте. Во время Первой мировой войны существовало общество «Славия», а хорват К. Геруц в 1916 г. мечтал об утверждении «фундамента будущей великой России, что значит “великой Славии”»³⁶⁶.

2.

Политические события 1912–1913 гг. снова — вслед за аннексией Боснии и Герцеговины — «наэлектризовали» проблему «славянского единства»: Болгария, Черногория, Сербия и Греция ведут на Балканах войну с Турцией; германский рейхстаг в этой связи обсуждает военные вопросы. Для биографии Хлебникова это оказалось значимым в том отношении, что «он впервые вышел к широкому читателю»³⁶⁷.

Действительно, словенский литератор Янко Лаврин, познакомившись с Будетлянином на рубеже 1912–1913 гг., ввел его в круг «политической беспартийно-прогрессивной» газеты «Славянин» — «органа духовного, политического и экономического сближения славян» (согласно демонстративному заявлению издателя, газета летом 1913 г. прекратила выход в знак протеста против начала второй Балканской войны, где в борьбе за «турецкое наследство» схлестнулась славянская Болгария с коалицией государств, возглавляемой славянской же Сербией³⁶⁸). В 1913 г. Хлебников, работая в непривычном для себя «газетном» жанре, опубликовал здесь под своей фамилией три статьи: «О расширении пределов русской словесности», «Кто такие угророссы?», «Западный друг» — и под криптонимом «В-кий» рассказ «Закаленное сердце (Из черногорской жизни)»³⁶⁹.

³⁶⁵ Там же. Ср. также впечатляющий свод данных XIV–XVIII вв. в кн.: *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 22–35.

³⁶⁶ *Фирсов Е. Ф.* Словацко-русское общество памяти Людовита Штура в России и идея славянского единства // *Славянский вопрос: Вехи истории.* М., 1997. С. 152, 164; о Круниславе Геруце см.: *Рыжова М. А.* Русско-славянский книжный магазин в Петербурге (1887–1893) // *Зарубежные славяне и русская культура.* М., 1978.

³⁶⁷ *Парнис А. Е.* Хлебников: в поисках нового пространства и о преодолении Европы // *Балканские чтения — 2: Симпозиум по структуре текста.* М., 1992. С. 138.

³⁶⁸ См. подробнее: *Парнис А. Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова. С. 229.

³⁶⁹ О сотрудничестве Хлебникова с Лавриным и с газетой «Славянин» см.: *Парнис А. Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова; *Парнис А. Е.* Хлебников: в поисках нового пространства и о преодолении Европы; *Хлебников В. В.* Западный друг / Предисловие Е. Арена зона // *Вестник Общества Велимира Хлебникова.* М., 1996. Вып. 1.

Показательно, что в статье «Западный друг» (наряду со словами о «белолицой Славии», которые цитировал Харджиев) Хлебников воспроизвел еще один топос, маркирующий модель «славянской взаимности». Он писал в 1913 г.: «Мы видим, что главным занятием западного соседа за 1000-летний срок было истребление северо-западных славянских государств. Живая тевтонская держава стоит на “городе мертвых” славянских государств»³⁷⁰ (ср. «Воззвание» 1908 г.: «В эти дни Любек и Данциг смотрят на нас молчаливыми испытателями — города с немецким населением и русским славянским именем»). Это явно перекликается с идеями деятелей чешского национального возрождения, в частности — Коллара, который сетовал во вступлении к поэме «Дочь Славы»³⁷¹:

**Давно ли нежный голос Славии звучал
От пенных Балта волн до синего Дуная,
И от предательского Лаба до равнин
Неверной Вислы! Ныне он уж онемел...**

Особенно богата «славянскими» мотивами программная статья «О расширении пределов русской словесности». Хлебников, горестно перечисляя «славянские» темы, не освоенные русской литературой, говорит, что ей «совсем не известен» «великий рубеж 14 и 15 века, где собрались вместе Куликовская, Косовская и Грюнвальдская битвы», и этот рубеж, по мнению Будетлянина, «ждет своего Пржевальского»³⁷².

Согласно справедливому замечанию исследователя³⁷³, сам Хлебников «язык великих битв» реализовал в двух поэтических миниатюрах, опубликованных в 1913 г. в сборнике «Требник троих»³⁷⁴:

1

**От Коссова я Дружины свой бег
Злой продолжали на трупах
Ворог колод, резал и сек
Павших от ужаса глурых.**

2

**От Грюнвальда. — Истуканы
С серым пером на темени
В рубахах медных великаны
Бились с рожденным на Немане.**

³⁷⁰ Хлебников В. В. Западный друг. С. 32. Ср. в специальном труде немецких историков (1970) аксиоматическое представление о колонизации славянских земель при Генрихе Льеве как аксиоматическом благе (Бульст-Тиле М.Л., Йордан К., Флекенштейн Й. Священная Римская империя: эпоха становления. СПб., 2008. С. 401).

³⁷¹ Будилович А. С. Ян Коллар и западное славянство. Б. м., 1894. С. 10.

³⁷² Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 593.

³⁷³ Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова. С. 232–233.

³⁷⁴ Хлебников В. В. Собр. произведений: В 5 т. Л., 1928–1933. Т. 2. С. 274.

Здесь рифмуются великие славянские битвы: битва на Косовом поле сербов с турками (1389) и Грюнвальдская битва поляков — в союзе с литовцами и русскими полками — с немцами (1410). Турки и немцы выступают как варианты вековечного «ворога», которые в первом случае одолели «павших от ужаса глупых», а во втором были побеждены обретшими мужество славянами.

Равным образом, Коллар сопологал (92 сонет третьей песни) трагические для славянства даты — 15 июня 1389 г. (Косово поле), 8 ноября 1620 г. (битва под Белой Горой), 10 октября 1794 г. (разгром повстанцев Костюшко русскими войсками при Мацевицах).

Согласно логике «славянской взаимности», подразумевающей «борьбу между всем германством и всем славянством», воинственные строки в стихах Хлебникова и в манифесте 1908 г. направлены против немецких государств — Австро-Венгрии и Германии: «Долой Габсбургов! Узду Гогенцоллернам!». Различие в чаше на 1908 г. мере наказания («долой» и «узду») объясняется тем, что Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину, а Германия ее только поддерживала. И в поэме «Война — Смерть», относящейся к тому же 1913 г., германцы традиционно осмысляются как «немые», что подразумевает противоположность «славянам», народу «слова»:

**Немотичей и немичей
Зовет взыскующий сущел,
Но новым грохотом мечей
Ему ответит будущел³⁷⁵.
Ср. также³⁷⁶:
Немь лукает
луком немным
в закричальности зари!
Ночь роняет душам темным
Кличи старые: гори!**

Изучение топики «славянской взаимности» в статье «О расширении пределов русской словесности» позволяет интерпретировать несколько хлебниковских «темных мест».

Как известно, шестой «парус» «сверхповести» «Дети Выдры» (1911–1913) представляет собой «диалог», в котором участвуют великие люди древности: к полководцам Карфагена и Рима, сражавшимся во Вторую Пуническую войну, Ганнибалу и Сципиону, здесь последовательно присоединяются князь Святослав, Пугачев, Ян Гус, Ломоносов, Разин, жертва бироновщины А. П. Вольнский, Н. Коперник и т. п. Это — великие славяне: повстанцы, политики, ученые, которые прославились борьбой с инородцами и иноземцами. В их сонм — за Пугачевым и перед Гусом — неожиданно замешался персонаж по имени Самко, произносящий небольшой монолог:

³⁷⁵ Хлебников В. В. Собр. произведений. Т. 2. С. 187.

³⁷⁶ Там же. С. 275.

Я жертвой был течений розных,
 Мои часы шли раньше звездных.
 Заведен люд на часы.
 Чашкой гибели весы
 Наклонились ко мне,
 Я упал по звезд вине³⁷⁷.

Самко явно уступает по историческому рейтингу своим собеседникам, и его имя нуждалось в разъяснениях. Н. Л. Степанов, составляя комментарий ко второму тому довоенного казацкого полка, долго добивавшийся гетманства в эпоху смут после смерти Богдана Хмельницкого. Был избран гетманом (1660), но, принеся присягу Москве, он перешел на сторону поляков и был обезглавлен в 1663 г.³⁷⁸ В комментарии к авторитетному изданию 1987 г. добавлено, что фамилия И. С. Самко известна также в варианте Сомко³⁷⁹. Никаких ясных оснований комментаторы не приводят. А жаль: выбор кандидатуры И. С. Самко может вызвать сомнения. Один из многих участников усобиц, последовавших после смерти Богдана Хмельницкого, он не настолько значимая фигура, как остальные славянские знаменитости шестого «паруса», да к тому же непонятно, почему Хлебников (согласно комментаторам) должен был сочувствовать украинцу, который, «принеся присягу Москве», затем «перешел на сторону поляков». Показательно, что сам автор комментария Н. Л. Степанов (а вслед за ним другие специалисты), анализируя «сверхповесть», по мере возможности избегают называть переяславского полковника среди действующих лиц «паруса»³⁸⁰. Напротив, украинские исследователи столь же показательно упоминают Самко/Сомко, подчеркивая его «украинскость»: «Паливода, Самко, Остранница, Олелько, Сирко, Байда, Кобзарь, Морозенко, Костомаров, Шевченко, — украинские “герои” (Б. Рубчак) Хлебникова и, вместе с тем, — атланты возводимого Хлебниковым Храма Времени — Башни Будетлянской»³⁸¹.

В универсальном контексте «Детей Выдры» уместно предположить, что Самко отнюдь не второстепенный украинский политический деятель XVII в., но Само — повелитель первого исторического славянского государства. И в статье «О расширении пределов русской словесности» Хлебников писал о нем, констатируя, что русской литературе «совсем не известен» «Само, первый вождь славян, современник Магомета и, может быть, северный блеск одной и той же зарницы...»³⁸². Причем в комментариях уточняется, что если

³⁷⁷ Хлебников В. В. Творения. С. 452.

³⁷⁸ Хлебников В. В. Собр. произведений. Т. 2. С. 315.

³⁷⁹ Хлебников В. В. Творения. С. 693. Ср. Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. М., 2004. Т. 5. С. 443.

³⁸⁰ См.: Степанов Н. Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М., 1975. С. 84; ср. также недавнюю работу: Бемиг М. Время в пространстве: Хлебников и философия «гиперпространства» // Вестник Общества Велимира Хлебникова. М., 1996. Вып. 1. С. 190.

³⁸¹ Кравец В. В. Разговор о Хлебникове. Киев, 1998. С. 9.

³⁸² Хлебников В. В. Творения. С. 593.

в печатном тексте «Славянина» имя славянского вождя читается (как оно и принято) «Само», то в рукописи Хлебникова — «Самко»³⁸³. Именем Самко — так же, как в «сверхповести» и в статье «О расширении пределов русской словесности», — этот исторический деятель назван в черновике статьи, предназначавшейся, по мнению комментатора, для газеты «Славянин»³⁸⁴. Перечисляя памятники, которые необходимо поставить замечательным людям, Хлебников призывал не упустить: «Памятник Самко — первому борцу с немцами»³⁸⁵.

Исторические сведения о Само крайне скудны, но «современником Магомета» он, по крайней мере, был. Согласно так называемой «Хронике Фредегара», продолжающей историю франков Григория Турского, славяне в 623 г. взбунтовались против аварского кагана, к ним присоединился некий торговец (negucians) Само «из народа франков» (natione Francos), который, заслужив предприимчивостью восхищение соратников, стал королем (rex) первого славянского государства на территории Европы. Само удачно правил тридцать пять лет, в частности одерживая победы над могущественным повелителем франков Дагобертом³⁸⁶. Специалисты с упоением спорят: 1) об этнической принадлежности Само (славянин, франк, романизированный кельт-галлоримлянин); 2) о местности, откуда он родом (город Санс, к юго-востоку от Парижа, Бельгия, Нижняя Франкония); 3) о пределах его «королевства» (минимум: район Южной Моравии/Нижней Австрии/Юго-Западной Словакии, максимум: Европа от моря до моря с севера на юг)³⁸⁷.

При всех возможных интерпретациях бесспорно одно: для чешско-словацкого национального сознания Само — мифологически значимый «первовождь», «отец народа» (вроде тевтобургского победителя Арминия для Германии). Напротив того, для российского исторического сознания имя Само не имело такого авторитета, фигурируя скорее в заимствованной у западных славян версии топики «славянской взаимности». Коллар это имя предсказуемо мифологизирует. В сонете 54 третьей песни, где поэт спорит с хулиателями предков славян, он их опровергает именами российского императора Петра, «высшего вождя» Само, хорвата-полководца Николы Зринского, Гуса и Коперника³⁸⁸. Отнюдь не квалифицируя сонет Коллара как единственный источник персоналий шестого «паруса», тем не менее отметим черты сходства между перечнями знаменитых славян.

³⁸³ Хлебников В. В. Творения. С. 705.

³⁸⁴ Хлебников В. В. Утес из Будущего. Элиста, 1988. С. 257.

³⁸⁵ Там же. С. 178.

³⁸⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2: (VII–IX). М., 1995. С. 367.

³⁸⁷ См. подробнее: *Одесский М. П.* «Начало славян» и Пятикнижие: библейский контекст языческих преданий в «Повести временных лет» // От Бытия к Исходу: Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре: Сб. статей. М., 1998. С. 254–259.

³⁸⁸ Коллар Я. Сто сонетов. С. 142–143; интересно, что Н. Горская — автор русского перевода — опустила Само, видимо, как фигуру, не актуальную для русского читателя и загромаждающую без того трудный текст поэмы «Дочь Славы».

Упоминание о Само — свидетельство приобщенности Хлебникова к традиции «славянской взаимности»: для него этот древний правитель — «зарница», предзнаменование будущего славянского величия, «первый борец с немцами». Потому-то в «Детях Выдры» «часы» Само идут «раньше звездных»: правитель первого славянского государства, он оказался в трагическом одиночестве.

Более того, имя Само переосмыслиется по законам хлебниковского языкотворчества, воздействуя своими корневыми ассоциациями на важнейшие категории мировоззрения поэта. Это имя теоретически может восприниматься как производное от местоимения «сам» (Само — «самодержец»), мотивируя возможность торжественного именованья славян и /или единомышленников «председателя земного шара»: осознавая свою высокую миссию, они все превращаются в народ самодержцев, в «Самов». Например, в строках поэмы «Война в мышеловке» (правка продолжалась до 1922) комментаторы уже предлагали видеть как (менее вероятно) аллюзию на Само, так и ненормативную форму местоимения «сам»³⁸⁹:

**Табун шагов, чугуи слонов!
Венки на бабра повесим сонно,
Скачеме вместе. Самы и Самы, нас
Много — хоботных тел**³⁹⁰.

Аналогично функционирует имя Сам в стихотворении «Признание» (1922):

**Да, но пришедший
И не Хам, а Сам.
Грубые бревна построим
Над человеческим роем**³⁹¹.

Комментаторы указывали на схождения этого образа (ср. также в тексте «! Будетлянский»: «Мы не в шутку назвали себя «Пришедший Сам», «потому» что мы взаправду 1) Сам, 2) Пришедший»³⁹²) с поэмой «Война в мышеловке» и именем славянского вождя³⁹³. Можно вспомнить здесь о «Советах Самохина», где Самохиным Хлебников, вероятно, именует себя, и даже об основополагающем термине «самовитое слово». Материал, собранный Р. В. Дугановым в одноименной статье³⁹⁴, показывает, что история этого словосочетания напоминает судьбу других терминов «славянской взаимности» в творчестве Хлебникова. Прилагательное «самовитый» впервые встречается в словотворческих записях 1907 г., затем термин оформленно фигурирует в программном

³⁸⁹ Хлебников В. В. Творения. С. 694.

³⁹⁰ Там же. С. 459.

³⁹¹ Там же. С. 171.

³⁹² Хлебников В. В. Утес из Будущего. С. 183.

³⁹³ Хлебников В. В. Творения. С. 694.

³⁹⁴ Дуганов Р. Самовитое слово // Искусство авангарда: Язык мирового общения. Уфа, 1993. С. 41–43.

сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1912), чтобы повториться в итоговом тексте «Свояси» (1919): «Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова — вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз»³⁹⁵. Хлебниковская формула совершенно отвечает парадигме «славянской взаимности» (что, очевидно, не исключает других интерпретаций).

Приведенные мифолого-историко-лексические наблюдения требуют поставить вопрос о лингвистическом аспекте хлебниковского извода топики «славянской взаимности», а именно о природе ключевых терминов: «слово», «слава», «сла (о) вяне», «немь», «немец», «река», «речь», «сам», «Сам (к) о». Основным источником здесь оказывается фундаментальный «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н.Н. Перцовой, тем более что методологические принципы, реализованные в этом словаре, также отражают некую сумму представлений близких Н.Н. Перцовой «велимироведов» о принципах слово- (так и хочется сказать «слово-») творчества Хлебникова.

Автор предисловия к «Словарю» Х. Баран пишет: «В силу характера самого материала в основе каждой статьи в компендиуме Перцовой лежит не акт указания на десигнат — специфический объект, качество, действие, а именно интерпретация, попытка определения морфологической категории и смысла данного хлебниковского словообразования. Следуя поставленной задаче, Перцова оказалась перед необходимостью принимать решение, формулировать объяснения во многих трудных, неоднозначных случаях, от которых ее коллеги велимироведы — и среди них автор этих строк — благоразумно уклонялись. Сам жанр словарной статьи — в отличие от литературоведческого анализа в книге или журнале — заставляет высказаться даже там, где основания для гипотез являются довольно шаткими»³⁹⁶.

Слово «Само» находится в статье, помеченной значком, который указывает на сомнения составителя: «САМ» — «С-мо <существительное муж. рода одуш.> МС <мотивирующее слово>: сам АС <ассоциации, т.е. любые слова, которые семантически или формально напоминают рассматриваемое слово>: сам 'хозяин' (в просторечии); Самъ, Само <дается ссылка на известный компендиум: Морошкин М. Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867>»³⁹⁷. Приведены два примера: «Скачемте вместе, Самы и Самы»; «Я зову увидеть лицо того, кто стоит на пригорке и чье имя Пришедший Сам»³⁹⁸. Словарная статья находится в первом разделе «Словаря неологизмов Велимира Хлебникова», который «содержит морфологически интерпретируемые слова, т.е. слова, которые можно истолковать

³⁹⁵ Хлебников В.В. Творения. С. 37.

³⁹⁶ Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова/Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40. 1995. С. 9–10.

³⁹⁷ Там же. С. 310.

³⁹⁸ Там же.

в соответствии с законами русского словообразования»³⁹⁹. Однако подобный подход применительно к слову «Само»/«Самко» сразу вызывает сомнения: не совсем ясно, как можно с научной надежностью «морфологически интерпретировать» имя непонятого происхождения, которое носил персонаж из латинской хроники и которое попало в механизм хлебниковского словотворчества по причинам идеологического и мифологического порядка.

Между тем, будучи действительно «компендиумом», словарь Н. Н. Перцовой поставляет достаточно материала для продуктивной реконструкции лингвистической утопии В. В. Хлебникова. Необходимо только, с сожалением отказавшись от современных «корректных» морфологических методов, обратиться к идеологическим конструктам, которые лежат в основе как поэтического словаря Хлебникова, так и словарных или литературных источников, которыми пользовался Будетлянин. И важнейшим источником этого рода был, разумеется, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Н. Н. Перцова, упоминая словарь Даля, пишет: «При сугубо формальном подходе к неологизмам следует относить те и только те слова, которые отсутствуют в словарях данного языка. Естественно, при составлении словаря хлебниковских неологизмов были использованы все доступные нам словари русского языка — и прежде всего словарь В. И. Даля (...): как известно, Хлебников внимательно изучал этот словарь и брал из него многие редкие слова (*быльняк, дахарь, другиня, навь, ржаница, волить, лукать, мирковать, разникнуть*); некоторые используемые Хлебниковым слова из этого словаря органично вписываются в гнезда однокоренных хлебниковских неологизмов, ср. такие имеющиеся у Даля слова, как *людин, людина, людовитый*. Однако мы отказались от чисто формального подхода к выделению неологизмов и пользовались неким дополнительным, интуитивным критерием: для того, чтобы слово было отнесено к неологизмам, оно должно не только отсутствовать в словарях, но и восприниматься носителем языка как незнакомое. Как выразился однажды В. Шершеневич, неологизмы — это слова, за которые “задевает” “рубанок мысли”»⁴⁰⁰.

Сверя «славянский» тезаурус Хлебникова с «Толковым словарем» Даля, логично начать анализ со статьи «славянство». По Далю, «славянство, славянщина, славенщина, словенщина, славянский мир, быт, народ, язык, обычай. *Изучать славянщину*, наречия славянские, старину, памятники, предания, бытописание. *Часть задунайской славянщины отуречилась, а полабская онемечилась. Во времена Шишкова у нас господствовала славянщина, переделка русского языка на церковный*». Это цитируется второе издание «Толкового словаря». А ведь известно, что в 1903 г. начал выходить еще один «Даль»: «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под редакцией

³⁹⁹ Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова/Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40. 1995. С. 13.

⁴⁰⁰ Там же. С. 14.

проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ». Призванное исправить лингвистические вольности Даля, издание Бодуэна де Куртенэ, повышая научную корректность, отчасти лишало «Словарь» мифогенности. И при изучении языковой системы Хлебникова следует учитывать оба издания: памятуя о роли Бодуэна де Куртенэ в истории футуризма, едва ли возможно, что Будетлянин прошел мимо и его версии «Толкового Словаря». В своем варианте Бодуэн де Куртенэ заменяет статью «Славянство» на статью «Славянофил»; воспроизводя статью «Славянство», он предварил текст В. И. Даля важной дефиницией, актуальной для Хлебникова: «славянофил» — «дающий предпочтение славянам перед другими народами; обруситель во имя единства славян...».

«Толковый словарь» Даля ясно показывает, что «этимологизация», связывающая этноним «славяне» одновременно со «словом» и «славой», безоговорочно декларировалась и самим классиком лексикографии в статье «Слово»: «Слово, слава, слыть, слух и пр. одного корня; *славить, славословить*, стар. *словити*, одно и то же». Бодуэн де Куртенэ, приводя эти квази-«этимологические» цепочки, выражает сомнение, ставя знак « (!)», т. е. «ложное этимологическое объяснение». Однако Хлебников — при его масштабных построениях — не должен был смущаться подобными узконаучными «мелочами».

Логика статьи «Слово» жестко ведет к другой категории «славянско-го единства» — «немец»/«немой»: «Слово ср. исключительная способность человека выражать гласно мысли, чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь. *Человеку слово дано, скоту немота*». Как нетрудно убедиться, с одной стороны, мы получаем единство «слово»/«речь»/«немота», с другой — «славить», «славянин»: ср. в подразделе «Словесный» — «словесное существо, одаренное речью, словом, человек», с пометкой: «противоположное *бессловесное*, тварь, скот». Понятно, что в статью, которая открывается прилагательным «немой, от природы лишенный речи, языка или слова», попадает этноним «немец»: разумеется, Бодуэн де Куртенэ помещает эти слова в разные статьи. Собственно, здесь содержится «славянский» топос о «борьбе между всем германством и всем славянством» как борьбе народа «немого» и «словесного» — только в специфическом конспективном варианте, который задается цитируемой пословицей «Человеку слово дано, скоту немота».

Воссоздание «лингвистического мифа» о славянстве в системе Велимира Хлебникова оказывается возможным при помощи вполне допустимого чтения «Толкового словаря» В. И. Даля, который явно задуман не просто как лексикографический свод, но как текст, на многих уровнях образующий специфическое «смысловое пространство» и предназначенный корректировать «восприятие этнокультурных феноменов через призму языка»⁴⁰¹.

Подобное свойство другого классического труда Даля — «Пословицы русского народа» — описано Ю. И. Левиным в статье с терминологически проду-

⁴⁰¹ Плотникова А. А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М., 2000. С. 9.

манным заглавием «Провербиальное пространство», впервые опубликованной в 1980 г. Ю. И. Левин отмечал: «В “Напутном”, предисловии к своим “Пословицам русского народа”, В. И. Даль писал о сборниках пословиц: “Обычно сборники эти издаются в азбучном порядке. (...) Этот способ самый отчаянный, придуманный потому, что не за что более ухватиться. Изречения нанизываются без всякого смысла и связи. (...) Читать такие книги нельзя: ум наш дробится и утомляется (...) пестротой и бессвязностью каждой строки...”. Эти справедливые замечания Даля — пусть и в несколько меньшей степени — относятся и к сборникам, построенным по тематически-алфавитному принципу, а также к большинству сборников, вообще не использующих алфавитного расположения: “бессвязность каждой строки”, т. е., если не полное отсутствие, то бедность ее связей с соседними, приводит к тому, что ни одна страница, ни один тематический раздел не представляют собой сколь-нибудь связного текста (в лингвистическом смысле слова)»⁴⁰². Приведя некоторые математические аналогии, Ю. И. Левин продолжает: «В терминах нашего (специального, пространственного. — Л. К., М. О.) подхода обаяние и художественность сборника Даля можно объяснить тем, что он предлагает читателю “интересный”, осмысленный маршрут путешествия по этому пространству, обусловленный реальным “пейзажем” и “рельефом”, тогда как другие, особенно алфавитные сборники предлагают нам лишь случайные, немотивированные скачки по этому пространству, не могущие дать “общей и цельной картины” и обусловленные лишь удобством “экскурсовода”-составителя (алфавитный порядок) или же просто его неумением составить интересный маршрут. Попутной задачей была для нас констатация близости между паремиологической и лексической системами — не с точки зрения статуса или функции отдельных единиц этих систем, а с точки зрения самой структуры этих систем, тех отношений, которые устанавливаются внутри них (речь идет, прежде всего, о фундаментальных отношениях синонимии, антонимии и омонимии)»⁴⁰³.

Соображения о «провербиальном пространстве» и «близости между паремиологической и лексической системами» позволяют поставить задачу, которая выходит за пределы паремиологического анализа. Действительно, с этой точки зрения нетрудно отметить, что «Толковый словарь» располагает слова в алфавитном порядке («своеобразии» которого не мог принять лингвист нового поколения Бодуэн де Куртенэ, пытавшийся сделать его в своем издании чуть менее экзотичным), а также включает ряд нередко весьма идеологизированных толкований слов и жестко с ними связанный огромный паремиологический свод, который образует «интересные маршруты». Эти «маршруты» могут быть обозначены хотя бы постольку, поскольку на них обращали внимание поэты «серебряного века». Ранее одному из авторов настоящих очерков приходилось анализировать при помощи такого инстру-

⁴⁰² Левин Ю. Провербиальное пространство // Левин Ю. Избр. труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 483.

⁴⁰³ Там же. С. 484.

ментария «Стихи о неизвестном солдате» О. Э. Мандельштама, где «интересный маршрут» поэта по «Толковому словарю» Даля диктовался библейской «Симфонией»⁴⁰⁴. В случае же с Хлебниковым на свод Даля накладывается тезаурус «славянского единства», который, естественно, не исчерпывается приведенными примерами.

К великому сожалению, Н. Н. Перцова «нарушила» «правило Даля — Левина». Она жестко распределяла неологизмы Будетлянина согласно логике «алфавитного порядка» и в то же время согласно «корректным» современным морфологическим представлениям, что нечаянно нарушило лингвистически спорную, но мифологически стройную систему «Толкового словаря», которую на свой лад актуализировал Хлебников⁴⁰⁵. Показательно, что Бодуэн де Куртенэ также с точки зрения академического языкознания «корректировал» текст Даля, но ведь у него не было цели изучать «поэтический язык» (да Н. Н. Перцова и сама апеллирует к «дополнительному, интуитивному критерию»).

Очевидно, «Словарь неологизмов» (как и гипотетический словарь «поэтического языка») Велимира Хлебникова — при всей безумной трудности его грядущего составления — должен основываться как на лингвистических, так и на «идейных» положениях, что единственно обеспечит исследователям возможность адекватно «путешествовать» по миру Будетлянина. И «славянский» тезаурус сыграет здесь едва ли не главную роль.

Знаменательно, что художественные эксперименты Коллара — благодаря его аналогичным устремлениям в рамках модели «славянской взаимности» — также имели лексикографическое измерение. Единомышленник Коллара — Й. Юнгман (фигурирует в 117 сонете второй песни поэмы «Дочь Славы» с «переводным» вариантом фамилии: «Ведь если даже пересохнет Влтава, // доколе наша Славия стоит, // твоя — о Младоны! — не померкнет слава!»⁴⁰⁶) — составил эпохальный «Чешско-немецкий словарь» (1835–1839), дерзнув (по его собственному выражению) «взять на себя труд, посильный только для всего общества, — на основе книжного языка XVI в. создать лексическую базу для функционально-дифференцированного литературного языка XIX в.»⁴⁰⁷. Разумеется, ставя подобную задачу и закономерно решая ее именно в сопоставительном соревновании с немецким языком, Юнгман не столько фиксировал лексический материал, сколько предавался словотворчеству (в широком смысле): он черпал слова из старинной национальной литературы, родственных славянских языков, сочинений современников, а также «воскрешал» словообразовательные механизмы чешского языка. «А если уж действительно не хва-

⁴⁰⁴ Кацис Л. Словарь «Стихов о неизвестном солдате»: От «Толкового словаря живого великорусского языка» к библейской «Симфонии» // De visu. 1993. № 6.

⁴⁰⁵ Об ограниченности «морфологического» подхода применительно к словотворчеству Хлебникова см.: Григорьев В. П. Будетлянин. М., 2000. С. 108.

⁴⁰⁶ Коллар Я. Сто сонетов. С. 97; перевод Ю. Нейман.

⁴⁰⁷ Стемковская Ю. Е. Лексика Я. Коллара как один из источников «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгмана // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 161.

тает слов, — размышлял Й. Юнгман, — то почему бы чеху не взять их из других славянских диалектов, от одной матери произошедших? Слова же немецкие чешскому духу противны»⁴⁰⁸. Здесь Юнгману понадобился Коллар: и как сочинитель текстов-источников, и как соратник, проводивший — в полемике с немцами — сходные эксперименты. В «Чешско-немецком словаре» около 600 слов снабжены ссылкой на Коллара и его произведения⁴⁰⁹; в их числе — слова, связанные с этнонимами «славяне», «немцы»⁴¹⁰. «Значительную роль в обогащении «Словаря» сыграло личное словотворчество Я. Коллара. (...) Наиболее известным его неологизмом в современном чешском языке является слово *cizinec*»⁴¹¹, т. е. «иностранец», что знаменательно для «славянской» идеологии. Тожественны (или очень близки) хлебниковским и словообразовательные приемы, которыми пользовались Юнгман и Коллар, но это, безусловно, тема специального исследования.

Х. Баран также отметил «параллели между программой Й. Юнгмана по обогащению чешского литературного языка лексическим материалом из других славянских языков и одной из задач, перечисленных Хлебниковым в программном письме 1913 г. к А. Е. : “8) Заглядывать в словари славян, черногорцев и др. — собирание русского языка не окончено — и выбирать многие прекрасные слова, именно те, которые прекрасны”»⁴¹².

В заключение стоит обратить внимание на то, что между языковой утопией Юнгмана — Коллара и современниками Хлебникова, уже упоминавшимися нами в «славянском» контексте, видимо, существовала прямая преемственность (требующая тщательного историко-лингвистического изучения): в 1848 г. один из лидеров южнославянского иллиризма М. Маяр «предлагал сначала в духе Коллара создать четыре славянских литературных наречия, а затем уже на их основе — общеславянский язык», и в 1904 г. Бодуэн де Куртене для съезда славистов предложил тему «О славянском взаимном (международном) языке Матии Маяра и Орослава Цафа», в которой развивал этот комплекс идей⁴¹³.

⁴⁰⁸ Цит. по: Чуркина И. В. Вопрос об общеславянском литературном языке (конец XVIII–XIX в.) // Славянская идея: История и современность. М., 1998. С. 27.

⁴⁰⁹ Стемковская Ю. Е. Лексика Я. Коллара как один из источников «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгмана. С. 163.

⁴¹⁰ Там же. С. 166–167, 170.

⁴¹¹ Там же. С. 181.

⁴¹² Баран Х. К проблеме идеологии Хлебникова: Мифотворчество и мистификация. С. 270.

⁴¹³ Чуркина И. В. Указ. соч. С. 32–34. Языковая программа Хлебникова, как явствует из слов самого поэта, испытала воздействие и теорий В. И. Иванова во время их контактов 1908–1909 гг., что не раз становилось предметом научного анализа (Степанов Н. Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. С. 13); см. также: Перцова Н. Н., Рафаева А. В. О славянских древностях у Вяч. Иванова и В. Хлебникова // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

3.

Сопоставление Хлебникова и Даля позволяет выявить новую необходимую составляющую топики «славянской взаимности» — имя А. С. Пушкина как автора оригинальных стихотворений вроде «Клеветникам России» и «Песен западных славян».

Н. Н. Перцова, занимаясь лингвистически «корректным» обсуждением этимологических отношений слов «славяне», «слово», «слава», дает к этому месту интереснейшее примечание: «Парономастическое сближение названных слов дает некий новый смысл — “славяне обладают общим словом и общей славой”⁴¹⁴. Этот традиционный для «славянской» идеи смысл дополнительно иллюстрируется неологизмом Хлебникова «Славяной» из стихотворения «Поручейное»⁴¹⁵:

**В умных лесах правен лесовой,
В милых водах силен Водяной,
В домах чистен домовой,
А в народе Славяной.
Так зыбит, снует молва,
С нею славен, славен я!**

«В этом стихотворении, — продолжает Н. Н. Перцова, — где упомянуты и слава, и молва (т.е. слово), и персонажи славянской мифологии, неологизм *Славяной* естественно связывать с основами всех трех слов — *слава, слово, славяне* (можно вспомнить и мифического *Словена* или *Славена*, по имени которого якобы названы *славяне*). На правомерность соотнесения рассматриваемого неологизма со словами *славяне* указывает и то, что в одной из рукописей (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, 60:25) *Славяной* встречается в соседстве со словами *Русилицель, обрусиллица*. Однако дальше на той же странице рукописи читаем: *а как в воде водяной/а как в лесу лесной/так в ка (ж) д (ом) народе Славяной — /в душе каждого народа/Славовик — велит, вот/Слович словиня/Родячь духа/Племязь*. “Славяной — Слович” каждого народа — это уже не только общность слова и славы, родство духа; незначительное изменение контекста влечет сдвиг смысла неологизма”⁴¹⁶.

Сравившись со статьей «Лес» из «Толкового словаря», нетрудно обнаружить прямой источник стихотворения Хлебникова — пословицу «Домовой тешится, лесий заводит, а водяной топит», которая у Даля находится в окружении ряда подобных, образуя плотное «провербиальное пространство» (ср. многочисленные приемы композиционного построения стихотворений Хлебникова, когда он практически точно следовал какому-либо фольклорному или архаическому источнику: в стихотворении «Ночь в Галиции» 1913 г. поэт даже «честно» сообщает, что русалки «держат в руке учебник Сахарова и поют

⁴¹⁴ Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. С. 72.

⁴¹⁵ Хлебников В. В. Собр. произведений. Т. 2. С. 264.

⁴¹⁶ Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. С. 72.

по нему»⁴¹⁷, т. е. в песнях нежити «использованы ведьмовские песни и заклинания, помещенные в старой книге И. Сахарова («Сказания русского народа» СПб. 1841)».⁴¹⁸

Далее: стихотворение, озаглавленное неологизмом «Поручейное», для которого Н. Н. Перцова указывает в качестве основы слова «ручей» и «поручать»⁴¹⁹, увязывает «Славянство», «Русь» (см. рукописные материалы, приведенные Н. Н. Перцовой) с «ручьями» (и «милыми водами»), возможно, намекая на идеологически маркированную ассоциацию слов «реки» (ср. в далевской статье «Река» определение: «...поток водный, проточная по земляному ложу вода, большего объема, чем *речка* и *ручей*») и «речи». «Маршрут» от «рек» к «речи» присутствует в статье «Толкового словаря» «Речи», где «речи» в одном из значений — «слово, проповедь, устное обращение к слушателям, наставленье, поученье, рассужденье, изложенье, объясненье чего, по случаю. (...) В Акад. Словаре *речение*, *речевитый* (ср. “само-витое слово”? — Л. К., М. О.) и *речь*, *речистый!* Если гл<аголы> пишут: *рещи*, *речи*, *реку*, то конечно будет: *речь*, *речник*, *речистый*. *Река*, *речной*, вероятно, того же корня, но отшатнулось и стоит по себе...».

Бодуэн де Куртенэ, естественно, поставил здесь в очередной раз значок сомнения: действительно, тождество «реки» – «речи» этимологически дискуссионно (мягко говоря), зато продуктивно идеологическими импликациями. Оно может быть убедительно истолковано как «квазичитата» из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России», где «славянские ручьи» «солятся в русском море», что собственно и создает финальный контекст неологизма «Поручейное» и всего этого текста. Хлебников, он — «Сам», и «Самохин», и «Славянин», и «Речтвороец», и «Речник».

Как уже указывалось, «водные» образы стихотворения «Клеветникам России» — «славянские ручьи», «русское море» — восходят к «речной» мифологии в поэме «Дочь Славы». Но и вне осознания связи Пушкина с Колларом специфические обертоны «славянской» идеи в его произведениях были вполне различимы для литераторов начала XX в. Во время балканских войн «водная» топика превратилась в газетный штамп. Например, журнал «Нива» в рубрике «Военный обзор», предполагающей, казалось бы, аналитическую информационность, патетически писал: «Сербы и болгары соперничали между собой в доблести и мужестве и под стенами Адрианополя писали свою кровь, сливающейся в один общий поток, клятвы братской любви и вечной дружбы, гарантирующей торжество объединенных славян над всеми врагами славянства».⁴²⁰

Пушкинский образ «русского моря» мобилизован в программных текстах из газеты «Славянин», где, например, в статье «Западный друг» Хлебников ис-

⁴¹⁷ Хлебников В. В. Собр. произведений. Т. 2. С. 200.

⁴¹⁸ Там же. С. 316.

⁴¹⁹ Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. С. 292.

⁴²⁰ Нива. 1913. № 13. С. 259.

пользовал его при «лобовом» описании извечного противостояния славянства и германства: «В области духа идет насыщение русского моря немецкими солями и коварная борьба с теми, кто не хочет своему племени положения вечных учеников и младенцев»⁴²¹.

С заглавием «Морской (так!) прибор» включено в «Изборник» В. В. Хлебникова стихотворение, которое — в этом контексте — оказывается своего рода умозаключением, построенным по формуле «от единства языков — к народному единению»:

**о день и дзен и динь!
Нуочь и ночь и ничь!
Всеобщего единства**⁴²².

В поэме «Война — Смерть» Хлебников, ссылаясь на пушкинское стихотворение, снова актуализирует славянский «речной» ряд:

**И каждого мнестр и мнестр,
Как в море русское, струился в навину,
Дух совести был в каждом пестр
И созидал невинному вину**⁴²³.

Ср. также славянские реки в стихотворении «Смерть в озере» (предположительно 1915)⁴²⁴:

**Слушай: смерть, пронзительно гикнув,
Гонит тройку холодных коней.
И, ремнями ударив, торопит
И на козлы, гневна вся, встает,
И заречною конницей топит
Кто на Висле о Доне поет...**

«Речной» ряд и его контекст здесь поразительно близки манифесту 1908 г., в котором речь шла о собирании всадников с Дона и Вислы для защиты от иноземцев Белого Града и Черной Горы. В духе формул русской патриотической словесности Хлебников явно ассоциировал мощь отечественного оружия с казачьей конницей, приносящей победу русскому знамени и одновременно свободолюбивой, как, например, в раннем стихотворении «Мы желаем звездам тыкать...», где перечислены Ермак, Остранница, Платов и Бакланов — славные атаманы XVI, XVII, XIX вв.:

⁴²¹ Хлебников В. В. Западный друг. С. 32–33; ср. в ранней статье «Курган Святогора» (1908): «Русская славоба вторила чужим доносившимся голосам и оставляла немим северного загадочного воителя-море. И самому великому Пушкину не должен ли быть сделан упрек, что в нем звучащие числа бытия народа — пресмника моря, заменены числами бытия народов — послушников воли древних островов» (Хлебников В. В. Творения. С. 579).

⁴²² Хлебников В. Изборник. Пг., 1914. С. 24.

⁴²³ Хлебников В. В. Творения. С. 190.

⁴²⁴ Там же. С. 96.

Будьте грозны как Остранница,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
.....
С толпою прадедов за нами
Ермак и Осяля.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди чрез сушу и чрез хляби!⁴²⁵

Казачий перечень в стихотворении «Мы желаем звездам тыкать...» нарушен только именем Осяляби, которое порождает столь же символически нагруженные исторические ассоциации с Куликовской битвой: напомним, что по логике статьи «О расширении пределов русской словености» Куликовская битва — подобно Косову полю и Грюнвальду — не просто один из эпизодов в славянской военной истории, но своего рода битва битв, символ великого сражения с иноверцами и иноземцами.

Аллюзии на «славянского» Пушкина переплетены с батальными образами в поэме «Любовь проходит грозным смерчем...» (1911–1912), куда, кстати, вошли строки стихотворения «Мы желаем звездам тыкать...»:

О, дикое небо, быть Ермаком,
Врага Кучума убивать...
.....
Перед тобою, Ян Собеский,
Огонь восторга бьется резкий.
И русские вы оба,
Пускай и «нет» грохочет злоба.
.....
Так не склоню пред вами я колен,
Судители России!⁴²⁶

Победитель турок, польский король Ян Собеский (которого в качестве замечательного славянина прославляли Коллар и Соловьев) уравниен с Ермаком: они оба сражались с иноземцами, а потому (по логике Хлебникова) они — «русские» вопреки давней вражде их «племен» и вопреки наветам «судителей»/«клеветников, врагов России»⁴²⁷. Не исключено, что образы героических юношей-соколов в поэме «Любовь проходит грозным смерчем...» — с учетом тезауруса «славянской взаимности» — могут быть связаны с названием славянского молодежного общества «Сокол».

⁴²⁵ Хлебников В. В. Собр. произведений. Т. 2. С. 15.

⁴²⁶ Хлебников В. В. Творения. С. 213.

⁴²⁷ О цитировании Хлебниковым в поэме «Любовь проходит грозным смерчем...» стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинской годовщины» см. комментарий: Там же. С. 680.

Имя Пушкина оказывается включенным не только в прямо агитационные, но и в более замысловатые идеологические построения. Как известно, в общественном мнении кануна Первой мировой войны футуристы — новаторы и разрушители — осознавались как антоним Пушкину, воплощению традиции и классики. Особенно часто футуристические ораторы на шумных лекциях и вечерах противопоставляли Пушкину самого Хлебникова⁴²⁸. На этом фоне Хлебников создает конструкции, где его оппоненты — ложные наследники Пушкина — побиваются при посредстве Пушкина же.

В частности, Хлебников выдает литературных противников за врагов всей России, «кодируя» их через заглавие знакового пушкинского стихотворения. Согласно черновой записи 1912 г., «в зверинце “клеветников России” состоят: Мережковский, Арцыбашев, Сологуб, Ремизов»⁴²⁹.

Аналогично, в декларации, датированной специалистами весной 1913 г., Хлебников писал: «Мы требуем раскрыть пушкинские плотины и сваи Толстого для водопадов и потоков черногорских сторон надменного русского языка. (...) Помимо завываний многих горл, мы говорим: “И там и здесь одно море”»⁴³⁰. «Пушкинские плотины и сваи Толстого», ограждая русский язык, препятствуют «вливанию» из других славянских языков, необходимость которого основывалась на лингвистической утопии «славянской взаимности», символизируемой «славянскими ручьями» и «русским морем». А.Е. Парнис, комментируя эту декларацию в рамках «славянской» парадигмы, справедливо констатирует: «Декларативный тезис Хлебникова, внешне направленный против классиков — Пушкина и Толстого, против их языковых канонов, на самом деле диалектически обращен к их же авторитету, в первую очередь к Пушкину: хлебниковская метафора “одно море” явно восходит к известному пушкинскому “Славянские ль ручьи сольются в русском море?”, а также к традиционному образу славянского (или русского) моря у поэтов-славянофилов»⁴³¹.

4.

Рассмотрение топосов «славянской взаимности» позволяет прояснить и некоторые тексты далекого от футуризма А.А. Блока, поместив их в адекватный исторический и литературный контекст. В частности — стихотворный цикл «На поле Куликовом», вокруг которого сложилась парадоксальная научная ситуация: критики и исследователи, с одной стороны, единодушны в том, что лирический цикл — шедевр поэта, содержащий общественное «послание»,

⁴²⁸ См., напр., подборку материалов в кн.: *Крусанов А.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). Т. 1: Боевое десятилетие. СПб., 1996; ср. также: *Молок Ю.* Вокруг памятника Пушкину: Poleмика футуристов и пушкинщиков // Роман Яacobсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.

⁴²⁹ *Хлебников В.В.* Утес из Будущего. С. 256.

⁴³⁰ *Хлебников В.В.* Собр. произведений. Т. 5. С. 187.

⁴³¹ *Парнис А.Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова. С. 238–239.

а с другой стороны, на редкость разноречивы и неопределенны в толковании этого послания.

В самом радикальном (но традиционном) случае «послание» автора оказывается адресованным не к современности, а в будущее, обретая статус пророчества. Например: «В дни создания “На поле Куликовом” ясновидцу Блоку было открыто будущее. В “непробудной тишине” реакции 1908 года он различал гул событий...»⁴³²; «...фуга “На поле Куликовом” (...) полна мрачных, зловещих предчувствий грядущих катастроф...»⁴³³. Правомерность подобного подхода может быть подтверждена словами самого поэта, который позднее (1912) снабдил текст знаменитым примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди»⁴³⁴. Однако, что допустимо для творца, — не обязательно допустимо для филолога. А герменевтический аппарат, созданный на базе категорий «ясновидец», «будущее», «предчувствия грядущих катастроф», хотя и не лишен познавательных потенциалов, но явно выходит за рамки филологии.

Более уместен и продуктивен столь же традиционный подход, при котором «послание» цикла «На поле Куликовом» связывается с размышлениями Блока о трагическом для русской истории противостоянии народа и интеллигенции. Этот подход подтверждается сильными текстологическими аргументами: в аспекте творческой истории лирический цикл Блока, бесспорно, зависит от его драматической поэмы «Песня Судьбы», а драма бесспорно же посвящена именно попыткам осмысления оппозиции народ/интеллигенция. Кроме того, центральный персонаж «Песни Судьбы» Герман прямо упоминает Куликовскую битву: «Все, что было, все, что будет, — обступило меня: точно эти дни живу я жизнью всех времен, живу муками моей родины. Помню страшный день Куликовской битвы»⁴³⁵. Слова эти произносит герой-интеллигент, ищущий Россию и народ, а значит, в стихотворениях, образующих «На поле Куликовом», битва могла функционировать в таком идеологическом контексте.

Наряду с аргументами «от текстологии» здесь привлекаются уточняющие аргументы «от публицистики». В статье Блока «Россия и интеллигенция» (1908) «стояние» русской и татарской рати перед Куликовской битвой обретает символический характер: «Есть между двумя станами — между народом и интеллигенцией — некая черта, на которой сходятся и сговариваются те и другие. Такой соединительной черты не было между русскими и татарами, между двумя станами, явно враждебными; но как тонка эта нынешняя черта — между станами, враждебными тайно! (...) Не так ли тонка эта черта, как туманная реч-

⁴³² Мочульский К. К. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М., 1997. С. 142.

⁴³³ Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Л., 1992. С. 711.

⁴³⁴ Блок А. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 911.

⁴³⁵ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 4. С. 148.

ка Непрядва? Ночью перед битвой вилась она, прозрачная, между двух станов; а в ночь после битвы и еще семь ночей подряд она текла, красная от русской и татарской крови»⁴³⁶.

Впрочем, из рассуждений Блока следует, что конфликт народа и интеллигенции только чреват превращением в кровавую сечу — пугающий предел нынешней трагической вражды. По словам А. В. Лаврова, который суммировал данный материал в комментариях к академическому собранию сочинений, «неправомерно было бы считать, что Блок прямо и конкретно уподобляет современные “станы” — народ и интеллигенцию — русским и татарам на Куликовом поле...»⁴³⁷. Действительно, символика Куликовской битвы, какой она сложилась в отечественной традиции, неизбежно обозначает борьбу с иноземцами и иноверцами, что никак не подходит для обозначения конфликта народа и интеллигенции в 1908 г. (иное дело — события смутных 1917 и 1918 гг., отразившиеся в «Двенадцати» и «Скифах»). Зато без насилия над логикой символа в образах Куликовской битвы кодируются события, которые относятся скорее к внешнеполитической сфере. Имеется в виду балканский кризис 1908–1909 гг.

Хронология создания цикла «На поле Куликовом» хорошо известна: «Три первых стихотворения цикла были написаны в первой половине июня 1908 г., четвертое — в июле, над пятым стихотворением Блок работал в октябре и закончил его в декабре 1908 г.»⁴³⁸. Параллельно развертывался и балканский кризис, подробно и неравнодушно освещаемый в российской прессе.

Как известно, Блок внимательно следил за газетами (в частности, за «Словом»), что, кстати, было не только его человеческой чертой, но и находило отражение в творчестве (ср. точные аллюзии на «злобу дня» в поэме «Возмездие»). Вовлеченность Блока в «позорный» для России балканский кризис — на фоне дистантного отношения к интеллигенции и возмущения правительством — объясняет его жесткое письмо К. С. Станиславскому (9 декабря 1908): «Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или погибель. К возрождению национального самосознания, к новому, *иному* “славянофильству” без “трех китов” (или, по крайней мере, без китов православия и самодержавия) и без “славянства” (курсив автора. — Л. К., М. О.) ...»⁴³⁹. Раздраженное упоминание «славянства» с высокой степенью вероятности отсылает к балканскому контексту.

Борьба славянства с немцами (и в некотором смысле с турками) — согласно идеологии «славянской взаимности», исконными национальными врагами — вполне последовательно порождает «символизм» Куликовской битвы — решительного сражения с ино-земцами и -верцами. Хлебников мечтал обратить интерес обществу к «великому рубежу 14 и 15 веков, где собрались

⁴³⁶ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 5. С. 323–324.

⁴³⁷ Блок А. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 912.

⁴³⁸ Там же. С. 913.

⁴³⁹ Там же. С. 901.

вместе Куликовская, Косовская и Грюнвальдская битвы» и где татары, турки и немцы выступают как варианты всековечного «ворога», который вначале одолевал славян, но потом был ими побежден. Равным образом, у Блока (при всей «евразийской» амбивалентности его позднейшего стихотворения «Скифы») в цикле «На поле Куликовом» восточное, «татарское» — атрибут врага («святое знамя»/«ханской сабли сталь», «поганая орда», «биться с татарвою, за святое дело мертвым лечь», «двинулась орда»/«Твой лик нерукотворный»).

Подобное утверждение, однако, нуждается в уточнениях и оговорках. Как писал Г.П. Федотов, «символ степи здесь (в первом стихотворении цикла. — Л. К., М. О.) очень значителен, так как повторяется до пяти раз. Конечно, степь, где “густят стога”, совсем не та степь, где растет ковыль. В первом случае степь взята вместо лугов, но взята умышленно, предваряя основную тему: тоска-печаль северного поля вливается в тоску-страсть южных степей. Эта безбрежная тоска — “твоя, о Русь!”, и вместе с тем она “пронзает грудь стрелой татарской воли”. Тоска Руси — татарская тоска. Поэт мчится на бой с татарской ратью, неся в груди татарскую тоску по древней, степной воле. Вот основное противоречие, определяющее весь сдвиг образов»⁴⁴⁰. Иными словами, блоковское «протоевразийство» манифестировано не только в «Скифах», но и в стихотворениях куликовского цикла.

Надо признать, что важнейший образ первого стихотворения — «степная кобылица» — имеет признаки будущей «скифской» двойственности: символ России (ср. параллели из Н.В. Гоголя, А.К. Толстого и т.д.), она одновременно есть «одно из воплощений “татарского”, “степного” начала в цикле»⁴⁴¹. Хотя целесообразно акцентировать: на степной кобылице сражается не степняк-татарин, а, видимо, русский воин (ср. черновой вариант: «И долгон путь! Степная кобылица// Несет нас в даль!»⁴⁴²). Это «чужое», которое интериоризировано, «присвоено», сделано «своим», в то время как большинство «татарских» образов существует вне какой-либо амбивалентности.

Еще менее ясны другие ключевые строки первого стихотворения⁴⁴³:

**Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.**

⁴⁴⁰ Федотов Г.П. На поле Куликовом // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 104.

⁴⁴¹ Блок А.А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 919.

⁴⁴² Там же. С. 505.

⁴⁴³ Там же. С. 170; далее в статье цикл цитируется по этому изданию без дополнительных указаний.

Как представляется, «татарская древняя воля» не обязательно должна интерпретироваться в качестве вольного «татарского начала»⁴⁴⁴, присущего русскому воину. Это допустимо понимать и как татарское волевое устремление, постороннее, даже враждебное — подобно угрожающей стреле — Руси (ср. черновые варианты: «Но, как стрела татарской древней воли — // Мой правый путь!»; «Одна стрела татарской древней воли — // пронзила грудь!»⁴⁴⁵). Да и «степь» — образ, очень сложно нюансированный. Федотов в своем анализе пронизательно указал на «умышленное» смещение в тексте «степи, где “густят стога”» («северной», «русской») и «степи, где растет ковыль» («восточной», «татарской»). Продолжая его наблюдения, правомерно гипотетически предположить, что «степной» как эпитет «нашего пути» несколько отличен от этого же определения, присвоенного «кобылице». «Степной» путь — с точки зрения «реалий» (при всей их конвенциональности в символическом произведении) — путь по степи, которым идет русская рать от русских земель к Дону, навстречу Мамаевой орде. Что — не отменяя «евразийства» кобылицы — показывает, насколько постепенно и неоднозначно (в отличие от программной определенности «Скифов») Блок строит символ в куликовском цикле.

Далее: специалистами были названы многочисленные параллельные места, сближающие блоковские поэтические строки и древнерусские памятники куликовского цикла, прежде всего «Сказание о Мамаевом побоище»⁴⁴⁶. Большинство этих параллелей создает удивительный эффект отождествления лирического героя цикла (точнее, второго и третьего стихотворений) с Дмитрием Донским. Ведь именно эпизод «Сказания», в котором описывается, как в ночь перед битвой великий князь вдвоем с воеводой Дмитрием Волинцем старались угадать исход сражения, составляет «реальное» основание второго стихотворения:

**Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...
И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»**

При таком толковании по-новому читаются строки, которые непосредственно продолжают цитату. Слова «Я — не первый воин, не последний...» уместны как раз в устах по-христиански смиренного, «скромного» великого князя, не желающего подчеркивать личные заслуги. И в третьем стихотворении словосочетание «княжеская рать» не просто означает русскую рать, но «мое» — с точки зрения лирического героя — войско. Аналогично, строки «А над Русью тихие зарницы // Князя стерегли» подразумевают, что «над Русью», т. е. над русским войском (тип словоупотребления, характерный для «Слова о полку

⁴⁴⁴ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 919.

⁴⁴⁵ Там же. С. 504.

⁴⁴⁶ Левинтон Г. А., Смирнов И. П. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // Тр. Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 34.

Игоре» и древнерусских повестей о Куликовской битве), «зарницы» оберегают лирического героя.

Разумеется, Блок не собирался идентифицировать себя с Дмитрием Донским — логика символа может быть реконструирована иначе. В блоковской лирике встречается именование лирического героя «князем» (классический пример — стихотворение «В густой траве пропадешь с головой...», о котором Федотов писал, что «один лишь раз Блок сделал попытку облечь свою русскую любовь в светлые, славянские одежды»⁴⁴⁷, по-видимому связанное с условно-русской, сказочно-фольклорной или «рыцарской» традициями. По меткому замечанию Ю. Н. Тынянова, в поэзии Блока «лирический образ стремился втесниться в замкнутый предел стихотворных новелл»⁴⁴⁸. Если в ситуации символической Куликовской битвы лирический герой — князь и Дмитрий Донской — князь, то лирический герой и есть Дмитрий Донской (ср. черновой вариант: «Я — князь Христов. Сияют латы»⁴⁴⁹). Лирический герой становится куликовским победителем не в «ролевом», а в «символическом» смысле, но это лишний раз доказывает, что цикл «На поле Куликовом» содержит только эмбрионы «скифства», будучи ближе к «славянской» традиции.

«Язык великих битв», вызванный «славянским» контекстом, обуславливает существование особой мотивировки, диктовавшей Блоку выбор эпитафии для пятого стихотворения цикла. Это стихотворение — заключительное — ясно придает Куликову полю символический характер вечно возвращающейся роковой битвы, а снабжено оно эпитафией из стихотворения В. С. Соловьева «Дракон»:

**И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.**

«Дракон» имеет подзаголовок «Зигфриду» и содержит восторженные похвалы германскому императору Вильгельму II, который во время Боксерского восстания 1900 г., когда в Пекине под угрозой оказался персонал европейских посольств, «отправил войска для подавления восстания. Соловьев интерпретировал начавшиеся военные действия как пролог будущего столкновения европейской и азиатской цивилизаций...»⁴⁵⁰. Получается, что Блок, цитируя пророчество Соловьева, корректирует его, придавая прямо обратный смысл: в грядущем «бою» немцы могут оказаться не столько союзниками, сколько врагами славян.

Специфика кризиса, спровоцированного австрийской аннексией Боснии и Герцеговины, заключалась в том, что — несмотря на тревожные ожидания — ситуация получила дипломатическое разрешение, мировая война была отложена, да и россиянам свой «национальный позор» вспоминать не хотелось.

⁴⁴⁷ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 118.

⁴⁴⁸ Тынянов Ю. Н. Блок // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 119.

⁴⁴⁹ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 506.

⁴⁵⁰ Соловьев В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С. 411 (комментарии А. А. Носова).

Потому балканский эпизод достаточно быстро отошел в прошлое, соответственно, ближайший «общественный» контекст блоковского цикла вскоре стал неактуален и непонятен. И закономерно, что, когда стихотворения Блока были напечатаны в книге «Шиповника» (1909), рецензенты негативно оценили их непривычную для поэта образность. «Куликовская битва» Блока — не в счет. Певец трагических арлекинад и элегантного устремления к звездам, голосом, созданным для славословия Прекрасной Дамы, для напевов Пьеро и мечтаний о таинственных незнакомках, — запел о Непрядве, о “поганой орде”, о “молный боевой” — и вышло так вяло и фальшиво, что в интересах самого поэта, чтобы эту Куликовскую битву читатель или совсем не прочел, или прочел и забыл настолько, чтобы никогда ее с именем Блока не связывать» (В. Малахиева-Мирович); «В стихотворениях “На Куликовом поле” не замечается внутренней необходимости, которая оправдывала бы их появление, и, по-видимому, само Куликово поле послужило лишь внешним предлогом к написанию цикла хороших, но ненужных, каких-то беспредметных стихов. (...) Хуже всего, что последние стихотворения напоминают местами что-то знакомое, уже читанное когда-то» (Б. Садовской)⁴⁵¹.

5.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Исследователи Хлебникова, много сделавшие для реконструкции его «славянства», вместе с тем не решились посягнуть на одну идеологическую легенду, «освященную» высказываниями самого поэта. А именно: они повторяют версию, согласно которой Будетлянин с начала «бессмысленной» Мировой войны отказался от «крикливых воззваний» в пользу «славянской» программы. Например, по мнению Х. Барана, «Хлебников предвидел войну между Российской и Германской империями еще в 1908 году — в октябре в ответ на сообщение об аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией поэт призывает славян к крестовому походу против Германии. (...) Во многих текстах 1908–1914 гг. Хлебников повторяет свое пророчество. Он приветствует предстоящую войну, для него она лишь эпизод в извечной борьбе славянского и германского миров. Свои рассуждения по поводу этого конфликта поэт подкрепляет историческими параллелями, которые присутствуют во многих его произведениях, обуславливая появление как целых сюжетов, так и отдельных образов. (...) Со временем, когда прогнозируемые события обрели черты реальности, оптимизм ранних произведений поэта уступил место горькому антивоенному пафосу...»⁴⁵².

⁴⁵¹ Цит. по: Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 913–914.

⁴⁵² Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 33–34; ср. также: Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова. С. 225; Баран Х. К проблеме идеологии Хлебникова. С. 263.

Однако при расширенном понимании традиции «славянской взаимности» — не только идеологии, но топики — и при учете политической «гибкости» футуристов можно с большой степенью надежности говорить о непрерывности «славянских» интересов Хлебникова и его соратников в годы Первой мировой.

«Военная» парадигма футуристов презентирована с суммирующей образцовостью в синопсисе доклада Давида Бурлюка «Война и творчество» (афиша от 14 октября 1914): «Современная война. Литературные предвестия настоящего дня. Тютчев, Пушкин, Хлебников. Идея объединенного славянства. Историческая важность переживаемого момента. Живопись. Ассирия. Египет. Греция. Средневековое искусство. Баталлисты XIX века. Франция. Россия. Германия. Литература. Индийский эпос. Сенкевич. Гаршин. Толстой. Маринетти. Наше отношение к памятникам искусства (так!). Протест вандализму тевтонов. Реймский собор. Лувен — музей»⁴⁵³.

Как уже упоминалось, В.В. Маяковский в первые месяцы Мировой войны перепечатал в газете хлебниковское «Воззвание к славянам студентам». Публикация предварялась публицистическим «врезом»: «Если я не устал кричать “мы” “мы” “мы”, то не оттого, что пыжится раздувающаяся в пророки бездарь, а оттого, что время, оправдав нашу пятилетнюю борьбу, дало нам силу смотреть на себя, как на законодателей жизни. Сейчас две мысли: Россия — Война, это лучшее из всего что мыслится, а наряднейшую одежду этой мысли дали мы. Да! И много лет назад»⁴⁵⁴. Перед широким читателем Маяковский пользуется случаем аргументировать значение литераторов своего круга как «законодателей жизни», апеллируя к их давним заслугам в воспевании «России — Войны».

Аналогичный пример литературной тактики футуристов был отмечен Р.В. Дугановым⁴⁵⁵. Воинственные строки В.В. Маяковского из стихотворения «Война объявлена!» (20 июля 1914) «Постойте, шашки о шелк кокоток// Вытрем в бульварах Вены!» он предлагал сопоставить с неоконченным текстом Хлебникова «Тверской», знаменательно посвященным памятнику Пушкину в Москве (1914):

**Мы почерневший кровью нож
Волной златою осушая,
Сурово вытра о косы венек,
.....
Несем на запад злобу зенок...**

Футуристы, актуализируя «листовку» 1908 г., знали, что делали. Начало мировой войны — в значительно большей степени, чем аннексия Боснии и Герцеговины — востребовало идеи «славянской взаимности». Царский

⁴⁵³ См. воспроизведение: Футуризм — радикальная революция: Италия — Россия: К 100-летию художественного движения/Научн. редактор Е. Бобринская. М., 2008. С. 252.

⁴⁵⁴ *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 318.

⁴⁵⁵ *Хлебников В. В.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2000. Т. 1. С. 311, 503.

манифест 20 июля 1914 г., который торжественно зачитали после молебна — в присутствии Николая II — в Зимнем дворце, гласил: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования».

Программа «славянской взаимности» годилась и для освещения развернувшихся военных действий на австрийском фронте, о чем свидетельствуют материалы, собранные финским славистом Б. Хеллманом⁴⁵⁶. В публицистических выступлениях В.И. Иванов выражал мечту о грядущем воссоединении славянских народов, а К.Д. Бальмонт призывал к глобальной борьбе славянства с германством. В.Я. Брюсов в очерках «Из Варшавы в Ярослав» интерпретировал вторжение русских войск в австрийскую Галицию — Червонную Русь как реставрацию древней Киевской державы. С.М. Городецкий целый раздел поэтического сборника «Четырнадцатый год» (1915) назвал «Червонная Русь». Ф. Сологуб в массовой газете «Биржевые ведомости» напечатал стихотворение «Петроград – Белград», где сплетал аллюзию на «Клеветникам России» с символом «Славии»:

**Встречай торжественные зори,
И вместе с братьями молись,
Чтобы в глубоком русском море
Все реки Славии слились!..**

Именно в подобной литературной ситуации Хлебников (стихотворение «Воспоминания», датированное 1915) счел возможным причудливо сопоставить победы русских войск над австрийцами в марте 1915 г. с победами футуристов над традиционалистами-«пушкиньянцами»:

**Достойны славы пехотинцы,
Закончив бранную тревогу.
Но есть на свете красотинцы
И часто с ними идут в ногу.
Вы помните, мы брали Перемышль
Пушкинианской красоты.
Не может быть, чтоб вы не слышали
Осады вашей высоты⁴⁵⁷.**

⁴⁵⁶ *Hellman B.* Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1918). Helsinki, 1995. P. 117, 137, 43. См. также анализ славянской топики в стихотворениях русских поэтов о Первой мировой войне: *Косанович Б.* Сербия и Черногория в русской поэзии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004.

⁴⁵⁷ *Хлебников В.В.* Творения. С. 95.

Похоже, ловкая активность футуристов в годы Мировой войны, продолжавшая их рекламные успехи предвоенных лет, не ускользнула от внимания наблюдательных современников, в том числе Блока.

Дело в том, что «куликовские» стихотворения самого Блока — по причине утраты близкого «общественного» контекста (аннексия Боснии и Герцеговины) — также превратились в тексты с «открытым» контекстом, т.е. допускавшие их приложение в качестве «пророческих» к новым политическим ситуациям.

К примеру, в 1915 г. цикл «На поле Куликовом» вошел в книгу «Стихи о России», подготовленную для патриотического петроградского издательства и журнала «Отечество», которое передавало доходы в «Общество русских писателей для помощи жертвам войны»⁴⁵⁸. Условия Мировой войны, столкнувшей славян с немцами, были идеальным «общественным» контекстом, и теперь блоковские произведения получили исключительно восторженный прием: «Мы и не подозревали, читая в каталогах об этой маленькой книге “военных” стихов, что на серой бумаге, в грошовом издании, нас ожидает книга из числа тех, которые сами собой заучиваются наизусть, чьими страницами можно дышать, как воздухом...» (Г. Иванов); «...бравурная трескотня, трафаретный “бой литавр”, дешевая мишура, заносчивость — как все это чуждо Блоку, объёму сознательным серьезным настроением, творящим в тишине своего художественного “я”, “для себя и в себе” решающим неизмеримо важные вопросы, понимание и оценку которых он заимствовал у своего великого учителя и “спутника жизни” Владимира Соловьёва» (В. Рындзюн); «...у Блока под внешним спокойствием чувствуется “вечный бой”. (...) Александр Блок — самый русский из современных поэтов» (Б. Гусман); стихотворение «Река раскинулась...» «бесспорно чудесное, по прозрению» (Ю.А. Никольский)⁴⁵⁹.

С этой точки зрения, знаменитое стихотворение «День проходил, как всегда...» из цикла «Жизнь моего приятеля»⁴⁶⁰ приобретает характер отрицательной реакции на пророческие притязания «конкурентов»-футуристов:

**День проходил, как всегда,
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
Друг говорил мне о службе,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый...
Хлебников и Маяковский
Назначили цены большие за книги,
Так что приказчик у Вольфа
Не мог их продать без улыбки.**

⁴⁵⁸ Блок А.А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 902.

⁴⁵⁹ Там же. С. 904, 917.

⁴⁶⁰ Там же. С. 237.

Два стихотворца
 (Поклонники Пушкина)
 Книжки прислали,
 С множеством рифм и размеров...

Переработанное для позднейшей редакции, ставшей впоследствии канонической, стихотворение приобрело новый вид⁴⁶¹:

День проходил, как всегда:
 В сумасшествии тихом.
 Все говорили кругом
 О болезнях, врачах и лекарствах.
 О службе рассказывал друг,
 Другой — о Христе,
 О газете — четвертый.
 Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
 Книжки прислали
 С множеством рифм и размеров.

Имена двух поэтов-футуристов в новом варианте отсутствуют: общая идея стихотворения от этого едва ли пострадала, но нюансы «сумасшествия тихого» существенно трансформировались. Ранний вариант стихотворения (с именами Хлебникова и Маяковского), судя по автографам, был написан в 1914 г. Согласно комментариям академического собрания сочинений поэта, имеются черновики двух набросков стихотворения, датированные соответственно «27 авг (уста) 1909» и «20. III. 1914»: «Вероятно, 24 мая 1914 г. Блок, переработав, объединил оба наброска в единое стихотворение. (...) 19 декабря 1914 г. Блок послал стихотворение А.Э. Беленсону для сб. футуристов «Стрелец», где оно и было впервые опубликовано»⁴⁶².

Сборник «Стрелец» не совсем точно характеризовать как исключительный «сборник футуристов»: в нем на паритетных началах — вместе с Блоком, Сологубом, Кузминым и т. п. — участвовали Хлебников, Крученых, Маяковский, что и было отмечено рецензентами. «Критик-интуит» В. Р. Ховин риторически недоумевал: «...“Стрелец” — это только публичная женщина, “одетая под гимназистку”, тротуарная проститутка, пытающаяся сойти за “Незнакомку”? Действительно ли это жертвенность или только страничка в жизни “молодых старичков” (здесь Ховин цитирует высказывание Марии Моравской в «Бродячей собаке» из отчета в «Современном мире» от 1 марта 1915 г. — Л. К., М. О.) — с одной стороны, с другой — последний трюк исчерпавших себя эксцентрик?»⁴⁶³

⁴⁶¹ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 31.

⁴⁶² Там же. С. 620.

⁴⁶³ Ховин В. Безответные вопросы. IV // Очарованный странник. СПб., 1915. Вып. 8. С. 10–11; см. об этом подробнее: Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000. С. 122–130.

Получается, что ранняя редакция стихотворения (с именами футуристов) предназначалась для сборника, который казался экспериментальным по причине соседства недавних оппонентов — авангардистов от футуризма и традиционалистов (с футуристической точки зрения) от символизма. Более того, стихотворение Блока открывало «Стрелец», объективно играя роль манифеста (ср. также строки «Критик, грома *футуризм*, // *Символизмом* шпынял, // Заклучив *реализмом*»⁴⁶⁴). И этот «манифест» о единении символистов и футуристов включал строки, бесспорно отмеченные несколько ироническим отношением к «коллегам» по сборнику. Не претендуя на исчерпывающее объяснение мотивов подобного «литературного жеста» Блока, можно пока ограничиться констатацией того обстоятельства, что «жест» имел место, и привести одно соображение. Трудно с уверенностью сказать, что имел в виду Блок, набрасывая в марте 1914 г. строки о «ценах больших», назначенных Хлебниковым и Маяковским, но печатает он стихотворение в 1915 г. Это гипотетически позволяет заподозрить намерение Блока охарактеризовать не столько «книги» футуристов, сколько пропаганду ими собственных глобальных пророчеств, в частности касающихся Мировой войны и славянства, которым умело «назначили цены большие». Иными словами, поэт-символист, сам склонный толковать свои тексты в профетическом ключе, возможно, дистанцировался здесь от продолжателей и подражателей (тема диалога Блока и футуристов в аспекте «славянской взаимности» требует дальнейшего пристального исследования; см., например, близость знаменитых строк из «Скифов» «нас — тьмы, и тьмы, и тьмы» к «...скачемте вместе. Самы и Самы, нас // Много — хоботных тел» Хлебникова).

При подобном подходе особого рассмотрения требуют «пушкинские» мотивы в стихотворении «День проходил, как всегда...». На первый взгляд, «пушкинское» настойчиво фигурирует у Блока как оппозиция «футуристическому», но логика текста разоблачает эту оппозицию в качестве мнимой: «оба хуже», крайности равно неистинны, равно характеризуют современное «сумасшествие тихое». Да и в записных книжках Блока (рубеж 1913/1914 гг.) отразились его сходные суждения: «Когда я говорю со своим братом-художником, то мы оба отлично знаем, что Пушкин и Толстой — не боги. Футуристы говорят об этом с теми, для кого втайне Пушкин — хам (“аристократ” или “буржуа”). Вот в чем лезть и, следовательно, ложь. (...) А что если так: Пушкина научили *любить*, опять *по-новому* — вовсе не Брюсов, Щеголев, Морозов и т.д., а ... *футуристы*. Они его бранят, по-новому, а он становится ближе по-новому»⁴⁶⁵.

В стихотворении «День проходил, как всегда...» сразу вслед за Хлебниковым и Маяковским — монтажно — возникают «Два стихотворца/(Поклонники Пушкина)» (кстати, и авангардистов, и традиционалистов у Блока — двое); «монтажная» конструкция повторяется в дальнейшем еще раз,

⁴⁶⁴ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 32.

⁴⁶⁵ Блок А. А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965. С. 198.

причем футуристов снова столько же, сколько их оппонентов — теперь по одному человеку⁴⁶⁶.

**Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкинианца...**

В ряду встреч и событий блоковского «дня» (по редакции «Стрельца») примечателен и некий странный персонаж⁴⁶⁷:

**...собрат по перу,
В бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.**

Истолковать этот персонаж, сославшись на конкретные реалии, пока не удастся — в предварительном порядке целесообразно отметить: «пушкинский» контекст невольно заставляет ассоциировать «южных хорватов» с «западными славянами» (католики-хорваты в российском общественном сознании традиционно вызывали меньше интереса, чем православные сербы или черногорцы), а «Песни западных славян» А. С. Пушкина были столь же значимы для топики «славянского единства», как и «Клеветникам России». Например, Янко Лаврин, будучи секретарем Общества Славянского Научного Единения (председатель — В. М. Бехтерев), писал в первом сборнике материалов Общества (1913): «Имеют ли современные русские литераторы и интеллигенты вообще хоть малейшее понятие о чудных сербских народных песнях, приведших в восторг еще старика Гете и великого Пушкина?»⁴⁶⁸

Соблазнительно предположить, что стихотворение Хлебникова «Воспоминания» было своего рода ответом на «День проходил, как всегда...»: по крайней мере, «велимироведы» сопоставляют «Перемышль Пушкинианской красоты» и «стихи пушкинианца»⁴⁶⁹. Тогда получалось бы, что Будетлянин, реагируя на полемический выпад Блока, поддержал начатую тем дискуссию, привычно строя ее на имени «Пушкин». Но, к сожалению, термин «пушкинианец» (и его дериваты), получив распространение после Пушкинского юбилея 1899 г., просто обозначал как дилетантов от пушкинистики, так и профессионалов, а потому не может надежно оцениваться как доказательство конкретной аллюзии. Зато Н. Н. Асеев в своевременно не опубликованной статье «Поколение Блока» (1940) указывал, что «отзвуки» стихотворения «День проходил, как всегда...» наличествуют в ранних произведениях Маяковского (поэма «Человек»)⁴⁷⁰.

⁴⁶⁶ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 239.

⁴⁶⁷ Там же. С. 238.

⁴⁶⁸ Цит. по: *Парнис А. Е.* Хлебников: в поисках нового пространства и о преодолении Европы. С. 138.

⁴⁶⁹ *Хлебников В. В.* Творения. С. 666; ср. также: *Перцова Н. Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. С. 15.

⁴⁷⁰ *Крюкова А. М.* «...Настало время оценить внимательно поэтическую судьбу Блока»: Из архива Н. Н. Асеева // Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. М., 1987. С. 707.

В любом случае, Хлебников в 1915 г. суммировал свою концепцию «военного» Пушкина, записав в альбом Л. И. Жевержеева: «Будетлянин — это Пушкин в освещении мировой войны, в плаще нового столетия, учащийся праву столетия смеяться над Пушкиным 19 века. Бросал Пушкина “с парохода современности” Пушкин же, но за молвой нового столетия. И защищал мертвого Пушкина в 1913 году Дантес, убивший Пушкина а 18** году»⁴⁷¹. (Кстати, запись Хлебникова явно перекликается с размышлениями о Пушкине Маяковского в советском стихотворении «Юбилейное» и в «юбилейных» выступлениях других футуристов.)

Возвращаясь к модели «славянской взаимности», конспективно перечислим факты, свидетельствующие о ее функционировании в творчестве В. В. Хлебникова во время и после российских революционных катастроф (наряду с другими моделями такого рода — «скифством» и т. п.⁴⁷²).

Итоговый текст «Своиси», который, как уже упоминалось, включает «славянскую» формулу «самовитого слова», открывается двумя манифестарными абзацами:

«В “Девьем боге” я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна).

В Брюсов ошибочно увидел в этом словотворчество»⁴⁷³.

Поминая «славянские полабские слова», Хлебников тем самым апеллирует к мотиву трагического противостояния немцев и славян, характерному для топики «славянской взаимности» (ср. также в статье «О расширении пределов русской словесности»: «...полабские славяне, называвшие луну Леуной»⁴⁷⁴).

Столь же маркирована формула «славянское чистое начало в его золотой липовости», которая содержит явную аллюзию на особое почитание липы древними славянами. Образ липы имеет ключевое значение для поэмы «Дочь Славы», где обыгрывается в 121 сонете третьей песни. Это важнейшее произведение Коллара — начиная с А. И. Одоевского — не раз переводилось на русский язык⁴⁷⁵. Так, в 1902 г. авторитетный журнал «Русская мысль» печатает перевод, осуществленный — с нарушением строфики и стихотворного размера — В. А. Гиляровским (тогда секретарем Славянского вспомогательного комитета) и озаглавленный им «Липы»⁴⁷⁶.

Наконец, в последней записной книжке Хлебникова (первая половина 1922), которую «велимироведы» рассматривают как завещание Будетлянина, «славянский» код оказывается одним из принципиальных носителей общего

⁴⁷¹ Харджиев Н. И. Новое о Велимире Хлебникове // Russian Literature. 1975. №9. С. 17.

⁴⁷² См., напр.: Арензон Е. Р. «Задача измерения судеб»: К пониманию историософии Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000.

⁴⁷³ Хлебников В. В. Творения. С. 36.

⁴⁷⁴ Там же. С. 593.

⁴⁷⁵ Кишкин Л. С. Словацко-русские литературные контакты. М., 1990. С. 101–105.

⁴⁷⁶ Русская мысль. 1902. №7. С. 133.

смысла. Трудности, возникающие при расшифровке и толковании этого литературного памятника, заставляют считать его «славянское» прочтение темой отдельной, очень непростой работы, однако соблазнительно поделиться некоторыми предварительными наблюдениями.

Во-первых, Хлебников использует здесь свой излюбленный мотив «рек и моря», правда переведя его из «славянского» в «темпоральный» ряд: «Со временем, когда мы станем богом, речные русла всех мыслей будут течь с высоты единой мысли. Но мы не боги, а потому будем течь как реки в море общего будущего. Оттуда, где расположен опыт каждого то течь Волгой, то Терек<ом>, то Яком в общее море един<ого> буд<ущего>»⁴⁷⁷.

Во-вторых, соединяя пацифистский пафос с фольклорными образами «русалок (точнее, южнославянских вил и малороссийских мав)», Будетлянин вычеканил емкую формулу:

**Война зв<учит>
нет славян! славяне вы мавяне**⁴⁷⁸.

Славяне — народы «слова» и «славы», но война, заставив потускнеть их «славу», превратила их в «мавян», пленников Мавы⁴⁷⁹ — фольклорного злого духа, несущего смерть; притом слово «мавяне» гипотетически могло вызывать ассоциации со словами «мовня» (по В. И. Далю), «молва», т. е. «словом» же (ср. сцепление «молвы» и «славы» в «Поручейном»: «Так зыбит, снует молва, // С нею славен, славен я!»).

В-третьих, логика некоторых ключевых фрагментов поэмы «Вы, привыкшие видеть жизнь...», входящей в записную книжку, может быть прояснена посредством сопоставления со стихотворением «Поручейное». Хлебников пишет в поэме: «Ленин — это леший, народ — это Русь...»⁴⁸⁰, что бесспорно напоминает «В умных лесах правен лесовой (...) А в народе Славяной» (с рукописным добавлением к «Славянному» — «Русилищель, обруселища»).

6.

Вовлеченность футуристов в разработку идеи «славянского единства» (и жестко с нею связанных других национальных проблем) подтверждают тексты из амстердамского архива Н. И. Харджиева, которые впервые увидели свет в последнее время.

Один из важнейших текстов — «Военная опера» В. В. Хлебникова и А. Е. Крученых (1914 – начало 1915), которая была опубликована Н. Гурьяновой в специальном выпуске амстердамского журнала «Russian Literature», посвящен-

⁴⁷⁷ Перцова Н. Н., Рафаева А. В. О последней записной книжке В. Хлебникова // Вестник Общества друзей Велимира Хлебникова. М., 1999. Вып. 2. С. 81.

⁴⁷⁸ Там же. С. 75.

⁴⁷⁹ См. о Маве специально: Кравец В. В. Разговор о Хлебникове. С. 34–86.

⁴⁸⁰ Перцова Н. Н., Рафаева А. В. О последней записной книжке В. Хлебникова. С. 86.

ном Алексею Крученых⁴⁸¹. Опера осталась незавершенной, и лишь анализ ее фрагментов может оказаться путем к реконструкции общего замысла.

Итак:

«<Л е т ч и к> а с. Пугок их одумался и стал стрелять в задок: **немь** (здесь и далее слова выделены нами. — Л. К., М. О.) крошить крепости свои загрязнил: чтоб ты ими подавился!..

[поднимает голову со столика]
 Зачем в моих ушах устроили туннель!
 Звеняца там сотни поездов [и везут Синий Дон
 А тевтонский лес в паутинах для говоров тихо рокочущих]
 А мне очнуться старая лень
 Хотя не усну я... в ночи никогда карандаша...»
 Ту невидимую ограду, что раньше стояла в Вифее я сразу узнал!
 пророк *неми!*
 сел на *петраву*
 и долго *слышал*
 потом меня что то стало растягивать
 руки мои тонки и вытянулись
пчела облюбила мою голову
 озеро прошло в череп меня».

Публикатор указывает значения слов «ас», «немь» — немцы, комментирует намек на Самсоновскую катастрофу 1914 г., поясняет «ограду в Вифее» как «ограду в Вифезде» из Евангелия от Иоанна (не акцентируя, что подлинное название ограды в контексте крученыховской фонетической эротики звучало бы слишком грубо) и «петрава» — как «растение под названием петровы-багоги, голубой цикорий».

Однако выделенные слова позволяют интерпретировать фрагмент в качестве системной реализации модели «славянской взаимности»: «Мы — **асы** — крошим **немь**, которая прожужжала (**пчела**) нам все уши сквозь **тоннель** в **черепе тевтонскими говорами**, но как сквозь таинственную ограду **озера в Вифезде**, сквозь речь **пророка неми**, который **сидел на по (е) траве** (т. е. на уничтожении), я **долго слышал** неназываемую здесь славянскую речь (речь Славии), шуршащую травой, но затоптанную тевтонскими сапогами».

При подобном толковании авангардный фрагмент логично перекликается с хлебниковским «Воззванием к славянам студентам» (актуализированным в начале войны Маяковским), что не столько неожиданно, сколько неизбежно.

Другой значимый сюжет содержится в КАРТИНЕ II. КАРТИНА начинается с разговора о том, что «Ч е р е п» хочет укусить «М о л о д о м у» палец, а тот отвечает, что его кровь уже сосут некие «воблы боблы» (т. е. боши — немцы), сам же он пьет кровопийц комаров в день по стакану.

⁴⁸¹ Russian Literature. 2009. LXV. I/II/III. С. 183–236; в дальнейшем текст цитируется по этому изданию с указанием страниц.

Тут «вбегает О б о д р а н н ы й

<О б о д р а н н ы й. > Друзья, неприятель!

<Ободранный упоминает некие «похожи чум указы». — Л. К., М. О. >

— Удирай!

— спасите повешенного, а то беда будет

О б ъ я с н и т е л ь: Ну в таком случае я схожу по одному делу...

— **В бочку...** разбить ... **от них спрячемся**

— А она не обита шелком близ подушечки не унесет нас **на скрипке?**

— нет

— ну хорошо полезу **ох жжет как на живодерне** мне бы только лицо

во что спрятать

лезут в бочку».

И далее:

«- Заговорило! слушай! повешенный заговорил

П о в е ш е н н ы й.

Я день второй лежу израненный близ дома

а взять меня нельзя

я человек залога

и мною держится обвитая корнями земля⁴⁸² (...)

В стену стучат

С т а р и к. вот... вот... трещит... по писанию (*кричит*)

Карета с воздуха летит капает не маком —

кровью с яичным мылом...

берегитесь кого укусят блошки пуди

дутые того любила чернуха повитуха —

сестра чумазой гойки обе шлюхи

похуже было тогда не раздевались

а кто выигрывал прямо бросался

где гуляли тут его огнем сжирали

кокарда с водою».

Через несколько реплик вновь возникает мотив попытки спрятать «ребенка иноземного» и кто-то опять пьет кровь.

Разумеется, ничто не мешает в очередной раз смириться с тем, что авангардный текст алогичен. Однако, допустив здесь «кодирование» современных реалий и актуальных публицистических тем, можно получить совсем другую картину.

Старик (по-видимому, еврей) упоминает о некоем «писании», где с неба течет не молоко (в Священном Писании Земля Обетованная была «страной, текшей молоком и медом» — Втор. 26, 15; 27,4), а «кровь с мылом». Но и это предусмотрено в Писании: «И сказал: сокрою лице Мое от них, увижу, каков будет конец их, когда род развращенный они, сыны, в которых нет верности. Они

⁴⁸² «Человек залога» — заложник или заложный покойник.

дразнили Меня небогом, досаждали мне своими суетами; раздражу я их недородом, племенем-извергом досаждать буду им. Ибо вспылил огонь в гнев моем, и возгорел до дна преисподней, и пожирает он землю и произведения ее, и опалает основы гор» (Втор. 32, 20–23).

Если согласиться с предложенным библейским контекстом, который соположен с истреблением Содома и Гоморры (упоминается в той же части Второзакония), то и «повитухи» могут оказаться библейскими. Слово это встречается в Ветхом Завете дважды: в книге Бытия в связи с темой первородства и в книге Исхода (35, 17; 38, 28), где речь идет о том, как повивальные бабки помогали евреям родить быстрее, чтобы слуги фараона не успели расправиться с младенцами⁴⁸³. Это — образец эсхатологической образности, характерной для военного мироощущения.

Кроме того, в начале мировой войны евреи, как известно, обвинялись в тотальном шпионаже в пользу Германии, что привело к выселениям, к запрету присутствовать в прифронтовой полосе (той самой Галиции и Буковине, которые были целью Русской армии), возвращаться в места проживания, освобожденные русскими войсками, введению института заложников и т. д.⁴⁸⁴ Были случаи демонстративного повешения евреев за предательство⁴⁸⁵ (ср. в опере персонаж «Повешенный»). В еврейской традиции этот период даже называют «Новый навет», где «Навет ветхий» — обвинение киевского мещанина Менделя Бейлиса в ритуальном употреблении христианской крови. В таком случае закономерно упоминание в опере бочки-живодерни, при влезании в которую можно ободраться, ведь одним из легендарных способов источения христианской крови сторонники навета считали бочку с гвоздями, забитыми внутрь⁴⁸⁶.

С учетом национальной топики, актуализированной в условиях войны, смысл «Военной оперы» существенно уточняется, в противном же случае текст превращается в бессвязную мозаику немотивированных эпизодов. В национальной перспективе становятся на место и «полет на скрипочке» («полет шмеля»), намекающий на евреев-музыкантов, и аналогия со средневековыми «чум указями» (обвинения евреев в распространении чумы), которые обернулись слухами об отравлении евреями колодцев⁴⁸⁷. Трагическое сочетание в годы

⁴⁸³ Ср. Кацис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002. С. 55–70.

⁴⁸⁴ Там же. С. 58.

⁴⁸⁵ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 210.

⁴⁸⁶ Ср. комментарий Н. Гурияновой: «В бочку ... разбить ... от них спрячемся — тема грешников, мучимых в кипящей меди в «Игре в аду», и воинов, оказавшихся в подземном царстве в «Детях выдры» (1911–1913): «Печемся здесь в смоле купцов // По грудь (так! — Л. К., М. О.) сидя в высоких бочках, // В своих неслыханных сорочках, // Забыв о бритвенных утехах // И о латах и доспехах // Не видя в том ни капли толку, // И тянем водку втихомолку» (Russian Literature. 2009. LXV. 1/II/III. С. 227).

⁴⁸⁷ Игнорирование национального контекста «Военной оперы» ведет и к другим сомнительным комментариям. Ср.: «гойка — вероятно, производный неологизм от старинного глагола говеть, жить, здравствовать; дать, заставить жить (по Далю). В данном контексте, как нам кажется, этот неологизм означает «вочеловеченный» образ жизни, судьбы.

Мировой войны славянского подъема с еврейским вопросом позднее нашло отражение в экспериментальном романе Ильяэда «Философия» (о котором см. в следующей главе) и в «Докторе Живаго» Б. Л. Пастернака⁴⁸⁸.

7.

Умение оперировать «славянскими» идеями разделял с Хлебниковым и Маяковским их собеседник, друг, литературный соратник — Р.О. Яacobсон.

Публикация «амстердамских» текстов предоставляет драгоценную возможность реконструировать «славянские воззрения» Яacobсона в годы Первой мировой войны и его место среди единомышленников-футуристов. С этой точки зрения любопытен текст Крученых «с ю ж е т», который, согласно комментарию С. Сигея и В. Вестстейна, «записан на обороте письма Романа Яacobсона к Алексею Крученых»⁴⁸⁹.

Текст Крученых краток и, по обыкновению, маловнятен, но его общая идейная направленность не вызывает сомнений. По словам С. Сигея и В. Вестстейна, ««антинемецкое» (содержание письма Яacobсона. — Л. К., М. О.) (...) позволяет также интерпретировать “сюжет” Крученых: “зачем немцу воевать с Россией, если в России он мог бы заработать в двадцать раз больше, чем в Германии”».

«с ю ж е т»
 «2 года воевать — а зачем? В зимнее
 (псине клята) — когда
 с печкой
 20 этих строк 20 чтей обрывка
 подумать
 Такой прокислый души воздух
 Перед носом — спина
 вилка торчит в губах
 туп пьет 12 ч не переставая
 и дальше
 жует 2-е сУток толщина

Повитуха, упомянутая здесь как сестра *гойки*, в славянской мифологии всегда наделялась магической силой, считалось, что она может не только предсказать, но и определить всю судьбу новорожденного. В некоторых сказках повитуха принимает потомство у нечистой силы, за что богато вознаграждается» (Russian Literature. 2009. LXV. I/II/III. С. 228–229). Более правдоподобным представляется то простое объяснение, что «гойка» в устах старика еврея значит «не еврейка».

⁴⁸⁸ Кацис Л. Славянское единство, панславизм и евразийство в «Докторе Живаго» Б. Пастернака // Wiener Slavistischer Almanach. 2000. Bd. 45; Кацис Л. Два еврейских эпизода в «Докторе Живаго» // Judaica Rossica, М., 2004. Вып. 3.

⁴⁸⁹ Russian Literature. 2009. LXV. I/II/III. С. 17; далее тексты Крученых и Яacobсона, а также комментарии к ним цитируются по этому изданию.

от жары шумят земля и листья норы
воры
боры
всюду прописать
и в трамвае и в учебнике
уменьшились телеса
в пору
не зри мое у сети брода
когда то чтли
сможет там 11 а тут 20
монет
сюжет: там 1 а тут 20».

Исходя из «антинемецкого» пафоса Крученых, публикаторы относят «алогический» набросок к 1914 г., однако исторический анализ позволяет корректировать эту датировку.

Знаменательны первые строки текста Крученых:

«2 года воевать — а зачем? в зимнее
(псине клята) ...».

Первая мировая война началась летом 1914 г. и говорить о «2 годе» войны можно никак не ранее января 1915 г., а «псине клята» соблазнительно толковать как обыгрывание польского «пся крев», указывающее на вступление русских войск в Червонную Русь — австрийскую часть Царства Польского.

Что касается письма Якобсона (излагающего нереализованный проект некоего сборника с участием группы известных художников и писателей), публикаторы, к сожалению, не отметили важную для уточнения хронологии ссылку: «Эрн... (см. Русская мысль № 12)»⁴⁹⁰. Здесь явно имеется в виду знаменитая антинемецкая статья Владимира Эрна «От Канта к Круппу», опубликованная в указанном номере журнала за 1914 год, и недаром перед этой строчкой в письме значится «Немецк. философия».

Благодаря любезности публикаторов, поместивших факсимиле рукописи Крученых, можно предложить — в развитие сделанных наблюдений — и прочтение трудного фрагмента: «сможет там 1 (далее не вторая “1”, а четко читаемое “а”. — Л. К., М. О.) а срут 20 — может сюжет там 1 а тут 20». При «декодировании» получается, что у одного сюжета — 20 вариантов чтений, да и сюжет может быть изложен на «обрывке» газеты, которой «воспользовались» «20» тех, что «срут». Одновременно речь здесь идет о тех поэтах, кто, подобно Игорю Северянину, вначале приветствовал войну ура-патриотическими газетными статьями и стихами, а теперь — после поражений русских войск — «срут» (боются, трусят) и переходят в лагерь миролюбцев.

⁴⁹⁰ Russian Literature. 2009. LXV. 1/II/III. С. 18.

Таким образом, Крученых насмешливо реагирует на желание Яacobсона напечатать свой манифест «хотя бы в газетах», а «с ю ж е т» отвечает на просьбу корреспондента прислать стихотворение в планируемый сборник.

Поддается реконструкции и «манифест» Яacobсона (в лучшем случае февраля 1915), с которым диалогически связан «с ю ж е т» Крученых.

Итак: «даже Баранцевичу⁴⁹¹ ясно и т.д. — А Хлебн. В. 1908 г. и т.д. <далее следуют строки о Северяnine. — Л. К., М. О. > — а русс. интеллигент огоршенный в жалком недоумении глядит на немца — недавнего божка. — Того, к кому ваш *Белый и Белинский* и пр. и пр. на поклонение звал».

Ключ к «манифесту» — «Хлебн. В. 1908 г.», т.е. очередная апелляция к знаковому для футуристов хлебниковскому «Воззванию к славянам студентам».

Таким представляется «славянский эпизод» раннего Романа Яacobсона. Продолжение наступило в Чехословакии 1920-х, где Яacobсон имел несколько неопределенный статус, то будучи просто информатором советского правительства в стране, активно поддерживавшей русскую эмиграцию и отказывавшейся признать СССР, то занимая в ЧСР официальные дипломатические посты.

В 1925 г. Яacobсон носился с экстравагантным планом организовать советский визит Томаша Г. Масарика и тем самым существенно улучшить дипломатические связи двух государств. Полпред в Чехословакии В.А. Антонов-Овсеенко, полагаясь на данные своего «дипломатического информатора», продвигал «наверх» хитроумный замысел: Масарика надо пригласить не в качестве президента враждебной страны, но как знаменитого ученого-слависта, который посетит грандиозные торжества, посвященные 200-летию Российской Академии наук⁴⁹². Проект выглядел выполнимым: до революции многие русские печатные органы просили Масарика об участии, в том числе — в 1910 г. юный Лаврин, издававший журнал «Славянский мир»; в 1895 г. старейшина российской славистики А.Н. Пыпин «горячо ратовал за присвоение ему звания почетного профессора Санкт-Петербургского университета», и в 1916 г. Масарик получил это звание⁴⁹³ и т.д. Со слов Яacobсона, Антонов-Овсеенко убеждал Москву, что Масарик охотно примет приглашение такого рода и это будет принципиальной победой советской дипломатии. План Яacobсона не был реализован по причинам, ставшим известными в самое недавнее время. Будучи все же профессиональным филологом, а не профессиональным дипломатом или разведчиком, Яacobсон не всегда умел держать язык за зубами, что и разрушило замечательный план. Однако его мастерское владение «славянским» кодом здесь налицо.

⁴⁹¹ К.С. Баранцевич (1851–1927) — писатель-традиционалист.

⁴⁹² Ср. материалы о деятельности Масарика в России незадолго до и сразу после Октябрьской революции: *Маслов В.П.* Роль Т. Масарика в попытке восстановления законно избранной власти в России // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 7. С. 628–634.

⁴⁹³ *Порочкина И.М.* Т. Г. Масарик и его петербургские коллеги // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. С. 89, 94–95.

В предложенной перспективе по-особенному открываются некоторые «странные сближенья» политико-поэтического характера, изложенные Р.О. Якобсоном в фундаментальной работе «Основа славянского сравнительного литературоведения» (1953)⁴⁹⁴:

«В знаменитом стихотворении Я. Коллара, представителя позднего чехословацкого классицизма, находим: SLAVme SLAVne SLAVu SLAVuv SLAVnych!⁴⁹⁵. Вспоминается похожая строка поэта далматинского Ренессанса Юние Паломтича (1606–1657): SLAVnijek SLAVa capti SLAVa. Сближение Slavi со slavni возводится к Мариньоле, придворному историку Карла IV⁴⁹⁶. Сколько угодно аналогичных примеров можно привести как из старой, так и из новой поэзии и других славянских народов. Этимологическая фигура широко применяется в русском фольклоре. (...) Максимальную нагрузку этот прием получает в стихотворении “Заклятие смехом”; оно было написано в начале нашего века В. Хлебниковым, одним из основателей русского футуризма. (...) В одном из вводных предложений к поэме Яна Коллара “Дочь Славы”, “Narodu meho Aj, onemelt’ uz, byv k urazu zasti jazyk”, слова onemel jazyk буквально значат “язык стал немым”, с коннотацией “язык стал немецким”, в то время как следующее предложение, “Uz hlaholem zrevna usta umlklka nemum” (“поющие уста уже умолкли от негомо языка”), вызывает ассоциацию с “hlaholem nemeckum” “немецким языком”, которая помогает понять оксюморон “немой язык”⁴⁹⁷. “Боевая” Хлебникова (около 1906), возглашая “Напор славы единой и цельной на нь!” следует Коллару и в том, что слову “слава” приписывается двойной смысл (“слава” и “славянство”), и в том, что в неологизме “нь” слиты воедино намеки на “немоту” и на “немцев” ...»⁴⁹⁸.

⁴⁹⁴ Анализ политических и философских подтекстов см.: *Autonomova N.* Roman Jakobson: deux programmes de foundation de la slavistique, 1929/1953 // Jakobson entre l’Est et l’Ouest, 1915–1939: Un episode de l’histoire de la culture europeenne. Lausanne, 1997. P. 13–18.

⁴⁹⁵ Имеется в виду четвертая строка из 88 сонета II песни «Дочери Славы», см. в переводе Ю. Нейман: «...славнейших славов славу славим славно» (*Коллар Я.* Сто сонетов. С. 87).

⁴⁹⁶ Францисканец Джованни Мариньола, по заказу императора занимавшийся объяснением славянских этнонимов, называл своего венценосного покровителя «славой славянства», а этноним «славяне» фантастически интерпретировал «с помощью рассуждений о происхождении славян от Элисы, сына ветхозаветного Иавана» и «истолковал семантику имени матери императора Элишки (Елизаветы) как «дом славян», в который ее супруг Ян Люксембургский вошел подобно евангельскому Иоанну Крестителю» (*Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протопипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996. С. 79).

⁴⁹⁷ Якобсон анализирует вступление в поэму, соответствующие строки которого цитировались выше в переводе А. С. Будиловича.

⁴⁹⁸ *Якобсон Р. О.* Работы по поэтике. М., 1987. С. 29–31.

Глава VII.

*Авангард в контексте балканского
и карпатского вопросов.*

*Пьеса «Янко крУль албАнской»
(1916–1918) и роман «Философия»
И. М. Зданевича (1930)*

«Дра» И. М. Зданевича «Янко круль албанской» — хрестоматийный образец авангардного текста и авангардного театра — неоднократно привлекала внимание исследователей, однако изучение политических аллюзий, незамысловато скрытых в зауми пьесы, остается актуальной задачей.

Идеологический контекст пьесы «Янко круль албанской», на первый взгляд, совершенно ясен и даже демонстративен. Это — «региональный» албанский вопрос, т. е. обстоятельства формирования независимого албанского государства. Но албанский вопрос был частью балканского и — шире — славянского — вопроса. А значит, ситуация обретает эпохальный характер: в 1914 г. именно славянский вопрос запустил механизм Мировой войны.

1.

В 1908 г. европейские державы приступили к очередному переделу турецких владений на Балканском полуострове. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, тем самым оскорбив Сербию и сторонницу Сербии — Россию. В 1912 г. Сербия, Черногория, Болгария и Греция вступили в войну с Турцией, которая в 1913 г. завершилась их совершенной победой. Хотя Албанию традиционно разделяли со славянами этнические и религиозные разногласия, но и для нее Балканская война прозвучала сигналом. 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость Албании, а 17 декабря в Лондоне представители великих держав приступили к обсуждению этого вопроса. В результате непростых переговоров, порой грозивших выходом на военный уровень, был найден компромисс: Сербия и Черногория — территориальные приращения, Албания — гарантии защиты от держав-победительниц в Балканской войне⁴⁹⁹, официальную независимость (и монархическую форму правления), Австрия — неофициальное влияние на Албанию.

С. Сигов цитировал показательную для российского общественного мнения пародию на лондонские переговоры (сатирический журнал «Летучая мышь», декабрь 1912): «Нужен! хороший король для независимой Албании, трезвого поведения и с рекомендациями с последнего места. Обрататься:

⁴⁹⁹ *Murzaku T.* Albanian Issue Viewed in the Frame of General Problems of the Balkans // *The Balkans: National Identities in a Historical Perspectives*/Ed. by S. Bianchini, M. Dogo. Ravenna, 1998. P. 91–97.

Вена, графу Бертольд...»⁵⁰⁰. Журнал издевался над поисками кандидата в албанские князья и в качестве заказчика прямо называл министра иностранных дел Бертольда — преемника А. фон Эренталя (инициатора боснийско-герцеговинской акции). Согласно либеральному чешскому журналу «Час», «единственным положительным успехом — но успехом сомнительной цены ... является Албания, независимое государство шкипетаров, основанное искусственно на выдавливании сербов из Адриатики. В целом же балканская политика Австрии испытала такие удары, что разговоры об их катастрофических последствиях для монархии были справедливы»⁵⁰¹.

В конце концов Австрия и Германия — после консультаций с другими великими державами — навязали Албании князя. «Им стал Вильгельм Вид (1876–1945) — капитан прусской армии, племянник румынской королевы Елизаветы, двоюродный брат короля Швеции, сын принцессы Марии Нидерландской и родственник германского императора Вильгельма II»⁵⁰². 7 марта 1914 г. князь Вид прибыл в столицу Дураццо — на австрийском корабле и в сопровождении итальянского, английского и французского эскорта. Однако в том же 1914 г. — с началом Мировой войны — Вид бежал из новообретенного княжества.

Россия — равно, официальная и либерально оппозиционная — негативно относилась к Албании и Австрии, фактическому хозяину нового княжества. В декабре 1912 г. националист граф В. А. Бобринский говорил в Думе: «Мы в 1912 не менее миролюбивы, чем в 1908 году, но мы можем теперь оградить достоинство России; мы можем вести нашу традиционную, нашу вековую политику защиты наших славянских братьев и православных единоверцев на Балканах. И не дай Бог, чтоб мы заговорили: мир во что бы то ни стало»⁵⁰³. Российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг отрицал «саму правомерность существования отдельного албанского государства и отказывал албанскому народу в праве на цивилизованность и самостоятельное развитие»⁵⁰⁴. Император Николай II придерживался такого же мнения, но корректировал его прагматическими соображениями: по свидетельству английского посланника, царь сказал, «что он не собирается воевать из-за дрянного албанского городишки»⁵⁰⁵. В самый канун Мировой войны император повторял, что албанский вопрос — единственная причина для обострения обстановки в Европе⁵⁰⁶.

⁵⁰⁰ Сигов С. Онолатрическая мистерия Ильи Зданевича // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Берн, 1991. С. 211.

⁵⁰¹ Цит. по: Шевченко К. В. «Война с Сербией не должна стать международной катастрофой»: Канун Первой мировой войны в чешской прессе // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2006. Т. III. С. 170.

⁵⁰² В «пороховом погребке Европы»: 1878–1914 гг./Отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003. С. 446.

⁵⁰³ Цит. по: Айратетов О. Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. I. С. 99–100.

⁵⁰⁴ В «пороховом погребке Европы». С. 443–444.

⁵⁰⁵ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 119.

⁵⁰⁶ Айратетов О. Р. Указ. соч. С. 122.

2.

В кругу футуристов балканский вопрос ассоциировался с личностью Янко Лаврина — «полу-сербя полу-словенца»⁵⁰⁷, петербургского панслависта и сотрудника печатных органов соответствующего направления. В 1913 г. Лаврин способствовал публикациям В. Хлебникова в газете «Славянин», а позднее сблизился и с группой И. М. Зданевича, хотя служил там «хронической мишенью для нападок»⁵⁰⁸.

В 1915 г. Лаврин — в качестве балканского корреспондента «Нового времени», враждебной футуристам массовой газеты с достаточно консервативной программой — посетил Албанию, где воевала союзная России черногорская армия. Летом 1916 г. он опубликовал в Санкт-Петербурге книгу очерков «В стране вечной войны (Албанские эскизы)». Идеологическое послание было подчинено официальной линии, близкой «Новому времени». По словам М. Марцадури, «эта книга большей частью посвящена обычаям албанцев, представленных алчными и бесстрашными разбойниками, которые живут в домах-крепостях, не уважают никакой власти вне семьи и клана»⁵⁰⁹. Албанцам, писал Лаврин, «вероятно никак не идет в голову, что люди, у которых имеются и лошади, и деньги (две привлекательнейших для каждого албанца вещи), смеют без всякой опаски разъезжать по этим местам. А между тем, повись они с такою беспечностью здесь еще года два, три тому назад — охо-хо!.. Албанцы тогда не ограничились бы одним почесыванием затылков... Но времена меняются — даже в Албании»⁵¹⁰.

Симпатии автора — на стороне черногорцев и сербов. Он пеняет России за пассивность и равнодушие к южнославянским народам: «О, если бы русская дипломатия знала, как дорого приходится австрийским славянам расплачиваться за каждый ее промах. (...) В Англии открыто пишут, что нужно создать из всех сербских, хорватских и словенских земель великую Югославию как оплот против германского натиска на Ближний Восток. (...) В славянской России пока рискованно писать об этом...»⁵¹¹.

Лаврин насмехается над беглым князем Видом: «Во дворце остался даже драгоценный рояль его супруги, а на рояле ноты с высочайшей собственноручной надписью его величества мбрета Вида I: “Meinem lieben Katzchen” (моей милой кошечке) ... Ну и пусть же после этого злые языки твердят, что в Албании идиллии невозможны! Идиллии великого Вида хотя скоро и довольно-таки неидиллически кончились, но что ж из этого?»⁵¹². Досталось и самой «милой ко-

⁵⁰⁷ Цит. по: Письма О.И. Лешковой к И. М. Зданевичу/Предисловие, публикация, примечания М. Марцадури // Русский литературный авангард: Материалы и исследования /Ред. М. Марцадури, Д. Рицци и М. Евзлина. Тренто, 1990. С. 63.

⁵⁰⁸ Письма О.И. Лешковой к И. М. Зданевичу. С. 63.

⁵⁰⁹ Марцадури М. Создание и первая постановка драмы Янко круль албанскай И. М. Зданевича // Русский литературный авангард. С. 24.

⁵¹⁰ Лаврин Я. В стране вечной войны: Албанские эскизы. СПб., 1916. С. 29.

⁵¹¹ Там же. С. 66.

⁵¹² Там же. С. 76.

печке» — супруге князя-мбрета. Журналист рассказал о ящике для писем, не доставленных адресату, где он видел «довольно объемистое письмо с германской маркой и со следующим адресом: S. M. Sophie, la reine d'Albanie. — На конверте итальянская приписка: Non ha corso. А рядом сербская: “Выехали. Адрес неизвестен...” Просто и ясно...»⁵¹³. Акцентируя чуждость мбрета Вида — «его» Албании, Лаврин использовал какофонический контраст разных языков: «чужих» (немецкий, французский, итальянский) и «своего» (сербский).

Журналист вообще чутко реагировал на балканское многоголосие. Он включает в книгу сербский текст письма братии Дечанского монастыря, адресованного императору Александру II: «У тешкой неволюи своіой брача (братья) монастири Дечанскогъ обрачаю се (обращаются) молбено заступлению Православногъ Цара русскогъ и са сузами моле (со слезами молят) за заштиту од свирепи Арнаута, кои се Бога не боэ (не боятся), а царске турске заповести не слушаю...»⁵¹⁴. Высказывается по лингвистическим вопросам: «Албанская азбука была до сих пор тоже страшно запутана: католики пользовались латинскими, православные греческими, а мусульмане турецкими буквами»⁵¹⁵. Щеголяет экзотическими этнонимами, которые порой производят комическое впечатление: Клементы, Кастраты, Мертуры, Красниши, «неукротимое племя Пуки»⁵¹⁶ и т. п.

Наконец, Лаврин делился с читателями впечатлениями от встреч с военными лидерами албанцев: знаменитыми (Эссад-паша) и второстепенными.

Футуристы — приятели Лаврина — воспринимали и осмыслили славянский вопрос с разных позиций. Велимир Хлебников воинственно симпатизировал идее «славянской взаимности»⁵¹⁷. Напротив того, А. Е. Крученых (в поздних мемуарах) настороженно отзывался о «национализме» Будетлянина, о том, что «его глубокий интерес к национальному фольклору часто затуманивал его восприятие современности», и даже горделиво утверждал: «И если Хлебников впоследствии, в суровые годы войны и революции, далеко ушел от специфического историзма, национализма и славянофильства, — то немалую роль сыграло здесь его товарищеское окружение»⁵¹⁸.

В 1916 г. Зданевич — как и Лаврин — военный корреспондент, но не одиозного «Нового времени», а либеральной газеты «Речь». По собственным словам, в то время он жил «старыми и новыми обликами восточного вопроса», но —

⁵¹³ Лаврин Я. В стране вечной войны: Албанские эскизы. СПб., 1916. С. 60–61.

⁵¹⁴ Там же. С. 21–22.

⁵¹⁵ Там же. С. 72.

⁵¹⁶ Там же. С. 31, 49.

⁵¹⁷ См.: Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978; Баран Х. К проблеме идеологии Хлебникова: Мифотворчество и мистификация // Россия/Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века. М.; Венеция, 1999; Кацис Л. Ф., Одесский М. П. Идеи «славянской взаимности» в творчестве В. В. Хлебникова и литераторов его круга // Известия АН. Серия литературы и языка, 2001. Т. 60. № 1.

⁵¹⁸ Крученых А. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / Вст. ст. Н. Гурьяновой. М., 2006. С. 80–81.

в противоположность панслависту Лаврину — выступал как «неисправимый русофоб»⁵¹⁹, что, согласно Р. Гейро, подразумевало «раздражение государственным менталитетом невероятно огромной страны, которая (...) унижает своих соседей и не понимает, что тем самым обрекает себя на постоянные кризисы»⁵²⁰.

«Антиславянофильскую» позицию занимали и члены группы Зданевича. Они высмеяли книгу Лаврина в групповом «Безкровном убийстве» — «своеобразном журнале, напоминавшем по внешнему своему виду футуристические публикации Крученых»⁵²¹. В специальном албанском номере ехидно излагалась фантастическая биография Янко, якобы вначале избранного королем, а потом вынужденного спасаться от подданных — правда, в отличие от его реального прототипа Вида — спасаться в Черногорию и Россию. Албанский номер «Безкровного убийства» — вместе с его идеологией — послужил непосредственным источником пьесы Зданевича.

Таким образом, если для Хлебникова контакт с Лавриным выразился в текстах, посвященных черногорцам, русинам, задаче «расширении пределов русской словесности» путем включения славянской топики, то для Зданевича (и группы «Безкровное убийство») — в ироническом неприятии славянского пафоса. Это — с одной стороны. С другой — и Зданевич, и Хлебников, при всех идейных различиях, использовали и даже развивали топику «славянской взаимности», что типологически напоминает ситуацию с Пушкиным — Одоевским — Колларом — Мицкевичем или с Данилевским — Леонтьевым — Соловьевым.

3.

Напомним, что «дра» Зданевича (начальная редакция) была написана и поставлена в конце 1916 г. в Петербурге, что ее не удалось по цензурным причинам опубликовать в императорской России и что она была напечатана (в новой редакции) лишь в 1918 г. — в Тбилиси, столице независимой Грузии⁵²².

Анализ политического контекста (балканские события 1908–1914 гг.) позволяет существенно уточнить идеологическое послание пьесы Зданевича. Достаточно сказать, что список действующих лиц («деи») ⁵²³ выглядит почти как газетная полоса.

Итак, «Янко ано в брюках с чюжова пличя абута новым времиним» — Янко Лаврин, военный корреспондент газеты «Новое время», который, согласно расшифровке Татьяны Вечорки, «одет в сапоги, сшитые из газеты “Новое время”»⁵²⁴.

⁵¹⁹ *Ильязд*. Письма Моргану Филиппу Прайсу. М., 2005. С. 25–26.

⁵²⁰ *Гейро Р.* Предисловие // *Ильязд*. Письма Моргану Филиппу Прайсу. С. 14.

⁵²¹ Письма *О. И. Лешковой* к И. М. Зданевичу. С. 37.

⁵²² См., напр.: *Поэзия русского футуризма/Сост. и подготовка В. Н. Альфонсов, С. Р. Красицкий.* СПб., 2001. Сер. «Новая библиотека поэта». С. 714–717.

⁵²³ *Зданевич И.* Янко круль албанскай // *Поэзия русского футуризма.* С. 522.

⁵²⁴ *Татьяна Вечорка (Толстая).* Заумный язык и Дра динамитного денди // *Татьяна Вечор-*

«Князь Пренкбидада» — мирдатский князь Пренк Биб-Дода, отнесенный Лавриным к проавстрийским политикам, «типичный албанский феодал, интриган и лукавый восточный пройдоха»⁵²⁵.

«Албаниц Брешкабришкофский» — отнюдь не «русский судья XIX века, имя которого, возможно, выбрано по причине комического звучания»⁵²⁶, а журналист и литератор Н. Н. Брешко-Брешковский, либеральный оппонент футуристов⁵²⁷.

«Двои разбойникаф из Гусыни» — разбойники-албанцы из города Гусинье, где во время Балканских войн шли ожесточенные бои и который затем отошел к Черногории. Рядовой русский читатель не опознает топоним «Гусинье»: ему здесь мерещится заумная «гусыня». Впрочем, и автор «дра» явно рассчитывал на подобную эксцентрическую коннотацию. Пьеса Зданевича открывается явлением этих двух разбойников, и знаменательно, что мемуарист описывал постановку сцены словами, которые практически совпадают с цитировавшимся рассказом Лаврина о жестоких нравах албанцев: «Два албанских разбойника — они же избиратели, увидев в горах Янко и сообразив по костюму, что убивать его не стоит за маловыгодностью этого предприятия, — решают выбрать его королем»⁵²⁸.

«Немиц Ыренталь» — на «ывонном» языке, бесспорно, граф фон Эренталь, имя которого после кризиса 1908 г. символизировало агрессию на Балканах Австро-Венгерской империи. Его «немицкость» — отнюдь не географическая ошибка автора (или заумь). В фольклоре (на который жанрово-стилистически ориентирована «дра») «немцами» прозывались все иностранцы⁵²⁹, а в интеллектуальном славянофильском дискурсе (который в «дра» отрицается) именно «немцы» (немые) составляли противоположность людям «слова», «славянам». В первой редакции пьесы (1916) фигурировал фантастический персонаж — «австрийский премьер-министр, граф Эдинбург». М. Марцадури выдвинул предположение, что во второй редакции «граф Эдинбург становится князем Пренкбидада»⁵³⁰. Однако, как представляется, фантастический премьер-министр Эдинбург «становится» не албанским князем, а нарочито-памфлетным «Ыренталем».

«Свабодный шкипидары» не нуждаются в специальных объяснениях и давно истолкованы. На «ывонном» языке «шкипидар» — это переделка официального самоназвания албанцев «шкипетар» и одновременно скабрёзная аллюзия на скипидар, который нередко использовался для «неприличных» медицинских

ка (Толстая). Портреты без ретуши: Стихотворения. Статьи. Дневниковые записи. Воспоминания. М., 2007. С. 193. К сожалению, современное переиздание этой интереснейшей статьи не сопровождается комментарием.

⁵²⁵ Лаврин Я. Указ. соч. С. 77.

⁵²⁶ Janesek G. Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego, 1996. P. 274.

⁵²⁷ См.: Поэзия русского футуризма. С. 717. Татьяна Вечорка называет его «кровожадно-сентиментальным романистом из “Биржовки”» (Татьяна Вечорка (Толстая). Указ. соч. С. 191).

⁵²⁸ Цит. по: Письма О. И. Лешковой к И. М. Зданевичу. С. 27–28.

⁵²⁹ Согласно В. И. Далю, немец — «всякий иностранец с Запада, европеец».

⁵³⁰ Марцадури М. Создание и первая постановка драмы Янко крүль албанский И. М. Зданевича. С. 29.

целей. Слово «шкипетар» было освоено российской публицистикой; оно фигурирует и в тексте Лаврина.

«Дела в Албании па Вида» — действие <происходит> в Албании после <бегства> Вида (что, собственно, освободило албанский престол для «Янко»). В 1922 г. Зданевич в парижской лекции, озаглавленной «Илиазда» (своего рода заумная автобиография), акцентировал значение имени «Вид» для понимания историко-политического послания «дра»: «Стало ясно. Война кончается. Тот круг идей, который начался в Албании — принц Вид — так называемый дурацкий вид⁵³¹ — был исчерпан. Война была изжита. Свой настоящий круг начала революция»⁵³².

Лекция Зданевича хронологически совпадает с окончанием его работы над «лидантиЮ фАрам» (июль – октябрь 1922)⁵³³ — финальной «дра» заумной пенталогии. Если в первой «дра» автор обыграл историю Янко Лаврина, связывающую предвоенные годы с началом Мировой войны, то в последней — смерть ближайшего соратника М. В. Ледантю, которая пришлось на 1917-й, т.е. на первый год революции. В такой перспективе формулировка Зданевича-лектора обнаруживает амбициозную заявку Зданевича-драматурга на монументальное осмысление современных событий — Мировой войны и революции — средствами авангардной драмы.

При этом, разумеется, не следует отождествлять поступки реальных исторических деятелей с сюжетными функциями литературных персонажей. Согласно убедительному предположению Р. Гейро, позднейший роман Зданевича «Восхищение» может толковаться как «перенесенная на горы мифической страны история футуризма», а протагонист романа (Лаврентий) — как аллюзия на Маяковского⁵³⁴, хотя ни в имени «Лаврентий», ни в реалиях романа прямых указаний на прототипы нет. Напротив того, «дра» «Янко крУль албАнской» содержит прямые указания и имена, но здесь политическая история Албании трансформируется в пастишное авангардное представление. Соответственно, декодирование прототипов «дра» Зданевича обязательно требует одновременной интерпретации «кодирования» — законов, которые определили авангардную трансформацию. Эти законы (которые имеют философское, жанровое и, прежде всего, лингвистическое измерение) требуют специального рассмотрения.

⁵³¹ Игра слов «дурацкий вид» грубовато мотивирована пребыванием князя Вида в тогдашней албанской столице Дураццо.

⁵³² Гейро Р. Доклад Ильи Зданевича «Илиазда» (Париж, 12 мая 1922) // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. М., 2000. С. 530.

⁵³³ Gayraud R. De *Ledentu le Phare* aux *Parigots*: Il'ja Zdanevic et la transformation de la zaum' // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. P. 225.

⁵³⁴ Гейро Р. Предисловие // *Ильязд*. Собр. соч.: В 5 т. М.; Дюссельдорф, 1995. Т. 2. С. 16–18.

4.

Особенности языка авангардной пенталогии Зданевича традиционно исследуются в рамках разного рода лингвистических сдвигов в русском авангарде, или исследователи ищут помощи не столько в самом тексте, сколько в постмодернистской философии.

Приведем один из лучших суммирующих примеров подобного подхода, выполненный в связи с попыткой построения целостной картины развития фонетических и грамматических сдвигов у обэриутов и других авангардистов: «Искажение орфографического облика слов утвердилось как прием в поэзии футуристов и конструктивистов. Укажем, прежде всего, на “фонетическое письмо” Ильязда (Ильи Зданевича), практиковавшегося им в Тифлисе, когда там активно действовала группа “41”⁵⁵⁵, членом которой он был. Принцип фонетической записи, когда орфография оказывалась целиком подчиненной фонетике, доминирует в его пенталогии с характерным названием “аслабличья” (1918–1923). (Ср. также названия частей пенталогии: “Янко крУль албАнскАй” (Тифлис, 1918); “Асел напратат” (Тифлис, 1919); “Остраф пасхи” (Тифлис, 1919); “згА Якабы” (Тифлис, 1919) и “лидантЮ фАрам” (Париж, 1923). Этого же принципа придерживался другой член группы И. Терентьев, заявляя: “Слово означает то, что оно звучит”⁵⁵⁵. Этому предшествовали литографические издания Крученых — неотъемлемым элементом текста которых стал авторский почерк»⁵³⁶.

Здесь же исследователь ссылается на знаменитый манифест Крученых, Клуна и Малевича «Тайные пороки академиков» 1916 г., где Крученых констатирует: «...символисты знали аллитерацию, но неведома им алфавитизация».

Затем исследователь приводит крученыховскую имитацию армянского языка «Лето армянское», начинающуюся «Эрвань/Жы-ы-ра...», где встречаются слова «на маставой», «варабэй», «адалжи сто рублей», и констатирует, что «подобный прием означал еще один шаг в сторону автономизации письменного текста, и придания ему имманентной эстетической ценности. Это был действительно новаторский шаг, поскольку другой прием, применявшийся футуристами с аналогичными целями — фигурная поэзия — практиковалась еще Симеоном Полоцким и вообще — в русской культуре барокко. Однако любое, даже самое замысловатое расположение текста на печатном листе не меняло главного: текст был ориентирован на чтение, но устно он мог воспроизводиться сколько угодно раз кем угодно, все прочтения были идентичны и диктовались набранным текстом. Строго говоря, орфографические девиации футуристов (например, имитация грузинского акцента у Ильязда) вообще создают невозможность адекватного прочтения текста»⁵³⁷.

⁵⁵⁵ Терентьев И. 17 ерундовых орудий. Тифлис, 1919. С. 3.

⁵³⁶ Кобринский А. «Без грамматической ошибки..?»: Орфографический «сдвиг» в текстах Даниила Хармса // Кобринский А. О Хармсе и не только: Статьи о русской литературе. СПб., 2007. С. 61.

⁵³⁷ Там же. С. 62.

Этот абзац заслуживает специального внимательного анализа. Ведь из кажущейся фонетической аналогии «армянского текста» Крученых («Календарь», 1926) исследователем делаются выводы о том, что и текст «действ» Ильязда со всей их «фонетикой» манифестирует грузинский акцент, который русские футуристы слышали в Тифлисе.

«Русскоязычный читатель знает, что в русских словах, в первом заударном слоге буква «о» обозначает сильно редуцированный гласный, транскрибируемый как [ɔ] — так его и читают. Но появление в слове «остров» вместо второго «о» буквы «а» означает, что читать нужно, конечно, не как [а] — слог остался безударным, но уже не как [ɔ], поскольку явно требуется большая степень открытости звука. Читатель имеет грузинский акцент в качестве ориентира, но адекватно воспроизвести в речи ту степень повышения информативности текста, которую он видит при его чтении, — невозможно»⁵³⁸.

Здесь же приводится пример использования акцента из «Тирана без Тэ» В. Хлебникова:

**Из улицы темной: русски не знаем,
Зидарастуй, табарича».**

Нетрудно видеть, что здесь передача персидской речи имитируется с правильным написанием с двумя «сс» слова «Русски», что совершенно не обязательно при фонетической записи. И эта деталь еще привлечет наше внимание.

Исследователь завершает интересующее нас рассуждение, учитывающее и другие попытки транскрибирования текста Зданевича: «Более того, — умные элементы в сочетании с фонетической системой записи сдвигают смысловозначительные признаки русских фонем, что еще более затрудняет прочтение текста»⁵³⁹.

С последним заключением мы не можем согласиться. Однако свою позицию изложим чуть позже. Пока же отметим, что введенная в рассмотрение проблема «барокко-авангард», тем более в контексте рассуждений о сознательной грамматической неправильности обэриутов, лишь запутывает действительно важную тему, которая затрагивает все структурные уровни текста. Об этом нам приходилось писать уже после выхода⁵⁴⁰ в свет журнального варианта процитированной здесь статьи. Кроме того, весь опыт работы с текстами тифлисского авангарда, включая сюда и Ильязда, и И. Терентьева, и А. Крученых показывает, что эти тексты в большинстве случаев были призваны дешифровывать предреволюционные футуристические загадки, являясь своего рода постапокалиптической картиной предреволюционного футуризма. Это ка-

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ В начале этих рассуждений А. Кобринский ссылался на: *Janecek G. Il'ja Zdanovic's "aslaablic'e" and the Transcription of "zaum" in drama // L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982. P. 33–43; Ziegler R. Группа «41» // Russian Literature. Vol. XVII. № 1. 1985. P. 71–86.*

⁵⁴⁰ *Кацис Л., Одесский М. Барокко и авангард («Крутом возможно Бог» А. Введенского и школьная драма «Ужасная измена сластолюбивого жития») // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 61. 2002. № 5.*

сается и «Трактата о сплошном неприличии» И. Терентьева⁵⁴¹, и «Тифлиса» с «Солнцем» В. Каменского⁵⁴², и «Лакированного трико» А. Крученых⁵⁴³, и его же трактата «О женской красоте»⁵⁴⁴, и других текстов, к которым, как мы попытаемся показать, относится и «Янко крУль албанскай».

Ибо даже если согласиться, что сложнейший текст лишь затруднен имитацией грузинского акцента в русской речи, то трудно понять, почему все же речь в нем идет об Албании в связи со словенцем Янко Лавриным. Почему так актуальны были эти темы именно в Тифлисе времен Гражданской войны. Да и вообще, неужели вся пятерка действий написана только ради фонетических экспериментов?⁵⁴⁵

Поверить в это крайне трудно. Ведь мы знаем, что группа «Безкровное убийство» ставила спектакль Ильи Зданевича по книге Лаврина как раз во время событий в Албании. А происходило все это в Петрограде, когда никакой речи о грузинском акценте еще быть не могло. Да и тематика выпусков «Безкровного убийства», одним из которых был «Албанский выпуск», призванный скомпрометировать Янко Лаврина, была ясно связана с событиями Первой мировой войны: «Осенью 1915 – весной 1916 гг. были подготовлены следующие номера “Иллюстрированная повестка-приглашение”, “Военный выпуск”, выпуск “В тылу”, “выпуск Островов Фиджи”⁵⁴⁶, “Дагестанский выпуск”, “Ассирийско-Вавилонский выпуск”, “Галицийский выпуск”, “Эвакуационный выпуск”. Согласно О. Лешковой, “Безкровное убийство” не имело постоянного состава. Ввиду военного времени все художники были на фронте и только наезжали временами в Петроград»⁵⁴⁷.

В этом контексте летом – осенью 1916 г. и появился «Албанский выпуск» с текстом О. Лешковой, который переработал в пьесу Ильязд⁵⁴⁸.

Нет сомнений, что именно события в Албании, где корреспондентом «Нового времени» был Янко Лаврин, сыграли свою роль в том, что корреспон-

⁵⁴¹ Кацис Л. «Трактат о сплошном неприличии» Игора Терентьева (к семантике футуристического текста) // Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000. С. 140–176.

⁵⁴² Кацис Л. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. Изд. 2-е., доп. М., 2004. С. 707–718.

⁵⁴³ Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль: Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006. С. 452–473.

⁵⁴⁴ Кацис Л. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. С. 707–661–679.

⁵⁴⁵ Большинство фактического материала, известного на сегодняшний день и используемого исследователями, находится в: Марцадури М. Создание и первая постановка драмы «Янко крУль албанскай» И. М. Зданевича; Письма О. И. Лешковой И. М. Зданевичу; Из архивных материалов / Публ. и прим. М. Марцадури. 1. О. И. Лешкова <Журнал «Безкровное убийство»>. 2. И. М. Зданевич <Выступление на митинге в Михайловском дворце>. 3. Устав общества «Искусство. Революция» // Там же. С. 109–117.

⁵⁴⁶ Это название стоит соотносить с будущим «Острафом Пасхи» из «пятерки действ».

⁵⁴⁷ Крусанов А. Русский авангард 1907–1932. Исторический обзор в трех томах. Т. 1: Боевое десятилетие. СПб., 1996. С. 260–261.

⁵⁴⁸ Там же. С. 270–271.

дент либеральной «Кавказской речи» Илья Зданевич создал сатирическую драму о «свободных шкипидарах». Ведь в основной (центральной) версии газеты «Речь» не раз публиковались статьи о событиях с Албании под очевидными названиями типа «Свободные шкипитары»⁵⁴⁹. Но если шкипидары-албанцы в качестве героев специального выпуска «Безкровного убийства» еще понятны в условиях разгара мировой войны, то место среди них «Галицийского выпуска» никогда не привлекало к себе внимания исследователей.

Однако, по нашему мнению, именно ситуация в Червонной Руси, сложившаяся в 1914–1915 гг., нашла отражение в загадочном футуристическом тексте, написанном, как мы попытаемся показать, как раз особой «фонетикой», только безо всякой связи с грузинским акцентом тифлисцев. В лучшем случае, этот акцент мог что-то напомнить Зданевичу уже после революции, однако это совсем не обязательно.

Мы не будем сейчас подробно анализировать Подкарпатско-русские документы, которые выходили как раз в интересующее нас время⁵⁵⁰. Мы указываем эти документы, несмотря на их крайнюю антиукраинскую и антисемитскую направленность, ибо они выражают реально существовавшую позицию лидеров карпаторусов по отношению к событиям Первой мировой войны. А конкретных текстов коснемся лишь в связи с упоминанием в них имени М. П. Драгоманова, которое в сознательно искаженном виде встречается в знаменитом антимаяковском тексте Г. Шенгели «Маяковский во весь рост»⁵⁵¹.

И здесь необходимо прервать анализ собственно «Янко», чтобы оценить лингвистическую позицию футуристов вообще и Алексея Крученых в частности. Ибо литературная борьба вокруг Маяковского началась в 1914 г. с книги Крученых «Стихи Маяковского», а не в Тифлисе и вовсе не в связи с конкретными албанскими или карпатскими событиями Первой мировой войны. А продолжилась полемика в 1927 г., когда вышла знаменитая книга Г. Шенгели (хотя доклад в ГАХН на эту тему был произнесен в 1924). Кроме всего прочего, книга Шенгели представляла собой антимаяковский памфлет, построенный на «вывернутых» текстах выступлений самого Шенгели на вечерах Северянина. Того самого Северянина, которого Маяковский, с одной стороны, постоянно поминал как «сбжавшего» поэта-эмигранта, и которому, с другой стороны, тогда же помогал⁵⁵².

⁵⁴⁹ Б. а. Свободные шкипитары // Речь. 1913, 14 декабр.

⁵⁵⁰ Талергофский альманах: Приснопамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1924–1934. Вып. 1–4. В последние годы они были вновь переизданы: Русская Галиция и «мазепинство». М., 2005. С. 211–511. Заметим, что и К. Крамарж в работе «В защиту славянской политики» употреблял выражение «мазепинство», будучи крайним противником «украинства».

⁵⁵¹ Шенгели Г. Маяковский во весь рост. М., 1927. Титул.

⁵⁵² О книге Г. Шенгели «Маяковский во весь рост» см: *Кацис Л.* Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. С. 328–376.

На титуле книги Шенгели читаем:

Меня сегодняшнего рыжего профессора разучат до последних нот
(так! — Л. К., М. О.).

Иоанна д'Арк совсем неграмотная была, а чего наделала.

Драгомиров.

Нетрудно видеть, что в эпитафии из Маяковского вместо очевидного слова «йот» (т. е. букв) регистр переключен в музыкальный язык «нот». Это имеет свое объяснение. Ведь среди главных частей книги Шенгели находится анализ поэмы «Война и мир», где, как известно, использованы едва ли не впервые настоящие музыкальные строки.

В свою очередь, йотированное «йот» перешло в «Иоанну» второго эпитафия, приписанного генералу М. И. Драгомирову, который к литературе и «профессорам» отношения не имеет. Здесь (и позже мы покажем почему) «Драго-миров» скорее всего маскирует Драго-манова: теоретически генерал М. И. Драгомиров — с его однозной апологией значения «штгыка» в современной войне — мог быть представлен поклонником «неграмотной» французской девы-воительницы, но в действительности проблему грамотности во французском языке и неграмотности носителей французских диалектов обсуждал литератор-радикал М. П. Драгоманов.

Заметим: Шенгели рассматривал сюжет, связанный с Первой мировой войной, на фоне того, что именно Северянин, а не Маяковский первым выступил против войны, Маяковский же перехватил у него эту позицию в 1916 г. Шенгели — прозрачно для знающих — намекнул на то, что в 1914 г. Маяковский повторил в статье «Россия. Искусство. Мы» воззвание Хлебникова «К братьям славянам» (1908), которое пацифистским, действительно, не назовешь. В 1914 г. вышла в свет и брошюра Крученых «Стихи Маяковского. Выпыт», которую через 10 лет в докладе и через 13 в книге о Маяковском пародировал Шенгели.

На наш взгляд, в этом контексте замаскированное упоминание имени-идеологемы Драгоманова — известного украинского деятеля, критика центральноевропейских империй и сторонника крайнего федерализма, преддусматривавшего, например, предоставление прав отдельного языка любым самым малым диалектам⁵⁵³, — оказывается ключом к пониманию лингвистической позиции футуристов.

Напомним, что футуристы включали в свои сборники стихи украинской девочки, имитировали заумь франко-подобными примерами типа «ляля теля пасе» и т. п. Да и вообще, футуристы были не только провинциалами, но и великороссов среди них было очень немного. Ведь и Крученых с его херсонским происхождением, и степняки Бурлюки, и киевский еврей Б. Лившиц, и даже Маяковский — «дедом казак, другим — сечевик, а по рождению — грузин», менее всего были носителями великорусских языковых особенностей⁵⁵⁴.

⁵⁵³ Современную характеристику см., напр.: *Круглашов А.* «Слов'янська тема» на сторінках драгоманівської «Громади» // Проблеми слов'янознавства. 1999. Вип. 50. С. 149–150.

⁵⁵⁴ Даже Хлебников с его русским происхождением имел часть армянской крови.

Казалось бы, это не имеет прямого отношения к их творчеству, а национальность поэта определяется лишь его собственным желанием да языком творчества. Однако для авангардистов это далеко не всегда так. Ведь все сказанное может оказаться основой для создания авангардного приема, с одной стороны, а с другой — происхождение автора может способствовать его обостренному интересу к тем или иным проблемам, из центра не заметным. К такого рода случаям и относится упоминание в тексте Шенгели искаженно-го имени Михаила Петровича Драгоманова.

Идеи Драгоманова занимали очень важное место в идеологии русинов Карпатской Руси, куда вступили в самом начале Первой мировой войны русские армии. Не забудем, что Маяковский в статье «Война и язык» (где в качестве основной задачи поэтов призывал, ссылаясь на пример Хлебникова, к славянизации корнеслова) назвал началом новой эры в русской литературе переименование германизированного Петербурга в славянизированный Петроград⁵⁵⁵.

В соответствии с целями нашей работы мы обращаем основное внимание на те аспекты славянской проблемы, которые отразились в литературе либо оказали на нее существенное влияние. Понятно, что проблема языка не могла пройти мимо писателей: к примеру, история русского языка в Подкарпатской Руси превратилась в поле борьбы «малого народа» русинов с могущественной Австро-Венгрией.

В центре этой борьбы стояла проблема: кириллица или латиница, письмо этимологическое или фонетическое. Вот как описывал это в 1902 г. русинский ученый И. П. Филевич: «В 1891 г. Львовский “краевой выдел” обратился в Министерство внутренних дел с запиской, указывая на желательность устранения из “Вестника законов державных” и других официальных публикаций того языка, который, по мнению “Выдела” представляет смесь “церковнославянского и великорусского языков, из которых последний также чужд галицко-русскому населению, как языки чешский или сербский”, а в конце того же года “Товариство им. Шевченко” и “Руске товариство педагогичне” обратились в Министерство просвещения с ходатайством о введении так называемой “фонетики” (фонетического правописания). <...> Возник горячий спор о правописании, очень напоминающий подобные же споры в 30-х и 50-х годах»⁵⁵⁶.

Другой пример касается важной книги Подкарпатской Руси «Русалка Днестрова», написанной Маркианом Шашкевичем, которого галицкие сепаратисты «считают родоначальником своей литературной “самостоятельности” на том основании, что “Русалка Днестрова” составлена на галицко-русском наречии и напечатана наполовину фонетикою, именно с опущениями (и то не во всех статьях и словах) буквы (ЯТЬ), хотя другие буквы, ныне украинофилами выброшенные, “е” и “ы” в “Русалке” задержаны». Оппонент Шашкевича О. Мончаловский утверждает, что «ять» выпала из азбуки лишь по незнанию Шашкевичем правописания

⁵⁵⁵ *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 325–329.

⁵⁵⁶ *Филевич И.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина» // Сборник «Галицко-русской матицы». Львов, 1901. Кн. 2. С. 105–122; кн. 3. С. 185–197; кн. 4. С. 282–308. Цит. по: Русская Галиция и «мазепинство». М., 2005. С. 73.

и под влиянием того, что чех Добровский выбросил все «яти» из славянской азбуки и что серб Вук Караджич употреблял в издании сербских песен фонетическое письмо. Автор статьи называет введенное фонетическое письмо «какографией», по аналогии с какофонией. У него нет сомнений, что скоро «они потребуют замены, опять путем распоряжений, русских букв латинскими»⁵⁵⁷. Приводит автор статьи и пример этого «фонетического» письма: «Для незнающих, что такое фонетика и в какой степени она у нас отделила галицко-русское наречие от общерусского языка, поясним коротко ее суть. Правило фонетики предписывает писать слова так, как они произносятся. Укажем на последствия применения этого правила в словах, общих малороссам и великороссам. Этимологически написанные слова: *вход, голова, отец, звезды, конь* в фонетическом правописании будут гласить — у великороссов: *фхот, галава, атец, звиззиди, конь*, у малороссов же — *вхит, голова, витец, звиззиди, кинь*»⁵⁵⁸.

5.

После того, как нам стали известны примеры «фонетики», куда более близкие к упражнениям автора «Янко», чем армянский или грузинский акцент, обратимся непосредственно к тексту И. М. Зданевича об албанском «круле». Текст этот крайне специфичен и по-авангардному загадочен, однако в нашем контексте, похоже, многие загадки разрешаются, причем не только и даже не столько на сюжетном уровне (он более или менее ясен), сколько на уровне языковом.

Проследим сказанное выше по тексту «действа». Первая реплика «Янко» принадлежит некоему Хозяину:

**гРАжани Вот Деиства Янко кРУль ал
БАНской знамиНИтава алБАНскава паЭ
та бРБР сталПА бирЖОфки.**

Судя по дальнейшим событиям, речь пойдет о журналисте Брешко-Брешковском, причем, похоже, дело не столько в нем самом, сколько в намеке на ложную этимологию его фамилии — от *брехать. Напомним, что именно проблема «Этимология – Фонетика» и была главной в языковых спорах в той самой Подкарпатской (Червонной) Руси, куда русские войска вошли в 1914 г. и которую они покинули в середине 1915 г.

Дальнейшие рассуждения автора пьесы касаются того, что т.н. албанский язык и русский язык имеют общий корень. Сербский язык действительно родственен русскому, напротив того, применительно к албанскому языку такой тезис выглядит странно. Однако тот албанский кризис, который мы будем обсуждать в связи с назначением футуристами королем албанским реального Янко Лаврина, задавал немалые возможности албанско-славянской лингвистической игры.

⁵⁵⁷ Мончаловский О. Литературное и политическое украинофильство. Львов, 1898. Цит. по: Русская Галиция и «мазепинство». С. 116–117.

⁵⁵⁸ Там же. С. 155.

Цитируем Зданевича дальше:

зДЕсь ни зНАют а лБАНскава изыКА и бискРОВАне уБИ
ства даСТ Деиства па ниВОли бис пири
ВОда ТАк как алБАНскай изЫк с РУ
ским иДЕт ат ыВОНнава ВЫ на блюДЕт
и слаВА СХОЖьи с Рускими КАК та а Сел балВАН гаЛОша
и таму паДОбнае
на патаМУ шта слаВА алБАНский сМЫ
сл ых ни Рускай КАК та а Сел зНАчит
(па нуЖЭ сМЫсла ни приваЖУ) и т
аМУ паДОбнае пачиМУ ни смучЯйтись
ПОмнити шта ВОт изЫк алБАНскай

Обращаем внимание на то, что слово «Руский» во всех вариантах, включая «русский язык», пишется с одним «с». Между тем в истории, которой мы заняты, это словоупотребление имеет вполне конкретное значение. Упомянувшийся проф. И. П. Филевич пишет: «Не мешает пояснить эти термины. С 1860-х годов в Галичине установилась следующая, так сказать, официальная терминология: слово *русский* обозначало тяготение к культурному единению с Россией; руський — украинофильство, наконец, русский выражало безукоризненную австрийскую гениальность, то есть равнодушие к каким бы то ни было идейным русским течениям за пределами Галичины. Обычная галицкая терминология соответствовала польской: Русь, русский или руський, с одной стороны, Россия, российский — с другой»⁵⁵⁹.

Вторая особенность языка «Янко» — употребление букв «ы» и «е», выброшенных украинофилами. Что касается буквы «ять», то мы о ней поговорим позже.

Вернемся к тексту «действия».

После того, как появляются персонажи — брешкобрешковский, двое разбойников из гусыни, немец Эренталь, «наследница» гетевской (по-видимому) блохи, неизбежной при «немецком» дворе и короле, некие шкипидары (албанцы), которых играют зрители, клаки и т. д. под «Реф Мелких Чисоф» некие

разбойники
ривут за сценай
хорам

Ревут они не что-нибудь, а русский алфавит!

Аб бевегБЕвиг ГЕ ДЕ Е
Аб бевегБЕвиг ГЕ ДЕ Е
жЗИ КАкал КАкал мНО
О О О О О прстуЕф
ХА чешыщЧЕшыщ ЩЭ Ю Я ХА чешыщЧЕшыщ ШЭ Ю Я

⁵⁵⁹ Филевич И. Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина». С. 70 (прим.).

Обратим внимание на «фонетическое» «ы» в слогах «ШЫЩ», отсылающих не только к правилу «Жи–Ши — пиши с буквой И», но и к знаменитому крученыховскому «ШиШ» или его же «дыр бул щыл»⁵⁶⁰.

А вот и концовка «распевочного единства» русского алфавита:

**“ЯТЬ” * Ъ Ъ Ъ Ъ
Ы Ы Ы Ы Ы Ы “ФИТА”**

Теперь остается прочесть несколько явно слышимых слов и выражений в этом далеком от зауми алфавите: Какал Какал Мно ОООООО — нет сомнения, что здесь кто-то «много какал».

Позволим себе предположение, что и это «фонетическое» упражнение имеет политический смысл, связанный с проблемой восприятия великороссами речи еще одного народа Российской Империи, стремившегося к независимости и обретшего ее после Первой мировой войны и революции — финнов. Давняя фонетическая шутка звучит так: «Окколо туалэтта многоо пууккалла малло каккаллаа», что представляет собой «вывернутое» «действие» по отношению к тексту Зданевича, однако удивительно соответствует «фонике» названия, например, Куоккалы, где, как известно, жил близкий футуристам К. Чуковский, оставивший нам «Чукоккалу». В подобных топонимах и восходящих к ним названиях легко находим и «как», и даже «кал» для будущей «анальной эротики» А.Е. Крученых, однако с очень значимым политическим подтекстом. Если же теперь записать квазифинскую строчку о «туалетте» по-зданевически, то есть с выделением акцентированных не по-русски гласных, то получим: «Оокколо туалэтта мноОго пУуккалла МАлло КАккаллаАа» или что-то подобное, тогда повтор процессуального слова в строке «КАкал КАкал МНО» при слиянии даст «ККААкал», задав необходимое удвоение в оборванном «МНО», продолженное ушестеренным «ОООООО», в сочетании с имитирующим второе «Окколлоуаллэттное» действие «ПРСТ» (с возможным *оПРоСтаться).

Так русский алфавит обретает даже некоторый «сюжет» — последовательность неких «действ». Ведь и далее нетрудно увидеть: «ХА» (*смешно) «чешыщЧЕшыщ» (*чешешь) + «ЩЭЮЯ» (*шею *шея), что мотивирует (ся) наличие (м) в тексте «гетевской» «Блохи» около имени «немца» Ёрентала.

Если теперь вернуться к самому началу «алфавита», то оно может быть прочитано анаграмматически как «А Бев ГЕ ДЕ Е» (*А где бе <быв, був> *происходило действие?) — *около того места, где Янку круля не столько приклеили к стулу, сколько к стульчаку! Как раз там, где «много какают», свидетельством чего и является реализация метафоры «прилип к стул (у) бчаку».

Тогда и концовка чтения русской «АБЕВЕГИ» осмыслиется как что-то типа «Хе Хе Х (Г) ы Х (Г) ы Фита (Фу-ты)» — оценка результата сидения приклеенного (приклеившегося) Янки на троне-стульчаке. Не забудем и рефрен гетевской «Блохи», начинавшейся, как известно, «Жил-был король когда-то» — «Блоха —

⁵⁶⁰ Сопоставление «щыл» — «шыщ» осталось неизвестно автору сочинения о слогоформе «щыл». Ср. *Левинтон Г.* Заметки о зауми 1. Дыр, бул, щыл. // *Антропология культуры.* Вып 3: К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2005. С. 161–175.

ха-ха», позволяющий и «музыкально» завершить первое чтение русского алфавита, и понять, почему австрийского министра пришлось назвать (не без фонетического сдвига) «немецким Ыренталем».

Следующее «исполнение» русского алфавита «первым» и «вторым» разбойником из «гусыни» выглядит так:

первай разбойник

**аб вГ джЗИЙ клмНО прсТУ фхЦчш
щЯТЬ Ъ Ы Ь ыЮя иТьЩа Аб вгД жЗИк**

фтарой

А ми? Оп Рст? Уф Хцщшц? “ЯТЬ” *? Ъ? Ь

первай

**Ы ыЮя ФИТА* КОРЕН абвгД Еж Зийкл мНО
рстуфХ ццШщ ыыЮ яжыцаА**

Отметим замечательный ход: фонетическая запись названия буквы «Ижица» при помощи замены «и» на «я» (*иже с ними — *я же с ними). Однако теперь русский алфавит полностью достроился в самом своем архаическом дореформенном варианте.

Изучение полемики вокруг происхождения русского или украинского языков упирается в этимологию. А она, в свою очередь, основана на анализе корней слов. Чтобы выразить это, И. Зданевич пародийно употребляет математический знак корня. Однако если это можно понять, даже и не зная всех проблем Карпатской Руси, то осознать место “?” в этом ряду несколько труднее. Этот “?” восходит, судя по всему, к лингвистическим спорам о происхождении украинского языка.

Обсуждая исследование П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия» (1876), проф. Филевич пишет: «Сосредотачиваясь на тех явлениях, которые характеризуют малорусское наречие, Житецкий, по замечанию Ягича, совершенно обходит все общее у этого наречия с великорусским. Другую интересную для нас черту очень ярко отметил Потебня. Оказывается, что в своем лингвистическом исследовании Житецкий не мог освободиться от влияния данных другого порядка; в частности же чисто психологически, а не научными побуждениями должно объяснять повторение им мысли Костомарова о ближайшей племенной связи малороссов и новгородцев. Этой мысли Житецкий попытался придать филологическое обоснование, полагая, что “северномалорусский говор в отношении к звуку, заменившему?, можно назвать прототипом новгородского” (с. 96). Вот, что об этом замечает Потебня, взгляд которого Житецкий пытается истолковать в свою пользу: “Я не мог примириться с тем, будто позволительно на основании столь скудных примет, как аканье и? (Э) с одной стороны и оканье с? (И) с другой, разрывать связь между малорусским и северновеликорусским, признавая, что малороссы и новгородцы принадлежат к одной ветви славян, вытесненных из приду-

найских стран волохами, а белорусы и южновеликорусы со своими предками кривичами, радимичами, вятичами — к другой»⁵⁶¹.

Попробуем проверить наше предположение на репликах «второфа» разбойника, подставив вместо «?» соответствующие огласовки:

б В э гДИж Зий Клм Ноп Рстуфэ
хуЧш Щэю я ЯТЬ*ь БЫЙижэ

Либо:

бвЭ гДИж Зий Клм Ноп Рстуфи
хуЧш Щэю я ЯТЬ*ь БЫЙижи

Во втором варианте только «жи» смотрится не комично, однако антифонетично! Хотя вновь возникает возможность «сюжетного» прочтения этой букво-звуковой последовательности. Так, «бвЭ» — «быв Эренталь», а стал «гДИж» (где ж) «Рстуфи» — «Руставели в Тифлисе». Похоже, что это единственный пример возможного «грузинского» акцента в «Янко», спрятанного в русский алфавит.

То же самое наблюдается и в других случаях употребления “?”, что подтверждает предположение о его природе.

Мы не будем продолжать анализ всех вариаций использования «фонетики» русского алфавита в «действе», заметим лишь, что после драки, в которой участвуют практически все действующие лица, круля арестовывают. Затем на Янко вскакивает блоха, на которой Янко пишет, что это его собственность, оказываясь еще и тульским Левшой, который, как известно, английскую (что в нашем контексте немаловажно) блоху подковал.

Затем, при помощи слова «марСИС», Зданевич дает понять, что настало время войны, но это не мешает Янко произнести заумную (впрочем, не более чем весь остальной текст) речь; все пляшут и веселятся (собственно в этом и состоит вся на сей раз «музыкальная» алфавитная заумь), Янко прилипает к стулу, «ни может атклеица воит» — замечательный пример сочетания аканья с (и), о котором говорил Потебня. После заумной имитации звука самолета: «виУ зиеяО ауВ виО авиаеиУ» и т.д. появляются «хазяин» и «НЕ миц ыренТАль». Последний — раз это звуки немецких или австрийских самолетов — естественно, «влитаит» :

цумКАпыр хиДИ гайГАЙ
янко
гайГАй
ыренгаль.

Следующее за этим «заумное» описание политической ситуации в тогдашней Европе мы рассмотрим подробнее:

БОтыр ВЕтер чХАгер чХАбе КАины МУтыр

⁵⁶¹ Филевич И. Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина». С. 37–38.

Зная, что речь идет об Эрентале, нетрудно увидеть здесь слово «мутер», на сей раз в славянской «фонетике», да и слово «кайне» — едва ли не целое выражение «их хабе кайне мутер», где некий гер говорит, что у него нет никакой матери или на общенном языке «у меня ни хера нет матери». Это вполне сочетается и с началом фразы, включающим в себя «Donner wetter».

«Клопм», похоже, имеет отношение к презрительной кличке немцев, а ыренТАль назван дедушкой (г) росФАтыр, здесь, напомним, ы заменяется на Э и Е.

Для оценки политической ситуации важно и появление еще одного важного языка — английского: «Ахт геГОсин Фир иЛЕвен дРАЙ». То есть наряду с немецким «4», немецким «гегоссен» (налито), немецким «3» — английское «11».

Напомним, что после Берлинского трактата 1878 г. для российского общественного мнения Великобритания — основной враг. К примеру, в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского Англия (и ее консервативный премьер-министр, еврей Дизраели-Биконсфилд) — одна из структурообразующих тем: «Другое дело Англия: это нечто посерьезнее, к тому же теперь страшно озабоченное в самых основных своих начинаниях. (...) Что ни толкуй ей, а ведь она ни за что и никогда не поверит тому, чтоб огромная, сильнейшая теперь нация в мире, вынувшая свой могучий меч и развернувшая знамя великой идеи и уже перешедшая через Дунай, может в самом деле пожелать разрешать те задачи, за которые взялась она, себе в явный ущерб и единственно в ее, Англии, пользу. Ибо всякое улучшение судеб славянских племен есть, во всяком случае, явный для Англии ущерб»⁵⁶². Симптоматично, что и финальный пассаж, венчающий последний выпуск «Дневника писателя» (1881 г., январь), посвящен отношениям с Англией. Приветствуя русские военные успехи в Средней Азии и призывая к новым, Достоевский призывал не бояться негативной реакции давнего противника: «Англии бояться — никуда не ходить», — возражаю я переделанною на новый лад пословицей. Да и ничем новым она не взволнуется, ибо все тем же волнуется и теперь. Напротив, теперь-то мы и держим ее в смущении и неведении насчет будущего, и она ждет от нас всего худшего. Когда же поймет настоящий характер всех наших движений в Азии, то, может быть, сбавит многое из своих опасений... Впрочем, я согласен, что не сбавит и что до этого еще ей далеко. Но повторяю: Англии бояться — никуда не ходить»⁵⁶³. Аналогично, В. М. Чернов, в будущем радикал и идеолог партии эсеров, вспоминал о своих тогдашних подростковых настроениях: «Первым моим увлечением был патриотизм. (...) Берлинский трактат был для меня неизгладимым личным оскорблением. Я удивлял соквартирантов, гимназистов и реалистов старших классов страстными доказательствами, что Россия во что бы то ни стало должна была тогда овладеть Дарданеллами, заградить дорогу английскому флоту и, вопре-

⁵⁶² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 25. С. 149.

⁵⁶³ Там же. Т. 27. С. 49.

ки всей Европе, закончить взятием Царьграда, вернуть Балканы настоящему их владельцу — славянству»⁵⁶⁴.

Однако в первое десятилетие XX в. ситуация начала постепенно меняться. С одной стороны, Англия — из соображений поддержания стабильности — признала австрийскую аннексию Боснии и Герцеговины. С другой — сформировались глобальные военные союзы Германия/Австро-Венгрия и Россия/Франция, и Великобритания неуклонно дрейфовала ко второму. Еще ранее У. Гладстон — оппонент Дизраели — призывал поддержать свободолюбивые балканские народы, а в 1904–1907 гг. формируется та самая Антанта (Россия/Франция/Великобритания), которая в мировой войне будет сражаться против Германии и Австро-Венгрии. В результате позиции Великобритании и России явственно сблизились, но общественное мнение не всегда успевало зафиксировать это.

По компетентному свидетельству английского дипломата, союз с Россией вызывал в Англии опасения: «Он был бы ограничен задачами чисто оборонительного характера и не навлек бы на нас большего риска войны, чем в настоящее время. Но что, действительно, преграждало путь к созданию англо-русского союза, это тот факт, что такой союз не был бы признан общественным мнением Англии»⁵⁶⁵. Соответственно, в пьесе Зданевича Англия пока — в противном стане, и английский язык синтезирован с немецким.

В ответной реплике Янко зазвучит оппозиция «православие/католичество», принципиально важная для албанского контекста (где, в том числе, итальянская экспансия ассоциировалась с католической пропагандой):

Янко
Вык микВАг аГУбир
мыТАв зазуСУ
бЛЫк бидавиДИн аватиКАн

В этом наборе звуков и «слов» явственней всего слышится «Ватикан», сопровождаемый игрой в еврейское слово «миква», актуальной и для В. Розанова, и позже для И. Терентьева — бассейн для ритуальных омовений. Не исключено, что именно поэтому к Ватикану приставлен идишский артикль единственного числа «а». Этому вполне соответствует украинизированное «бида», параллельное нерусско-русскому «биде». Макароническая же игра «атуБИр» забавно пародирует тот же идишский артикль единственного числа «а», английское числительное «2» — two, к которому этот артикль, как и английское «э», неприемлем, и немецкое «пиво» — «бир».

Затем Ёренталь пробует отклеить Янку от стула, это не удастся:

режут янку
янко умирает
фью
хазяин
Реф Сумирчи Моря

⁵⁶⁴ Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. М., 2004. С. 27.

⁵⁶⁵ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 105.

Это — рев сумеречного (Темного или Черного) моря, до противоположного берега которого не удалось добраться славянам из-за Эренталья и австрийской политики.

В заключение «действа» все участники, кроме Эренталья, «скрывающая репут», а в заумном хоре разлагается фамилия Эренталь. Наконец, в наборе звуков возникают:

нал МОри паруСА

В финальном хоре слышатся отголоски и русских, и украинских, и английских слов, и «разложенная» на фонетические составляющие фамилия Эренталь, а все это имитирует действительно хор, поющий какую-то песню на несколько голосов:

ийдуваЛЕ ийдуваЛЕ хиРА
 хаТУм маВУл КЕ
 мистРЕ ватРОнь ТА
 миКА ваКРй СВИж
 микЛА макЛО клюкЛУ кЛИ
 виВЕР мивРО
 пидРИл ваПУ ниЛИ ваЛЕ
 ставиль миТерни
 микРе ваКУи Муви съВЕй
 микулаВЕР эреваГОро
 хазяин
 каНЕц

В этом тексте есть немало интересного: от непристойных строк о том, что «пидрил» вставил «вале», — до забавного сочетания былинных имен «Микуль», Вилы, Вавилы, Вакулы с остатками имени Эренталья, «авиАТОРОм» и «Автором» — «Эреваторо». А имитация запева песни «Ийдувале, ийдувале хира...» мотивирует наличие в «действе» хора, в котором приняли участие все актеры и зрители этого политического спектакля, где статистов не осталось.

6.

Теперь вернемся к русинским лингвистическим проблемам. Одной из них являлось доказательство русского характера русинов — в противовес позиции т. н. «мазепинцев». Вот как это выглядело в русинских теориях: «Народность получает смысл более или менее реального этнографического явления; ему соответствует в области живой речи столь же реальное явление — наречие. Что же касается понятия — *народа*, то этой фикции, объединяющей живые части однородного целого, соответствует другая фикция — *язык*. В таком случае механическая совокупность отдельных однородных частей — народ превращается в живое культурное целое — *нацию, национальность*, а наибо-

лее ярким ее выражением является *литература и литературный язык*. Он складывается на реальной почве наречия той народности, которой, по обстоятельствам, выпадает в жизни народа более видная, руководящая роль; но в него входят и элементы других народностей. Они привносятся их представителями; благодаря этому, литературный язык как плод общего труда и становится общим достоянием. Вот почему литературный язык всегда заключает в себе элементы общности: немецкий литературный язык — это значит общенемецкий язык, так же точно как французский, итальянский литературные языки представляют общие языки французской и итальянской наций»⁵⁶⁶.

Причем показательно, что, говоря об истории немецкого и французского языков, ссылается проф. И. П. Филевич на книгу «Общеславянский язык» видного сторонника славянского единства академика А. С. Будиловича. А затем Филевич ссылается на работу М. П. Драгоманова, в которой речь идет об оживлении местных наречий и о возможности образования на их почве национальных языков: провансальского, каталонского и т. д. Именно в этой работе Драгоманова мы находим интересующее нас рассуждение о проблеме грамотности и неграмотности, упомянутой в эпиграфе к книге Крученных о Маяковском, хотя, разумеется, без упоминания Жанны д'Арк (ратовавшей, напомним, за централизованную Францию). Поэтому и имя «Иоанны» упомянуто Шенгели, похоже, в шутку.

Вот место из статьи М. П. Драгоманова, где речь действительно идет о проблеме грамотности и неграмотности в цитате из Abbe G. Pont: «А вот в каких выражениях высказывает, общую теперь всем понимающим дело, мысль о значении старинного и народного языка Литтре: “Эти великие люди (герои прошлого)”⁵⁶⁷ говорили таким же хорошим французским языком, как и те, кто их осуждал; но их французский язык, более общий и вразумительный, был почерпнут из источника более обильного, — чем тот, который доставляется первым лексиконом академическим. Еще и *теперь нужно без предубеждения слушать, как говорят люди неграмотные, особенно из известных провинций* (курсив наш. — Л. К., М. О.), чтобы признать в их словах, выражениях, в произношении особенности — столь же законные и часто гораздо более изящные, энергические и приличные случаю, чем официальное наречие (*l'idiome officiel*)”⁵⁶⁸.

Таким образом, если сюжетная структура «Янко» основана на обыгрывании политических реалий албанского кризиса, то лингвистические эксперименты здесь отражают проблемы уже карпатского кризиса, связанные с Русской Галицией.

⁵⁶⁶ Филевич И. По поводу теории двух русских народностей // Русская Галиция и «мазепинство». С. 41. Впервые — 1902 г.

⁵⁶⁷ Вот он — след Жанны д'Арк.

⁵⁶⁸ Драгоманов М. Ново-Кельтское и провансальское движение во Франции // Вестник Европы. 1875. № 8. С. 697–698.

Общие федералистские воззрения И. Зданевича нашли продолжение в поздних вариациях «Янко» (уже в Тифлисе), однако они отнюдь не носили фонетического характера, связанного с особенностями произношения тифлисских грузин или армян.

Действительно, описанный Лешковой в письме М. Ле-Дантю (8 декабря 1916) вариант пьесы существенно отличается от тифлисского печатного варианта 1918 г. Это объясняется тем фактом, что «так как конца пьесы Зданевич написать не успел, то публике было предложено самой ее закончить», что и было с удовольствием сделано в форме «албанского дивертисмента», а проще говоря, танцев до утра⁵⁶⁹.

Различия в описании первой постановки и печатного текста достаточно существенны. Кроме всего прочего, мы практически ничего не знаем о характере пояснений действия, о которых с восторгом вспоминала Лешкова. Это явно была импровизация.

Пока же коснемся других описаний. Во втором томе обстоятельного исследования А. Крусанов, касаясь провинциальной деятельности русских авангардистов, пишет о тифлисской постановке 20 ноября 1917 г., цитируя различных рецензентов (некоего А. В. С. и С. М. Городецкого): «III отделение открывает короткой речью И. М. Зданевич, затем им читается пьеса, писанная на “заумном” языке — “Янко крУль албАнскАй”, шедшая в Петрограде. С. М. Городецкий счел поэму (!) Зданевича забавной, стремящейся “путем чисто звуковых сочетаний изобразить драму”. (...) Когда, наконец, И. Зданевич заявил, что желает прочесть вещь, выводящую всех из душевного равновесия, поэму о короле Албанском, и начал читать с различными интонациями всю азбуку подряд — публика развеселилась окончательно»⁵⁷⁰. Заметим, что С. Городецкий — один из первых славянизаторов в русской поэзии — мог без труда разглядеть в алфавитных чтениях истинный сюжет ДРА Зданевича.

В специальном докладе в Тифлисе 19 января 1918 г. Зданевич, излагая теоретические основы своей деятельности, дал звуковую заумную характеристику журналиста-антифутуриста Брешко-Брешковского — одного из персонажей «Янко»⁵⁷¹. Не исключено, что это была какая-то вариация по мотивам драмы.

Исследователь тифлисского футуризма Т. Л. Никольская посвятила драматургии Зданевича специальную статью, в которой содержится ряд важных деталей бытования драмы о круле, позволяющих дополнить приведенные сведения. Наиболее забавные из них Т. Л. Никольская приводит по фельетону Б. Клочковского (псевдоним В. А. Катаняна) из газеты «Искусство». Описывается

⁵⁶⁹ *Марцадури М.* Создание и первая постановка драмы «Янко крУль албАнскАй» И. М. Зданевича. С. 26–29. Цит. по: *Крусанов А.* Русский авангард: 1907–1932 (исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. СПб., 1996. С. 270–271.

⁵⁷⁰ *Крусанов А.* Русский авангард: 1907–1932 (исторический обзор): В 3 т. М., 2003. Т. 2: Футуристическая революция 1917–1921. Кн. 2. С. 308–309.

⁵⁷¹ Там же. С. 309–310.

тот же вечер, о котором мы знаем от Городецкого, однако некоторые подробности, отсутствующие в заметках бывшего акмеиста, заслуживают безусловного внимания.

После того как А. Крученых прочитал знаменитый доклад «О женской красоте»⁵⁷², «наиболее нервная часть публики полетела по горячим следам искать женскую красоту, повторяя в уме бессмертные слова поэта. А оставшаяся часть приготовилась слушать второго оратора, Илью Зданевича. Последний заявил, что он прочтет свою гениальную драму из албанской жизни на албанском языке под названием “Васька, Сруль Албанскай”».

Интересно, что в приведенном заглавии пьесы, которое нам ни до, ни после не встречалось, присутствует забавная игра с первоначальным заглавием. Вместо польского «круль» (король) и классического славянского имени «Янко» мы видим русское имя «Васька» в сочетании с уменьшительным еврейским именем «Сруль» — Израиль (Исроэл). Стоит напомнить, что Янко Лаврин сотрудничал в антисемитской газете «Новое время» и что после революции это могло получить новый смысл.

Итак, текст авангардной ДРА Зданевича постоянно подвергался сиюминутным или более серьезным переработкам, которые должны учитываться при анализе бытования того, что в конце концов станет печатным текстом пьесы. Тогда к албанскому, карпатскому, английскому, немецкому, финскому слоям ДРА прибавляется и слой еврейский. Ведь в 1917 г. после Декларации Бальфура и вступления английских войск в Иерусалим началась реализации сионистской мечты — образование еврейского государства в Палестине. И этот момент не остался незамеченным тифлисскими авангардистами. Вот текст Игоря Терентьева из книги Крученых «Ожирение роз» — стихотворение «К занятию Палестины англичанами»:

Сойнека жынейра
Липитароза куба
Вейда лейдэ
Цюбэ
Тука стукa вэй
Ойок кйок Эбь
Хэщуп
Уп
Пи

Разумеется, подробный анализ проекта «Безкровное убийство» выводит за пределы т.н. «фонетики», но именно «фонетика» оказалась ключом, позволившим — пусть предварительно — описать непростую политическую реальность, которая, изменяясь с ходом исторического времени и с перемещениями авторов, стала знаменитой футуристической книгой в послевоенном Тифлисе.

⁵⁷² Кацис Л. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. С. 661–680.

7.

В 2008 г. читателям стал доступен важнейший роман Ильи Зданевича «Философия» (1930). Роман Зданевича — в отличие от его пьес — вовсе не заумный. Некий новый мессия едет с тайной миссией через всю Россию в Стамбул и Галлиполи (где после гражданской войны оказались и русские беженцы, и военные, бежавшие из Крыма, и к 1929 г., когда писался роман, Л. Д. Троцкий, а в 1906–1908 гг. и позднее здесь бывал и работал организатор еврейского Легиона Владимир Жаботинский) для того, чтобы взорвать храм Софии и чтобы не было Византийско-Российского мессианского соблазна. А некие евреи лежат при этом в гробах под Софией, и все это сопровождается скрытыми цитатами из Владимира Соловьева и намеками на еврейского лжемессию XVII в. Шабтая Цви. Роман хотя внешне и хулиганский, но серьезный и философский⁵⁷³.

Разбор романа «Философия» представляет собой непростую задачу, которая самым далеким образом касается нашей книги. Однако для нас очень важен эпизод, где Ильязд (героя романа зовут так же, как и автора) ведет философскую беседу с неким русским националистом Яблочковым, мнения которого неожиданно переключаются со «славянскими» текстами М. А. Волошина.

В стихотворении «Родина» (которое входит в историософский цикл о революции) М. А. Волошин писал⁵⁷⁴:

*«Каждый побрел в свою сторону
и никто не спасет тебя»*

*(Слова Исайи, открывшиеся
в ночь на 1918)*

**И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.
Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон — твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществленная...
Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба —
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии — в смиреньи,
В непротивлении раба;**

⁵⁷³ Зданевич И. [Ильязд]. Философия футуриста: Романы и заумные драмы. М., 2008. С. 185–475 (прим. 743–815).

⁵⁷⁴ Волошин М. Стихотворения и поэмы / Вст. ст. А. В. Лаврова; сост. и подг. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова. СПб., 1995. С. 221–222.

Что искус дан тебе суровый:
 Благословить свои оковы,
 В темнице простираясь ниц,
 И правды воспрять Христовой
 От грешников и от блудниц;
 Что как молитвенные дымы,
 Темны и неисповедимы
 Твои последние пути,
 Что не допустят с них сойти
 Сторожевые херувимы!

30 мая 1918

Достаточно очевидно — даже и без названия с заглавной буквы Славии, что это — мессианское стихотворение, которое обращено к мечте о новом предназначении России в славянском мире.

За полгода до этого стихотворения — в письме А. М. Петровой 9 декабря 1917 г. — Волошин размышлял: «Знаменательно имя “славян”. Для Запада оно звучит как имя рабов (esclavi). Раб и славянин по латыни — синонимы, и для Германии Россия “славянский навоз”. Но внутренний смысл Славянства то, что оно несет в себе — это Слава, Слово: право Славии»⁵⁷⁵.

В. П. Купченко сопоставил эти строки с позицией славянофилов и идеями Р. Штайнера, чью цитату Волошин выписал в дневнике: «У Славянской расы есть особые силы. Она четвертая мировая раса, и из нее должна выйти шестая». Однако мы видим здесь влияние не славянофильства или панславизма, а обычно неопознаваемой исследователями русской литературы идеологии «славянской взаимности». И это лишний раз подтверждается использованием этимологии не названного здесь В. И. Даля: «Слово-Слава-Славянство».

Еще более проясняет ситуацию стихотворение «Европа» (или «Ангел времен»), датированное 20 мая 1918 г. и опубликованное в 1921 г. в № 4 «Современных записок». Из него мы приведем обширный фрагмент, начинающийся с эпохи Петра I⁵⁷⁶:

Но роковым охвачен нетерпеньем,
 Все исказил неистовый Хирург,
 Что кесаревым вылушил сеченьем
 Незрелый плод Славянства — Петербург.
 Пойми великое предназначенье
 Славянством затаенного огня:
 В нем брезжит солнце завтрашнего дня,
 И крест его — всемирное служенье.
 Двойным путем ведет его судьба —
 Она и в имени его двуглава:
 Пусть SCLAVUS — раб, но Славия есть СЛАВА:

⁵⁷⁵ Купченко В. Примечания // Волошин М. Стихотворения и поэмы. С. 615–616.

⁵⁷⁶ Волошин М. Стихотворения и поэмы. С. 225.

Победный нимб на голове раба!
 В тисках войны сейчас еще таится
 Всё, что живет, и всё, что будет жить:
 Как солнца бег нельзя предотвратить —
 Зачатое не может не родиться.
 В крушениях царств, в самосожженных зла
 Душа народов ширилась и крепла:
 России нет — она себя сожгла,
 Но Славия воссветится из пепла!

Как и в предыдущем случае, Волошин подробно изложил идеологию стихотворения в письме Петровой (от 26 января 1918): «Меня сейчас мучает и волнует один образ, который, не знаю, удастся ли выявить в стихах: он очень труден и опасен по теме. Посмотрите на карту Европы: Константинополь с системой проливов и Мраморным морем — это материнские органы Европы: и это не только внешне, но и внутренне: Византия в свое тысячелетнее царство была сосредоточием всех нервных — страстных — волокон — похотником Европы. Греция и Рим — они невинны — они до сознания пола, которое приходит только с христианством. Только в четырнадцатом веке, когда мужская сила Ислама насильственно овладевает Константинополем, Европа становится женщиной и зачинает. Ее плод, еще не выношенный, но созревающий и уже вызывающий родовые схватки, — Россия. Родиться для мировой своей роли она может только через проливы»⁵⁷⁷.

«Выявить» этот сложный «образ» поэтическими средствами Волошину, похоже, не удалось. Действительно, сочетать несочетаемое — идеологию «славянской взаимности» с имперской мечтой о проливах — очень трудно. Недаром Волошин во всем пространным стихотворении о Европе работал только над фрагментами о Славии.

Вот черновики «Европы», приведенные в томе «Библиотеки поэта»:

В нем брезжит [правда] завтрашнего дня,
 [А путь] его всемирное служенье.
 [Двойным лучом горит его судьба,
 И в самом имени она двуглава:
 Скловенец — раб; Славянство — слово, слава;]
 И правда Славии в цепях раба.
 Уж муками грядущего рожденья
 Пылающий мятется материк.
 Всех мускулов и нервов напряжение
 Сжимает плоть в один звериный крик.
 Крушенья царств темны и прихотливы,
 Исполнены и подвигов и зла.
 России нет: она себя сожгла.
 Но Славия родится чрез проливы.]⁵⁷⁸

⁵⁷⁷ Волошин М. Стихотворения и поэмы. С. 617.

⁵⁷⁸ Там же. С. 522.

«Слово» было найдено в публицистическом дискурсе — в статье «Россия распятая» (оставшейся неопубликованной): «Мне представляется возможным образование Славии — славянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области Южной России. (...) Славия будет тяготеть к Константинополю и проливам и стремиться занять место Византийской империи»⁵⁷⁹.

Волошин предлагает достаточно своеобразный (по-видимому, чисто православный) вариант российско-балканской Славии, к которому, например, католическая Польша или Чехия касательства иметь не будут, да и о воссоединении церквей (в духе Владимира Соловьёва) речь у Волошина, похоже, не идет. Такой вариант Славии представляет для нас идеологический интерес, а на уровне топика «славянской взаимности» оказывается «вывертом» колларовской идеологемы «славянских рек». Только славянские реки неожиданно превратились в русское Черное море с турецкими проливами. В черновике «Европы» обращает на себя внимание и хлебниковского типа игра слов «Словенец» — «Скловенец», т. е. раб-славянин, СКЛОНИВШИЙ голову.

«Славянские» поиски колтебельского изгнанника не остались незамеченными современниками. Эмигранты открыто выражали свое отношение, далеко не всегда позитивное: «Так, В. Кадашев в том же 1923 г. писал, что книга “Демоны глухонемые” является примером “неославянофильской концепции некоего соблазна, очень опасного и страшного”, а Д. Мирский в 1926 г. утверждал, что Волошин довершил развитие “высшего славянофильского квиетизма” ...»⁵⁸⁰.

Советские литераторы прибегали к более закрытым построениям. Как ни странно, образ Волошина-заединщика оставил нам в романе в стихах «Пушторг» (1927–1929 гг.) И. Л. Сельвинский. Заметим, что поэт-конструктивист был очень внимателен к деятельности ЛЕФа на национальном направлении, активно выявляя, например, евразийские черты в идеологии «Нового ЛеФа». Словом, сочетание в его романе пародийных образов Волошина — вкпе с В. В. Маяковским и О. М. Бриком — прямо-таки просится в историю рецепции идеологии «славянской взаимности».

В «Пушторге» Сельвинский вывел Волошина под именем Христиана Ивановича (мотивированным, по-видимому, как раз идеей Волошина о Русской христианской империи) — сотрудника советской конторы по экспорту пушнины за рубеж, прозрачно намекавшей на «Новый ЛеФ», который был занят экспортом нового революционного искусства⁵⁸¹:

**Есть такие люди. Как распыленный душ,
Они льют на темя теплую водичку,
И, точно благородное дерево дичку,
Будь вы трижды прозорливы и высоки,**

⁵⁷⁹ Цит. по: Купченко В. Примечания. С. 617.

⁵⁸⁰ Давыдов З., Шварцбанд С. «...и голос мой набат»: О книге М. А. Волошина «Демоны глухонемые». Pisa, 1997. С. 5–6.

⁵⁸¹ Подробный анализ организационно-поэтического подтекста «Пушторга» см.: Кацис Л. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте культуры.

Все же выструите кровавые соки
 В жилках этих легких душ,
 Чтобы устав от боевых великолепий,
 Забыться в журчании легкого лепета.
 А Христиан Иваныч, как человек тучный,
 Держался рецепта: сода и смеяться...

.....

Прикрывши веки стариковской рукой
 В готических буквах желтоватого склероза,
 Христиан Иваныч, слушая Кроля,
 Чертил то «белка», «белка», то «кролик».
 Дело цвело, как ширванская роза,
 Шагало галошей реклам «Скорород» —
 В Кроации, в Галиции, в СЛОВА-кии, во Вракии
 Лисицы, куницы, выхухоль, каракули⁵⁸².

Двойной смысл последнего слова «каракуль» — «каракули» отсылает сразу и к пушнине, и к качеству поэтического письма, а набор западнославянских стран — в сочетании с прямыми намеками на Волошина, его стихи о Париже («В дождь Париж расцветает, // Точно серая роза... // Шелестит, опьяняет // Влажной лаской наркоза») и на комплекцию «тучного» коктебельского поэта — не оставляет сомнений в отношении молодого конструктивиста к стареющему мэтру. Хотя и Сельвинский с семьей, и теоретик конструктивизма Корнелий Зелинский, впоследствии писавший немало глупостей и гадостей о Волошине⁵⁸³, в 1927 г. жили в доме Волошина⁵⁸⁴, дарили ему книги с почтительными надписями.

Моральный аспект поведения литераторов-конструктивистов нас сейчас не так занимает, как тот факт, что дальнейший сюжет «Пушторга» оказывается связан с Константинополем⁵⁸⁵:

Амфитеатр райских садов,
 Пиний, туй, кипарисов, эбена,
 Мраморных кладбищ, небесного неба
 Плыл навстречу. И Айя София
 В струях минаретов явилась впервые
 С арабским месяцем над седой

⁵⁸² Сельвинский И. Пушторг // Сельвинский И. Избр. произведения. Л., 1972. С. 585–586.

⁵⁸³ См., напр.: Лавров А. Жизнь и поэзия Максимилиана Волошина // Волошин М. Стихотворения и поэмы. С. 47.

⁵⁸⁴ Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.; Симферополь, 2007. Ссылка на «Пушторг» в хронике В.П. Купченко нет. И пусть указание на малоприличный поступок Сельвинского станет небольшим дополнением в память о В.П. Купченко к его титаническому труду, тем более что именно об этом и просят публикаторы хроники.

⁵⁸⁵ Сельвинский И. Пушторг. С. 619–620.

Банею зданий в кущах оливы
У лимонадного залива.
В белой до боли коммерческой гавани
Сутолока и дымок гаваны
У будки менялы дискантный раж:
Пенни, копейка, сантим и крейцер.
Букет языков. Турецкий страж
Берет на караул с жестом отчаянья
Перед мопсом каждого англичанина:
На рейде дымится британский крейсер.

.....

В прохладе кофеен играют в зар,
Пока рисовальщик наносит профиль, —
И всюду запах жженого кофе.
И всюду ослики.
В их тени,
Забыв о казусе Апулея,
Сидят сады с гниющей сикой,
Медная кухня горячей мастики
На шее далмата бредет по аллее,
И лирами дремлют турецкие дни,
Перебирая тембры столетий,
И вьются галчатами сербские дети:
«Врабац пипац,
Врабац пипац,
Да ми страц
Шрап да Да истером
Врабца
Пипца
Из бопца».

Этот странный текст Сельвинского — с сербами, поющими в мусульманском Стамбуле (т.е. босняки?)⁵⁸⁶ — типологически напоминает роман Зданевича «Философия», где, в частности, персонажи ведут диалог, который — при всех «авангардизмах» — дорогого стоит:

«Яблочков принялся рассматривать лежащие на полу книги.

Это кто писал?

Я.

⁵⁸⁶ Не исключено, что «сербы» попали к Сельвинскому в его Константинополь из-за того, что русское посольство в Стамбуле находилось в т.н. Белградском лесу.

Вы тоже поэт?

Вполне возможно.

Как это читается?

Очень трудно. Надо учиться несколько лет, прежде чем научиться читать заумь.

Дайте мне одну из ваших книг. Я займусь завтра же этим делом и потом скажу, что думаю.

А это — это Тютчев.

Лицо Яблочкова сперва просияло, а потом запылало. Он вскочил, весь трясся, протягивая руки, захлебываясь от радости и изумления.

Тютчев, Тютчев, отец нас всех, дайте сюда, дайте! И после этого вы будете мне говорить, что вы случайно здесь живете, что вы не разделяете моего взгляда. А это что? Может быть, это тоже случайно, да еще такая читанная, перечитанная, засаленная книга? Всего знаю, всего, наизусть, спрашивайте, на какой странице что написано, отвечу немедленно. Страница двести девяносто пятая: «Как с Русью Польша помирится, — а помирятся ж эти две не в Петербурге, не в Москве, а в Киеве и Цареграде». А что? Случайно, скажете, у вас это?»⁵⁸⁷.

На этот вопрос Яблочкова мы уже готовы дать ответ: разумеется, не случайно! И если уж к зырянам Тютчев не придет, то к футуристам пришел всерьез и надолго. Но продолжим цитирование: «А известно ли вам, что когда у кого-то находили литературу, так ссылали в Сибирь. В какую Сибирь сослать вас прикажете? А дальше на следующей: “И своды древние Софии, в возобновленной Византии, вновь осенят Христов алтарь. Пади пред ним, о царь России, — и встань, как всеславянский царь”»⁵⁸⁸.

Нетрудно увидеть, что стихи Волошина, которые мы разбирали выше, почти дословно цитируют тексты Тютчева о всеславянском единстве под руководством России и русского всеславянского царя, только Волошин видит Византийскую Южную Славвию без Царя. А это само по себе парадокс.

Но вернемся к Зданевичу: «И падет, вот увидите. А еще дальше: “Вставай христовой службы ради! Уж, не пора ль, перекрестясь, ударить в колокол в Царьграде?”. А это: “Москва и град Петров, и Константинов град — вот царства русского заветные страницы...” — он уронил книгу и бросился с кулаками на Ильязда. — Ну что, — кричал он, поднося эти хилые, бледные кулачки к его носу, — разоблачил я вас? (...) Врете, врете, все знаю, так как из ваших. Теперь молчать мне нечего. Можете быть покойны. Я сам из Неопалимой Купины»⁵⁸⁹.

К этому месту следует точный комментарий: «Именно такой смысл вложен в этот образ в одноименном стихотворении М. Волошина, написанном в 1919 году в Крыму (давшем название его сборника 1925) и посвященном идее избранничества, особой духовной миссии России»⁵⁹⁰.

⁵⁸⁷ *Сельвинский И.* Пушторг: С. 315.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Там же. С. 315–316.

⁵⁹⁰ *Гейро Р., Кудрявцев С.* Комментарии // *Зданевич И. [Ильязд].* Философия футуриста. С. 781.

Возмущенный Ильязд (персонаж) отвечает: «Тютчев у меня с собой потому только, что я еще не окончил работы, работы филологической, которую начал в Грузии и которая называется “Дом на говне”»⁵⁹¹.

Издатели романа привели здесь в качестве комментария цитату из неопубликованной рукописи Ильязда, имеющей к нашей теме прямое отношение: «Россия — (...) необъятная куча. Отсюда: “Умом Россию не обнять. Аршином общим не измерить У ней особенная стать”. От прославления к прослаблению, от прослабления к славянству. (...) Остаются “своды древние Софии... Пади пред ним, о царь России, и встань как всеславянский царь”. Константинополь не “пл” ли так же? И не должен ли быть воздвигнут крест на Софии?»⁵⁹².

Напомним, как «Слово-Слава-Славянство» стали «Славой-Слабостью-Славянством» у Зданевича ничуть не хуже, чем «Словенец-Слабенец-Славянин-Раб» у Волошина, а его капрофагия ничуть не хуже волошинского образа «славянского навоза».

Читаем дальше Зданевича, пытаюсь понять, что за «пл» появилось вдруг в его тексте о Тютчеве.

«А ваш Тютчев — говно, и я знаю это подлинно и вам докажу. Если бы вы имели счастье проживать в Тифлисе и в мой ходили Университет, мне бы не пришлось тратить время, чтобы это вбить в вашу башку. А все потому, что глухи, что слепы, что сами себя не слышите. Я тоже слеп и глух в жизни, но в слове, руки прочь, уши прочь, глаза прочь, поняли? В ваших изречениях вы только Софию нашли, а я слышу: “как срусью Польше примириться” — изумительная строчка. И “как” и “срусь”, и Польша — “пл”. А знаете вы, что такое “пл”? То же самое, что Святая Русь, куча и все»⁵⁹³. Здесь перед нами следы и «анальной эротики» Алексея Крученых, и его «свинофильских» (по определению К. Чуковского) стихов⁵⁹⁴.

Открыто называвший себя русофобом Зданевич завершает рассуждения себя-персонажа так: «Мне все равно, где вы возьмете теперь вашего русского царя, чтобы посадить его на всеславянский престол. Но вообразить, что я упиваюсь всем этим, когда я только разоблачаю, только доказываю, что все это одна куча и Российская империя по наилучшей откровенности ее наилучшего защитника просто дом на говне, нет, это уже слишком»⁵⁹⁵.

Разумеется, текст Зданевича представляет собой крайний случай антизаединничества, но и слишком уж доверять автодефинициям игрока-авангардиста мы не склонны. Ведь любой национализм и фобия были ему одинаково противны у кого бы то ни было. Естественно, и у себя самого.

⁵⁹¹ Зданевич И. [Ильязд]. *Философия футуриста*. С. 316.

⁵⁹² Цит. по: Гейро Р., Кудрявцев С. *Комментарии*. С. 781–782.

⁵⁹³ Зданевич И. [Ильязд]. *Философия футуриста*. С. 316–317.

⁵⁹⁴ О проблеме «ассенизации» и «капрофагии» у футуристов см.: Кацис Л. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте культуры.

⁵⁹⁵ Зданевич И. [Ильязд]. *Философия футуриста*. С. 317.

Глава VIII.

*Маяковский и Якобсон
в Праге (1927)*

Идеология «славянского единства», предусматривающая чаемое объединение всех славянских народов, независимо от религиозной, государственной, территориальной и иной принадлежности на базе лишь общеславянского происхождения, к 1926–1928 гг. насчитывала в России и СССР практически столетие. В процессе развития эта идеология — в разных моделях — обрела своеобразную топику, позволяющую достаточно уверенно опознавать ее даже тогда, когда имеют дело с «вырожденными» случаями. К случаям такого рода относится диалог на темы «славянского единства», который вели Владимир Маяковский и Константин Бальмонт в 1927 г. В прямом смысле — «через головы поэтов и правительств».

До самых недавних пор ни о каком диалоге просто не могло быть и речи, ибо все, чем располагали исследователи, были краткие и не очень понятные упоминания имени К. Д. Бальмонта в мало популярных и редко исследуемых очерках В. В. Маяковского времен его поездки в Польшу и Чехию в рамках европейского турне 1927 г. Причем польская часть визита Маяковского была исследована совершенно недостаточно. Это было связано с тем, что Маяковский в очерке «Поверх Варшавы» открыто призывал столь недавно ставшую независимой Польшу стать одной из советских республик:

«Выводы общие.

Польша развивалась как крупная промышленная часть бывшей России. Промышленность осталась — рынков нет.

На Запад с лодзинским товаром не сунешься — на Западе дешевле и лучше. Западу нужна Польша как корова дойная, Польша земледельческая.

У многих поляков уже яснеет ответ на вопрос — быть ли советской республикой в союзе других советских или гонористой демократической колонией...»⁵⁹⁶.

Понятно, что подобные призывы не находили энтузиастического отклика в сердцах и умах польских исследователей Маяковского, а сложнейшие аспекты польско-советских отношений от Октября 1917 г. до конца истории СССР не способствовали углубленному изучению этой темы в СССР⁵⁹⁷.

⁵⁹⁶ Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 8. С. 357.

⁵⁹⁷ Подробно см. в кандидатской диссертации: *Кацис Л.* Владимир Маяковский и Польша: реконструкция исторической рецепции. М., 1994.

Многочисленные политические аспекты поездок Маяковского за границу в 1927 г. оказывается возможным проверить и оценить благодаря тому, что практически в это же самое время интересующие нас Польшу и Чехословакию посетил другой советский писатель — И.Г. Эренбург. Книга его очерков — «Виза времени» (впервые — 1929 г., Берлин; в СССР — 1931 г., с предисловием Ф.Ф. Раскольников) содержала, за редким исключением, очерки 1926–1928 гг. Как будет видно в дальнейшем, порой возникает ощущение, что Маяковский и Эренбург ориентируются друг на друга, полемизируя или соглашаясь один с другим; в некоторых случаях сведения, сообщаемые, например, Эренбургом, дают возможность понять, почему Маяковский избежал упоминания некоторых событий либо не комментировал их. В свою очередь, очерки и стихи Маяковского касаются тех аспектов политической ситуации в тогдашней Восточной Европе, которых избегает уже Эренбург. Учитывая факт, что в те годы крайне мало советских писателей могли посетить Польшу, взаимодополняющие тексты двух визитеров оказываются едва ли не единственным способом понять то, что стояло как за текстами, так и, главное, за визитами в Польшу Маяковского и Эренбурга.

Также понятно, что многие аспекты этих поездок нашли отражение на страницах русских эмигрантских книг и журналов, учет которых позволит сделать общую картину еще более объемной. В наибольшей степени это, естественно, касается К.Д. Бальмонта.

В последнее время, благодаря усиленному изучению истории русской эмиграции, исследователям стали доступны принципиально новые материалы, в частности, об отношениях Бальмонта с высшим руководством Чехословакии⁵⁹⁸. Прежде всего речь идет о К. Крамарже. Это сочетание имен также позволяет по-новому взглянуть на напряженный диалог Бальмонта и Маяковского по поводу «славянского единства», ибо Крамарж фигурирует — в прямо противоположных контекстах — у обоих поэтов.

Обратимся к тексту В.В. Маяковского. В очерке «Ездил я так» читаем уже в первом абзаце:

«Я выехал из Москвы 15 апреля. Первый город Варшава. На вокзале встречаю с т. Аркадьевым, представителем ВОКСа⁵⁹⁹ в Польше, и т. Ковальским, варшавским ТАССом. В Польше решаю не задерживаться. Скоро польские писатели будут принимать Бальмонта. Хотя Бальмонт и написал незадолго до отъезда из СССР почтительные строки, обращенные ко мне:

**...“И вот ты написал блестящие страницы,
Ты между нас возник, как некий остроzub...”** и т. д., —

⁵⁹⁸ Об интересе дореволюционного Бальмонта к славянской теме см. рецензию А.В. Амфитеатрова на сборник статей «Белые зарницы»; Амфитеатров — в 1890-х компетентный участник балканских событий — противопоставлял позицию поэта славянофильству и панславизму и, в частности, утверждал: «славянизм К.Д. Бальмонта — демократическая песня расового страдания, сознавшего свою самобытность, сосредоточенного в себе и вызревающего в мечь» (*Амфитеатров А.В. Бальмонт // Амфитеатров А.В. Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 10. Кн. 2. С. 72*).

⁵⁹⁹ ВОКС — Всесоюзное Общество по культурным связям с заграницей.

я все же предпочел не сталкиваться в Варшаве с этим блестящим поэтом, выродившимся в злобного меланхолика. Я хотел ездить тихо, даже без острозубия»⁶⁰⁰.

Причины подобного поведения Маяковского могли иметь место и вследствие отношения к Бальмонту в Варшаве, которое, пусть и иронически, описано уже Эренбургом в очерке «В Польше»:

«В Варшаве имеется литературное кафе “Мала Землянска”, туда приходят польские поэты и польские офицеры. Они не только соседи по столикам. Они друзья и приятели. Говорят, это началось после победы Пилсудского — галуны вошли тогда в польскую литературу. Национализм личности “Комеданта” приобрел романтический флер, он завладел сердцами поэтов. Во многих газетах, упоминая о Пилсудском, пишут “он” с большой буквы. Я видел в комнате одного очень даровитого и очень “левого” поэта два портрета Пилсудского. Это были не документы эпохи, но иконы. Античное слияние лиры и лука настолько вошло в нравы, что даже иностранным писателям здесь оказывают воинские почести. Я говорю, конечно, не о себе: мои сыщики были вполне штатскими людьми. Но когда приехали в Варшаву Честертон и Бальмонт, в их честь устроили военные скачки. Г-жа Честертон раздавала ленточки офицерам, г-жа Бальмонт, увы, всего-навсего солдатам. Военный оркестр исполнял гимны и марши»⁶⁰¹.

Оценку же ситуации Польши Эренбург давал неоднократно, и была она недалеко от Маяковского: «Я оставляю в стороне лицемерие и дипломатию. Я хочу сказать только о воздухе, которым мы дышим. Судьбы России и Польши долгие были связаны одна с другой. <...> Потом цепь распалась. Народы СССР не остановились ни перед нищетой, ни перед голодом. Они узнали весь ужас и благоденствие революции. Что касается Польши, то Польша предпочла новый герб и затхлый воздух»⁶⁰².

Если бы этим абзацем ограничивались рассуждения Эренбурга на темы будущего Польши в единстве с Советской Россией, приведенным отрывком можно было бы завершить лобовое сравнение текстов Маяковского и автора «Визы времени». Однако еще одно высказывание Эренбурга заставляет отнести к его эскападам внимательнее:

«Польские правители, а за ними столь неспособная к критицизму интеллигенция хотят быть часовыми запада на неких варварских границах. Это называется: “охранять латинскую (?) культуру”. Польша могла быть мостом между Россией и Европой. Она предпочитает стать военным рвом, и, видя недоуменные взгляды по обе стороны вырытого раздела, взгляды русских и немцев, она мечется, меняет свое добро на амуницию... Ров будет, конечно,

⁶⁰⁰ Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 331.

⁶⁰¹ Эренбург И. В Польше // Эренбург И. Виза времени. М., 1931. С. 144.

⁶⁰² Там же. С. 134.

засыпан. Я предпочитаю верить, что это сделают не саперы, но разум и чувство родства»⁶⁰³.

При этом само по себе «славянское чувство» вызывает у Эренбурга отторжение, что не мешает ему на протяжении всей книги именовать себя русским. Рассуждения о славянской душе появляются, как кажется на первый взгляд, в самом неподходящем для этого месте — в главе о поездке в Германию «Пять лет спустя», которая явно не случайно коррелирует с только что процитированными строками об охране поляками «латинской культуры»: «Немцы первые поняли значение вавилонского “воляпока”, и они сумели обуздать свои *духовные таможи* (курсив наш. — Л. К., М. О.). Знакомство с иностранной литературой стало здесь общим достоянием. Не говоря уже о французских “ведетах”, — неизвестные вне своих стран русский Бабель, ирландец Джойс, чех Хашек здесь переведены и оценены. Для всего мира мы, русские, еще продолжаем оставаться “славянской душой”, этим вдоволь гнусным сочетанием дешевого балета с “казачком” впрыскаду и дурно переведенной “достоевщины”»⁶⁰⁴.

Продолжим теперь цитату, которую мы прервали на рассуждениях Эренбурга о «затхлости» современной Польши. За этими словами следовало: «Я знаю, что поляки запротестуют. Разве у них не было “революции” Пилсудского и так называемого “морального оздоровления”? Проходя по улицам Варшавы, они то и дело вспоминают: “Вот здесь началась революция”, “Здесь весь день стреляли”, “Здесь мы победили”. Остается усмехнуться: так во французских учебниках географии маленькие ручейки, которые летом начисто высыхают, гордо именуют “реками”. Им дарят не только имена, но даже притоки»⁶⁰⁵.

Если учесть, что «славянские ручьи» должны были «слиться в русском море» как раз тогда, когда русские войска должны были в очередной раз взять Варшаву, то намеки Эренбурга (не забывшего, как, впрочем, и Маяковский, посмеяться над Варшавой — славянским Парижем) станут достаточно очевидны. И тут уж не вызовет удивления, что символ славянского единства — Липа — упоминается им только в главе о Германии в связи с берлинской Унтер ден Линден. Напомним и то, что идеологи славянского единства выступали против того, чтобы на славянских землях звучала немецкая речь. Эренбург же радуется, что именно немцы не воспринимают теперь новую русскую, в сущности, советскую литературу сквозь призму «славянской души». Даже на этом этапе можно утверждать, что книга И. Эренбурга скрыто имеет в виду обсуждение и критику проблемы славянского единства, резко актуализировавшуюся в 1926–1927 гг., когда два советских литератора посетили главные страны Европы и описали эти путешествия в практически синхронных текстах.

⁶⁰³ Эренбург И. В Польше // Эренбург И. Виза времени. М., 1931. С. 145.

⁶⁰⁴ Эренбург И. Пять лет спустя // Эренбург И. Виза времени. С. 44.

⁶⁰⁵ Эренбург И. В Польше. С. 135.

Вернемся к Маяковскому.

Следующий интересующий нас эпизод имел место уже в Праге после успешных вечеров поэта. Приведем его:

«Утром пришел бородатый человек, дал книжку, где уже расписались и Рабиндранат Тагор, и Милюков (на это имя обращаем специальное внимание. — Л. К., М. О.), и требовал автографа, и обязательно по славянскому вопросу: как раз — пятидесятилетие Балканской войны. Пришлось написать:

**Не тратьте слова
на братство славян.
Единство рабочих —
и никаких прочих»⁶⁰⁶.**

Почти ритмизованный фрагмент о «бородатом человеке» как бы выпадает из хроникального стиля очерка, зато кажется аллюзией на стихотворение А. А. Блока «День проходил, как всегда...», где «собрат по перу, // В бороде утонувший, // О причитаньях у южных хорватов // Рассказывал долго»⁶⁰⁷.

Тема Славянского единства, пусть в пролетарской оболочке, возникает теперь абсолютно открыто. Симптоматично, что 26 июня 1927 г. лидер советского научного официоза М. Н. Покровский опубликовал в партийной газете «Правда» статью с атакующим заглавием «Панславизм на службе империализма», где доказывал, что «панславизм всегда был чисто политическим явлением в руках самых разнообразных деятелей» и что славистика как научная дисциплина имела «панславистский характер» и морально готовила мировую войну.

Стихотворение Маяковского почти на ту же тему — «Славянский вопрос-то решается просто...», к которому мы обратимся позже, было напечатано в газете «Рабочая Москва» 8 июня 1927 г. рядом с очерком «Немного о чехе»⁶⁰⁸. И в нем не обошлось без упоминания Крамаржа, к тому же в контексте стихотворения, посвященного на сей раз проблеме изъятия дачи Крамаржа в Крыму и превращения ее в санаторий для советских детей. Партия Крамаржа названа в эпиграфе стихотворения «фашистской». Это важно знать, оценивая отклики чешской печати на выступления Маяковского, которые приводятся в очерке «Ездил я так».

Кроме всего прочего, в стихотворении Маяковского «Славянский вопрос-то решается просто...» нет как раз фразы из очерка «Ездил я так», которая стала заглавием стихотворения. Между тем т. н. «славянский вопрос» обсуждался как раз в Чехословакии на рубеже 1926–1927 гг., и главными действующими лицами острейшей дискуссии были тогдашний министр иностранных

⁶⁰⁶ Эренбург И. В Польше. С. 332–333.

⁶⁰⁷ Ср. цитирование стихотворения «День проходил, как всегда...» в известном романе Б. Л. Пастернака, о чем см. подробнее: Лекманов О. А. Этюд Блока, картина Пастернака: О функции одной цитаты в романе «Доктор Живаго» // Известия АН. Серия литературы и языка, 2000. Т. 59. № 3. С. 67–70.

⁶⁰⁸ Там же. С. 428 (комментарии).

дел и с определенного момента премьер-министр Чехословакии Э. Бенеш и лидер Народной партии, старый активист славянского движения, фанатичный русофил К. Крамарж. Таким образом, контекст очерков и стихов Маяковского и книги Эренбурга был более чем актуален, а включение текстов чехословацких политических деятелей в комментарий к травелогам советских писателей представляется необходимым.

Это тем более важно, что Маяковский всячески подчеркивает полуофициальный характер своего визита, отмечая роль ВОКСа и советских постпредств в организации поездки. Да и отзывы на свой вечер Маяковский приводит по письму выдающегося филолога-слависта Р. О. Якобсона, который, однако, выполнял в Праге не совсем научную миссию: он был работником отдела печати пражского постпредства СССР, то есть лицом официальным.

В Чехословакии Р. О. Якобсон оказался в связи с деятельностью Красного Креста и организацией репатриации русских военнопленных⁶⁰⁹. Эту деятельность чешский исследователь Т. Гланц характеризует как «разведывательную миссию». Деятельность Якобсона была столь активной, что «чешская полиция и русские эмигранты считали Якобсона советским шпионом». В январе 1923 г. полиция устроила обыск на его квартире. По-видимому, после этого Якобсон «с согласия тогдашнего полпреда» перестал быть официальным сотрудником советской миссии и, в изящной формулировке Наркомата иностранных дел, «спустя некоторое время неофициально стал работать». Однако, по крайней мере, к середине 1925 г. Якобсон — снова лицо официальное, пресс-атташе полпредства и участник сложной дипломатической (и не только) игры⁶¹⁰.

25 февраля 1925 г. Предсовнаркома СССР А. И. Рыков — по инициативе академиков — обратился к Политбюро ЦК ВКП(б) с предложением об организации 200-летнего юбилея Академии наук. Тогда же все советские полпреды получили указание подготовить списки иностранных делегаций.

Правда, «в апреле Коллегия НКВД полностью одобрила списки РАН, однако и после этого отбор “гостей” продолжался — теперь уже непосредственно отделами Наркомата. И на этой стадии «возражений» почти не встречалось. Проблемы возникли лишь со славянскими учеными: подотдел балканских стран назвал “безусловно нежелательным” приезд В. Н. Златарского, профессора истории из Софии, а также профессоров Л. Милетича (София) и А. И. Белича (Белград), и рекомендовал по отношению к болгарам “свое гостеприимство (...) сократить”. Ко 2 мая подоспело одобрение академического списка иностранным отделом ОГПУ, желавшим исключить только слависта Я. М. Розвадовского из Кракова»⁶¹¹.

⁶⁰⁹ Гланц Т. Разведывательный курс Якобсона // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 360.

⁶¹⁰ Сорокина М. Ю. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика-Якобсона» // In memoiam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000; Генис В. Л. «Якобсон, конечно, возмутится...» // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 120–125.

⁶¹¹ Сорокина М. Ю. Указ. соч. С. 129.

Знаменательно, что уже в 1925 г. формировался кадровый состав визитеров в Москву по линии Всеславянского комитета, который будет создан в годы Второй мировой войны. Пока же один из главных деятелей этой будущей организации З. Неедлы — доктор Карлова университета, а впоследствии, в 1952 г., основатель и Президент Чехословацкой академии наук — «засветился» при подготовке юбилея Академии: «ВОКС настойчиво требовал приезда своей креатуры — членов различных обществ “новой России”, “сближения с СССР”, “друзей СССР” и т.д. Особенно активным оказался товарищ Калина — первый секретарь полпредства и одновременно уполномоченный ВОКС в Чехословакии, добивавшийся приглашения в Ленинград целой делегации “Общества сближения с новой Россией” и особенно его председателя Зденека Неедлы»⁶¹². Его кандидатуру поддерживала и председатель ВОКС — О.Д. Каменева. Понятное дело, чешские ученые противились избранию подобных членов делегации и в итоге добились своего.

Летом 1925 г. Якобсон — при поддержке полпреда В.А. Антонова-Овсеенко — предложил пригласить на академический юбилей Президента Масарика, причем действовал профессионально и рискованно: «Чтобы гарантировать успех операции, Якобсон, по всем правилам шпионского искусства, организовал утечку информации, рассказав чешскому журналисту Шромму, входящему в дом Масарика, о желании полпредства видеть президента в СССР. Шромм не подвел, и Т. Масарик “случайно узнал” об этом, после чего Антонову-Овсеенко ничего не оставалось, как просить Наркома Г.В. Чичерина “воздействовать”, чтобы Масарик был приглашен»⁶¹³.

Современный историк подчеркивает, что «Якобсон не только уговорил своего полпреда В.А. Антонова-Овсеенко предложить эту идею НКИД, но и разгласил ее, сообщив о приглашении Масарика в Ленинград своему знакомому — директору Французского института в Праге профессору А. Фишелю»⁶¹⁴.

2 июля 1925 г. «план Якобсона практически удался. В этот день Политбюро ЦК собралось на очередное заседание. Первым пунктом обсуждались вопросы НКИД, которые, как всегда, докладывал сам нарком Г.В. Чичерин. «Сегодня Инстанция приняла решение не возражать против приглашения Масарика на юбилей Академии наук. (...) Масарик (...) получит приглашение прямо от академии в качестве ученого, а не в качестве президента», — сообщил Чичерин Антонову-Овсеенко»⁶¹⁵. Но одновременно Политбюро поручило наркому разобраться, каким образом «секретные обстоятельства» дошли до сведения Масарика»⁶¹⁶.

⁶¹² Сорокина М.Ю. Указ. соч. С. 131.

⁶¹³ Там же. С. 135.

⁶¹⁴ Генис В.Л. Указ. соч. С. 120.

⁶¹⁵ Сорокина М.Ю. Указ. соч. С. 137–138.

⁶¹⁶ Там же.

Чичерин был готов к исполнению поручения. Еще 1 июля 1925 г. Заведующий отделом Центральной Европы НКВД Б. Е. Штейн информировал его: «Мнение т. Антонова, изложенное им в письме от 25-го о неудобстве создавшегося положения, может быть объяснено в известной степени желанием выйти из затруднительного положения, в которое он попал благодаря безответственным разговорам Якобсона с Фишелем и ему подобными “деятелями”»⁶¹⁷. 3 июля Штейн пояснил: «Якобсон является дипломатическим информатором Полпредства. Как видно из дневников и писем ряда Полпредов (т.т. Юренева, Антонова-Овсенко), почти все связи Полпредства с официальным и дипломатическим миром ведутся через Якобсона. В числе его собеседников постоянно мелькают имена Масарика, Бенеша, Гирсы, Папоушека, Ключича (югославское посольство), Уржидила (германское посольство), Кужэ, Фишеля (французское посольство) и ряда других. Вся дипломатическая информация Полпредства носит неизменный подзаголовок: “Из разговоров Якобсона с...”. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что все без исключения отчеты об этих разговорах представляют сообщения о том, что собеседник сказал Якобсону, и никогда не говорится, что Якобсон сказал собеседнику»⁶¹⁸. М. Ю. Сорокина верно увидела здесь намек на то, что Штейн считал Якобсона двойным агентом.

6 июля 1925 г. Чичерин доложил партийному начальству, что «имела место болтовня Якобсона. (...) Все последовательно полпреды смотрели на него как на человека ненадежного, но абсолютно незаменимого для исполняемых им функций. Наше полпредство совершенно не в состоянии поддерживать сношения с той массой лиц, как это делается через постпредство Якобсона, лично знающего положительно все политические, журнальные и хозяйственные сферы Праги. Такие люди бывают незаменимы, но иногда болтают некстати. В данном случае есть ряд указаний на то, что Якобсон принимал какое-то участие в вопросе о приглашении ученых на юбилей Академии, так что наличие с его стороны болтовни весьма правдоподобно»⁶¹⁹.

16 сентября 1925 г. было принято решение о замене беспартийного Якобсона другим (партийным) пресс-атташе, Масарик на юбилей не поехал, а в зарубежной печати появились сообщения о подготовке в Москве покушения на Масарика. Подводя итог, Сорокина справедливо заключает: «Сколько и каких игроков было в пражском “академическом деле”, пока сказать невозможно»⁶²⁰.

В 2008 г. В. Л. Генис ввел в научный оборот важный документ — письмо Антонова-Овсенко Чичерину от 3 октября 1927 г., которое свидетельствует, что скандал вокруг Якобсона был далек от завершения. Полпред снова хвалил бывшего сотрудника: «Мы в ЧСР сейчас с большим трудом начинаем отвоевывать позиции, завоеванные здесь до разрыва с Англией. У Якобсона благодаря его

⁶¹⁷ Сорокина М. Ю. Указ. соч. С. 136–137.

⁶¹⁸ Там же. С. 119.

⁶¹⁹ Там же. С. 138.

⁶²⁰ Там же. С. 139.

работам (их очень высоко ценят специалисты) по чешской поэтике и т.п. — наилучшие связи с культурным миром ЧСР; он вхож к людям, к которым проникать без него было бы очень трудно. Связь с некоторыми клерикалами, близкими к Крамаржу лицами (например, Главачек, секретарь национал-демократической партии), с некоторыми аграриями (Годжа), словаками (вот только что Доминуа, корреспондент “Тан” и редактор “Монд Сляв”, предложил ему вместе совершить поездку в Словакию, где обещал познакомить с виднейшими политиками) — нами была установлена и поддерживалась благодаря Якобсону. Потерять эти связи не хотелось бы. (...) Затем мы сами на практике сделали из Якобсона посредника между полпредством и высшими кругами Индел. И Масарик, и Бенеш охотнее всего через Якобсона передают то, что было бы им неловко передать прямо мне. (...) Конечно, как беспартийный и идеологически не коммунист, Якобсон может быть используем с известными ограничениями. Но совсем не в традициях Индела и совсем вразрез с потребностями нашей работы было бы устранение от нее таких беспартийных, как Якобсон»⁶²¹.

Неожиданное письмо Антонова-Овсенко было связано с тем, что Якобсон неофициально продолжал работать в Постпредстве. В результате 8 февраля 1929 г. Партколлегия ЦКК в составе М. А. Трилиссера, М. Ф. Шкирятова и Е. М. Ярославского, рассмотрев вопрос «О т. Антонове-Овсенко В. А., обвиняемом в невыполнении постановления Оргбюро ЦК ВКП(б)», вынесла решение:

«а) Поставить на вид т. Антонову-Овсенко невыполнение категорического постановления партийной инстанции об увольнении беспартийного Якобсона — зав. Бюро печати полпредства.

б) Указать НКИД, что своими колебаниями в вопросе о снятии беспартийного Якобсона он затруднил проведение партийного постановления о снятии Якобсона.

в) Поручить НКИД проверить, принимает ли Якобсон в настоящее время какое-нибудь участие в работе полпредства»⁶²².

По свидетельству Н. Н. Дурново, правда данному в НКВД на следствии по «делу славистов» в 1930-е гг., «хотя коммунизму Якобсон тогда не сочувствовал, но к своим обязанностям в советском полпредстве относился <...> добросовестно и с некоторым энтузиазмом. <...> Встречаясь часто с чехословацкими и югославскими дипломатами, он в беседе с ними проводил мысль о необходимости установления правильных дипломатических отношений Чехословакии и Югославии с СССР»⁶²³.

⁶²¹ *Генис В. Л.* Указ. соч. С. 121–122. На этом фоне интересно выглядит информация о том, что «разочарованный неудачей Антонов-Овсенко отправился в Закарпатскую Украину, по словам чехословацкой прессы, готовить восстание против Чехословакии в этом районе» (М. Ю. Сорокина ссылается на: *Петерс И. А.* Чехословацкие отношения (1918–1934). Киев, 1965. С. 178–180).

⁶²² *Генис В. Л.* Указ. соч. С. 123. См. также документы, связанные с намерением Якобсона посетить СССР в 1956 г.: *Стыкалин А.* К вопросу о приглашении Р. Якобсона посетить СССР в 1956 г. // *Славяноведение.* 2005. № 4. С. 114.

⁶²³ *Сорокина М. Ю.* Указ. соч. С. 118. В работе цитируются закрытые документы МИД и материалы «Дела славистов».

Итак, в 1927 г. Маяковский вполне компетентно сообщает о том, что его друг — сотрудник отдела печати постпредства⁶²⁴. Маяковский не только пишет о Якобсоне открыто, но и пользуется в газетном отчете о поездке его обзором чешской печати, явно выполненным в рамках служебной деятельности. Впрочем, официальное положение Якобсона для нашего сюжета не принципиально. Хотя проснить его было бы безынтересно.

Сам Якобсон в позднейших воспоминаниях объясняет свою миссию в Праге рядом случайных встреч, знакомств и обстоятельств и продолжает: «Задачей этой миссии была репатриация бывших русских военнопленных, оставшихся в Чехии с австро-венгерских времен, и попытка установить дипломатические сношения с Чехословакией»⁶²⁵. Однако Т. Гланц располагает и более специфической информацией: «В 20-е и 30-е годы русский гражданин Якобсон выступал как агент чехословацких интересов в советской России и других странах, и пражские власти ценили эту деятельность — МИД, например, оплачивало все его путешествия по Европе, он имел бесплатный журналистский билет на все поезда на территории Чехословакии. Споря с мнением Москвы, Якобсон защищал единство чехословацкого народа (эта деталь пригодится нам во время разговора о книге очерков Эренбурга. — Л. К., М. О.) и в 1933 г., во время Римского лингвистического конгресса, представлял чехословацкую (!) делегацию на встрече с Бенито Муссолини. О просветительской работе для чешской культуры Якобсон регулярно информировал (уже, естественно, после увольнения из посольства и получения чешского гражданства. — Л. К., М. О.) пражских политиков, включая личные отчеты для министра иностранных дел (Бенеша. — Л. К., М. О.) ... С другой стороны, с самого начала пребывания Якобсона в Праге в архивных документах возникает подозрение, что он работает советским агентом. Представитель чехословацкой миссии в Москве и заместитель министра иностранных дел Вацлав Гирса уже в 1922 г. не сомневался, что студент философского факультета “Якобсон — доносчик советской миссии, шпион и провокатор”, доказывая свое предположение сведениями, полученными от русских семей, осевших в Праге. По мнению Гирсы, “нет сомнений, что Якобсон — агент ГПУ и что его задачей является разведывательная деятельность среди русских эмигрантов в ЧСР”».

Т. Гланц также приводит информацию, которая позволит перевести очерк Маяковского «Ездил я так» (где речь впрямую идет о Якобсоне, славянском вопросе и установлении дипотношений ЧСР с СССР) из области литературной в политическую: «по секретным документам», сообщенным Рудольфом Воеводой на заседании Пражского лингвистического кружка осенью 1996 г., «мы знаем, что в 1926 г. Якобсон был посредником между чешскими властями и московским правительством, заставляющим Прагу под угрозой санкций немедленно признать государство СССР. Документ МИД ЧСР говорит о том, что “Советы

⁶²⁴ Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 331.

⁶²⁵ Якобсон-будетлянин: Сб. материалов/Сост., подг. текста, предисловие и комм. Б. Янгфельдт. Стокгольм, 1992. С. 60.

пользуются Якобсоном для того, чтобы неофициально сообщать министерству то, что Советы хотят передать нашему (т. е. чехословацкому) правительству».⁶²⁶

Пражская деятельность Якобсона была важна для советской дипломатии по многим причинам. Ведь, как верно указывает М. Ю. Сорокина, «Прага представляла особый интерес для советского руководства как один из крупнейших центров русской эмиграции, где сосредоточивалась значительная часть научной и политической элиты, поддерживаемая президентом Томашем Г. Масариком и министром иностранных дел Э. Бенешем в рамках “Русской акции”». Чехословакия, “зажатая” между Германией и Россией, геополитически была обречена на выбор “покровителей”, и, проводя “Русскую акцию”, она фактически “покупала” свое будущее. МИД Чехословакии, устанавливая правила распределения субсидий русским эмигрантам, прямо оговаривал, что по возвращении в восстановленную Россию они должны были бы пропагандировать ЧСР в хозяйственной и культурной областях, а суммы, затраченные чехословацким правительством на их поддержку в эмиграции, должны были быть “возвращены” приглашением чешской интеллигенции в Россию и выделением государственных дотаций чехословацкой промышленности, которая бы имела перед промышленностью других стран преимущественное право. Гуманитарная помощь рассматривалась многими чехословацкими политиками как выгодное помещение политического капитала, а Масарик и Бенеш надеялись, что “Русская акция” сделает Чехословакию ведущим славянским центром Европы. Поддержка русских эмигрантов не мешала, однако, и сохранению status quo в отношениях с Советской Россией. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, постоянное представительство СССР энергично функционировало в Праге, а его “дипломатический информатор” Роман Якобсон — большой поклонник славянского единства — регулярно бывал “на чае” у президента Масарика»⁶²⁷.

Вот кто встречал Маяковского в Праге и информировал его личным письмом (похожим на официальный обзор прессы для полпредства) о статьях в чешской прессе. Надо заметить, что письмо Якобсона, частично приводимое Маяковским, представляет собой документ вполне своеобразный. Ибо после очевидно похвальных отзывов «в газете т. н. социалистических легионеров (и Бенеша)», затем в двух официальных органах, включая и орган Министерства иностранных дел Чехословакии (т. е. того же Бенеша), Якобсон переходит к отзыву коммунистической газеты «Руде Право», который собственно отзывом и не является, по крайней мере в изложении Якобсона:

«В коммунистической “Руде Право” — восторгаются и иронизируют по поводу фашистских газет “Vecerni listy” и “Narod” (орган Крамаржа), которые возмущены терпимостью полиции и присутствием представителя Мининдела, сообщают, что ты громил в лекции Версальский мир, демократию, республику, чехословацкие учреждения и Англию и что английский посланник пошлет Бенешу ноту протеста».

⁶²⁶ Гланц Т. Разведывательный курс Якобсона. С. 359–360.

⁶²⁷ Сорокина М. Ю. Указ. соч. С. 132.

Казалось бы, за этим должно последовать более подробное описание т. н. «фашистских» статей, однако Р. Якобсон, который в Праге (по словам Маяковского) не только пополнил, но и приобрел «некоторую солидность и дипломатическую осмотрительность в речах»⁶²⁸, предусмотрительно избежал советского читателя, к которому явно должен был обратиться после поездки Маяковский, от неприятных впечатлений. Якобсон «сообщал» поэту: «Этих газет тебе не посылаю, *потерял*, но посылаю следующий номер “Narod”, который суммирует обвинения и требует решительных мер против “иностраных коммунистических провокаторов”»⁶²⁹.

Слова Маяковского об «осмотрительности в речах» — на фоне скандала 1925 г. — звучат едва ли не сигналом советским противникам Якобсона. Равным образом, в хрестоматийном стихотворении о «Товарище Нетте, пароходе и человеке» («Известия», 22 августа 1926) к «Ромке Якобсону» — проштрафившемуся пресс-атташе — позитивно относится герой-дишкурьер, который отдал жизнь за сохранность секретных документов Страны Советов. Что может быть понято как полемическая реплика Маяковского, если, конечно, он был в курсе происходящего.

Сам Маяковский с не меньшей предусмотрительностью избавляет советского читателя от лишних переживаний и цитирует последний из известных нам пассажей Якобсона: «“Narodni osvobozeni” от 29/IV насмехается над глупой клеветой газеты “Narod”».

Так — ссылкой на упоминавшуюся в самом начале цитаты газету действующего министра иностранных дел Чехословакии — закругляется якобсоновский сюжет в очерке Маяковского: читатель должен был понять, что официальная Чехословакия насмехается над врагами Маяковского, гордящегося званием «иностранного коммунистического провокатора».

Чтобы оценить всю политическую остроту очерка Маяковского, кратко упомянем следующий сюжет его путевых заметок, связанный с Францией. Маяковский упоминает скандальную историю с французским писателем Полем Мораном, который, побывав в Москве, написал впоследствии антисоветский и антисемитский рассказ о круге ЛЕФа «Я жгу Москву», возмущивший Маяковского. Надо заметить, что на русский язык этот текст до середины 1990-х гг. с французского не переводился, следовательно, Маяковский явно обращался в своем очерке к куда более информированным читателям, чем советские потребители массовой печати. К тому же, как мы показали в другом месте, сам рассказ Морана, который, заметим, не владел русским языком, был основан на сценах из романа И. Г. Эренбурга «Рвач»; роман этот, в свою очередь, был полузапрещен в СССР и вышел в сокращенном виде лишь в Одессе в 1927 г.⁶³⁰ Да и появление массивного французского фрагмента в очерке о поездке в Польшу и Чехословакию

⁶²⁸ Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 331.

⁶²⁹ Там же. С. 333.

⁶³⁰ Подробнее см.: Кацис Л. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд. М., 2004.

(собственно говоря, поэт ездил лишь в Чехию, и на это мы обращаем внимание! Словакия будет упомянута Маяковским лишь раз, походя) в контексте тогдашней политики выглядит неслучайным. А кроме всего прочего, в очерке «Ездил я так» поведение французского писателя Дюамеля оказывается противоположным поведению Морана, т. е. не откровенно антисоветским. История с Мораном возникла и Эренбурга, который никак не ожидал подобного поступка. И начиная с 1927 г. Моран стал символом фашизма и антисемитизма, хотя до этого Моран, член националистических французских организаций, вызывал у Эренбурга лишь симпатию, а отношение к нему исключало даже иронию, проявившуюся в «Визе времени». Поэтому если очерки Маяковского и Эренбурга ориентированы друг на друга, то несколько презрительных упоминаний Морана в «Визе времени» не могли пройти мимо Маяковского. Пусть даже и после публикации его чешских очерков. Более того, Эренбург мог после «Ездил я так» сознательно включить имя Морана в ономастикон своих путевых очерков, где имя Маяковского нередко встречается во вполне значимых контекстах.

Таким образом, французский эпизод славянских очерков лишний раз подтверждает серьезное политическое значение заграничной литературной деятельности Маяковского, столь настойчиво подчеркивающего, не без помощи сотрудника (официального или неофициального) отдела печати советского постпредства в Праге, поддержку своей деятельности и со стороны официальных советских представителей. Не забудем, что в отсутствие полноценных дипломатических отношений с Чехословакией именно представители ВОКСа были важнейшими полпредами СССР за границей. Маяковскому в связи с борьбой за «Новый ЛЕФ», имевшей явный политический привкус, было важно подчеркнуть высокий дипломатический уровень своей зарубежной поездки. Это вызывало серьезную тревогу противников Маяковского. Хотя специально этой проблемы мы здесь касаться не будем.

Своеобразное сочетание разных аспектов славянской проблематики в польских и чешских эпизодах очерков Маяковского заставляет обратиться к опыту поэта, отразившемуся в более ранних его текстах на эту тему. И к связи прежних «Окон РОСТА» и нынешних очерков. Это важно для осознания и оценки уровня и глубины представлений Маяковского о проблеме Славянского единства.

Обратим внимание на то, как в 1927 г. Маяковский описывает писательские круги славянских стран. Помимо откровенных врагов СССР, «другая группа — полупризнанные, полуопределившиеся — измеряет свое отношение к нам шансами на литературную конвенцию и возможностью получать за переводы. Третьи — рабочие писатели и лефы (первая, срастающаяся с борьбой пролетариата часть европейской интеллигенции, “Ставба” — чехословацкая, “Дзвигня” — Польша, “Четыре ветра” — Литва, “Зенит” — югославская и др. Третьи — это единственные отряды на Западе, поднимающиеся и на последнюю борьбу пролетариата»⁶³¹.

⁶³¹ Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 357.

Нетрудно видеть, что перед нами то, что мы определили ранее как «славянский пояс ЛЕФа», ибо ни Германии, ни Британии, ни даже Италии с Францией в списке Маяковского нет. Однако надо иметь в виду, что включение Литвы в число славянских стран в рамках идеологии славянского единства рассматривает в старых вариантах этой идеологии Польшу как часть Литовского царства от Балтики до Карпат, но без самостоятельной Польши! Поэтому, несмотря на упоминание польского объединения «Дзвигня» — «Рычаг», мотивированного пребыванием в польской столице, включение в перечень литовского объединения куда лучше коррелирует с общими выводами очерка Маяковского о необходимости для Польши войти в состав СССР, чем можно было бы подумать. Это позволяет осознать название очерка Маяковского «Поверх Варшавы». В свое время мы указывали на близость этого названия названию сборника актуальнейшего для Маяковского Б. Пастернака «Поверх барьеров». Именно так воспринял польские очерки Маяковского, например, И. Сельвинский, отразивший полемику Вяч. Полонского и Б. Пастернака с ЛЕФом в романе в стихах «Пушторг». Однако Сельвинский сосредоточился на обвинении Маяковского в «древнем скифстве» и евразийстве (Маяковский и Родченко были названы «суслик-евражка») и на обыгрывании баллады Пастернака «Бывает курьером на борзом...»⁶³². Проблематику Славянского единства в этой части своего романа в стихах, да еще и «с ключом», Сельвинский не затронул. Однако в нашем контексте выражение «Поверх Варшавы» вполне может означать и «не обращая внимания на Варшаву» («Поверх Польши») или — без Польши.

Вернемся к Маяковскому. В давних «Окнах РОСТА» он подробно и неоднократно описал все то, что выражено в строке о «простом» решении славянского вопроса. Началось это все после отклонения Польшей мирных предложений советского правительства 22 января 1920 г. Подступали события в Германии. Маяковский немедленно откликается:

**Революция — истории красный локомотив —
Над Германией мчись!
Всех хватающих за колеса — мети,
дави и чисть!**⁶³³

Окно 5 того же выпуска сопровождается текстом:

**Вот, что будет вскоре
С Версальским договором.**

На рисунке Ллойд-Джордж разжигает самовар этим договором. Версальский договор был правовой основой независимости Польши, однако Маяковский мыслит в категориях Мировой революции. Поэтому, пока сохраняется вера в революцию в Германии, польский вопрос актуален лишь постольку, поскольку именно Польша представляет непосредственную опасность для молодой Советской республики. Вскоре роль Польши в истории

⁶³² Кацис Л. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи.

⁶³³ Маяковский В. Окна РОСТА №42 // Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 81 (март 1920).

Мировой революции станет существенно иной. Пока же 26 апреля 1920 г. польские войска маршала Пилсудского вторглись на территорию Советской России и заняли Бердичев. Маяковский откликается:

**Мчит Пилсудский,
пыль столбом,
звон идет от марша...
Разобьется глупым лбом
об коммуну маршал...
.....
Шляхта ждет конец такой.
Ладно,
Ждите больше!
А за этой
за войной
быть коммуне в Польше!**⁶³⁴

Это было написано в апреле 1920 г. И практически тогда же возникает у Маяковского тема русско-польско-украинская:

**У русских и украинцев клич один:
«Да не будет пан над рабочим господин!»
Польша рассчитывает, что мы дремлем после побед.
Напрасно!
Все подымает грозная опасность.
И вместо этого панского расчета
Расчет иной увенчает войну»**⁶³⁵.

Если вспомнить, что солдаты — это рабочие и крестьяне в серых шинелях, то, кажется, надежды на «массы» становились к 1920-му г. все призрачнее. Война революционная все более превращалась в войну между Россией и Польшей за Украину, возрождая ушедшие, казалось, в далекое многосотлетнее прошлое проблемы межгосударственных отношений.

Тогда же, в июле 1920 г., Маяковский формулирует в стихах классовый подход к советско-польской войне, непосредственно зарифмовывая при этом статью «Правды». Комментатор полного собрания сочинений Маяковского приводит этот отрывок, в котором не так уж неожиданно оказывается цитата из пушкинских «Клеветников России», которые, как всем известно, были связаны с походом на Варшаву лет за 85 до событий года 1920. Вот этот текст: «...дело идет не о «споре славян между собой», не о борьбе русского и польского «народов» (кавычки «Правды». — Л. К., М. О.), а о борьбе между панскими порабощителями рабочей и крестьянской вольности (обращаем внимание на характерный полонизм. — Л. К., М. О.) с одной стороны, и трудовыми польскими массами, поддерживаемыми рабоче-крестьянской Россией — с другой стороны»⁶³⁶.

⁶³⁴ Маяковский В. Окна РОСТА № 61 // Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 89.

⁶³⁵ Маяковский В. Окна РОСТА № 63 // Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 90 (апрель 1920).

⁶³⁶ Правда. 1920, 27 июля. № 164; цит. по: Дувакин В. Примечания // Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 506.

Таким образом, хотя бы для автора передовицы «Правды» реальный славянский контекст происходящих событий был очевиден. Поэтому и текст «Окна» Маяковского вполне можно встроить в интересующий нас «славянский» русско-польский текст, итогом которого в 1927 г. станут варшавские и пражские очерки Маяковского.

Итак:

**Раньше была война национальная,
стала теперь война классовая.**

Теперь каждый буржуй друг буржую.

Каждый пролетарий пролетарию свой.

Мы воюем с панским родом,

а не с польским трудовым народом.

И не с панами заключаем мир,

пролетарию руку протянем мы.

**Чтобы этого достигнуть и не воевать больше,
объединяйтесь, пролетарии России и Польши**⁶³⁷.

Противоречия этого текста очевидны. Да и мир пришлось заключать с панами. А польская тема в контексте мировой революции попала в очень значимые тексты Маяковского, а из них, похоже, и в тексты современников поэта.

Тексты «Окон РОСТА» только кажутся простыми и примитивными. Собственно говоря, это же относится и к интересующим нас славянским очеркам поэта. Их оценка, а порой и образный строй, зависят от документов, которые стали известны лишь в последнее время. И это вовсе не газета «Правда» с передовицами типа тех, что мы здесь привели. Мы имеем в виду опубликованную впервые в 1993 г. речь В. И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. Этот документ важен для нас, ибо, как известно, Маяковский не занимался политической самостоятельностью, а работал в официальном агентстве РОСТА, которое, естественно, выполняло ленинские пропагандистские установки. Даже такие, к которым в интересующей нас речи имеются замечательные указания вождя: «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать»⁶³⁸.

Приведем несколько положений этой речи, дающей ясно понять, что цинизм, свойственный некоторым «Окнам РОСТА», не столько характеризует Маяковского как поэта и человека, сколько является родовым признаком всего тогдашнего политического мышления.

Вот как Ленин характеризовал роль и место Польши в тогдашнем раскладе сил: «Польша была ставкой. И Польша думала, что она, как держава с империалистическими традициями, в состоянии изменить характер войны. Значит, оценка была такова: период оборонительной войны закончился».

⁶³⁷ Маяковский В. Окна РОСТА № 188 // Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 124 (июль 1920); полный анализ «польских» «Окон РОСТА» Маяковского, выходящий за рамки рассматриваемой темы, см. в диссертации: Кацис Л. Владимир Маяковский и Польша. Реконструкция исторической рецепции. М., 1994. С. 32–85 (Гл. 1. Гражданская война и поход на Варшаву в «Окнах РОСТА»).

⁶³⁸ «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать»: Выступления В. И. Ленина на IX партконференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. Т. 1. № 1. С. 15.

Именно здесь Ленин попросил больше не записывать и продолжил: «С другой стороны, наступление показывало нам, что при бессилии Антанты военным путем задавить нас, при бессилии ее действовать своими солдатами, она может только толкать на нас отдельные маленькие государства, не представляющие военной ценности и держащие у себя помещичье-буржуазный порядок только ценой мер насилия и террора, которые им предоставляет Антанта. Нет сомнения <...> оборонительный период войны с всемирным империализмом закончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной. Мы их победили, когда они на нас наступали. Мы будем пробовать теперь на них наступать, чтобы помочь советизации Литвы и Польши <...>. Мы формулировали это не в официальной резолюции, записанной в протокол ЦК и представляющей закон для партии до нового съезда. Но между собой мы говорили, что должны мы прощупать — не созрела ли социальная революция в Польше? <...> мы имели силу и значительную против Антанты. И в то время мы Керзону ответили — “Вы ссылаетесь на “Лигу наций”. Но что такое “Лига наций”? Она плевок не стоит. Еще вопрос, кто решит судьбу Польши. Вопрос может решиться не тем, что скажет “Лига наций”, но тем, что скажет красноармеец”. Вот, что мы ответили Керзону, если перевести нашу ноту на простой язык».

Не узнаются ли здесь многие образы и даже тон «Окон» Маяковского?!

Ленин продолжает: “Мы должны по отношению к политике западноевропейской от первой активной политики вернуться к последствиям. Последствия не так страшны. Последствия военные (“Нас потрепали под Варшавой...”, как сказал бы Маяковский. — Л. К., М. О.) не означают последствий для коммунистического интернационала. Под шумок войны Коминтерн выковал оружие и отточил его так, что господа империалисты его не сломают. <...> Основная наша политика осталась та же. Мы пользуемся всякой возможностью перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом же удобном случае. Сейчас же для избежания зимней кампании надо идти на уступки”⁶³⁹.

Таково специфическое мышление в категориях Мировой революции или под их прикрытием мышление в категориях пусть и коммунистической, но империи. Если же с теоретических марксистско-ленинских высот спуститься на землю, то военная опасность со стороны РСФСР, всегда готовой напасть на Польшу, сохранялась постоянно. Тем более что Версальский договор, как мы видим, далеко не только Маяковский рассматривал как бумажку, которую надо лишь дорвать.

Поэтому и указание Яacobсона в его письме Маяковскому на возмущение чешской газеты тем, что Маяковский в Праге ругал Версальский договор, было указанием другу, вполне разбиравшемуся в политическом смысле своих (казавшихся просто пропагандистскими) выпадов. Другое дело, что задачу, поставленную Лениным, решил на время уже Сталин в 1939–1940 гг. И харак-

⁶³⁹ «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать»: Выступления В. И. Ленина на IX партконференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. Т. 1. № 1. С. 14–27.

терно, что одним из символов этого стал выход во Львове сборника польских переводов Маяковского. Впрочем, произошло это после не только смерти поэта, но и после его «второй смерти» (слова Сталина о Маяковском, 1935), в которой он, по словам Пастернака, был уже неповинен.

Важно отметить, что польская тема вошла далеко не только в откровенно пропагандистские тексты Маяковского, но и в важную поэму «V Интернационал», где в главе «ТЕПЕРЬ САМА ПОЭМА» читаем:

Вот
она
Россия,
моя любимая страна.
Красная,
только что из революции горнила.
Рабочей
чудовищной силой
ворочало ее и гранило.
Только сле
остатки нэпа ржавчиной чернели.

Эти строки достаточно близки к рассуждениям Эренбурга о том, на что пошли народы России в революцию и чем стала (затхлость) Польша, которая осталась сама по себе вне России. А вот Польша в той же поэме:

А это Польша,
Из лоскутков ссучена.
Склею такую!
Потратила пилсудчина
слюны одной тысячу литров.
Чувствуешь —
зацепить бы за лоскуточек вам,
и это
все
разлезется по швам.

Куски о России и Польше находятся рядом. Это позволяет считать, что подобное противопоставление характеризует отношение Маяковского к Польше с Советской стороны. Даже после формального окончания Гражданской войны и интервенции поэт продолжает «пересматривать» итоги Версальского договора, следуя ленинской линии.

Тем более что именно Польша оказывается главным препятствием для переноса мировой революции в Германию:

«Пол-Европы горит сегодня. Прорывает огонь границы географии России. А с Запада на приветствия огненных рук огнем плещет германский пожар. От красного тела России, от красного тела Германии огненными руками отделились колонны пролетариата. И у Данцига

пальцами армий,
 пальцами танков,
 пальцами фоккеров
 одна другой руку жала.
 И под пальцами
 было чуть-чуть мокро
 там,
 где пласучина коридорами лежала».

Теперь обратим внимание на терминологию Эренбурга в его очерках о поездке в Польшу из Словакии: «Любовь молодой Словакии к сегодняшней России отнюдь не слепа. В школах вводят теперь русский язык. Словаки жадно читают новых советских писателей».

Все это, понятно, противопоставляется Польше, что в исполнении Маяковского, что — Эренбурга. Здесь же лишь отметим сходство образности поэмы Маяковского 1922 г. и очерка Эренбурга года 1928. Вопрос о Подкарпатской Руси и ее месте в идеологии славянского единства будет интересовать нас и в связи с книгой К. Д. Бальмонта, и в связи с работами К. Крамаржа и Э. Бенеша, хотя у Маяковского этот эпизод отсутствует. Да и у Эренбурга любовь словаков к России имеет специфический привкус. Это любовь жителей Пряшевской Руси к России. Что же касается собственно словаков, то Эренбург размышляет о том, не удастся ли им то, чего не удалось «немцам и мадьярам», то есть увести Русинов от их разновидности русского языка к языку словацкому...

Еще один факт, использованный Маяковским в стихах и в очерках, требует фактической проверки. В упоминавшемся очерке «Немного о чехе», как и в другом тексте — «Чешский пионер», Маяковский раз за разом касается проблемы т. н. дачи Крамаржа в Крыму. Причем в очерке «Чешский пионер», опубликованном в «Пионерской правде», Маяковский рассказывает даже о некоей пьесе «Плач Крамаржа», поставленной пражским аналогом советской «Синей блузы»:

«Ставили пьесу “Плач Крамаржа”. Крамарж этот *раньше русским буржуем* (курсив наш. — Л. К., М. О.) был. Большевики у него в Крыму дачи отобрали и на дачах санатории устроили. Крамарж обиделся, уехал в Прагу, свою партию фашистов собрал — ругает теперь советскую республику на чем свет стоит, агитирует здесь, чтобы большевиков не признавали, да о потерянных дачах с женой по вечерам плачет.

Наши комсомольцы-синемолуны его и передразнивают»⁶⁴⁰.

Аналогичный, но более краткий текст, текст из статьи «Немного о чехе», мы приводить не будем⁶⁴¹.

Не так давно было обнаружено стихотворение Маяковского, скрывшееся от исследователей на страницах той же «Пионерской правды» (22 февраля 1928).

⁶⁴⁰ Маяковский В. Чешский пионер // Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 342–343.

⁶⁴¹ Маяковский В. Немного о чехе // Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 341.

НЕВЕСЕЛАЯ СТРАНИЦА ПРО ВОЕННЫХ
ЗА ГРАНИЦЕЙ

За границей — мерзкая
Порода офицерская.
Лапа панская груба —
Бьет рабочих по зубам.
Фашист не любит дерзких
Обрядов пионерских
«Мальчишки и девчонки,
Вверх ручонки!»
За границей попы
Всем в глаза пускают пыль.
Сам господь велел вам, братцы,
За буржуев крепко драться.
Ноги вытянув широко,
Занялися маршировкой.
Пыль ногой до неба дуй,
Маршируй, да не бунтуй.

Публикатор этого текста В. Дядичев резонно отметил, что «исходным материалом» для поэта в известной степени явились впечатления от поездки в Польшу и Чехословакию (апрель – май 1927)», и резонно указал, что это стихотворение представляет собой образный конгломерат польских и чешских впечатлений Маяковского, отразившихся в его стихах и очерках. «По материалам этой поездки Маяковским были написаны стихи “Славянский вопрос-то решается просто”, “Польша”, “Чугунные штаны”, очерки “Немного о чехе”, “Чешский пионер”, “Наружность Варшавы” и др. В стихах и очерках о Польше — одно из главных, особо подчеркиваемых впечатлений Маяковского, — “несметное количество военных. Откроешь глаза — сплошной звон шпор...”. В “чешских” произведениях несколько раз упоминается Крамарж, руководитель чехословацкой народной партии (фашистов), весьма влиятельной в те годы», дословно повторяет В. Дядичев эпиграф стихотворения, к которому вскоре мы обратимся. Подмечает исследователь и след пионерского прозаического текста поэта: «Один из эпизодов “Чешского пионера” (опубликован в “Пионерской правде” 15 июня 1927) — изъятие полицейскими на улице в Праге у пионеров форменных атрибутов — красного галстука, синей блузы... Ср.: в новонайденном стихотворении — *лапа панская* (*пан* — обращение, характерное для Польши и Чехословакии), *фашист не любит детских обрядов пионерских* и т.п.»⁶⁴².

⁶⁴² Дядичев В. О неизвестных текстах Маяковского: К подготовке нового собрания сочинений // Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М., 2008. С. 546–547. Впервые см.: Дядичев В. В ритме времени: Неизвестное стихотворение Маяковского // Литературная Россия. 1996, 20 декабря. № 51. «Литературная Россия» отнесла эту находку, действительно, художественно далеко не первоклассного текста Маяковского к рубрике «Занимательное литературоведение», но нам трудно полностью согласиться с А.Ю. Галушкиным в том, что данное стихотворение не относится к «действительно значительным открытиям»

Здесь стоит лишь отметить, что «пыль» из последнего четверостишия не только отсылает к парадной шагистике, но и к стихам о Пилсудском 1920 г., когда еще была надежда на «победу коммуны в Польше»:

**Мчит Пилсудский,
пыль столбом,
звон идет от марша...**

Понятно, что к 1928 г. (!), после даже чуть ли не официального конца «мировой революции», после падения Троцкого и поражения в Китае таких надежд не осталось. Все это заставляет считать найденный текст Маяковского как бы завершающим аккордом его революционно-славянской поэзии. Любопытно, что Маяковский, по-видимому, рассчитывал на понимание читателями «Пионерской правды». В любом случае, стихотворение «Невеселая страница про военных за границей» демонстрирует, что такое славянская топка Маяковского.

Вспомним теперь о том, что стихи о даче Крамаржа называются «Славянский вопрос-то решается просто». Как именно решается — мы знаем из очерка «Ездил я так».

А вот как выглядит стихотворение Маяковского:

**Крамарж, вождь чехословацкой
Народной партии (фашистов) —
главный враг признания СССР.
Я до путешествий
очень лаком.
Езжу Польшею,
по чехам,
по словакам.
Не вылажу здесь
из разговора вязкого
об исконном
братстве
племени славянского.
Целый день,
аж ухо вянет,
слышится:
«словянами» ...
«словян» ...
«славяне» ...
Нежен чех.
Нежней, чем овечка:
Нет
меж славян
нежней человечка:
дует пивечко**

(Галушкин А. Над строкой партийного решения: Неизвестное выступление В. В. Маяковского в ЦК ВКП(б) // Творчество В. В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М., 2008. С. 509).

из добрых кружечек,
и все в уменьшительном:
«пивечко» ...
«малечко» ...
Будьте ласков,
пан Прохаско...
пан Ваничек...
пан Ружичек...
Отчего же
господин Крамарж
от славян
Москвы
впадает в раж?
Дело деликатнейшее,
понимаете ли вы,
как же на славян
не злобиться ему?

И тут наступает любимый мотив Маяковского, который странно совпадает с сюжетом пьесы чешских пионеров. Как-то с трудом верится, что изобретательный Маяковский рядом с очерком о поездке в Чехию, где он рассказывает о чешских пионерах, тут же в соседней колонке публикует стихотворение, не выходящее за пределы сказанного в очерке. То есть поэт революции рифмует по-русски сюжет полупрофессиональной чешской пионерской пьесы?!

Судя по всему, для чехов конца двадцатых годов не так уж актуальны были проблемы сохранения собственности Крамаржа в Крыму, а вот его роль в поддержке русских эмигрантов в Чехии переоценить трудно. Следовательно, и очерки, и стихи Маяковского для использования в Чехии принципиально не предназначались. Из этого мы и будем исходить в дальнейшем.

Приведем теперь конец стихотворения о даче Крамаржа:

...как же на славян
не злобиться ему?
У него
славяне из Москвы
дачу
пооттяпали в Крыму.
Пан Крамарж,
на вашей даче,
в санатории,
лечатся теперь
и Ванечки,
и Вани,
которые
пролетарии, конечно...
разные,
и в том числе славяне.

1927.

Надо отметить, что к нашему предыдущему выводу приводит и концовка стихотворения, прямо обращенная к Крамаржу.

Как и во всех предыдущих случаях, необходимо обратиться к специальным работам исследователей, на сей раз о виллах К. Крамаржа. Из них можно узнать немало интересного, например, о том, кто и что делал (да и сегодня делает) на крымской вилле К. Крамаржа: «Ленинский декрет от декабря 1920 г. превращал крымские дачи, виллы, особняки в здравницы “для трудящихся”. В справочнике 1925 г. упоминается курпансион “Группа дач”, среди которых особенно выделяется дача Крамаржа в греческом стиле, с прекрасным декоративным парком. “Барбо” (название виллы. — Л. К., М. О.) в советское время была переименована в дачу “Маевка” и стала использоваться как санаторий для поллитработников. Только жил там особый слой “трудящихся” — М. И. Ульянова, М. В. Фрунзе с семьей и др. В Маяковский в 1926 и 1927 гг. отдыхал в этих местах (санаторий “Харакс”) и выступал со своими стихами. Одно из стихотворений называлось “Славянский вопрос-то решается просто”, в нем певец революции в свойственной ему острой и беспепелляционной форме высмеивал К. Крамаржа, который потребовал от советской власти выкуп после национализации его виллы”. <...> В семье Крамарж не было детей. Согласно последней воле Надежда Николаевна завещала все мужу, а Карел Петрович — жене. В более ранних завещаниях Надежда Николаевна мечтала (разделяя неославистские взгляды мужа) передать свое творение “Барбо” на пользу идеи славянской взаимности. Она хотела, чтобы крымская вилла стала местом, где собирались бы и проводили время вместе славянские писатели и ученые, с тем, чтобы иметь возможность познакомиться, сблизиться, завязать контакты, так необходимые в культурной творческой жизни. Она не желала, чтобы вилла была превращена в санаторий для больных и престарелых. В более позднем завещании Надежда Николаевна оговаривала возможность продажи “Барбо”, с тем, чтобы вырученный капитал использовать на стипендии и премии для поощрения славянской, по преимуществу чешской и русской литературы, истории науки и искусства»⁶⁴³.

Как нетрудно видеть, стихи Маяковского, равно как и его очерки, относились скорее к области довольно грубой пропаганды, чем к искусству. Однако все было бы слишком просто, имей мы дело с пропагандой, обращенной к незыскательному читателю.

Между тем события развивались так, что в чешской и русской эмигрантской печати имя К. Крамаржа на рубеже 1926–1927 гг. звучало часто и громко. Вот какую характеристику К. Крамаржу дают публикаторы переписки А. В. Амфитеатрова, поклонника и пропагандиста творчества Крамаржа. Эта характеристика ситуации красноречивее всяких других слов: «Крамарж Карел Петрович (1860–1937) — в 1890–1918 один из лидеров партии младочехов, в 1918–1919 — глава правительства Чехословакии, в 1920-е — редактор пражской газ. “Narodny listy”, где часто печатался Амфитеатров. Русскому

⁶⁴³ *Серапионова Е.* Три виллы Крамаржа. // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 316, 319.

переводу кн. Крамаржа «Русский кризис» (1926) Амфитеатров посвятил цикл статей (Возрождение. 1926. 27 июля, 1,2 и 20 авг.), где, высоко оценивая труд автора, укорял его за то, что «путеводителем по русской истории» тот избрал П. Н. Милюкова, а не С. Ф. Платонова. Осенью 1926 г. Амфитеатров предложил «Возрождению» новую серию статей о Крамарже. 26 сентября ему отвечал К. И. Зайцев: «Ваши статьи о Крамарже застопорились, т. к. пришлось печатать самого Крамаржа и письма из Чехии о Крамарже — получилась перегрузка. Немного погоды можно будет возвратиться — но ради Господа не шлите больше о Крамарже!» Эти публикации не состоялись⁶⁴⁴.

Здесь следует внести некоторое уточнение. Не выход перевода книги Крамаржа «Русский кризис», написанной в 1921 г., вызвал шквал публикаций 1926 г. Скорее, наоборот, публикации о переводе «Русского кризиса» — многостраничного обзора русской истории с анализом причин революции — были прерваны в связи с выходом в свет крайне острого полемического труда Крамаржа, написанного в ответ Э. Бенешу. Это была книга «В защиту славянской политики», вышедшая уже по-русски в переводе в 1927 г. К ее рассмотрению мы обратимся позже. А вот о причинах появления сюжета стихотворения Маяковского, связанного не столько со славянским вопросом (здесь в центре всего полемика Бенеш — Крамарж), сколько с виллой в Крыму, несколько слов сказать необходимо. Дело в том, что именно во время пребывания Маяковского в Восточной Европе семья Крамарж занималась переговорами о постройке новой загородной виллы в Высокем⁶⁴⁵. (По крайней мере, опубликованы письма Н. Крамарж по этому поводу, датированные июлем 1927 г., причем из них ясно, что работа над проектом виллы идет уже достаточно долгое время.) Вилла в Праге у Крамаржа была. Не исключено, что Маяковский через своих дипломатических собеседников знал об этих планах семьи Крамарж. Что же касается вопроса о признании или непризнании СССР и позиции Крамаржа в этом вопросе, то она ярко выражена в его книге о славянской политике. Да и к проблеме собственности, да еще личной, она отношения не имеет. Таким образом, стихотворение Маяковского, похоже, оказалось включенным в свой синхронный политический контекст.

Надо сказать, что как раз архитектурные сюжеты позволяют еще раз проверить наше предположение о связях между очерками Эренбурга и Маяковского. Так, в очерке «Ездил я так» о пражской ситуации читаем: «Архитектор Крейцер говорит: “В Праге, при постройке, надо подавать проекты здания, сильно украшенные пустяками под старинку и орнаментированные. Без такой общепринятой эстетики не утверждают. Бетон и стекло без орнаментов и розочек отцов города не устраивают. Только потом при постройке пропускают эту наносную ерунду и дают здание новой архитектуры»⁶⁴⁶.

⁶⁴⁴ «Парижский философ из русских евреев»: Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову/Публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1997. Вып. 22. С. 612.

⁶⁴⁵ *Серапионова Е.* Указ. соч. С. 318, 321.

⁶⁴⁶ *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 333. Заметим, что имя архитектора Крейцера в комментариях к очерку отсутствует.

А вот впечатления Эренбурга 1928 г. от нового Берлина: «Даже дома, бесчувственные каменные дома стыдливо преобразуются. Я не говорю о новых постройках: этим краснеть не приходится, у них даже кнопки звонков — и те “конструктивны”. Но что делать двадцатипятилетним домам, столь преждевременно состарившимся? На их фасадах — валькирии или титаны того сентиментально-нахального периода, когда господь-бог расхаживал в щуцманской каске и когда люди любили исключительно по картинам Франца Штука. Впрочем, выход найден и для них: с фасадов мигом соскребают всех валькирий, как вышедшие из моды буфы или шиньоны, приделывают конструктивные кнопки, — и вот сотни омоложенных домов уже улыбаются современным женщинам, современному Гинденбургу, современным женщинам»⁶⁴⁷.

Создается ощущение, что архитектурные рассуждения двух авторов действительно встраиваются в острую полемику тех лет о различных видах конструктивизма. Poleмика эта отразилась в деятельности ЛЕФа (еще не «Нового») и берлинского конструктивистского журнала «Вещь», который редактировали И. Эренбург и Эль-Лисицкий. В это же время Крамаржи строили свой загородный дом в славянском стиле...

Некоторое время тому назад М. Гаспаров и Н. Автономова — вслед за Э. Холенштейном — вернули в актуальный научный контекст статью Р.О. Якобсона 1929 г. «О современных перспективах русской славистики», которая открывала первый номер журнала «Slavische Rundschau».

Эта статья не только хронологически обрамляет интересующий нас период чешской активности Маяковского (и параллельно — Эренбурга), но и является собой почти такой же, как очерк Маяковского, тип научно-политического или политико-литературного текста.

Авторы работы о статье Якобсона пишут: «Научная тема в статье Якобсона была адресована Западу; политическая же тема, весьма неожиданная, — советской России, в предположении, что в Наркоминделе тоже будут читать “Slavische Rundschau”». Некоторая ирония, которая сквозит в этих и, отчасти, следующих словах М. Гаспарова и Н. Автономовой нам кажется не всегда уместной, особенно на фоне того, что известно о деятельности Якобсона к сегодняшнему дню. Ниже у нас будет возможность убедиться в том, что взгляды Якобсона окажутся параллельны многим дискуссиям, которые вели политики в тогдашней Чехословакии в интересующие нас годы. Цитируем позицию российских исследователей далее: «Чтобы объявить Достоевского и Федорова предтечами структурализма, нужна была демагогическая смелость, этого у Якобсона хватало. Но *политика не была его талантом* (курсив наш. — Л. К., М. О.); и когда он побуждает советскую власть укреплять свои международные позиции в Восточной Европе (а не в Китае, например), то забывает универсальное правило: дружить не с соседом, а через соседа. Именно в силу этого правила чехи и поляки оказывались союзниками не России, а Франции,

⁶⁴⁷ Эренбург И. Двойная жизнь // Эренбург И. Виза времени. С. 65.

российским же союзником оказывалась Германия. Что и подтвердилось печально через десять лет»⁶⁴⁸.

Характерно, что эта проформалистическая точка зрения (близкая идее передачи наследства не от отца к сыну, а от дяди к племяннику) имела мало отношения к реальной тогдашней политике. Поэтому Якобсон и обращался через свой журнал к Мининделу. Сами того не замечая, авторы исследования о статье Якобсона вплотную подошли к идеям К. Крамаржа, выраженным им в книге «В защиту славянской политики», направленной как раз против Э. Бенеша.

Проанализируем теперь статью Якобсона в рамках нашего исследования идеологии «славянского единства», оставляя в стороне более исследованное и популярное ныне евразийство⁶⁴⁹. Причем нас сейчас будет интересовать как раз политический аспект текста Р. Якобсона.

Вот что пишет Якобсон, отмечая тонкие политические веяния, в рамках которых только и можно понять неожиданную актуальность «славянского вопроса», решение которого даже Маяковскому казалось простым только в пропагандистских эпиграммах: «Нынешние международные отношения складываются для славистики в высшей степени неблагоприятно ... о создании славистической школы в условиях диаспоры, разумеется, не может быть и речи. В России же правящие круги не только никогда не интересовались славистикой и ее нуждами, но и вообще не понимали ее реального значения. (...) Только поверхностный наблюдатель может говорить о реальном понимании описанных выше проблем исходя из того, что в коридорах российской власти оказалась в моде «славянская» фразеология»⁶⁵⁰. Это важное заявление человека, представляющего себе реальную расстановку сил в столь специфическом аспекте советской политики конца 1920-х годов.

Читаем дальше: «К сожалению, в правительственных сферах сегодняшней России наука о славянах и «славянская» фразеология зачастую смешиваются; враждебность же по отношению к официальному «славизму» прежнего режима порождает почти суеверное предубеждение против славистики».

Похоже, Якобсон хорошо представлял себе те аспекты развития как науки-славистики, так и советской славянской политики, которые привели в итоге к фабрикации знаменитого «дела славистов», с одной стороны, так и к последующей организации советской славистики — с другой. А следующие слова Якобсона напоминают уже просто политико-аналитический отчет советскому руководству, параллельный, по-видимому, тем, что ученый и дипломат-нелегал писал для чешского МИДа.

⁶⁴⁸ Гаспаров М., Автономова Н. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953 // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 336.

⁶⁴⁹ Подробно этот аспект рассмотрен в книге: Кацис Л. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи.

⁶⁵⁰ Якобсон Р. О современных перспективах русской славистики // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. С. 26.

«Между тем речь идет о целом спектре конкретных проблем, которые всесторонне связывают Россию со славянскими странами». Мы опускаем конкретизацию этих проблем и обращаем внимание на крайне специфическую терминологию, которая привлекла внимание и М. Гаспарова с Н. Автономовой.

Цитируем Яacobсона: «Распространение русской культуры становится все более ощутимым фактором международной духовной жизни, однако этот процесс идет сам по себе, стихийно, без всякого плана. Планомерная, упорядоченная разработка вопроса об экспорте русской культуры, разумное и целенаправленное управление этими процессами — вот насущные задачи для всех здравомыслящих людей России. Барское пренебрежение и равнодушие более неприемлемы. Необходимо (воспользуемся понятием из области коммерции) изучать рынок сбыта культуры, его запросы и возможности...»⁶⁵¹.

Здесь мы остановимся, чтобы подчеркнуть, что эта торгово-коммерческая терминология Яacobсона имела мощные источники в СССР, где формулы «искусство как коммерция» или «творчество как производство» были вполне применимы. Однако ближе всего проблема культурного экспорта была выражена в антилефовском романе в стихах И. Сельвинского «Пушторг», том самом, где фигурировал «суслик-евражка» в связи с ЛЕФом. Одним из видов «экспорта» революции в Европу и была тогда заграничная деятельность Маяковского по пропаганде и созданию лефовских организаций. Вот как это отразилось в «Пушторге», где торговля пушниной была метонимией деятельности ЛЕФа. Стоит напомнить, что в 1928 г. О. Брик создал сценарий фильма «Потомок Чингисхана», в котором он полемизировал с «Пушторгом» и где фигурировала вновь торговля мехом. В свою очередь, один из деятелей ЛЕФа Б. Кушнер действительно торговал пушниной, например, в Лейпциге, а Маяковский посвящал этому стихи. Таким образом, деятельность «экспортного отдела» «Пушторга» (читай — ЛЕФа) без сомнений связана с нашей темой, а специфически пражская приуроченность строк, которые мы сейчас приведем, показывает, что и мысли, и терминология Яacobсона были прозрачны даже не для «великих» посвященных:

**Экспортный отдел, не думая долго,
Продад партию этого волка
В Чехию за двенадцать. Но чех
Подверг ее лондонской сортировке,
Взявши с Лондона по котировке
Ровно в пятнадцать рубликов чек.
Значит, запишем в убыток Пушторгу
Пять плюс три — итог: восьмерку.
.....
Не правда ли очень веселая сценка?
Я вынужден был написать о ней
В Прагу и Лондон. Через несколько дней
Там состоится переоценка.
Мы потеряем на каждом псе
Девять десятых, если не все.**

⁶⁵¹ Там же. С. 27.

Понятно, что под разоблачителем лэфовской аферы Сельвинский имеет в виду себя. В свою очередь, евразийско-пастернаковская линия развивается в «Пушторге» параллельно чешской, образуя то самое единство рассмотрения проблем славянского единства и евразийства, которое характеризует статью Якобсона. Нам трудно говорить о генетической связи двух текстов Якобсона и Сельвинского, однако для наших целей хватит и синхронного совпадения в 1929 г. двух типологически идентичных сочинений советского поэта и эмигрантского лингвиста-дипломата.

Читаем Якобсона дальше: «В современном политическом и культурном лексиконе присутствуют термины «славянские народы», «славянство», «славянская идея», «славянские отношения», «славянские взаимосвязи» и даже «славянское чувство». Эти понятия остаются неопределенными, а их научный анализ отсутствует». Напомним, что над подобными терминами насмеялся Эренбург в очерках, которые мы здесь цитировали.

Якобсон, однако, не был бы Якобсоном, если бы подо все эти малоопределенные понятия не подвел научный базис, связанный как раз с идеей славянского единства: «Отношения между идеологией славянской солидарности и общностью происхождения славян напоминают соотношение народной и исторической этимологии — первая может либо совпадать со второй, либо приходить с нею в резкое противоречие. Подобным же образом славянские вопросы — межславянская солидарность и сближение славян, а также отношения между двумя конкретными славянскими народами — могут быть полностью отвлечены от генетических разысканий, рассмотрены как произвольные прагматические понятия, аналогичные, скажем, понятию национального самоопределения»⁶⁵².

Прервав анализ научных возможностей изучения славянского родства, воспроизведем из него те уже чисто культурные и общелитературные оценки, которые соответствуют текстам Маяковского и Эренбурга и основным затронутым в них моментам.

Якобсон задается вопросом, ответом на который, по нашему мнению, может служить список лэфовских организаций в славянских странах, приведенный Маяковским в очерке «Ездил я так», да и рассуждение о «славянском вопросе», который все славянские рабочие решают одинаково. В исполнении Якобсона эта идея выглядит так: «...речь идет о том, чтобы в синхроническом срезе установить, действительно ли подобная общность имеет место, выявить ее признаки. Существует ли на самом деле характерное сходство реакций славян на установление того или иного порядка, некое родство в восприятии действительности? Может ли этнопсихология обнаружить особый славянский склад ума? *Приобретают ли международные культурные явления (течения в искусстве, идеологические размежевания) некую общую специфическую окраску, сходным ли образом они модифицируются у всех славян либо, по крайней мере, у некоторых групп славянских народов?* (курсив наш. —

⁶⁵² Якобсон Р. О современных перспективах русской славистики // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. С. 28.

Л. К., М. О.) Эти вопросы естественным образом дополняются исторической проблематикой»⁶⁵³. Выделенные нами строки и являются параллелью к текстам Маяковского и его описанию лэфовско-славянского симбиоза.

Второй важный момент касается оценки ситуации с восприятием русской культуры в Польше и Чехословакии. Якобсон указывает, что в истории польской литературы именно русское направление стало наиболее влиятельным благодаря адекватным переводам русской литературы на польский язык, и в культурной жизни Польши Якобсон, для нас несколько неожиданно, обнаруживает ориентацию на Россию. С другой стороны, Якобсон указывает, что Чехия вышла на второе место в мире после Германии по переводам русской литературы; на чешский язык переведена вся сколь-нибудь значимая современная русская проза, а русский язык становится фактором культурной жизни. Однако чешская литература не подпала под влияние русской. К объяснениям этого явления Якобсон и переходит: «На протяжении XIX века Россия оставалась важнейшей составной частью чешской идеологии; однако, как это неоднократно отмечалось в литературе современной Чехии, это была придуманная Россия, миф о России, некая проекция чешских стремлений и упований. Лишь в XX столетии Россия становится фактором чешской интеллектуальной жизни, в особенности — науки, и только в последние годы наблюдается определенная реакция против господствующей прозападной ориентации чешской науки, реакция, сопряженная с попытками воссоединения с русской научной мыслью».

Здесь Якобсон вновь виртуозно переходит от важных политических проблем, связанных в реальной жизни с полемикой 1920-х гг. между Бенешем и Масариком, с одной стороны, и Крамаржем — с другой, о месте и роли России в создании новой Чехословакии, к проблемам научным — появлению чешских последователей ОПОЯЗа или Московского лингвистического кружка. Впрочем, и Тынянов ездил в Прагу к Якобсону именно для гипотетического воссоздания знаменитой группировки⁶⁵⁴. Кстати, живя в Праге и занимаясь чешским стихом преимущественно в сопоставлении с русским, Якобсон подерживал тесные связи с героями варшавских очерков Маяковского и с группой «Скамандер»⁶⁵⁵, в частности с Ю. Тувимом.

Этих сведений о статье Якобсона достаточно, чтобы считать ее важным завершением комментария к очерку «Ездил я так» Маяковского. Не менее важным, чем позднейшие воспоминания о последней поездке Маяковского в Прагу в 1929 г. Это тем более важно, что ситуация по сравнению с 1927 г. резко изменилась:

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Якобсон Р. Юрий Тынянов в Праге // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. С. 58–64.

⁶⁵⁵ Якобсон Р. Письмо польского ученого // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. С. 45–49.

«В двадцать девятом году Маяковского принимали очень холодно в полпредстве — из-за него или из-за меня, я не знаю. Но он уже тогда был на плохом счету. Мне рассказывали люди, приезжавшие из России, что считалось уже выгодным и шиком его шпынять, что нападал на него каждый, кому не лень. (...) Со мной он тогда говорил в духе стихотворения «Во весь голос» — что поэзия кончилась, что это не поэзия, это бог весть что такое делается, что это совершенный службизм»⁶⁵⁶.

Нет сомнений, что коллеги по предыдущей акции 1927 г. понимали друг друга с полуслова, ведь и контакты Маяковского с ИНО ОГПУ и В. Горожаниным, его начальником, давно ни для кого не секрет. А поэтому и слово «службизм» имеет отношение не только к лирической поэзии или теоретической лингвистике, но и к политической прозе и практической славистике Якобсона и Маяковского. Пусть даже ярый заединщический порыв Якобсона и был чужд личным взглядам Маяковского.

⁶⁵⁶ Якобсон-будетлянин: Сб. материалов. С. 65.

Глава IX.

*Бальмонт и Эренбург
между Прагой и Варшавой
(1926 – 1928)*

1.

Очерк Маяковского «Ездил я так» начинался с имени К. Бальмонта. И прежде всего в глаза бросается публикация цикла переводов Бальмонта в пражском эмигрантском журнале «Воля России» (1927 г., № 4) — «Образцы чешской поэзии» (первый и единственный том речей и статей Э. Бенеша по славянскому вопросу был опубликован по-русски как раз журналом «Воля России»). На рубеже 1920–1930-х Бальмонт печатал переводы и заметки о чешской поэзии в парижской газете «Последние новости». Более того, в эти годы поэт реализует масштабный «славянский» проект: он сотрудничает с газетой «Россия и славянство» (издавалась в Париже при ближайшем участии П. Б. Струве), где опубликовал стихотворное переложение «Слова о полку Игореве», лирику, статьи, активно занимается переводами болгарской поэзии (в 1929 г. посещает Болгарию)⁶⁵⁷ и т. п.

Первый же абзац статьи Бальмонта из журнала «Воля России», предвещающей переводы, вводит читателя в проблематику славянского единства: «Чешская поэзия представляет из себя многообразное, богатое царство, по странным причинам доселе почти неведомое Русским читателям. Так как, наряду с нашими родными созидателями бессмертного стиха и лучшей в мире художественной прозы, мы весьма ознакомлены с поэзией и прозой Франции и Скандинавии, Германии и Англии, мы, Русские, непростительно невнимательны к произведениям словесности братских народов, родных нам по крови. Еще Поляков мы кое-как знаем, но именно кое-как. А кто из Русских любителей литературы знает что-нибудь о творчестве Чехов, Сербов, Болгар? Это большая ошибка, которую нужно расчаровать и уничтожить... Это пробел, который легко и должен (должно? — Л. К., М. О.) заполнить, превратив неосведомленность в обогащенное знание, в поэтическое побратимство всех Славян»⁶⁵⁸.

Нетрудно видеть, что тематика текстов Маяковского, чья поездка по Европе заняла время с 15 апреля по 22 мая 1927 г., и Бальмонта, отмечавшего в Праге свое 60-летие 17 июня 1927 г., — практически одна и та же,

⁶⁵⁷ См. подробнее: *Димитров Е. И.* Константин Балмонт и България // Български месечник. София. 1998. Кн. 6/7.

⁶⁵⁸ *Бальмонт К.* Образцы Чешской поэзии // Воля России. 1927. № 4. С. 29.

а визиты поэтов в Праге и Варшаве, как мы знаем, чередовались; наконец, сообщения о выступлениях и успехах того и другого публиковались в одних и тех же газетах. Понятно, что ни Маяковский, ни Якобсон не стремились к подобным сопоставлениям, которые уже и вовсе не должны были быть доступны советским читателям. Поэтому есть смысл сопоставить реакцию чешских газет (по сообщению Якобсона Маяковскому) и то, что известно о реакции пражской прессы на выступления Бальмонта.

Мы сделаем это по статье Д. Кшицовой, предваряющей публикацию не напечатанной своевременно книги переводов Бальмонта «Душа Чехии в слове и деле», сохранившейся в архиве К. Крамаржа⁶⁵⁹, с которым Бальмонт поддерживал отношения. Книга Бальмонта⁶⁶⁰ с сопроводительным письмом Крамаржу сохранилась в архиве последнего и была обнаружена лишь недавно. Исследователи как творчества Бальмонта, так и русско-чешских культурных связей не соотносят свои рассуждения о новонайденной книге Бальмонта с поездками по Европе поэта революции Маяковского⁶⁶¹, хотя отмечают, что невыход в свет книги Бальмонта в итоге был связан с процессом установления дипломатических отношений Чехословацкой республики с Советским Союзом⁶⁶². А позиция Крамаржа в этом вопросе нам уже известна.

Проследим теперь по статье Д. Кшицовой реакцию пражской печати на пребывание там Бальмонта и его юбилей. Чешская исследовательница отмечает, что Бальмонт прибыл в Прагу в июне 1927 г. после успешного завершения турне по Польше. Того самого турне, которое предстояло еще в момент прибытия в Польшу Маяковского. Если мы правы и две поездки двух видных представителей русской поэзии из противоположных политических лагерей связаны между собой синхронной политической и далеко не литературной реальностью, то даты выхода в свет статей Маяковского — с упоминанием Бальмонта и Крамаржа — приобретают серьезный интерес.

Итак, очерк «Ездил я так» был опубликован в «Новом ЛЕФе» (№ 5), очерк «Немного о чехе» появился в «Рабочей Москве» 8 июня 1927 г., а «Чешский пионер» — в «Пионерской правде» 25 июня 1927 г. Создается

⁶⁵⁹ *Сератионова Е.* Карл Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с русскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.

⁶⁶⁰ *Бальмонт К.* Душа Чехии в слове и в деле: Поэтические оценки и образы. Капбертон, 1931/*K. D. Balmont.* Duse Cheskych zemi ve slovech a cinech/Vidani, preklad, studie, komentar Danuse Ksicova. Brno. 2001. Ср. публикацию комментированных фрагментов в антологии: Прага: Русский взгляд: Век восемнадцатый — век двадцать первый/Научн. ред., автор вст. ст. С. В. Никольский. М., 2003.

⁶⁶¹ Имя Маяковского отсутствует не только в книге Д. Кшицовой, но и в объемной реферативной рецензии на нее в журнале «Русская литература», написанной известным специалистом по славянским литературам Н. Жаковой. Ср.: *Жакова Н.* Рец. на: <К. Д. Бальмонт. «Душа Чехии в слове и в деле» > // Русская литература. 2003. № 3. С. 198–203.

⁶⁶² *Ksicova D.* Balmont a ceska poezie. // K. D. Balmont. Duse Cheskych zemi ve slovech a cinech. Vidani, preklad, studie, komentar Danuse Ksicova. Masarykova univerzita, Brno. 2001. Z dejin rusko-ceskych literarnich vztahu. S. 12.

впечатление, что даты публикаций, по крайней мере, в газетах, не случайны. Политически же крайне острый очерк о поездке в Польшу и нежелании встречаться там с Бальмонтом — вкупе с сообщениями о близости Маяковского к советскому постпредству и упоминанием хвалебных отзывов в официальных чешских газетах, связанных с министром иностранных дел Бенешем, полученных через отдел печати постпредства, должен был продемонстрировать противникам «Нового ЛЕФа» близость журнала к государственным верхам, если не спецслужбам. Не забудем, что в тот момент «Новый ЛЕФ» был единственным групповым журналом, выходящим за государственный счет. Это-то и вызывало резкую реакцию противников Маяковского и его журнала, считавших, что в определенный момент именно лэфовская эстетика может оказаться государственной в общесоюзном масштабе.

Еще одна важная деталь, на которую обращает внимание Д. Кшицова, — это совпадение визита Бальмонта с противоречиями, возникшими между ПЕН-клубом и Чешско-русской общиной. В свою очередь, Маяковский отмечает постоянные обеды именно с представителями этой далеко не просоветской организации. Свое общение с ПЕН-клубом описывает, естественно, и Эренбург.

В «Narodni osvobozeni» от 22 июня 1927 г. (сведения по работе Д. Кшицовой) давалась как положительная оценка визита Бальмонта в Прагу, так и его переводов, опубликованных в «Воле России». Чуть позже вышли в свет переводы К. Д. Бальмонта из Ярослава Врхлицкого (1928). Однако предисловие к этой книге датировано 12 дубна 1926 г., а 14 ледня 1926 г. текст «Праздник сердца» о работе над переводами Врхлицкого Бальмонт поместил в парижских «Последних новостях». Поэтому при оценке выступлений Бальмонта в Праге необходимо учитывать то, что появилось в книжном варианте лишь через год после интересующих нас событий. Справедливость требует отметить, что далеко не все принимали переводы Бальмонта из Врхлицкого с восторгом. Уже в 1928 г. В. Ф. Ходасевич резко писал в «Возрождении» о Врхлицком и выборе Бальмонта, сравнивая чешского поэта с русским поэтом и переводчиком П. И. Вейнбергом, который также был чрезвычайно плодovit. Выпад Ходасевича вызвал острую реакцию в Чехии в статье Винсента Червинки в «Narodni listy» (16 ноября 1928). «Nový večerník» сообщал о парижском докладе Бальмонта «Чешская поэзия по-русски», а в выступлении в ПЕН-клубе Бальмонт практически воспроизвел многое из того, что позже окажется в книге «Душа Чехии в слове и деле». (Это следует из приводимого Д. Кшицовой обзора выступления Бальмонта «Чешская поэзия и славянская душа» в «Narodne osvobozeni» 26 июня 1927) В свою очередь, известный поэт Франтишек Кубка приветствовал юбилей Бальмонта, совпавший с его пребыванием в Праге («Narodni osvobozeni», 19 июня 1927). Кроме всего прочего, пражская печать отмечала и начало публикации цикла очерков и переводов Бальмонта под названием «Чехи о России» в парижской газете «Последние новости». На эти публикации откликнулась газета «Pravo ludi» (3 ноября 1927).

Таким образом, и до и после поездки Маяковского в Прагу деятельность Бальмонта, с ее откровенным следованием идее славянской взаимности, была в центре внимания и чешской, и русской эмигрантской печати. А это, в свою очередь, не могло пройти мимо внимания пражского информатора В. В. Маяковского — Р. О. Якобсона. Этот же факт позволяет нам включить тексты хрестоматии, посланной К. Крамаржу К. Д. Бальмонтом в 1931 г., в контекст событий 1926–1927 гг. По крайней мере, это возможно и необходимо для характеристики отношения Бальмонта к той или иной разновидности идеологии славянского единства и для сравнения позиции поэта-эмигранта с отношением к славянскому вопросу Маяковского и Эренбурга в 1927–1928 гг., а в случае Эренбурга и позже — в год посылки Крамаржу книги Бальмонта, ведь «Виза времени» вышла в 1931 г.

Обратимся к книге Бальмонта «Душа Чехии в слове и деле. Поэтические оценки и образцы» (Капбретон⁶⁶³, 1931)⁶⁶⁴ и попробуем проследить понимание и развитие Бальмонтом его славянской идеологии.

Начав с описания ужасов мировой войны и сославшись на Шатобриана, Бальмонт переходит к основной проблеме своего текста «Душа Чехии»: «В обрамленьи проклятий, непонимания и роковой разрушенности родных мест, хорошо ощутить, через вражеские пространства, братскую руку, дотянувшуюся до братской руки, через этот зловражеский простор пустоты. Такие братские голоса для меня — соприкосновение с душою нескольких родственных стран, через внимательное изучение языка и художественного творчества этих братских стран. Славяне мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов. Об этом нужно глубоко сожалеть, и, во имя новых исторических путей, это равнодушие и эта рознь должны быть преодолены. Если б, взаимосочувствием, взаимосоприкосновением и взаимоподчинением, великое царство славян внутренне сколько-нибудь объединилось, это была бы самая светлая на земле Духовная Держава. Возможно, что такой могучий рычаг нового развития человечества и возникнет» (ДЧ, с. 50).

Традиционно любой сторонник славянского единства должен сожалеть о раздорах между братьями, и Бальмонт здесь не исключение: «Русский летописец нашей старинной были нашел верное слово для определения нрава наших предков: “Бредуть розно”. Это общеславянский недуг. Каждый как хочет. Своя тропка у всякого. Это хорошо, что у всякого своя тропинка, но не должна она непременно пересекаться враждебно с тропинками братьев. Русские — как поляки, болгары — как сербы, у славянина слишком часто недостает силы самосдержки, той сцепляющей силы государственного зодчества, которая как некий дар природный, неотделима от нрава французского, немецкого, английского» (ДЧ, с. 50).

Характерно, что у чешских коллег, книгой которых он пользуется, Бальмонт выписывает слова о том, что чехам свойственно непостоянство

⁶⁶³ Место в Южной Франции, где постоянно проживал К. Д. Бальмонт.

⁶⁶⁴ Книга Бальмонта цитируется в дальнейшем по публикации Д. Кшищовой с обозначением ДЧ.

и недостаток единения, и именно это русский поэт считает неперенным свидетельством русско-чешского братства. При этом он находит общее в судьбе многих славянских народов, исключая, правда, поляков. Речь о них пойдет отдельно. А пока цитируем Бальмонта: «Такие черты славянского нрава запечатлели в истории славянских народов много горьких страниц, и вот почему русских, как и чехов, сербов, как и болгар, постигла судьбинная кара — многовековое иго. Монголы против русских, немцы против чехов, турки против болгар и сербов. Дорога, пройденная в исторических испытаниях Чехословакией, быть может еще более трудна, чем русский путь времен иных» (ДЧ, с. 52).

Это самоумаление стоит, видимо, отнести к биографической ситуации Бальмонта и к его попыткам получить поддержку Крамаржа в получении чешской стипендии и в издании книги. Хотя, обратим на это внимание, стипендии присуждал МИД ЧСР, т. е. Э. Бенеш. Кстати, и книга переводов Врхлицкого вышла в Праге в 1928 г. в издании Славянской библиотеки МИДа. Тем не менее обращается Бальмонт к Крамаржу, и в этом есть свой смысл. Ведь идеология Бальмонта, которую мы здесь рассматриваем, действительно ближе к Крамаржу, чем к Бенешу. Однако это станет ясно после сравнения работ Крамаржа и книги К. Д. Бальмонта.

Поэт Бальмонт продолжил, не процитировав открыто, но назвав его песни «серафическими», мысль Я. Коллара. Чешский будитель словацкого происхождения утверждал в своей поэме, что единение славян возможно после прощения друг другу разного рода прегрешений лишь на берегах Леты. Подобная образность использована в «Душе Чехии»: «Инстинктивное славянское благородство против наследственного вероломства врагов славянских, в конце концов, однако хочется думать, победит. Такие светильники, как Ян Гус и Достоевский, Хельчицкий и Лев Толстой, Пушкин, Врхлицкий и Бржезина, суть дозорные духи лучших кладов человеческой души. Самое их возникновение в лоне славянства есть верное ручательство в действительном возникновении Нового Неба и Новой Земли» (ДЧ, с. 52).

Это тем не менее довольно традиционный подход. А вот в сонете «Слава Славянам» (ср. анализ Якобсоном словесной игры Коллара, построенной на этих корнях), входящем в «Душу Чехии», проявляется важная особенность славизма Бальмонта:

**Рус, чех, и лех, и серб, четыре брата,
Но между гор, полей, лесов, равнин,
Забуду ли в столетних мглах судьбин
Болгара, и словака, и хорвата?
Я славянин. Моя семья богата.
И в ней мой пращур, сын лесов, литвин,
Мой каждый брат, то — вольный властелин,
То — раб в цепях, их рвущий в час набата.
От каждого из всей семьи, — из всей, —
Мне — смелый взгляд и голос многозвонный,
Размах, полет, веселый вихрь степей.**

Но в детстве мне сверкнул, сквозь сумрак сонный,
 Ян Гус, — огонь души, — всего светлей.
 Знак Славии — наш дух — воспламененный.

Показательно, что общий «знак Славии» — Ян Гус. Показательно и то, что русский поэт, начав с колларовской тетрады (рус, чех, лех, серб), дополняет ее новыми родственными народами («болгара, и словака, и хорвата»). Более того, среди родственников — «литвин». Эту позицию Бальмонт подтверждает еще раз, ссылаясь на чешского предшественника-классика: «Рожденный почти в тех же местах и в тех же условиях, как Гус и Хельчицкий, Челаковский хорошо понял простую и ясную мысль, выраженную им в восклицании: “Народная песня — превыше всего!”». Его собрание пятнадцати тысяч пословиц и поговорок, *Mudroslovi narodu slovanskeho v prislovich*, Мудрословие славянского народа в его пословицах, его переводы народных песен Литвы, его завлеченность избранным героем воображения русского народа, Ильей Муромцем, все это суть мирные и незабвенные завоевания национального чешского духа, столь же исполненные счастливых угаданий, как бессмертные работы наших славянолюбов (обращаем внимание на почти хлебниковское избегание неславянского корня в привычном термине славянофи́лы. — Л. К., М. О.), Хомякова, Киреевского, Аксаковых» (ДЧ, с. 56).

Включение литовцев в число славян имеет давнюю историю (хотя не является общеобязательным для всех сторонников славянского единства)⁶⁶⁵. Это не просто эмоциональный порыв или дежурная риторика: в конце 1920 — начале 1930-х гг. Бальмонт (в качестве переводчика, критика, поэта) активно работал над темами Болгарии, Чехии, Югославии — и Литвы. Присоединение им литовцев к славянству не ускользнуло от внимания современников. Литературовед и критик Н. К. Кузьман констатировал в статье «Бальмонт и славяне» (напечатана в газете «Россия и славянство»): «...годы изгнания он, можно смело сказать, все свое время, свободное от самостоятельного поэтического творчества, отдавал славянам и Литве»⁶⁶⁶.

Подобные культурные интересы — в стесненных материальных обстоятельствах эмиграции — имели денежное измерение. Отсюда в письмах — жалобы и даже гневные филиппики: «Но Литва, Болгария, Хорватия и пр. и пр. всю кровь из меня испивают»⁶⁶⁷; «Славяне (чехи, сербы, хорваты) обошлись со мной совершенно по-свински. Книги мои о них не издают, и сижу я у разбитого корыта»⁶⁶⁸.

⁶⁶⁵ Ценные материалы на эту тему см.: *Лавринец П. М.* К. Д. Бальмонт в Вильнюсе (1927) и Каунасе (1930) // Славянские чтения I. Даугавпилс-Резекне. 2000. С. 156–170. Разумеется, тема эта заслуживает сугубо специального внимания.

⁶⁶⁶ *Кузьман Н.* Бальмонт и славяне // Россия и славянство. Париж. 1931, 25 апр.

⁶⁶⁷ *Бальмонт К. Д.* Светлый час: Стихотворения и переводы/Сост. В. Крейд, М., 1992. С. 408.

⁶⁶⁸ Там же.

Однако «славянскую» программу Бальмонт стремился манифестировать вполне продуманно, а потому, детализируя свое понимание «духовной семьи», закономерно воспроизводил жесткую логику «славянской» идеологии.

Стихотворный сборник «Северное сияние» (1931) имел специальный подзаголовок «Стихи о Литве и Руси». Общий пафос «родства» литовцев и славян предсказуемо перекликается с трогательным пассажем из «Души Чехии»:

**Среди других певцов отмеченный
Литвой — и ею дорожа, —
Военной музыкою встреченный,
Ее достигши рубежа, —
Я горд, что там я с побратимами
Неломкий заключил союз
И не моими, но родимыми,
Ее просторами клянусь (...)⁶⁶⁹**

Но в том же стихотворении «Обручение» поэт, так сказать, возобновил борьбу с Польшей за Вильнюс. Правда, в отличие от Тютчева, отстаивал не «русский», а «литовский» статус города⁶⁷⁰:

**Да будешь сильной и обильною,
В себе скрепленная страна, —
И Гедиминову Вильною
Ты быть увенчана — должна!**

Наконец, в стихотворении «Грядущая Россия» Бальмонт пророчесствует о чаемом объединении «родных» народов — включая Литву — в обновленной «Великой Державе»:

**Я чую в близких далях грядущую Россию,
Исчерпав наваждение, предельный гнет беды,
Всю слепоту, весь ужас, все подчиненье Змию,
Она блеснет в сиянье Пастушеской Звезды. (...)
Все страны, где теснила зловражьей чарой уза,
Литва, Суоми, много, тех стран — великий круг,
С Россией будут слиты лишь верностью союза
Той светловольной дружбы, где с другом равен друг. (...)
Одним красивой будет Великая Держава,
Явленьем благоволья, как лика своего,
Быть вольным и счастливым — у всех от Бога право,
Вспочитанье мира — лишь в этом торжество⁶⁷¹.**

Это прямо-таки возвращение к публицистическому конструкту, реализованному в стихотворении Тютчева «Как дочь родную на закланье...». Примерно

⁶⁶⁹ Бальмонт К. Д. Светлый час: Стихотворения и переводы / Сост. В. Крейд, М., 1992. С. 359.

⁶⁷⁰ Там же. С. 360.

⁶⁷¹ Там же. С. 372–373.

такой же позиции придерживается и Маяковский, когда в своем очерке «Поверх Варшавы» описывает близкие себе группы писателей и художников, относит Литву не к Западу, а к славянским странам, о чем уже шла речь.

Польский вопрос всегда был камнем преткновения для идеологов Славянской взаимности. Поэтому обратим внимание на отношение к полякам Бальмонта: «Чехи любят шутку и меткое слово. Но поляк, когда говорит остроумное, меткое слово, — а поляки очень остроумны, — всегда красуется и расточается вовне. А русский мужик, а болгарский сказочник, а чешский поэт, когда он говорит меткое слово, он говорит его потому, что сказать его тут, кстати, независимо от того, есть ли слушатели или нет их, и, сказав меткое слово, тотчас скромно замыкается в себе, смотрит в себя, а не вовне. Велико это различие. Быть может, из всех славян именно у русских и у чехов более всего этого земного, утробного, глубинного. Между Россией и Чехией уже давно свершается еще всеми не увиденная, но уже ярко явственная духовная беседа. Ни у одного народа славянского не сказали столь многие поэты столько глубоких, пронзительных и прочувствованных слов о России» (ДЧ, с. 62).

Показателен набор стихов, после которого Бальмонт делает вывод о природе польского юмора. Это говорится после того, как Бальмонт перебрасывает мостик от любви чехов к родной земле — к любви к матери. Приводятся примеры чешских текстов: «Магушке» Яна Неруды, отрывок из баллады Врхлицкого «Три всадника», литовская (!) народная песня «В лесу», отрывок русской песни, а после всего этого следует пассаж об остроумии поляков, который иначе как крайне амбивалентным не назовешь...

Определив место главной помехи славянского единства — Польши, поэт возвращается к основной теме. Чехия кажется Бальмонту тем островом, на котором сохраняется истинное славянство. Страна представляется русскому поэту тем славянским лесом, за которым звучит песня. Однако все эти поэтизмы, как и часто у Бальмонта, включены в некоторую конструкцию, которую трудно увидеть, не будучи знакомым с особенностями топики заединщиков. Так, говоря о «Псалме к России», написанном Руженой Щварцовой, Бальмонт употребляет одну часть важной формулы: «Псалом к России <...> должен был бы знать наизусть каждый русский, чья жизнь — среди четырех ветров», а чуть ниже, говоря о «скрепленности чешской воли и планомерной жажде великого строительства», поэт говорит о Чехии как острове среди разбушевавшегося океана.

Казалось бы, именно этот остров и стоит в океане на пересечении четырех ветров, а не русский, пусть даже и эмигрант. Однако, похоже, Бальмонт помнит о формуле «Славия — страна четырех океанов», которая существовала еще в декабристском «Обществе соединенных славян». Если это так, и русские с чехами наиболее близки друг другу в славянском мире, то Славия, где с одной стороны — Чехия, а с другой — Россия, действительно разделена лишь польским лесом, однако Единая славянская образная конструкция оказывается стоящей на четырех ветрах-океанах.

Понятно, что перед нами жесткая славяноориентированная идеологическая конструкция. Это, естественно, отмечают и наши предшественники:

«Пытаясь разобраться в том, почему русский поэт переводил тех или иных чешских собратьев по перу, Кишицова приходит к выводу, что Бальмонт не ставил перед собой задачу дать целостную картину чешской поэзии на грани веков и в первые десятилетия XX века. На его выбор поэтов оказали влияние личные пристрастия и политические взгляды — для него были неприемлемы авторы коммунистической и просоветской ориентации, поэтому вне его внимания оказались такие видные чешские поэты начала века, как С.К. Нейман и Ф. Шрабек, а также Я. Сейферт и В. Незвал, заявившие о себе в начале 20-х годов»⁶⁷².

Неудивительно, что мы легко находим эти имена в очерке Маяковского «Ездил я так» — сразу после упоминания Бальмонта, который должен был приехать в Варшаву, из-за чего, напомним, Маяковский и отправился в Прагу:

«В Праге встретился с писателями-коммунистами, с группой “Деветил”. Как я впоследствии узнал, — это “не девять сил”, например, лошадиных, а имя цветка с очень цепкими и глубокими корнями. Ими издается единственный левый, и культурно и политически (как правило, только левые художественные группировки Европы связаны с революцией), журнал “Става”. Поэты, писатели, архитектора: Гора, *Сейферт*, Махен, Библ, *Незвал*, Крейцер и др. Мне показывают в журнале 15 стихов о Ленине»⁶⁷³.

Надо отметить, что стихи о Ленине вызывали у Бальмонта аллергию, но об этом мы скажем в своем месте. В любом случае видно, что его сборник и идеологически, и поэтически составлен жестко и выверенно. Отсюда и отмечаемый исследователями выбор не всегда самых сильных, но зато уж точно славянских поэтов. Впрочем, это же относится и к выбору Маяковского, пусть и с другой стороны. Поэтому становится ясно и то, что Маяковскому и Бальмонту не было никакого смысла встречаться ни в Праге, ни в Варшаве, как бы эти поэты ни относились друг к другу. Ведь, как мы отмечали, текст доклада, произнесенного Бальмонтом в Праге между визитами туда Маяковского, практически совпадал с проанализированным здесь текстом, а оба поэта так или иначе были связаны с высокими государственными мужами и структурами двух стран, занимавших в славянском вопросе диаметрально противоположные позиции.

Тем более интересно проанализировать последовательно ту славянскую идеологию, формирование которой продолжается в преамбулах к переводам «Души Чехии в слове и деле» К. Бальмонта.

Отметим попутно, что среди многочисленных отголосков идеологии славянского единства К. Бальмонт искусно встраивает в свои преамбулы и переводы те выбранные им черты чешских поэтов, которые подспудно создают автопортрет составителя антологии, сотканный из его образов и отголосков любимых стихов русских и иностранных поэтов. Сейчас мы на этом останавливаться не будем и вернемся к основной теме.

⁶⁷² Жакова Н. Рец. на: <К. Д. Бальмонт. «Душа Чехии в слове и в деле» >. С. 202.

⁶⁷³ Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 332.

Вот как описывается в книге место в поэзии Я. Врхлицкого, целая книга которого в переводах Бальмонта уже готова и ждет выхода в 1928 г. Бальмонт пишет: «Прожив немногим более полувека <...>, он перевел на родной язык чуть ли не все лучшие образцы Европейской литературы, переводил также художественные создания Востока, и, еще до освобождения Чехии героическими усилиями самой страны во время последней войны, он единоличным усилием сбросил с чешского поэтического слова германское иго (ДЧ, с. 68).

Если стихи Махи, которыми начиналась антология, Бальмонт сопоставил со стихами Лермонтова, то произведения Врхлицкого — с Пушкиным (явно усмотрев параллель “Цыган” с “Цыганской скрипкой”), продолжая свою мысль о диалоге двух славянских наций и литератур.

Перейдя к творчеству Отокара Бржезины и рассказав, почему этого чешского символиста нельзя сравнивать ни с кем из великих символистов Европы и Америки, включая У. Уитмена и С. Малларме, Бальмонт цитирует собственные стихи из сборника “Видение дерева” (1916) и продолжает: “Книги Бржезины написаны задолго до того, как пропелись эти строки, — на три пятилетия, — и если я их привожу, это лишь потому, что сказать, что я славянин, русский, чувствую, что узнаю самого себя в славянине, поляке, Яне Каспровиче, и в славянине, чехе Отокаре Бржезине. И не только это. Я хочу сказать, что мы, славяне, когда поем о том же, о чем поет американец или англичанин, мы поем звучнее и более вольно, мы поем сердечнее и не впадая в ограниченность точной размеченности» (ДЧ, с. 100).

Описывая стихотворения Антонина Сова, Бальмонт сумел замечательно выразить свое отношение к слову «октябрь», которое значило нечто большее, чем просто название осеннего месяца. Кстати, приведя еще подобные стихотворения, Бальмонт обращает внимание читателя на то, что приводимый текст — особый в этом ряду:

Октябрь

Тополей над селом возникает лениво гуденье,
 Напевает в безлюдьи пустом октября.
 Златоржавая лоза, на стене, без движенья,
 Опочила, молчаньем о сне говоря.
 Опустели скворешники. Спряталось солнце.
 Все село — словно тихо молчащий погост.
 И слепыми глазами в избушках оконца
 Не досмотрятся солнца, не высмотрят звезд.
 Только ветер, порой, заскучат, мгновенно,
 Разломав тишину,
 И уж нет его — где он? — там где-то забвенно,
 Далеко улетает в иную страну.

1927.

А в завершение разговора о Сове Бальмонт касается просто праисторической общности славян: «Это — древнее наше, Арийское. Тут чешский поэт —

родной брат старинного русского крестьянина, который, почувствовав первое дуновение весеннего ветра, истово промолвил: “Предки дохнули”» (ДЧ, с. 124).

С Совой Бальмонт даже переписывался после выхода подборки в «Последних новостях», однако ко времени выхода книги в свет Сова умер, поэтому в хрестоматии ему посвящены поминальный текст и еще одна порция переводов.

Очередной призыв к славянскому единству содержит вступительный текст к стихам Яна Рокиты: «Полны кротости и смелости все перечисленные мною поэты, а из них всего более идет наименование Кроткий и смелый — к высокозаслуженному чеху, который подписывает свои стихи именем Яна Рокиты, а своим именем Адольф Черный освятил долгую и блестяще плодотворную работу, как редактор журнала *Славянское обозрение*, как истолкователь и переводчик поэтов братских славянских стран, как и благой лебедь-кликун, гласящий о братстве всех нас, разъединенных славян, нас, Богом щедро одаренных, но никак не желающих понять, что, если все мы, русские, чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты, словены, болгары и родные нам литовцы (!), и еще другие родные братья, сольемся в одну духовную семью, не будем в мире ни силы, ни преграды встать на дороге — бурному, плодотворному, среброводному и златоцветному, среброзвонному потоку славянского духа, желающего мира и гармонии» (ДЧ, с. 142). Здесь обращает на себя внимание скрытая цитата из пушкинского стихотворения «Он между нами жил...» с его пророчеством о слиянии народов, позабывших распри, в единую семью, в сочетании с отголоском поэмы А. К. Толстого «Поток-богатырь». Затем Бальмонт приводит стихотворение о Купаве и вспоминает свое сочинение «Болотные лилии».

В следующей главке о поэте-рудокопе Петре Безруче встречаем цитату из важной для Бальмонта книги: «В *Истории чешской литературы* профессор Якубца и Новака мы читаем (Прага, 1926, том 2-ой, стр. 170-я): «Петр Безруч, собственно Владимир Вашек» (р. в 1867 году), таинственный и выдающий сам себя за первого и последнего барда силезского люда... В своих могучих *Силезских песнях* он воспевае безграничные бедствия поденщиков и горнорабочих под Бескиндскими горами и трагизм вымирающего чешского племени в пограничной области около Моравской Остравы, где чешский язык соприкасается с польским и немецким...» (ДЧ, с. 170).

Как нетрудно видеть, именно польско-славянские и немецко-славянские проблемы мешают общеславянскому объединению. Кроме всего прочего, одним из важнейших топосов «славянской взаимности» есть указание на то, что немецкая речь звучит на славянских землях и лишь трава говорит по-славянски. Здесь же Безруч развивает этот образ, обращаясь к подземным звукам и силам. Чешский поэт перечисляет те местности, под которыми он копает, но по которым на поверхности земли ездят некие графы и графини. Тот факт, что описываются подземные муки чеха на немецко-чешско-польском пограничье, где даже Чешская Острава в истории чешской литературы в стихах, переведенных Бальмонтом, оказывается Оставой Польской. Это показывает всю сложность и трагизм славянских проблем в регионе.

Анализ стихов следующего героя антологии Карела Томана затрагивает одну из важнейших особенностей идейных споров, бушевавших и в Чехословакии, и в русской эмиграции: с одной стороны — это терпимое отношение к Советской власти, а с другой — забвение (по мнению и Бальмонта, и, как мы увидим позже, К. Крамаржа) роли России в даровании свободы ЧСР.

Читаем Бальмонта: «По тоске и надменности своей, слепой человек охотно поклонится несоразмерному, хотя бы безобразному, в лице человеческом. Разве не горит лампада у останков одного из наименее человеческих и разумных человеков, который был неверным итальянцем во французской раме и назывался Наполеоном? И не потому ли высоко-тонкий, идеально-чувствительный Поэт Бесприютных, чешский поэт Карел Томан может в правдиво-лживом явлении Большевиизма не видеть безграничной Дьявольской лжи — и об уродливом изверге, коего мумия богоухульно охраняется в Москве, может что-то несуразно бряцать на лире?» (ДЧ, с. 176).

Мы опускаем сравнение и поэтики Томана с Эдгаром По и Бодлером и обращаемся к анализу цикла о 12 месяцах славянского года. Одно из стихотворений вновь сравнивается со стихами Тютчева «Весенние воды», однако интересует и Бальмонта, и нас не это. Прервав свой перевод 12 месяцев на 5, на мае, Бальмонт приводит строки:

**Цепь братских рук спаяла хоровод,
Из песен их вспевает дружный дух
И говорит к отцам.
Затем что никогда воитель,
За плугом ли идет, кует ли меч железный,
Победы ль ищет, брата презреть — он не смеет! (ДЧ, с. 184)**

Бальмонт пишет: «Так как же такой чувствительный и чувствующий поэт, едва только его Родина стала вольной после столетий рабства, может повторить неосмотрительные слова о братьях, почти единокровных, о русских, играя именем самого лютого врага России и всех славян? Тут выявляется <...> причина, почему я не хочу перепевать все месяцы Томана. Он сказал, что никогда воитель, кует ли меч, идет ли в бой победный, не смеет презреть брата. Это — славянское слово. Мечом своим, или своих братьев, не без помощи и жутких жертв со стороны братьев русских, со стороны истинной, подлинной страдальческой России, свой Дом вернув, пусть же сладкозвучный поэт и не осмеливается говорить неосторожно о братьях, которые потеряли свой дом лишь потому, и затем, что жизнь, и кровь, и мысль, и все свое отдали на то, чтоб на чужбине выковать возрождение и воссоздание своего Дома» (ДЧ, с. 186).

На этой ноте заканчивается явно обращенная к Крамаржу и связанная с его идеологией антология чешской поэзии и начинается часть, так сказать, прозаическая. В книгу «Душа Чехии» включена статья Бальмонта об английском слависте Поле Сэльвере, чьими антологиями пользовался русский поэт. В статье «Англичанин о чехах и русских» Бальмонт сетует, что вновь русских учить славянские языки могут вынудить лишь английские и немецкие пе-

реводчики и ученые, а сами русские не стремятся изучать языки поляков или сербов с чехами. В этой статье вновь упоминается рядом со славянскими и «богатеиший литовский» язык.

Однако все время помнит Бальмонт и о том лишь раз мелькнувшем слове «арийское», которое мы отметили выше. Поиски древнейших корней славянства, кроме того, ведут не только к ариям, но и к глубинам индо-арийским. Поэтому неудивительно, что рассказ о книге Владимира Ванека «Моя военная Одиссея» Бальмонт начинает с рассказа о своих индийских встречах в Париже в 1926 г. Рассказывает Бальмонт и об индийском поэте Сураварди, который работал когда-то в театре Станиславского при постановке драм Рабиндраната Тагора. Именно этот индус познакомил Бальмонта с вице-консулом чешского посольства в Париже Владимиром Ванеком. Индийский поэт, влюбленный в Россию, как рассказывает Бальмонт, живет теперь в Париже потому, что любит Россию, а лишь в Париже можно общаться с ее духовными представителями, и с Ванеком Бальмонт встречался в связи с «изданием чешским правительством» его переводов Врхлицкого в Праге. Затем Бальмонт излагает жизненные перипетии Ванека, который прибыл в Россию с мечтой об Индии, а в итоге — вступил в русскую армию. «Ванек стал одним из бойцов чешской дружины, образовавшейся в России и соединившейся с волей России (ср. с названием пражского эмигрантского журнала. — Л. К., М. О.) — не допустить германскому деспотизму без конца топтать славянство и душисть дух вольности и независимости народов и отдельных людей» (ДЧ, с. 210).

Ванек оказался в труднейшей разведке по поручению русского поручика: «Юный чех, божий воин этот подвиг совершил, и после целого ряда лишений, превзойденных опасностей, сидения в тюрьме, после побежденных угроз, и не угроз, а вот — вот уже касания палаческой петли, и свистящих пуль, и неприятельских ядер, Ванек достиг родной Праги и тайным вестником чешского заговора свиделся с Крамаржем, а позднее с Масариком и с целым рядом выдающихся политических и общественных деятелей, построивших и зодчески скрепивших нынешнюю вольную Чехию, являющую среди славянских государств пример государства разумно делового и спокойно творческого» (ДЧ, с. 212).

В заключение этого раздела стоит коснуться двух, кроме К. Крамаржа, имен, упомянутых Маяковским в очерке «Ездил я так». Это, прежде всего, русский политический деятель и историк П. Н. Милюков и индийский поэт Рабиндранат Тагор. Напомним, что именно автографы этих двух деятелей находились в той тетради для автографов, которую подsunул Маяковскому для подписи некий чех. Внешне все как будто понятно: Милюкова не пустили в Польшу после турне по прибалтийским странам, а советского поэта Маяковского — пустили. Но это было в Польше. Что же касается Чехословакии, то там подобных проблем не было. Между тем именно имя Тагора, как мы только что видели, связывает между собой имена Масарика, Крамаржа и проблему издания томика переводов Бальмонта из Врхлицкого, а имя Милюкова является основным в историософских построениях Крамаржа (главного героя всех чешских очерков Маяковского) в его «Русском кризисе». Разумеется, мы не зна-

ем точно, что говорил в Праге Бальмонт и кого он упоминал, тем более нам не известно то, что мог знать от Бенеша, Масарика или кого-то еще Якобсон и что из этого стало известно Маяковскому; однако, зная то, что очерк «Ездил я так» начался с имени Бальмонта, продолжился именами Милюкова, Тагора, Бенеша и Крамаржа, мы можем, представляя себе, в числе прочего, и круг интересов Бальмонта, с достаточной долей вероятности предположить, что тетрадь с автографами Тагора и Милюкова, куда Маяковский вписал свой рецепт решения «Славянского вопроса», является точно выверенным художественно-публицистическим приемом, внятным посвященным.

Теперь для полноты картины остается сопоставить наш анализ подхода Бальмонта к идеологии славянского единства с подходом к этому вопросу самого Карла Крамаржа, высказанным в 1926–1927 гг.⁶⁷⁴

Книга К. Крамаржа «В защиту славянской политики» интересна тем, что она подводит итог многолетним попыткам политического решения проблемы славянского единства на протяжении десятилетий, с одной стороны, а делает это автор, сверяясь с почти вековой традицией идеологии такого единства, с другой. Наконец, если помнить, что идеология славянского единства зародилась в Чехии и что она была связана с проблемой передачи мессианского назначения от чехов к полякам и русским, то работа Крамаржа — руссофила и притом сторонника примирения поляков и русских — становится наиболее принципиальным недипломатическим из сегодня доступных нам документов, созданным одним из творцов этой политики. Поводом к написанию этого текста являются публичные выступления министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша.

П. Н. Милюков вспоминал: «Острая полемика между покойным Крамаржем, обвинившим своих противников в “неблагодарности, в оставлении старого, традиционного знамени, в потере дружбы и покровительства будущей восстановленной России” — и Бенешем, защищавшим точку зрения реальной политики и противопоставлявшим демократический идеал Масарика устаревшей панславистской идеологии, — эта знаменательная полемика остается памятником разногласий...»⁶⁷⁵.

Текст предисловия Крамаржа настолько важен, с одной стороны, и так четко коррелирует с текстами Бальмонта — с другой, что мы приводим его полностью:

«Пока это было возможно, я уклонялся от полемики с д-ром Бенешем, так как он — министр иностранных дел нашего молодого государства. Но его “Проблемы Славянской политики”, опубликованные в “Славянском Пшегледе”, являются таким резким нападением на наше традиционное понимание славянского вопроса и на славянские чувства народа, таким проявлением не свойственной чехам неблагодарности в оценке русской политики и, на-

⁶⁷⁴ Крамарж К. В защиту славянской политики. Прага, 1927.

⁶⁷⁵ Милюков П. Н. Мои встречи с Масариком // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. М., 2005. С. 194.

конец, таким высокомерным осуждением неославянства, передовым представителем которого был я, что мне дальше прямо невозможно оставаться пассивным. Славяне и остальной мир (д-р Бенеш свои взгляды на Славянство опубликовал и в парижском “Le monde Slave”, и в русских журналах) не должны, в интересах будущности нашей и всего Славянства, составить себе такое впечатление, будто *весь* наш народ оказался неверным тому, чем жил в течение столетий, и перестал верить тому, что было его надеждой и поддержкой в период неволи и что дало ему в решительный момент силу к сопротивлению и у себя дома и за границей, и будто *весь* народ наш забыл о русской решимости не допустить покорения и порабощения сербских Славян, будто он забыл о миллионах русских жизней, которые спасли Францию от рокового и решительного поражения и дали войскам союзников возможность продержаться до победного конца. Тем менее могу я молчать, что все это написал не частный писатель или журналист, но первый министр иностранных дел чехословацкого народа, в столь большой степени обязанного своим освобождением русской крови»⁶⁷⁶.

Книга К. Крамаржа начинается довольно обширным обзорным очерком, где анализируется соотношение идей Коллара — родоначальника идеи «славянской взаимности», представителя западного славянства — с позицией русских славянофилов XIX в. Глава «Старое славянство» начинается с места в карьер, будучи рассчитана, видимо, на профессиональных знатоков вопроса:

«Д-р Бенеш в своем исследовании, естественно, дает очерк развития славянской идеи. Уже здесь он старается все то, что делалось в России в отношении Славянства, представить в неблагоприятном свете по сравнению с тем, что делалось у западных Славян.

Для д-ра Бенеша Коллар — гораздо “больше европеец, философ и гуманист”, чем теоретики славянофильства в России, ибо кульминационной точкой его теории является гуманитарная идея, хотя это далеко не верно, — д-р Бенеш сам не может не видеть в русском славянофильстве Киреевского и Хомякова высокоэтического мессианизма; в сущности, и, в конечном счете, он признает за славянофилами наличие демократизма, который он считает верхом всякого совершенства.

Но при этом он забывает <...> о коренном различии между психикой русских и западных Славян в вопросах практически осуществимой славянской политики» (ЗСП, с. 9).

Это и есть основной пункт разногласий. Указывая, что русские были всегда свободны, что они победили Наполеона и т.д., Крамарж говорит о том, что русским никогда ничего не было надо от западных славян, в отличие от надежды последних на русских в мечтах об освобождении. При этом русский религиозный мессианизм оценивается Крамаржем очень по-чешски:

⁶⁷⁶ Там же. С. 7. В дальнейшем ссылки на книгу Крамаржа «В защиту Славянской Политики» будут даваться в виде ЗСП.

«Русский мессианизм психологически должен был быть укреплен положением России в Священном Союзе, и русские славянофилы естественно верили, что несут спасение миру и особенно Славянству, принося свою религию сердца и чувства, не искаженную ни критицизмом Запада, каким он вышел из реформации, ни новыми жизненными условиями, которые выросли на Западе из капиталистического индустриализма» (ЗСП, с. 9).

Крамарж утверждает, что русские славянофилы не заботились «о политическом влиянии православия» и что русским не было надо от западных славян ни физической, ни моральной помощи. Крамарж продолжает рассуждать о Колларе: «С другой стороны, Коллар был сыном порабощенного народа. Для него славянство было моральной опорой, верой в будущность и потому политическим фактором; он не смел, не мог открыто и ясно этого признать, так как славянское движение уже в самом начале возбуждало опасения и Немцев, и Мадьяр, что в случае усиления Славян, благодаря славянскому самосознанию, германизация и мадьяризация их окажется не столь действенной, какой была до того, причем эти опасения переходили в страх перед агрессивностью Славян и — главное — в беспокойство за целостность Австрии, угнетательницы Славян; вот почему западные славяне не придавали такого значения гуманитарному моменту, как последнему слову славянского развития...» (ЗСП, с. 10).

Упоминает Крамарж — вслед за Бенешем — и о том, что Погодин, побывав в Чехии, ознакомил с идеями Коллара графа Уварова, автора формулы «самодержавие, православие и народность», однако продолжает утверждать, что в кругах русских славянофилов не было желавших объединения славян под русской властью, а Н. Я. Данилевский и Р. А. Фадеев предлагали либо федерацию, либо союз славянских народов, с русским языком лишь для общеславянского общения. Формула же Уварова была важна, по мнению Крамаржа, скорее для внутреннего, чем для внешнего употребления. Радикализация взглядов русских мыслителей (М. Н. Каткова и др.) произошла после Польского восстания 1863 г., когда расположенные к Польше русские деятели резко сменили вехи. Затем Крамарж отмечает, что русификаторские тенденции, возникшие в Польше, были перенесены русской властью на другие окраины. Однако далеко не всегда это было связано с идеями православного царства. Так, указывает Крамарж, конфликт с Болгарией после ее освобождения возник вовсе не из-за православия: Болгария — православная страна. Никто также не говорил о русификации Сербии.

Наконец, для Крамаржа неприемлемо приравнивание панславизма к пангерманизму, потому что пангерманизм предусматривал угнетение негерманских народов, а панславизм — нет.

Разумеется, как и всегда, на пути славянского единства и в теории, и на практике встает польский вопрос: «Если исключить русско-польский спор (хотя даже один из немногих русских панславистских писателей, Фадеев, требовал свободы для Поляков), то окажется, что Славяне, которые мечтали об объединении Славянства, никогда не допускали и мысли о притеснении

неславянских народов и, поэтому, не заслужили того, чтобы чех (Э. Бенеш. — Л. К., М. О.) мог усомниться в этичности их суждений» (ЗСП, с. 12–13).

В ответ на обвинения Бенешем панславизма в экспансионистских устремлениях Крамарж формулирует собственное понимание этого феномена, но, как кажется, в форме идеологии славянского единства: «Содержание и смысл панславизма никогда не были установлены авторитетно и ясно, ибо — д-р Бенеш это признает — сочинения Данилевского, Фадеева и Леонтьева были делом частных лиц, которое никогда и нигде не получило официальной санкции. Ни со стороны государства, ни со стороны какой-либо авторитетной корпорации. Русский государственный “панславизм” был не чем иным, как обычной немецкой и мадьярской клеветой и существовал лишь в фантазии наших врагов, и потому ему трудно было умереть». Здесь содержится ответ Бенешу на его замечание, что министр считает панславизм мертвым (ЗСП, с. 13).

Крамарж продолжает: «Мы, впрочем, всегда протестовали против злоупотребления словом “панславизм”, при каждой, малейшей попытке к сближению между Славянами, и особенно мы не желаем быть на одной линии с пангерманизмом, который для нас означает насилие и угнетение нашего народа и других Славян, живущих на путях к Ближнему Востоку».

Здесь явно слышится отголоски неудавшегося проекта по строительству черноморской железной дороги через Турцию на Ближний Восток, которое планировалось в период, близкий к Славянскому съезду 1908 г. Эта дорога должна была стать препятствием (при участии Австрии) германской экспансии на Ближнем Востоке. Однако всю картину европейской политики изменил выстрел в Сараево.

Поэтому неудивительно и заключение этой тирады Крамаржа: «Славянство, по-нашему, никогда не преследовало агрессивных целей, даже если представлять его политически. Оно было для нас охраной против германизма и мадьяризма и — главное — обеспечением европейского мира». Обратим внимание на то, что Крамарж настойчиво избегает называть Австро-Венгрию с использованием первого топонима. Ведь существенной частью его политики неославизма было сложное взаимодействие и борьба с т. н. австрославизмом.

В самом начале полемики с д-ром Бенешем в своей книге, которая представляет собой жесткий и сжатый манифест политического неославянства по состоянию на 1926–1927 гг., Крамарж касается и сложнейших вопросов славянской политики «внутри» славянских народов.

Крамарж стремится выявить отличие своей позиции от позиции официальной ЧСР, т. е. пожизненного президента республики Масарика и министра иностранных дел страны Бенеша. Оставляя в стороне вопросы истории, на которых останавливается Крамарж, цитируем изложение его собственной позиции: «Мы в украинском движении в Галиции всегда видели величайшую угрозу для Славянства, потому что ни для кого не было секретом, что это движение поддерживалось сначала Поляками, а потом Немцами из Вены и из Берлина — в целях разрушения единства России, т. е. во вред Славянства. Д-р Бенеш очень усиленно подчеркивает, что и профессор Масарик шел путем, уклоняющимся

от нашего. Это — правда, так как его органы, и он сам относятся очень благо-склонно к украинству. Мы видим и теперь, что наша официальная политика прямо балует украинцев, заклятых врагов России, и этим, к сожалению, очень осложняет наши отношения с будущей России. <...> Между прочим, эта наша официальная украинская политика весьма скверно отражается на наших отношениях к Словакам и на нашей текущей политике; мы любим словацкий язык и охотно отстаиваем все права Словаков, но мы хотим слияния двух ветвей объединенного народа и политического единства, т. е. стремимся совсем не к тому, чего хотят Украинцы, сепаратизм которых направлен определенно против России» (ЗСП, с. 15)⁶⁷⁷.

О том, как Крамарж понимает отношения ЧСР и будущей России, мы будем говорить позже, также и о том, какая Россия имеется им в виду в 1927 г. А сейчас мы затронем вопрос, который затронул Крамарж, однако которого не коснулись ни Бальмонт, ни Маяковский. Это украинско-словацкие взаимоотношения, в частности в языковой сфере.

Книга Эренбурга, как мы уже видели из ее сравнения с очерками Маяковского, требует серьезного учета. К анализу «Визы времени» мы обратимся специально, пока же обращаем внимание на то, что советский автор занимает четкую антиукраинско-самостийную позицию, однако Карпатскую Русь считает частью (пусть будущей, но естественной) Советской Украины и, следовательно, частью России в понимании любого европейского политика. Кроме всего прочего, Эренбург, выступая за присоединение Пряшевской Руси к СССР, вовсе не выступает за Чехословакию. Он говорит об особом пути Словакии после чаемого воссоединения русинов с Советской Россией⁶⁷⁸. Понятно, что такая позиция противостоит уже и Якобсону, и Бенешу, и Крамаржу.

Теперь можно с уверенностью сказать, что, говоря о будущей России, Крамарж менее всего имеет в виду Россию сталинскую. Тем более что главной своей заслугой Крамарж считал тот момент, когда «чехи в Москве (в 1908 г. — Л. К., М. О.) защищали свои взгляды на славянство и на отношения русских к полякам, хотя мужественно и безуспешно, а вот в Праге русские и поляки подали друг другу руку!» (ЗСП, с. 17).

Понятно, что в 1926–1927 гг. Крамарж должен был больше оправдываться за политическую деятельность, чем проводить реальную политику. Однако он привел ряд важных аргументов в пользу того, что переход славянского движения в руки правых был связан с радикализмом и космополитизмом русских левых. Это, по его мнению, привело к искажению всей реальной картины славянской политики. Понятно, что правый политик, которого обвиняли даже в фашизме, старался продемонстрировать свой либерализм и даже

⁶⁷⁷ Ср. информативную статью о позиции российских дипломатов по этому вопросу от рубежа веков до Первой мировой войны: *Клопова М.* Украинское движение Австро-Венгрии в оценке российских дипломатов // *Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 164–174.* Эти материалы особенно интересны, так как Крамарж подробно излагает собственную дипломатическую деятельность в этот период.

⁶⁷⁸ *Эренбург И.* Любовь не вчуже // *Эренбург И.* Виза времени. С. 244.

демократизм, но, разумеется, не социализм. Мы говорим это, помня о том, как реагировал на Крамаржа хотя бы Маяковский. И еще одна деталь не может не привлечь к себе наше внимание. Крамарж несколько раз упоминает важные переговоры по славянскому вопросу, которые он вел у себя на даче в Крыму. Поэтому довольно откровенно пробенешевская интонация материалов, предоставленных Маяковскому Якобсоном и использованная автором резко антикрамаржевских очерков в официальных советских газетах, выглядит как продуманный дипломатический выпад как раз на фоне того, о чем пишет Крамарж в интересующий нас период.

Роль славянской идеи в сохранении России от революции повторяется Крамаржем постоянно: Бенеш «постоянно вспоминает о пометке, сделанной царем Николаем I в начале пятидесятых годов на полях доклада Ивана Аксакова по славянскому вопросу: “Если бы силой обстоятельств действительно осуществилось объединение Славян, это привело бы к гибели России”». Д-р Бенеш узнал об этой пометке из одной реляции австрийского посланника в Петрограде, и она явилась для него, при его исполненном любви отношении к России, весьма приятным открытием. В пятидесятых годах! И это должно сохранить силу и для конца 19-го столетия, когда большая часть русской интеллигенции была уже революционной и анархо-социалистической и когда славянская идея, наоборот, могла бы вносить положительный элемент в жизнь русского народа, а не разложение, которого боялся представитель Священного Союза, Николай II» (ЗСП, с. 58).

Крамарж не приемлет идею Бенеша, будто славянское движение как направление колларовского романтизма возможно лишь до тех пор, пока чехи и словаки не стали независимыми. Причем Бенеш выдвигает идею необходимости социалистической критики прежней славянской теории. Крамарж не допускает возможности смотреть на Россию критически именно тогда, когда она ослабла (ЗСП, с. 63, 69).

Не забывает Крамарж и русских эмигрантов. Возражая Бенешу, который считал участие России в войне лишь экспансионистским проектом, лидер неославистов пишет: «...заявление г-на Бенеша о территориальных целях России представляется не только безусловно беспочвенным обвинением русской политики, но и скверной попыткой отнять всю моральную цену у решения России — не допустить уничтожения самостоятельного братского сербского народа. Этим способом Бенеш хочет избавиться от всякой обязанности быть благодарным. Это представляется тем более легким, что люди, которые в свое время верностью своей Славянству втянули Россию в войну, теперь являются бедными эмигрантами и относительно их влиятельному министру освобожденного государства дозволено все, на что он бы ни решился, если бы вместо республики советов была... Россия» (ЗСП, с. 72).

Понятно, что подобные рассуждения ведут к обоснованию невозможности для Крамаржа официального признания Советской России Чехословакией: «И вот теперь, когда мы видим ужасные страдания русского народа, видим развал, который несет миру большевизм, когда мы слышим, как говорит министр

нашего освобожденного славянского народа о самом героическом моменте русской истории, о безмерных жертвах России, принесенных ею вопреки собственным интересам, во имя славянской идеи и исполнения миссии, вытекающей из нее для России, когда мы слышим, что и в Сербии, для которой Россия принесла в жертву себя и миллионы своих людей, некоторые циничные, безнравственные политики заводят речь о признании советского правительства, то не было бы, воистину, удивительным, если бы стали говорить о том, что Россия должна была ждать, пока *она* сама не приготовится, и только после этого могла окончательно решать *все* вопросы. В этом случае война не продолжалась бы четыре года и все, *также и мы*, могли бы к ней приготовиться, ибо после покорения Сербии каждый бы знал, что война неизбежна; Россия не должна была бы за выполнение своего нравственного долга в отношении Славянства заплатить своей собственной гибелью.» (ЗСП, с. 72–73).

Таковы причины, по которым Крамарж не считал возможным признание СССР. Понятно, что для политика такого масштаба дача, столь важная для Маяковского, не могла быть причиной занятия подобной позиции.

Необходимо прокомментировать и еще одну деталь: в стихотворении Маяковского «Славянский вопрос-то решается просто» — кроме «дачи в Крыму» — Крамарж упоминается в эпиграфе к стихотворению, где его партия названа партией фашистов. Понятно, что Крамарж себя так никогда не называл, однако симпатии к итальянскому фашизму ему были свойственны: «Между тем д-р Бенеш умеет иногда показать характер и в отношении иностранцев, только, к сожалению, не там, где это нужно. Мы видели это в деле наших социалистических лидеров, когда они позволили себе выпады против фашистской Италии. В этом случае д-р Бенеш очень мало торопился заверить Италию в том, что высказанные этими лидерами взгляды ни по форме, ни по содержанию не соответствуют намерениям нашего министерства иностранных дел, и этот недостаток нашего внешнего положения пришлось исправлять в порядке очень демонстративного пожалования соответствующим лицам наших орденов» (ЗСП, с. 104).

Маяковский и здесь продемонстрировал знакомство с ситуацией. Вспомним еще раз о сотрудниках советского постпредства, включая сюда и Р.О. Якобсона. Надо отметить, что некоторые политические взгляды Якобсона парадоксальным образом совпадали не столько с взглядами круга Бенеша или Масарика, сколько — с взглядами Крамаржа. Так, Н. Автономова и М. Гаспаров точно указали в статье под характерным названием «Якобсон, славистика и евразийство» направление политической мысли великого лингвиста, а автор статьи о его дипломатической деятельности в Чехии М.Ю. Сорокина обобщила их совершенно верный вывод в следующих словах: «Советский космополит» Роман Якобсон был одним из ревностных сторонников идеи славянского культурного (и далеко не только. — Л. К., М. О.) единства. Его главная политическая тенденция 1920-х, по выражению Н. Автономовой и М. Гаспарова, — «донести до советских властей предложение укреп-

лять свои международные позиции в Восточной Европе, а не в Китае”, совпадала с вектором разнонаправленных сил международной политики»⁶⁷⁹.

Интересно сопоставить это мнение с тем, что, в противовес Бенешу, пишет Карел Крамарж, обсуждая как раз альтернативу «славянское единство — евразийство». Чтобы оценить позицию Бенеша во всей полноте и связи с проблемой признания правительства большевиков, мы процитируем его высказывания в достаточно широком контексте. Тем более это интересно на фоне попыток Якобсона объединить как-то единение славян с евразийством.

По словам оппонента, Бенеш «не хочет, чтобы Россия в отношении Славян играла роль покровителя. Польша, мы и балканские Славяне освобождены навсегда, Россия нам больше не нужна и потому “представление о России, как о покровительнице Славян, окончательно отпадает”. Нам, дескать, этого не нужно, даже принимая во внимание Германию, по тому необычайному соображению, что Россия теперь перестала быть соседом Германии. <...> Для того, чтобы вполне себя обезопасить против всякого помышления о подобном русском протекторате, д-р Бенеш во что бы то ни стало хочет отодвинуть Россию в Азию, и в этом отношении всякий аргумент кажется ему пригодным. Вот что он решает заявить: “после создания Польши, укрепления положения в Средней Европе (Румыния, Венгрия, Чехословакия) и разрешения балканских вопросов, для России навсегда закрыт путь на запад”. Словно Россия когда-нибудь имела агрессивные намерения в отношении названных стран!»

После этих рассуждений Крамарж переходит к обсуждению проблемы «славянство-евразийство», которая нас интересует: «Теперь возьмем советское правительство. По мнению д-ра Бенеша, азиатская политика последнего больше согласуется с интересами России и всего света, чем прежняя, и он ее одобряет, так как она менее опасна для европейского мира. Даже удивительно, как мало д-р Бенеш понимает, к чему советское правительство стремится в Азии. Он не понимает, что большевиков интересует не величие России, а проведение обманного плана — нанести решительный удар европейским державам, особенно Англии, ударить по самому больному ее месту для того, чтобы вызвать переворот в метрополии, в силу которого Англия лишится в лице азиатских колоний исторического рынка для сбыта» (ЗСП, с. 106–107).

Таким образом, позиция Якобсона, выраженная им открыто в 1929 г., практически совпадала с тем, что предлагал Крамарж. Кроме, разумеется, крайнего антисоветизма и антиевразийства последнего: «Д-р Бенеш просто желал бы подобно *евразийским фантазерам* (курсив наш. — Л. К., М. О.) или подобно Германии и Австрии, чтобы Россия оставила неблагодарную Европу и превратилась бы просто в азиатскую державу, не мешала бы европейцам, как д-р Бенеш и ему подобные, делать панъевропейскую или средне-европейскую политику и отучила бы нас и других Славян видеть в ней нечто большее, чем народ, который может вспомнить о Славянстве лишь тогда, когда это будет нужно для его собственных политических видов».

⁶⁷⁹ Сорокина М. Ю. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый». С. 120.

Надо отметить, что эти слова, рассмотренные в контексте тогдашней деятельности Маяковского и ЛЕФа вместе с известной нам частью переписки Якобсона с Н. С. Трубецким, позволят увидеть ситуацию более объемно. Достаточно вспомнить, что в это самое время О. Брик пишет киносценарий «Потомок Чингисхана», связанный с проблемой получения Кремлем грамоты на владение Монголией, а Маяковский по идее В. Горожанина пишет сценарий несостоявшегося фильма «Инженер Д'Арси», где описывалась борьба Англии и США в 1901 (!) году за Персидские нефтяные поля. «Инженер Д'Арси» — это основатель компании «Бритиш Петролеум», что интересно коррелирует с суждениями Крамаржа.

Что касается Якобсона, то Н. С. Трубецкой подробно разъяснял ему в письмах цели и задачи евразийства и, среди прочего, радовался тому факту, что — вопреки марксистским схемам — мировая революция не перешла в Германию, а Россия стала центром. Таким образом, Россия не оказалась жалкой провинцией германского мира и сохранила свое монголо-туранское состояние⁶⁸⁰.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в это время развивается история с чекистской «Операцией Трест» и, соответственно, в повременных газетах печатаются многочисленные репортажи В. В. Шульгина о ситуации в Советской России, с одной стороны, а с другой — эмигрантская русская печать уделяет существенное внимание проблеме т. н. «хулиганства» в молодежных кругах тогдашней Советской России. Без учета этого невозможно понять стихи Маяковского «В мировом масштабе» (1926):

**Пора
на очередь
поставить вопрос
о делах
мандаринства и панства.
Рабочие мира,
прекратите рост
международного хулиганства!**

Невозможно понять и то, что пишет Крамарж, оценивая ситуацию в Советской России 1926–1927 гг. Говоря о невозможности признания существующего советского режима, Крамарж обращается к оценке исторической ситуации у Бенеша: «И совсем обнажая свое нутро, д-р Бенеш присовокупил несколько заявлений о своем отношении к большевикам, чтобы, как он пояснил, быть справедливым к старому режиму и к советскому: “На старом режиме, — заявляет он, — лежит большая ответственность, чем на большевизме, так как Ленина создал царь и так как большевизм сделался возможным по вине царизма”. Вот такова справедливость г-на Бенеша! Независимо от того, что самая большая вина лежит на “бескровной” революции, которая в своем отношении

⁶⁸⁰ Подробнее см. соответствующие разделы книги: *Кацис Л.* Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи.

к свободе, как какому-то фетишу, явилась прямо карикатурой на власть, сознающую свою ответственность во время войны, нельзя не отметить эту трогательную предупредительность: у д-ра Бенеша не оказалось ни единого слова осуждения за большевистские зверства, за экономическое разрушение России и разорение большей части ее населения. Д-р Бенеш идет так далеко, что объявляет нашей целью “вступить с теперешней Россией в сношения и подготовить почву для идеи славянского сотрудничества”. Стало быть, нам предстоит распространять славянскую идею, осквернив ее признанием палачей русской интеллигенции и убийц неповинных, мирных русских граждан, и пропагандировать эту идею среди коммунистов-интернационалистов! Трудно даже себе представить, как можно еще больше дискредитировать славянскую идею на вечные времена!» (ЗСП, с. 107–108).

Мы видим, что Маяковскому не оставалось ничего, кроме его предложения решать славянский вопрос при помощи «единства рабочих и никаких прочих». Что же касается Бальмонта, то (вспомнив пассажи о признании большевиков) нет никаких сомнений, что его тексты были прямо ориентированы на взгляды Крамаржа.

Наконец, из того факта, что книга Крамаржа пишется в 1926–1927 гг. и связана с информацией из России, следует, что два следующих абзаца являющиеся в этом смысле определяющими:

«Д-р Бенеш полагает, что большевики воспитали новое поколение, и вот в нем он не хотел бы создавать впечатления, будто Славяне недружелюбно относятся к теперешней России. <...>

В России подрастают две разновидности молодого поколения: “комсомольцы” и антибольшевики. Комсомольцы так морально развращены, что сами большевики теряются перед их “деяниями”, и если среди них д-р. Бенеш желает распространять славянские идеи, то я его наперед поздравляю с успехом: это самые отчаянные хулиганы. Но рядом с этой, физически и морально испорченной частью молодежи есть другая, о которой можно сказать, что она является здоровым, сильным ядром подлинно новой России. Она смертельно ненавидит большевиков, и ей, по логике вещей, принадлежит будущее» (ЗСП, с. 108–109).

Нет никаких сомнений, что перед нами след «Операции Трест». Недаром на книге Крамаржа мы находим рекламу работы Вл. Лазаревского «Россия и чехословацкое возрождение», предисловие к которой написано В. В. Шульгиным — главной жертвой «Операции». Это лишний раз подчеркивает актуальность текстов Маяковского. Другое дело, как сегодня мы оцениваем теории двух политиков и реакцию на них в советской России. В любом случае, политические подтексты в 1926–1927 гг. явно превалировали над литературными.

В оставшейся части книги Крамарж неоднократно возвращается к прогнозам о будущем России и поясняет, что будущее страны может быть правильно организовано лишь людьми из эмиграции, сохранившими настоящее чувство России. Это касается ситуации 1926–1927 гг. Однако в главе «Будущее

Славянства» Крамарж затрагивает и обсуждение роли корпуса т.н. бело-чехов в русской революции.

Он пишет: «...в России, при неизмеримо меньших жертвах, наше войско играло свою особую, исключительную роль, и, действительно, больше, чем вся наша дипломатия за границей, помогло завоевать нашу независимость. <...> И прямо трагическим для всего будущего нашего народа и всего Славянства является то, что наше войско не пошло дальше в самостоятельности своих решений, что оно дало себя уговорить, будто большевизм — это внутреннее дело, в которое нам не следует вмешиваться, и не освободило Россию от ее тирании» (ЗСП, с. 112). Это рифмуется с тем, как Бальмонт восхищался чехами, которые во время гражданской войны в России «бились за себя и за своих братьев, русских, и потом, в безмерных пределах России, охваченной от края до края дьявольским красным пожаром, бились, далеко от родной своей Чехии, за себя и за Чехию» (ДЧ, с. 233), и это — ответ на «Мировую революцию» Масарика⁶⁸¹. Того самого Масарика, который еще в 1918 г. не был против признания Советов. Подробное изучение противоречий между Масариком — Бенешем и Крамаржем скорее касается политической истории.

Таким оказался политико-литературный или литературно-политический контекст как поездок Маяковского в славянские страны в 1927 г., так и мотивов его противостояния с Бальмонтом. В свою очередь, без подробного анализа сложнейших славянских взаимоотношений, имевших место в середине и второй половине 1920-х гг., невозможно понять место новонайденной книги переводов Бальмонта из чешских поэтов.

2.

Национальный вопрос был для Чехословакии весьма актуален. П. Б. Струве назвал Масарика «примирителем национальностей»⁶⁸². Давний оппонент Струве — П. Н. Милуков — отмечал, что Масарик «поставил и осуществил как коренную государственную задачу слияние чехов со словаками в одно государство. Дальше стоял карпато-русский вопрос, совпадавший для Масарика с украинским»⁶⁸³.

Как уже указывалось, К. Крамарж — в полемике с Э. Бенешем — обсуждал украинский вопрос, сосредоточившись на словацко-украинских противоречиях (ЗСП, с. 15). У нас есть замечательный литературно-политический документ, позволяющий неожиданно осмыслить украинско-словацкие вза-

⁶⁸¹ См. резкую критику книги «Мировая революция» непримиримым русским эмигрантом: *Мельгунов С. П.* Чешский патриот о войне и русской революции // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства.

⁶⁸² *Струве П. Б.* 80-летие Т. Г. Масарика // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. С. 213.

⁶⁸³ *Милуков П. Н.* Указ. соч. С. 198.

имоотношения того времени, в частности — в языковой сфере. Это — снова книга И. Г. Эренбурга «Виза времени».

Цитируем Эренбурга: «Местные газеты переполнены известиями о жизни СССР. Это не страсть вчуже, это духовный оплот. Словаки твердо помнят, что мы — их естественные соседи. Всякому ясно, что Подкарпатская Русь рано или поздно отойдет туда, куда она хочет и должна отойти. Между нею и Советским Союзом — только узкая полоска Западной Украины. Тогда то государство, о котором деда слагали песни, похожие на сон, и о которых теперь пишут в газетных передовицах, как о баснословном Яношике, окажется рядом, под боком. Так будут уравновешены различные влияния, а Словакия сможет идти своим путем: ведь дерево, обдуваемое встречными ветрами, не гнется к земле, но растет вверх»⁶⁸⁴.

Крамарж в упоминавшейся главе «Будущее Славянства» затрагивает тот же карпатско-украинский вопрос. Характеризуя прозападническую и неславянскую (по мнению автора книги) позицию Бенеша, который путем открытия в Праге советской торговой миссии (той самой, с которой сотрудничал Якобсон) «открыл большевикам путь в Западную Европу», Крамарж продолжает: «Эта западническая ориентация является даже причиной того, что мы демонстративно поддерживаем украинцев и, стало быть, их сепаратизм. Д-р Бенеш не в состоянии отразить тот аргумент, что русский народ является самым многочисленным среди Славян и что этот факт не может остаться без определенного влияния на роль России в Славянстве. Поэтому д-р Бенеш во что бы то ни стало стремится к уменьшению России, поэтому он ровно ничего не имеет против украинского сепаратизма, хотя последний является открыто и страстно враждебным России» (ЗСП, с. 113).

Крамарж возмущается тем, что чешские власти закрыли русский педагогический институт, однако оставили украинский университет и финансируют его. Его интересуют проблемы глобальной политики, в частности выход России к Черному морю, которым СССР на тот момент обладал, однако которого мог теоретически лишиться из-за претензий украинцев (ЗСП, с. 113). Все выводы Крамаржа делаются относительно той новой России без большевиков, которую он провидит в самое ближайшее время. В сущности, разница между позициями Масарика – Бенеша и Крамаржа заключается в том, что правительство готово признать реалии современного мира, в частности — СССР, а Крамарж размышляет «поверх СССР», если воспользоваться образом Маяковского «поверх Варшавы».

При этом Крамарж уверен, что «Россия (не большевистская, конечно. — Л. К., М. О.) никогда бы не посягнула на Подкарпатскую Русь, между тем как Украинцы, которые уже теперь на открытках рисуют великую Украину со включением нашей Подкарпатской Руси и вплоть до Тихого океана, не будут колебаться объявить своим то, что принадлежит нам. Тем более что и мы сами, в сущности, подготовляем такое решение вопроса своим противодействием

⁶⁸⁴ Эренбург И. Любовь не вчуже // Эренбург И. Виза времени. С. 244.

великорусскому языку и своей внутренней политикой в Подкарпатской Руси» (ЗСП, с. 113).

Чтобы осознать, каким виделся этот край в 1926–1928 гг. несоветско-советскому путешественнику И.Г. Эренбургу, проследим, как он проехал «по чехам, по словакам» и что он услышал там относительно «племени славянского».

Эренбург не старается найти что-то новое для описания Праги или даже Братиславы. Столица Словакии для него экзотический город, граничащий с деревнями разных племен бывшей империи. В столице Словакии самих словаков не более двадцати процентов, а чехи учат жителей союзной части нового государства управлению и всему остальному. Описывает Эренбург и чисто этнографические особенности Словакии. Однако все это — в отличие от описания Польши с ее Варшавой или Берлина — производит довольно обыденное впечатление. Обсуждая проблемы жизни в поственгерской Словакии, Эренбург впервые касается проблемы Карпат в связи с местными евреями: «Сначала все евреи говорили по-немецки, но здесь-то началась мадьяризация. Будапешт — большой город, столица. Делать нечего, отцы, говорившие по-немецки, стали посылать своих детей в мадьярские школы. <...> Так выросло поколение, говорившее по-мадьярски. Кажется, на этом можно было успокоиться, но началась война, а в итоге появилась какая-то “чехо-словакия”. Вначале евреи недоверчиво усмехались: “Посмотрим, насколько это...” Выяснилось, что надолго. Тогда стал вопрос — какому же языку теперь учиться? Прага — столица, большой город. Где только возможно, будь то Словакия или Подкарпатская Русь, евреи посылают своих детей в чешские школы»⁶⁸⁵.

Картина, нарисованная Эренбургом для евреев, куда более актуальна для русинов, для которых, в отличие от потомков Рэби Акибы, язык — это вопрос не только национального самоопределения, но и политической лояльности (Австро-Венгрии, Чехословакии или России с Польшей). А вопрос этот непрост и зачастую кровав.

В главке «Пряшевская Русь» Эренбург так оценивает ситуацию с русскими в Словакии:

«О существовании Подкарпатской (или Угорской) Руси в России, хотя смутно, да знают, но вот уж, наверное, никто не подозревает, что существует какая-то Пряшевская Русь, которая упорно отстаивает свои права на русский язык. Это — горная область восточной Словакии, узкая полоска скудной земли, на которую мало кто зарится. Русских давно уже вытеснили с равнины, остались они только в “верховине”, то есть в горах.

Эти люди на вопрос: “кто они?”, отвечают — “Мы русские”, говорят они на смеси русского, украинского, белорусского, мадьярского и словацкого. Поняв, что, называясь в переписи словаками, они теряют право на преподавание русского языка в школах. Пряшевцы собираются добиваться преподавания по-русски».

⁶⁸⁵ Эренбург И. Корчма и рэби Акиба // Эренбург И. Виза времени. С. 235–236.

Здесь-то Эренбург и замечает, что новообретшие государственность словаки считают не так:

«Словацкий администратор пожимал плечами:

— Русские? Здесь нет никаких русских. Это просто словаки греко-католического вероисповедания, которые говорят на местном говоре»⁶⁸⁶.

Поразительно, как близки суждения Крамаржа на притеснения чехами словацкого языка в новой ЧСР тому, что пишет Эренбург о ситуации в Словакии с русинами:

«Вопрос о Пряшевской Руси уж по своему масштабу никак не может стать предметом “высокой политики”. <...> Но кто же лучше словаков знает, что такое национальный гнет? Их давили и немцы, и мадьяры. Теперь они узнали вежливый, задумчивый “прижим” чехов. <...> При случае и словаки не прочь заняться тем же».

Такова непростая реальность русинского региона. В прошлом, рассказывает Эренбург, Пряшев был духовной столицей Подкарпатской Руси. Здесь значались тайные совещания, печатались русские книги и журналы, а теперь «новая произвольная граница отделила “словацкий” Пряшев от якобы автономной Подкарпатской Руси. <...> Приверженность крестьян к религии здесь в сильной степени продиктована национальным вопросом. Православное, да и униатское духовенство отстаивало русский язык. В противовес судье, жандарму, зачастую и учителю — поп был “своим”, “русским человеком”. Что станет с пряшевчанами? Сохранят ли они свой язык до того часа, когда Подкарпатская Русь получит возможность распоряжаться своей судьбой? Или словакам удасться то, что не удалось немцам и мадьярам?..»

Отношение Эренбурга к Прикарпатской Руси, несомненно, носит характер политический. Недаром он, упоминая о многотысячных братских могилах русских воинов, пишет: «Эти братские могилы как бы предостерегают. Дело ведь не только в империализме Санкт-Петербурга или Вены. “Москва”, “Россия”, “СССР” — эти слова определяют и акафисты, и изобретательные (избирательные?) бюллетени, и шепот молодых парней в летние грозовые вечера. Великое дело — родной язык, но, может быть, человеческая жизнь еще выше?»⁶⁸⁷.

Читая книгу Крамаржа, мы видели, что тогдашнему руководству ЧСР романтическая русофилия бывшего лидера неославизма оказалась чужда. Не вступая в спор с реальными политиками, Эренбург формулирует идею специфической словацкой русофилии: «На культуре России воспитывалась вся словацкая интеллигенция прошлого века. <...> каталоги библиотек, где русские писатели — на первом месте, и все романтическое, слегка наивное, слегка подслеповатое русофильство стариков, безотносительно развития и положения: старых политиков, старых учителей, старых бачей».

Так и хочется среди этих словацких «старых политиков» встретить чеха К. Крамаржа, имя которого, кстати, Эренбург не упоминает, в отличие,

⁶⁸⁶ Эренбург И. Подкарпатская Русь // Эренбург И. Виза времени. С. 242–243.

⁶⁸⁷ Там же. С. 244–245.

например, от мимолетного упоминания Бенеша. Забавно, как слова Эренбурга о Словакии практически повторяют то, что Якобсон писал о Чехии. Похоже, что перед нами писательский вариант лоббирования чехословацкой модели, с одной стороны, и чешской и словацкой — с другой. Не исключено, что Якобсон и Эренбург ориентировались на представителей различных группировок в тогдашней советской верхушке.

Эренбург вовсе не являлся сторонником Чехословакии, он за свободное развитие Словакии. Однако лишь в том случае, когда вся Прикарпатская Русь отойдет, минуя полосу Западной Украины, которая окажется Советской. Тогда две половины Карпатской Руси — включая, естественно, Пряшевскую — окажутся соединенными, даже через границу свободной Словакии с ее русофильством.

Еще острее и содержательнее специальная глава очерков Эренбурга «Подкарпатская Русь». В тексте Эренбурга нет прямых ссылок на разговоры с сотрудниками советского постпредства, однако практически нет сомнения, что, как и в случае со «славянскими» текстами Маяковского, книга Эренбурга напоминает политический манифест.

Кстати, этнограф и фольклорист П. Г. Богатырев, очень близкий Р. О. Якобсону, профессионально занимался Подкарпатской Русью, и его наблюдения о русинах, вкрапленные в научные статьи, удивительно напоминают суждения Эренбурга.

Например, в 1931 г. Богатырев опубликовал в Праге статью «Задачи этнографа в Подкарпатской Руси», где, в частности, писал: «Мы указали на региональную отчужденность в Подкарпатской Руси внутри одного народа, между двумя различными этнографическими группами карпатороссов. Перед исследователем стоит задание не только углубить исследование взаимоотношения и взаимоотноотталкивания этих двух групп, но и расширить свои наблюдения над взаимоотношениями между разными народами, населяющими Подкарпатскую Русь: карпаторуссами, словаками, немцами, мадьярами, евреями и цыганами. Изучить, насколько сильную роль в этом отталкивании играют такие факторы, как различие языка, религии, различия в costume и т. д.»⁶⁸⁸. Равным образом, Богатырев обратил внимание на особый смысл, который вкладывали в этноним «русский» (с одним «с») его информаторы-карпатороссы⁶⁸⁹. Вот как сформулировал это один «крестьянин»: «Ведь ты русский, значит в Бога веруешь». А другой заметил: «Так сам Бог сотворил, чтобы в лавке продавал либо жид, либо разумный человек, а руському не следует торговать». Комментируя эти данные, этнограф заключает: «Да, в понятие “русский человек” вкладывается не только национальное различие, но и определенное социальное положение».

⁶⁸⁸ Богатырев П. Г. Функционально-структуральное изучение фольклора: Малоизвестные и неопубликованные работы. М., 2006. С. 116.

⁶⁸⁹ Там же. С. 236–237.

Вообще, видно, что Богатырев представляет, скажем так, «умеренную» политическую линию в Подкарпатской Руси. Напротив того, Эренбург рискует прибегать к более жестким формулам: «После мировой войны совещание карпатских эмигрантов в Америке приняло резолюцию о добровольном вхождении Подкарпатской Руси в Чехо-Словацкую республику. С Советской Россией общей границы не было. Из двух зол приходилось выбирать меньшее — куда угодно, только бы не к полякам!»⁶⁹⁰

Эренбург не политический деятель, поэтому он может высказываться о Польше куда более откровенно, чем действующие политики. Эта же ситуация позволяет Эренбургу достаточно жестко высказываться о том, что чехословацкое правительство забыло свои обещания о предоставлении Подкарпатской Руси автономии. Касается Эренбург и крайне болезненного вопроса о взаимоотношениях русского и украинского обществ в Карпатах. Эренбург отмечает, что, не будучи лингвистом, он, тем не менее, понимает язык русинов легче, чем украинский. Это важное замечание, ведь Эренбург — киевлянин.

Да и завершает свои путевые заметки Эренбург глухим упоминанием того, что происходило в этих местах в годы Первой мировой войны: «Чехо-Словакия не федерация, это, прежде всего, государство тесно слитых племен. Подкарпатская Русь в ней — случайность, это даже не доходная статья, но только маленькая политическая гирька, да еще, может быть, синекюра для сотни другой бюрократов. Карпато-русские крестьяне безграмотны, но они далеко не без головы. Еще не настало время рассказать о том, что делалось во всех этих деревушках, когда Красная армия, разбив поляков, находилась всего в нескольких десятках километров от границы Подкарпатской Руси. Крестьяне были готовы хоть с вилами кинуться на “панов”, расчищая дорогу “своим”. Судьба решила иначе. Впрочем, что значат еще двадцать или тридцать лет для страны, которая ждет раскрепощения уже шесть с половиной столетий»⁶⁹¹.

То, почему еще не пришло время рассказать о событиях в Подкарпатской Руси, объясняют сборники, подготовленные участниками и жертвами этих событий. Понятно, что, намекая на украинский компонент карпатской проблемы, Эренбург не имел возможности цитировать те материалы, которые издавали в память трагических событий лидеры карпатских русинов⁶⁹². Однако есть все основания считать, что Эренбург был в курсе того, что печаталось по этому поводу в середине 1920-х гг.

⁶⁹⁰ Эренбург И. Пряшевская Русь. С. 248.

⁶⁹¹ Там же. С. 255.

⁶⁹² Талергофский альманах. Приснопамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1924–1934. Вып. 1–4. Сведений о том, что происходило в Карпатах во время советско-польской войны, которую имеет в виду Эренбург, в Альманахе нет. Современный анализ этой проблематики см.: Шевченко К. Русины и межвоенная Чехословакия: К истории этнокультурной инженерии. М., 2006 (особенно — гл. 1. «Я русин был, емь и буду...»: основные вехи исторической эволюции русинов до 1918 г. С. 55–91 и др.).

Да и проблему русского языка в Подкарпатье он понимал и чувствовал остро, равно как и возможность будущего объединения двух частей Подкарпатской Руси:

«Побывал я снова и в Польше; правда, это мое посещение было весьма кратким и для поляков никак не обременительным: в Татрах польские пограничники, приняв нас за чехов, милостиво разрешили нам освежиться в польской корчме. В избе, где, конечно, уж красовался и “маршал” (Ю. Пилсудский. — Л. К., М. О.), мы разговаривали друг с другом по-словацки или по-французски, боясь обронить русское слово как нелегальную прокламацию. Если бы только знали эти симпатичные жандармы, что у нас за паспорта в кармане! А вернувшись полчаса спустя в Словакию, мы почувствовали себя, чуть ли не дома: ведь здесь слово “русский” открывает все двери и сердца. Да, кажется, Словакия — единственная теперь в Европе страна, где русский путешественник — это нечто вроде американца в Париже, хотя он и не обладает долларами»⁶⁹³.

Так Эренбург предварил свои приведенные нами выше рассуждения о полоске Западной Украины, мешающей русинам воссоединиться с теми, с кем они хотят, и завершил предыдущую главу, где обсуждается возможное поглощение русинского языка словацким.

Эренбург представил яркий языковой аспект национальных противоречий: «Для Подкарпатской Руси <...> Россия была единственной надеждой, залогом что не тщетна борьба ее умных и обворованных крестьян за простое человеческое право: говорить на родном языке. В Подкарпатской Руси немало можно найти библиотек, где тщательно подобраны русские книги. Сочинения Ломоносова или Державина были здесь подпольной литературой, их прятали подальше от нескромных глаз, а, переплетая, на корешках проставляли мадьярские или латинские имена. В 1853 году один из зачинателей карпато-русского движения Духнович издал в Будапеште первую русскую грамматику. Это было бомбой революционера. Да, за грамматику арестовывали. Вся дальнейшая история карпато-русского движения изобилует однородными эпизодами: русская школа — аресты, сборник стихов, школьный кружок с чтением Пушкина вслух — крепость. Шел поединок между крохотным народцем и огромной империей»⁶⁹⁴.

Историко-политическая реальность начала XXI в. вновь во многом вернула нас к проблемам, которые казались решенными после Второй мировой войны. Что же касается судьбы книги Эренбурга «Виза времени», то ее сегодня практически никто не читает и уж, тем более, не переиздает, а выход 100 экземпляров антологии Бальмонта «Душа Чехии» и вовсе стал событием лишь для предельно узких кругов славистов. Однако все это не дает нам оснований оставить эти книги без внимания. Ведь они стали очередными звеньями цепи рецепции и развития традиции «славянской взаимности».

⁶⁹³ Эренбург И. Любовь не вчуже. С. 245.

⁶⁹⁴ Эренбург И. Подкарпатская Русь. С. 247.

Глава X.

*«Новое славянское движение».
От «дела славистов» —
к Всеславянскому комитету
(1930 – 1940-е)*

В 1920–1930-х гг. советские гуманитарии — вслед за М.Н. Покровским — постановили, что панславизм находится «на службе империализма», что существует «органическая связь славистики со славянофильством» и что славистика «была всегда наукой, заведомо и насквозь пропитанной зоологическим национализмом»⁶⁹⁵.

Аналогом этой историографической концепции в области филологии стало экстравагантное отрицание родственности славянских языков как шовинистической идеи. Н. Я. Марр — создатель «нового учения о языке» — темпераментно утверждал, что «научное мышление лингвистов господствующей школы, без различия национальности, в дополнение к европейскому сомнению доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь о русском или украинском — миража славянского “братства” и славянского “праязыка”)⁶⁹⁶.

Политическим же аналогом в 1933–1934 гг. стало «дело славистов», или «Российской национальной партии», по которому были арестованы Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов, А.М. Селищев и другие представители гуманитарной элиты Москвы и Ленинграда. В материалах дела «Российская национальная партия» характеризовалась как «контрреволюционная национал-фашистская организация», которая «была создана по прямым указаниям заграничного русского фашистского центра, возглавляемого князем Н.С. Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и другими»⁶⁹⁷.

⁶⁹⁵ *Горяинов А. Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 149–155.

⁶⁹⁶ *Марр Н. Я.* Яфетические зори на украинском хуторе // Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания: Антология. М., 2001. С. 246. Ср. сомнения А. Гитлера в родственности славянских народов: «...само понятие “славяне” широко пропагандировалось царской Россией в рамках проводимой ею политики панславизма в качестве общего наименования совершенно разных народов, и оно, таким образом, прочно вошло в обиход. К примеру, глупо и нелепо называть болгар славянами, ибо они по происхождению туркмены. И чехи — никакие не славяне. Чеху достаточно хоть раз не подстричь усы, и по тому, как они будут расти книзу, сразу можно будет распознать в нем выходца из монголоидного племени» (*Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 278). Неожиданное теоретическое схождение советского ученого с ненавистником славянства объясняется, по-видимому, их общей склонностью к культурологическим парадоксам и ненавистью к традиционному академизму.

⁶⁹⁷ *Ашинин Ф. Д., Алтатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 70.

Напротив того, к концу 1930-х — под воздействием внешней политики (Германия) и внутренней (идеологическая «реабилитация» дореволюционных деятелей России) — ситуация изменилась. К примеру, откликаясь в 1938 г. на «мюнхенский сговор», 74 советских писателя выступили с коллективным письмом, где подчеркивались «братская солидарность и любовь к стране — жертве фашизма», а также торжественно объявлялось, что чехов и словаков никогда не оставят в беде.

В 1939 г. «освобождение» Западной Украины и Белоруссии было неожиданно подано — вопреки привычным интернационалистским клише — в качестве «воссоединения» славянских народов. Беседуя с И. В. Сталиным, гитлеровский министр И. фон Риббентроп констатировал благие последствия совместных действий и указал, что СССР восстановил «связь с близкими по крови белорусаами и украинцами»⁶⁹⁸.

Трансформировался и статус славистики. Верткий академик Н. С. Державин подвел под актуальные тенденции идеологическую базу: оказывается, славяноведение было разгромлено в Академии наук «бандитами троцкистско-бухаринской банды»⁶⁹⁹. В 1939 г. были созданы сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и группа славяноведов в Ленинградском отделении института (во главе с Н. С. Державиным); на историческом факультете МГУ открыта кафедра истории южных и западных славян; славистика легализовалась в Институте мировой литературы (Москва) и в Институте русской литературы (Ленинград); в 1941 г. опубликован учебник «Славянское языкознание», составленный А. М. Селищевым. С. Б. Бернштейн вспоминал, что когда сталинский министр упрекнул Державина за недостаток квалифицированных славистов, то осторожный академик впал в истерику: «Уже давно прекращена подготовка славистов в нашей стране. Кто прекратил эту подготовку? Кто объявил, что славянская филология льет воду на мельницу фашистам? (...) Вы упомянули Селищева, а ведь он несколько лет провел в лагерях»⁷⁰⁰.

Сложившуюся специфическую ситуацию реферировал внимательный (по долгу службы) аналитик советской прессы — Йозеф Геббельс. 13 марта 1940 г. он фиксировал в дневнике: «С еврейским вопросом большевики на свой лад покончили. Они остаются азиатами. Тем лучше для нас. Сталин становится настоящим панславистом». А 15 марта Геббельс злорадно записал, что в стане предполагаемого противника «ни смеха, ни радости. Но, тем не менее, Сталин очень популярен. Он — единственная надежда. Преемник Петра Великого. Защитник панславизма. Как германцы, мы никогда не пойдем этих славян»⁷⁰¹.

⁶⁹⁸ Беседа с И. фон Риббентропом 27 сентября 1939 года // *Сталин И. В.* Соч. М., 2007. Т. 14. С. 455.

⁶⁹⁹ Цит. по: Письма Н. С. Державина С. Б. Бернштейну / Публ. М. Ю. Досталь // *Славянский альманах* 2005. М., 2006. С. 503.

⁷⁰⁰ *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // *Сумерки лингвистики*. С. 537.

⁷⁰¹ Цит. по: *Ржевская Е.* Геббельс: Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 221.

Великая Отечественная война еще более актуализировала славянскую тему и способствовала ее официализации. В октябре 1941 г. в Москве учрежден Всеславянский комитет (председатель — генерал-лейтенант инженерных войск А. С. Гундоров); в 1941–1943 гг. состоялись три всеславянских митинга; с 1942 г. выходит ежемесячный журнал «Славяне». Всеславянский комитет сформулировал необходимую тематику пропагандистских статей: 1) «вековая борьба славянских народов с германской агрессией»; 2) «связи славянских народов между собой»; 3) «славянские деятели (борцы за объединение славянских народов)»⁷⁰².

В журнале «Славяне» публиковались статьи Н. С. Державина, А. М. Селищева, Н. К. Рериха и др. С одной стороны, все три направления агитации разительным образом напоминали идеи Коллара и других поборников «славянской взаимности», но, с другой стороны, это никак не подразумевало отказа от марксизма.

По мнению Милована Джиласа (в ту пору соратника И. Броз Тито, а позднее критика коммунистической номенклатуры), Всеславянский комитет «был вывеской и служил лишь пропаганде, но даже в этом качестве его роль была ограниченной. Цели его тоже не были вполне ясны: в комитет входили главным образом коммунисты из славянских стран — эмигранты в Москве; идеи всеславянской солидарности были им совершенно чужды. Все без слов понимали, что должны оживить нечто давно отошедшее в прошлое и хотя бы парализовать антисоветские панславянские течения, если уж не удастся сгруппировать славян вокруг России как коммунистической страны»⁷⁰³.

Не стоит ожидать иной оценки от правого коммуниста, однако в другом фрагменте мемуаров сам Джилас — вольно или невольно — подтвердил эффективность славянской пропаганды СССР. Рассказывая о первом визите в Москву, он начинает вроде бы в обыкновенной коммунистической манере: «Мне всегда были чужды любые панславянские чувства. В тогдашних московских панславянских идеях я видел только возможность мобилизовать против германского нашествия консервативные силы»⁷⁰⁴. Зато продолжает коммунист-черногорец, неожиданно апеллируя не столько к марксистской, сколько к «славянской» логике: «Но это ощущение было чем-то другим, более глубоким, и не вмещалось в рамки моей принадлежности к коммунизму. Я смутно припоминал, что уже три столетия югославские мечтатели и борцы, государственные мужи и властители — чаще всего владыки измученной Черногории — совершали паломничества в Россию, надеясь найти там понимание и спасение. Не иду ли и я их путем? И не это ли родина наших предков, выброшенных неизвестной силой на балканский сквозняк? (...) Я твердо верил, что все социальные и иные причины этих и вообще всех конфликтов Москвы

⁷⁰² Руколь Б. М. Идея общности славян в материалах Всеславянского комитета в Москве) // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 205.

⁷⁰³ Джилас М. Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 25.

⁷⁰⁴ Там же. С. 22.

с другими народами, наконец устранены. Я воспринимал это тогда как осуществление общечеловеческого братства и как свое воссоединение с праисторической славянской семьей»⁷⁰⁵.

Сталинская версия «славянской» идеи обтачивалась в непростых дискуссиях с таким квалифицированным экспертом, как глава лондонского консульства Чехословакии в изгнании Э. Бенеш. С ним постоянно консультировался драматург А. Е. Корнейчук, который в качестве замминистра иностранных дел СССР курировал регион Центральной Европы⁷⁰⁶. А. С. Гундоров вспоминал: «Нам хотелось встретить Бенеша как можно теплее, с традиционным славянским гостеприимством. Я об этом участников встречи предупредил, поэтому беспокоился за Неедлы (авторитетный чехословацкий литератор, коммунист. — Л. К., М. О.) да академика Державина, который любил напоминать, что Восточная Пруссия и часть Германии с Берлином — это земля славян»⁷⁰⁷.

Новый пропагандистский дискурс — возможно, не без влияния Бенеша — актуализировал имя Коллара и связанную с ним топику «славянской взаимности».

Вождь чехословацких коммунистов К. Готвальд, давая позитивную оценку сближению правительства Бенеша с СССР, апеллировал к колларовской «липе»: «Мечты благороднейших мыслителей наших народов осуществились: наша славянская липа опирается на могучий русский, славянский дуб»⁷⁰⁸.

Поэт Советской Украины М. Рыльский в статье для журнала «Славяне» (1944) включил Коллара в ряд «великих певцов и мыслителей славянских народов»: они — «Пушкин, Тютчев, Мицкевич, Шевченко, Шафарик, Коллар — всегда твердили, что истинные свобода и счастье могут быть достигнуты только в братском единении славянских народов»⁷⁰⁹.

В 1943 г. Зденек Неедлы опубликовал в журнале «Славяне» (№ 8) программную статью «Идеолог и певец взаимности: К 150-летию со дня рождения великого словацкого поэта Я. Коллара».

А. С. Гундоров вспоминал: «Чтобы ознакомить советских людей с национальными особенностями и культурой славянских народов, решили проводить вечера и собрания. Одним из первых был вечер, посвященный 150-летию со дня рождения замечательного певца славянской дружбы, словацкого поэта Яна Коллара. Хотя широкой рекламы не было, зал Всеславянского комитета не смог вместить всех желающих. Среди прибывших на вечер чехословацких

⁷⁰⁵ Джилас М. Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 22–23.

⁷⁰⁶ См. подробнее: Марына В. В. Славянская идея в годы Второй мировой войны: К вопросу о политической функции // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.

⁷⁰⁷ Цит. по: Кикшеев Н. И. Славяне против фашизма. М., 2005. С. 270–271.

⁷⁰⁸ Цит. по: Марына В. В. Указ. соч. С. 177.

⁷⁰⁹ Рыльский М. Украина освобождается // Славяне. 1944. № 10. С. 5; см.: Досталь М. Ю. Украинская тематика на страницах журнала «Славяне» в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 156.

эмигрантов были Климент Готвальд, посол З. Фирлингер. (...) Присутствовало много польских, югославских, болгарских эмигрантов. С блестящим докладом выступил Зденек Нееды. Он рассказал об эпохе замечательного словацкого поэта и ученого, страстного борца за независимость своего народа и славянской дружбы. С первого вечера стремились практиковать, чтобы выступления не были одиночными. Поэтому содокладчиком выступил Александр Фадеев. Надо отметить, что Александр Фадеев был не только председателем Союза писателей СССР, но и единственным среди членов Всеславянского комитета членом ЦК ВКП(б), что заставляло прислушиваться к его словам особо»⁷¹⁰.

Председатель Союза писателей говорил: «Строфы “Дочери Славы”, посвященные единству славян в борьбе против иноземных поработителей, пламенем жгут сердца в наши дни, когда многие славянские народы стонут под игом гитлеризма. В прошлом пытались придать этой идее Коллара панславянское звучание. Поводом к этому могут служить те его высказывания, которые перекликаются с высказываниями русских славянофилов. Но Коллар был певцом угнетенных славян — никогда нельзя забывать об этом. Он любил русский народ как самый могучий из славянских народов, сумевший отразить всех и всяких иноземных завоевателей. От него, а не от русского царизма он ждал помощи в деле освобождения славян»⁷¹¹.

По мере приближения победы И. В. Сталин и руководители СССР начали готовиться к послевоенному переустройству мира, обратившись среди прочего и к модифицированным идеям «славянской взаимности». Партийный идеолог А. С. Щербаков писал в 1944 г.: «Славянские народы сыграли огромную роль в этой войне. Война подходит к концу. Фашистская Германия в ближайшие месяцы будет разбита. Надо подумать о новом славянском движении в послевоенный период и все эти вопросы практики, теории и истории перенести на обсуждение Славянского съезда»⁷¹².

28 марта 1945 г. Сталин на торжественном обеде в честь Бенеша (контакты с чехословацким лидером обыкновенно провоцировали обращение к «славянскому» дискурсу) поднял тост за «новых славянофилов» (к ним причислял и себя), которые «стоят за союз независимых славянских государств». Сталин подчеркнул, «что первая и вторая мировые войны развернулись и шли на спинах славянских народов» и что хотя он «ненавидит немцев», но это — сильный и способный народ, который попытается возродиться в течение 15 лет и взять реванш. Советский лидер декларировал: «Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите — большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла

⁷¹⁰ Цит. по: *Кикшиев Н. И.* Указ. соч. С. 254.

⁷¹¹ *Фадеев А. А.* За тридцать лет. М., 1957. С. 291. Ср.: *Заградка М.* Александр Фадеев в Чехословакии: 1928 – 1945 // Русская литература. 1974. № 1. С. 223.

⁷¹² Цит. по: *Досталь М. Ю.* Идея славянской солидарности и не состоявшийся в Москве в 1948 г. первый Общеславянский съезд славистов // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 183.

в Болгарию, то кое-кто пытался там установить советы. Но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй». В заключение Сталин поднял бокал «за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых»⁷¹³.

В политическом (прагматическом) аспекте сталинский тост венчал завершение сложного эпизода в отношениях СССР и Чехословакии, связанного с проблемой карпатских славян — русинов.

После Мюнхенского договора Закарпатье осталось в униженной Чехословакии, однако судьба региона представлялась неопределенной: А. Гитлер рассчитывал здесь на реализацию украинского проекта (см. создание прогерманской Карпатской сечи — добровольной военной организации, ориентированной на идею Великой Украины, и т.п.), а хортистская Венгрия (при поддержке Польши) заявила права на Закарпатье, доказывая, что «русины — не украинцы», а «особый народ, сформировавшийся под властью венгров («угрорусы»)»⁷¹⁴. В марте 1939 г. Сталин, выступая с Отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б), опровергал слухи о том, что после захвата Чехословакии Германия воспользуется оккупацией Карпатской Украины и потребует аннексии Советской Украины⁷¹⁵. В том же марте Венгрия — с разрешения Германии — оккупировала Закарпатье. Показательно, что в ноте-меморандуме, где Германия обосновывала причины войны с СССР, фигурировала коммунистическая пропаганда среди русинов, которая их «пленила надеждами освобождения советской России»⁷¹⁶. В самом начале войны — в августе 1941 г. — «Обращение к славянам Первого всеславянского радиомитинга в Москве» напоминало: «Одну из самых культурных стран Европы — Чехословакию — германский фашизм поработил и раздробил на куски. Значительная часть словацких земель подарена венгерским помещикам. Такая же судьба постигла Закарпатскую Украину. Свыше 100 тысяч чехов, словаков и карпато-украинцев томятся в тюрьмах и концентрационных лагерях»⁷¹⁷. «Обращение» удостоило русинов специального упоминания в ряду «больших» славянских народов: «Таким образом, все свободолобивые славянские народы — чехи, словаки, карпато-украинцы, поляки, сербы, хорваты, словенцы, болгары, русские украинцы и белорусы подверглись кровавой агрессии германского фашизма. Братья угнетенные славяне! Мы стоим перед смертельной грозой. Пробил час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного разгрома германского фашизма. Мы объединяемся как равные с равными (...) мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного высоким задачам равенства

⁷¹³ Цит. по: *Кикшеев Н. И.* Указ. соч. С. 83–84; см. публикацию: Славяне. 1951. № 3.

⁷¹⁴ *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 209.

⁷¹⁵ *Сталин И. В.* Соч. М., 2007. Т. 14. С. 395–396.

⁷¹⁶ См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 32–40.

⁷¹⁷ Цит. по: *Кикшеев Н. И.* Указ. соч. С. 373.

народов и национального развития всех государств, которую в своих империалистических целях использовал русский царизм»⁷¹⁸.

Сходный текст был включен в статью начального номера журнала «Славяне» (июнь 1942): «Под вероломными ударами немецкого фашизма пала Чехословакия — культурнейшая и трудолюбивая страна в Западной Европе. Все лучшие земли чехов захватываются немцами. Германский фашизм поработил и раздробил ее на части. Все лучшие земли чехов захватываются немцами. Значительная часть словацких земель роздана венгерским помещикам. Такая же участь постигла Закарпатскую Украину. Тысячи чехов, словаков и карпато-украинцев умерщвлены, десятки тысяч томятся в тюрьмах и концентрационных лагерях»⁷¹⁹.

В обращении третьего всеславянского радиомитинга к угнетенным славянам Европы (24 февраля 1944) — после прямых обращений к чехам и словакам с призывом к вооруженному сопротивлению немецко-фашистским захватчикам — появляется прямое обращение: «К оружию, братья закарпатские украинцы! Вам есть, где развернуться в ваших лесах. Истребляйте ненавистных оккупантов!»⁷²⁰ Обращение славян-воинов (23–24 февраля 1944) объединяло «братьев чехов, словаков и карпато-украинцев»⁷²¹. Причем территория действий партизан определялась — «от Богемских лесов до голубых вершин Карпат».

Наконец, «во время переговоров с Молотовым 19 марта 1945 г. в Москве Бенеш, будучи заинтересованным в поддержке СССР в вопросе выселения судетских немцев из Чехословакии, вновь подтвердил готовность чехов уступить Подкарпатскую Русь (Карпатскую Украину) Советскому Союзу, предложив заключить договор о передаче Карпатской Украины СССР и отметив, что в течение 20 лет он никогда не считал вопрос Карпатской Украины «окончательно решенным». 24 марта 1945 г. Бенеш прямо заявил, что Карпатская Украина должна стать частью СССР и что он «не имеет возражений против установления советской системы в Чехословакии, поскольку самое главное заключается в освобождении от немецкого ига». Предложения Бенеша о присоединении Карпатской Украины к СССР в Москве были очень быстро услышаны; что касается введения советской системы в Чехословакии, с чем Бенеш выражал согласие 24 марта 1945 г., то эта примечательная инициатива чехословацкого демократа была тогда отклонена самим И. Сталиным. Нельзя не отметить и то, что культурно-языковую почву для столь неприятного чехам «воссоединения» Подкарпатской Руси с советской Украиной в течение всего межвоенного периода добросовестно готовила сама чешская политическая элита, поддержи-

⁷¹⁸ Цит. по: *Кикшеев Н. И.* Указ. соч. С. 374–375.

⁷¹⁹ Там же. С. 388.

⁷²⁰ Там же. С. 397.

⁷²¹ Там же. С. 416.

послевоенную мировую систему: «Нам, славянам, действительно, есть чем гордиться. Мы гордимся тем, что именно славяне стали носителями лучших и более счастливых общественных отношений, лучшего общественного строя. Мы гордимся великим Советским Союзом, мы гордимся и тем, что именно славяне стали строителями, укрепляющими и созидующими истинно народную демократию... Мы собираемся здесь, чтобы твердо заявить, что славяне никогда больше не будут служить чужим интересам... что никогда больше не повторится так ужасная трагедия, которая обрушилась на славян... Мы, славяне, хотим только мира для того, чтобы спокойно развиваться, полностью посвятить себя нашему строительству и залечиванию ран, нанесенных войной, чтобы посвятить себя культурному строительству, чтобы славяне, вот так духовно объединенные, сделали еще больший и лучший вклад в дело прогресса человечества»⁷²⁷.

Лидер коммунистической Польши Б. Берут подчеркнул: «Возрожденная демократическая Польша, возвратившаяся на свои исконные славянские земли на Одере, Нейсе и Балтике, осуществляет великое дело восстановления опустошенной страны, сознавая свой долг — отстаивать западную цитадель славянства»⁷²⁸.

Пафос Белградского конгресса был конкретизирован в трех основных докладах, с которыми выступили М. Джилас («Славянские народы в борьбе за мир»), советский историк Б.Д. Греков («Вклад славянских народов в мировую культуру») и А.С. Гундоров («Новое славянское движение и задачи славянских организаций»).

Делегаты конгресса активно апеллировали к имени Коллара, его идеям и «славянской» топике. Это было, прежде всего, характерно для представитель Чехословакии. Бенеш подчеркнул, что «на съезд собрались не отдельные выдающиеся личности, а подлинные представители славянских народов, вышедших возрожденными из огня войны. Никогда еще обстановка для искреннего и эффективного сотрудничества между славянскими народами не была такой благоприятной, как ныне. Ваш съезд создаст организационные формы этого сотрудничества, которое, прежде всего, должно основываться на *глубоком взаимном ознакомлении* (курсив наш. — Л. К., М. О.)»⁷²⁹. Бенешу вторил профессор Юрий Доланский, который, приветствуя делегатов, ликовал: «На съезде присутствует не только дух Яна Коллара, но и Томаша Масарика, Людовита Штура и всех других мыслителей, проповедовавших, что только *славянское сотрудничество и славянская взаимность* (курсив наш. — Л. К., М. О.) могут привести нас к новой жизни. Мы хотим достигнуть единства славянских народов созданием единого очага духа. Это не демонстрация, а труд,

⁷²⁷ Цит. по: Кикшеев Н. И. Указ. соч. С. 92–93.

⁷²⁸ Там же. С. 94.

⁷²⁹ Там же. С. 95.

это труднейшее дело. Да здравствует братство и единство славянских народов! Да здравствует братство и единство всех народов в мире!»⁷³⁰

Однако на том же символическом языке изъяснялся генерал-лейтенант А. С. Гундоров, который, прославляя вклад славянских народов в «сокровищницу человечества», называл гордость словаков — деятелей «всемирного значения» Коллара и Шафарика⁷³¹. И славный маршал Ф. И. Толбухин (он обращался к конгрессу от лица воинов 3 Украинского фронта, которые во время войны рука об руку с сербами, хорватами, словенцами, черногорцами, болгарами сражались с фашистами) неожиданно воззвал к трактату Коллару о «славянской взаимности»: «В боевом содружестве славянских народов мы достигли полной победы над врагом, создали возможность свободного национального развития всем славянским народам. Я хотел бы вам напомнить слова Яна Коллара: “В наше время недостаточно быть хорошим русским, горячим поляком, совершенным сербом, ученым чехом и говорить хотя бы самым правильным образом не только по-русски, по-польски, по-сербски, по-чешски”. Прошли детские годы славянских народов. Дух нынешнего славянства налагает на нас другую, высшую обязанность — считать всех славян братьями одной великой семьи»⁷³².

Современный исследователь деятельности Всеславянского комитета отметил, что «руководство славянских стран в выступлениях участников конгресса получило поддержку своим внешнеполитическим усилиям в урегулировании послевоенных пограничных вопросов. Для Чехословакии и Польши особенно важны были заверения в незыблемости их границ с Германией; Югославию единодушно поддерживали в ее требовании возврата Триеста и Юлийской Краины, Болгарию — в отпоре притязаниям Греции на пограничные македонские земли»⁷³³. Этот же исследователь несколько наивно сожалел: «К сожалению, сталинская идея создания “союза независимых славянских государств”, “союза славянских народов”, о которой он говорил при встречах с лидерами освобожденных Красной Армией славянских государств, на Белградском конгрессе не прозвучала. И больше к ней не возвращались ни Сталин, ни Тито, ни другие руководители славянских стран»⁷³⁴.

Действительно, глобальным выражением «нового славянского движения» стали проекты всякого рода славянских федераций. Если Сталин планировал объединение Югославии с Болгарией, то Тито — объединение Югославии с Албанией. Коммунистическая Югославия оказывала коммунистической Албании экономическую помощь, предлагала ввести две дивизии — для защиты от возможных последствий гражданской войны в соседней Греции, а в итоге планировала объединение, которое, кстати, решило бы давний

⁷³⁰ Цит. по: Кикшеев Н. И. Указ. соч. С. 93–94.

⁷³¹ Там же. С. 366.

⁷³² Там же. С. 93.

⁷³³ Там же. С. 109–110.

⁷³⁴ Там же.

Косовский вопрос. В правительстве Албании были как сторонники, так и противники объединения с Югославией, в числе последних — будущий диктатор Э. Ходжа.

Советское правительство поддерживало идею Тито, однако при условии предварительного объединения Югославии с Болгарией. По свидетельству участника переговоров Джиласа, Сталин требовал: «Нет, сначала федерация между Болгарией и Югославией, а затем обеих с Албанией. (...) Мы думаем, что следует создать федерацию Румынии с Венгрией и Польши с Чехословакией»⁷³⁵. В мемуарах Джилас сопроводил слова Сталина комментарием: «На основании изложенной точки зрения и неопределенных намеков советских дипломатов в то время можно было заключить, что советское руководство вынашивает мысль о перестройке Советского Союза, а именно — о его слиянии с “народными демократиями”: Украины с Венгрией и Румынией (вслед за Закарпатской Украиной. — Л. К., М. О.), а Белоруссии с Польшей и Чехословакией, в то время как Балканские страны объединились бы с Россией!»⁷³⁶

Исходя из такого рода глобального проекта, в начале 1948 г. советский министр иностранных дел В. М. Молотов подверг публичной критике болгарского коммунистического лидера Г. Димитрова за несвоевременное заключение таможенного союза с Румынией, а Тито Москва принялась укорять за намерение ввести армию в Албанию, что якобы могло дурно повлиять на систему международных отношений. Отсюда — политические осложнения.

27 марта 1948 г. Сталин и Молотов отправили послание руководству югославской компартии, заявив, что «подобная организация не может считаться марксистско-ленинской и большевистской», а также многозначительно напомнив о «политической карьере Троцкого»⁷³⁷. День, которым было датировано письмо, был выбран не случайно: 27 марта 1941 г. в Югославии (еще королевстве) совершили переворот против сторонников союза с Гитлером, т. е. Сталин и Молотов намекнули на сходство Тито с югославскими предателями и фашистами. Тито собрал пленум ЦК (впервые после 1940), где добился санкции на разрыв с СССР и избавился от тех, кто с этим не был согласен. В итоге 28 июня 1948 г. совещание Информбюро (Информационное бюро коммунистических и рабочих партий) объявило об исключении югославской компартии из своих рядов, причем дата снова была символической: 28 июня — день Св. Вита — катастрофы на Косовом поле⁷³⁸.

Разрыв с Югославией означал отказ советских руководителей от «славянского» проекта. Был отменен практически готовый Первый общеславянский конгресс ученых-славистов, который должен был состояться

⁷³⁵ Джилас М. Указ. соч. С. 127.

⁷³⁶ Там же.

⁷³⁷ См., напр.: Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск, 1998. С. 286.

⁷³⁸ Там же. С. 289.

в конце 1948 г.⁷³⁹, и т.п. Однако славянская тема — со всеми идеологическими ограничениями — уже не была отправлена в опалу, и в рамках пресловутой дискуссии о языке 1950 г. И.В. Сталин счел необходимым реабилитировать концепцию «славянского “братства”»: «Н.Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории “праязыка”. А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»⁷⁴⁰.

⁷³⁹ См. подробнее: *Досталь М. Ю.* Идея славянской солидарности и не состоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский конгресс ученых-славистов // *Славянский вопрос: Вехи истории.*

⁷⁴⁰ *Сталин И. В.* Относительно марксизма в языкознании // *Сумерки лингвистики.* С. 404.

Глава XI.

*А. А. Ахматова
и «славянская взаимность».
«Реквием. 1935 – 1940»*

1.

Поэма Анны Ахматовой «Реквием. 1935–1940» кажется сравнительно простой. Однако простота здесь специфическая, характерная для позднего периода творчества поэта, предполагающая изысканную игру смыслов и неожиданную переключку цитат. Среди «чужих голосов» в «Реквиеме» уже опознаны Священное писание, пропущенное через литургическую призму, Еврипид, Данте, Шекспир, Йетс, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Мандельштам⁷⁴¹.

По нашему мнению, пришло время пополнить этот список еще одним славным именем. В 1902 г. в солидном журнале «Русская Мысль» было напечатано стихотворение «Липы»⁷⁴²:

Под липой ребенка баюкала мать...
Под липой я маленьким начал играть.
Последняя просьба: под липою той
Хочу отыскать я мой вечный покой;
Когда я окончу унылые дни,
Под липой, народ мой, меня схорони.
Но, нет! Над могилой не ставьте гранит,
Пусть липа родная ветвями шумит,
Пусть листья ее надо мной шелестят,
И льется весенних цветов аромат,
И пусть мой страдающий бедный народ
Под липою песню свободы поет.

Сходство с «Реквиемом» — второй частью «Эпилога», «Опять поминальный приблизился час...» — поразительно. Подобное впечатление возникает, прежде всего, благодаря тождественности стихотворного размера — четырехстопного амфибрахия с мужскими рифмами по типу «Лесного царя» В. А. Жуковского, что особенно ощутимо, когда под ударением оказывается одно и то же слово, причем ключевое — «народ»: «И пусть мой страдающий

⁷⁴¹ См.: *Иванович М. К.* Разбору «чужих голосов» в «Реквиеме» Ахматовой // *Russian Literature*. 1984. V. XV–I; *Ketchian S.* Anna Akhmatova and W. B. Yeats: Points of Juncture // *Anna Akhmatova: 1889–1989/Modern Russian Literature and Culture*. V. 28. Berkeley, 1993; *Ljunggren A.* Anna Akhmatova's «Requiem»: A Retrospective of the Love Lyric and Epos // *Ibid.*

⁷⁴² *Русская мысль*. 1902. № 7. С. 133.

бедный народ // Под липою песню свободы поет» и «И если зажмут мой измученный рот, // Которым кричит стомиллионный народ...».

Кроме того, «Липы» и «Эпилог» построены на сходных тематических мотивах.

Во-первых, в обоих текстах очерчен эскиз автобиографии лирического героя (ср. в «Липах» — от «...ребенка баюкала мать...» до «...под липой, народ мой, меня схорони...», в «Реквиеме» — от «...около моря, где я родилась...» до мемориально-посмертной ситуации, когда «...в этой стране воздвигнуть задумают памятник мне...» и т. п.).

Во-вторых, как в стихотворении из «Русской мысли», так и в ахматовской поэме присутствует мотив, так сказать, «чудесного памятника». Если в «Липах» в качестве надгробного памятника вместо привычного гранита на романтический лад выбирается дерево, то в «Реквиеме» речь, собственно, идет об обыкновенном памятнике, и слезы, им проливаемые, самим автором объясняются «естественно-научно» — как «подтаявший снег», и тем не менее в итоге все-таки возникает видение «плачущей статуи»⁷⁴³: «...с неподвижных и бронзовых век, // Как слезы, струится подтаявший снег...».

В-третьих, ситуация постановки монумента лирическому герою — поэту, болеющему за свой угнетенный народ, — и там и там равно подразумевает новую фазу в противостоянии власти или даже перемену угнетенного состояния. В первом случае под «мемориальной» липой народ — в мечтах автора — «песни свободы поет», во втором «бронзовый» памятник, поставленный напротив страшной тюрьмы, придает статус вечности конфликту с режимом.

Автор стихотворения «Липы», которое, таким образом, можно с полным правом относить к числу подтекстов «Реквиема», в журнале назван. Это — Ян Коллар, переводчик — В. А. Гиляровский. Как прозаик, сочинитель очерков «Москва и москвичи» и др. «дядя Гиляй» пользовался когда-то фантастическим успехом у читателей, но здесь он выступает в непривычной ипостаси поэта-переводчика. В бытность секретарем Славянского вспомогательного комитета Гиляровский «Липами» откликнулся на полувековую годовщину смерти Яна Коллара (1793–1852): отказавшись от строфики и хорейского метра оригинала, внося существенные добавления в текст и добавив отсутствующее заглавие, он тем не менее узнаваемо переложил сонет чешско-словацкого поэта (121-й сонет из III песни поэмы «Дочь Славы»)⁷⁴⁴, ранее вдохновивший А. И. Одоевского и др.

Напомним о порядке «странных сближений», что применительно к «Реквиему» — как и в случае с поэмой «Дочь Славы», где любовная лирика трансформируется в национальную — так же принято говорить о преобразении интимной лирики в гражданскую. Главка «Приговор», например, изолированно и без заглавия напечатанная в ахматовском томе «Библиотеки поэта» (1977), как выяснилось, вполне сошла за любовное стихотворение:

⁷⁴³ Ljunggren A. Op. cit. P. 122.

⁷⁴⁴ См.: Кишкин Л. С. Словацко-русские литературные контакты. М., 1990. С. 101–105.

И упало каменное слово
 На мою еще живую грудь.
 Ничего, ведь я была готова,
 Справлюсь с этим как-нибудь.
 У меня сегодня много дела:
 Надо память до конца убить,
 Надо, чтоб душа окаменела,
 Надо снова научиться жить.
 А не то... Горячий шелест лета
 Словно праздник за моим окном.
 Я давно предчувствовала этот
 Светлый день и опустелый дом.

«Интимность» поддерживается переключками и с характерной для ранней Ахматовой оппозицией «каменное» vs. «живое» (в стихотворении «Смятение» — «Пусть камнем надгробным ляжет // На жизни моей любовь»), и с образом «светлой постройки», «света» как знака прощания (в «Белой стае» — «Как светло здесь и как бесприютно, // Отдыхает усталое тело») и т.д.⁷⁴⁵

Можно, кстати, привести и другие сопоставления такого рода. Например, клятвенное «И я сказала: — Могу» из предисловия к «Реквиему», произнесенное автором в ответ на вопрос «женщины с голубыми губами» («— А это вы можете описать?») и мотивирующее дальнейшее описание сталинского ада, обнаруживается в очередном любовном шедевре из «Белой стаи» («Бесшумно ходили по дому...»):

Так меня ты в бреду тревожишь,
 Все слова твои берегу.
 Скажи: ты простить не можешь?
 И я сказала: «Могу».

2.

Возникает вопрос: насколько правомерно связывать поэзию Ахматовой с творчеством идеолога панславизма? Между тем знакомство Ахматовой с Колларом и символизируемой им идеологией «славянской взаимности» кажется неизбежным, его правомерно датировать предположительно 1900-ми годами.

Согласно наблюдению В. Н. Топорова, в чисто психическом аспекте творческий подъем конца 1930-х ознаменовался для Ахматовой «пробуждением памяти после того окаменения души и состояния своего рода душевной прострации»⁷⁴⁶. Действительно, она мысленно обращается к «началу жизни»:

⁷⁴⁵ *Ljunggren A.* Op. cit. P. 124–125.

⁷⁴⁶ *Топоров В. Н.* Об историзме Ахматовой // *Anna Akhmatova: 1889–1989.* С. 196.

«В молодости и в зрелых годах человек очень редко вспоминает свое детство. Он активный участник жизни, и ему не до того. И кажется, всегда так будет. Но где-то около пятидесяти лет все начало жизни возвращается к нему. Этим объясняются некоторые мои стихи 1940 года («Ива», «Пятнадцатилетние руки...»), которые, как известно, вызвали неудовольствие Сталина и упреки в том, что я тянусь к прошлому»⁷⁴⁷.

А в «начале жизни» одной из самых памятных фигур был царскосел Сергей Владимирович Штейн (1882 – 1955), филолог, критик, поэт, переводчик. Будучи родственником И. Ф. Анненского (брат его невестки Наташи), Штейн оказался также родственником Ани Горенко, женившись на ее старшей сестре Инне (1882 – 1906). У будущей Ахматовой и Штейна установились особые отношения⁷⁴⁸, с ним же связана, по признаниям Ахматовой, «одна из лучших драгоценностей Ани» — похвала Анненского: «Когда Инн<окентию> Федоров<ичу> Анненскому сказали, что брат его belle-fille Наташи (Штейн) женится на старшей Горенко, он ответил: «Я бы женился на младшей». Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани»⁷⁴⁹. Приятельствовал Штейн и с Николаем Гумилевым, которого часто встречал «в период его увлечения А. А. Горенко (Ахматовой)» и на поэтический сборник которого откликнулся сочувственной рецензией⁷⁵⁰.

В 1908 г. Штейн опубликовал книгу «Славянские поэты. Николай I Черногогорский. Иован-Иованович-Змай. Иован Илич. Воислав Илич. Иован Дудич. Антон Ашкерц. Отон Жупанчич. Казимир Тетмайер. Карел Гавличек-Боровский. Переводы и характеристики». В предисловии прямо заявлялись далеко не чисто переводческие или филологические задачи, которые ставил перед собой автор: «Не увлекаясь мечтами политического панславизма, автор этой книги горячо верит в полную возможность и близкое осуществление духовного объединения славян, которое наступит не под давлением грубой физической силы штыков и пулеметов, а как естественное последствие взаимного познания и мирного культурного сближения всех славянских народностей между собою»⁷⁵¹. Тот же — совершенно колларовский — аспект акцентировался и в стихотворении, открывавшем книгу, причем «национально-водная» образность «Дочери Славы» переплеталась здесь с аллюзией на известные пушкинские строки из «Клеветникам России»:

**Я посвящаю этот труд
Желанным дням объединения
Недолго ждать — они придут:
Мы все единой цепи звенья...**

⁷⁴⁷ Цит. по: *Хейт А.* Анна Ахматова: Поэтическое странствие. М., 1991. С. 221.

⁷⁴⁸ См. публикацию писем Ахматовой к Штейну, напр., в кн.: *Хейт А.* Указ. соч.

⁷⁴⁹ *Ахматова А.* Автобиографическая проза / Публ. Р. Д. Тименчика // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 8.

⁷⁵⁰ См.: *Тименчик Р. Д.* Примечания // *Гумилев Н.* Соч.: В 3 т. М. 1991. Т. 3. С. 308.

⁷⁵¹ *Штейн С. В.* Славянские поэты. СПб., 1908. С. X.

Я верю, — братская любовь
 Поможет нам в бескровном споре,
 И все ручьи сольются вновь
 В едином, всеславянском море⁷⁵².

Гумилев поместил в газете «Речь» (1908, 19 июня) рецензию на книгу Штейна, где, в частности, писал, играя образами стихотворного посвящения: «Переводчик посвящает свой труд «желанным дням объединенья» и надеется, что скоро «все ручьи сольются в едином всеславянском море». С целью помочь этому слиянью, он предлагает читателю девять выдающихся славянских поэтов в образцах и характеристиках. Имена выбраны тщательно, даваемые о них сведения интересны и ценны, переводы сделаны любовно»⁷⁵³.

В своей книге Штейн уделил основное внимание южнославянским поэтам, представив западнославянские народы только двумя художниками, среди которых — чех Гавличек-Боровский. Предварив переводы его текстов биографической справкой, публикатор, разумеется, упоминает Коллара в числе «выдающихся писателей», борющихся за славянское самосознание⁷⁵⁴, причем склонен игнорировать хорошо известный факт литературной вражды младшего писателя со старшим⁷⁵⁵.

Уточняя семантический ореол творчества Коллара в общественной ситуации начала XX в., укажем еще одно обстоятельство. Экземпляр книги «Славянские поэты», хранящийся в РГБ (шифр — R189/115), содержит любопытнейший инскрипт автора: «Многоуважаемому Анатолию Семеновичу Будиловичу в знак совершенного почтения и на добрую память от автора. 20. IV. 1908. СПб.».

А. С. Будилович (1846–1908), маститый ученый-славист и публицист славянофильской ориентации, к личности Коллара, естественно, обращался постоянно. Еще в 1872 г. он доказывал, что «идея племенного объединения славян не есть праздная утопия, бессодержательные грезы. Она имеет для себя почву в прошедшем и право бытия в будущем. От Нестора до Коллара и Хомякова можно назвать целый ряд лиц, то ясно сознававших, то хоть смутно чуввавших мировое значение этой идеи»⁷⁵⁶, а в 1877 г. оценивал работу «О славянской взаимности» как «блистательную статью»⁷⁵⁷. Симптоматично, что Будилович поместил в общий контекст Я. Коллара и А. С. Хомякова. Более подробно на этом он остановился, произнося 19 де-

⁷⁵² Штейн С. В. Славянские поэты. СПб., 1908. С. V.

⁷⁵³ Цит. по: Гумилев Н. Соч. Т. 3. С. 180.

⁷⁵⁴ Штейн С. В. Указ. соч. С. 178.

⁷⁵⁵ О критике К. Гавличек-Боровским мировоззренческих установок Я. Коллара см.: Шерлаимова С. А. Ян Коллар и Карел Гавличек-Боровский: Две концепции возрожденческого гуманизма // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист.

⁷⁵⁶ Будилович А. С. Мечта ли панславизм? // Беседа. 1872. № 1/2. С. 214.

⁷⁵⁷ Будилович А. С. О литературном единстве народов Славянского племени // Славянский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 5.

кабря 1893 г. в торжественном заседании Санкт-Петербургского Славянского общества речь, приуроченную к столетию Коллара. Здесь Будилович высокопарно именуется словаком «Хомяковым западного славянства и апостолом всеславянства»⁷⁵⁸ и, хотя не затушевывает принципиальной разницы, неизбежно обусловленной позицией одного — защитника меньшинства и другого — представителя национального большинства⁷⁵⁹, напоминает, что в «Дочери Славы» Хомяков прямо при жизни изображен пребывающим в раю (песня IV, сонет 31).

Сравнительно подробно рассказывая о поэме, Будилович характеризует ее состав, стихотворный размер, предшественников — Данте, Петрарку⁷⁶⁰, авторское мировоззрение, с особенной тщательностью суммирует антинемецкие инвективы: «Считая Германию «могильником славян» (II, 101), а немцев — главными виновниками их вековых бед и страданий <...>, Коллар, конечно, не мог скрыть горького чувства к немцам и в своих сочинениях. Свой Ад или Ахерон он обильно населил немцами, поместив, например, туда и Карла Великого, и Генриха Птицелова, Альбрехта Медведя, Генриха Льва и др. государей-германизаторов»⁷⁶¹. Будилович оговаривает, что избранных «хороших» немцев вроде Гердера поэт отправил в Рай, но это не отменяет магистральной идеи, программно выраженной во вступлении к «Дочери Славы»⁷⁶²:

**Давно ли нежный голос Славии звучал
От пенных Болта волн до синего Дуная,
И от предательского Лаба до равнин
Неверной Вислы! Ныне он уж онемел...
И кто ж повинен в грабеже, вопыющем к небу?
Кто оскорбил весь род людской в одном народе?
Зардись стыдом, завистная Тевтония,
Соседка Славы! С рук твоих ничто не смоет
Потоков крови, пролитых в борьбе со Славой.**

Прошло двадцать кратких лет, и оппозиция «славяне»/«немцы» актуализировалась при горестных обстоятельствах начала Первой мировой войны.

⁷⁵⁸ Будилович А. С. Ян Коллар и западное славянство. Б. м., 1894. С. 1. Ср. предложение либерала В. П. Гайдебурова, адресованное Т. Г. Масарику, написать «статью о наших славянофилах (Ваших любимых Киреевском и Достоевском) в связи с Вашим Колларом» (цит. по: Инов И. В. Томаш Гарриг Масарик и российские литераторы и журналисты // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. М., 2005. С. 78).

⁷⁵⁹ См. подробнее: Сиротинин А. Н. Коллар и Хомяков // Россия и славяне. СПб., 1913; Досталь М. Ю. Ян Коллар и ранние славянофилы: 40–50-е гг. XIX в. // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист.

⁷⁶⁰ Будилович А. С. Ян Коллар и западное славянство. С. 3–4.

⁷⁶¹ Там же. С. 9–10.

⁷⁶² Там же.

3.

В.Н. Топоров, анализируя «пробуждение памяти» как характерную черту творчества Ахматовой конца 1930-х, указывал на «сознание повтора — воспроизведения некоего прецедента»⁷⁶³: начатая Германией в 1939 г. Вторая мировая война провоцировала воспоминания о Первой мировой войне, идейным обоснованием которой послужил панславизм, да и проходил Восточный фронт по славянским территориям, так что оплаканные Колларом земли постоянно поминались в военных реляциях⁷⁶⁴.

Где Первая мировая — там и трагические события 1917 г., гражданская война, террор первых лет советского государства, так что «пробуждение памяти» закономерно приводит к «поминальным стихам»⁷⁶⁵. «Реквием Ахматовой посвящен ее поколению, поэтам, что не дожили до Второй мировой войны. Не случайно стихи начала 1920-х памяти Гумилева, в чьей судьбе предсказывалась судьба жертв сталинских репрессий, сходным образом называют «предреквием».

Чтобы понять как стилистику, так и поэтику «предреквиема» и «Реквиема», необходимо обратиться к литературному сюжету, развертывавшемуся на несколько лет раньше, — к поэтическому полилогу Ахматовой, Гумилева и Мандельштама на рубеже Октября 1917-го и гражданской войны.

Напомним знаменитые строки:

**Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее...**

На связь этих строк с книгой Исаяи давно указал О. Ронен: «...Эта строфа представляет собой цитату из Книги пророка Исаяи: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы» (Ис. 1:21). Случайная тройная рифма синодального перевода использована в строфе отчасти буквально, а отчасти как ответ на риторический косвенный вопрос «кто берет ее». Цитатна и заключительная строфа первой публикации:

**Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид.**

⁷⁶³ Топоров В.Н. Об историзме Ахматовой. С. 194.

⁷⁶⁴ См., напр., славянскую тематику и топику в лирике В.А. Гиляровского Первой мировой войны: Косанович Б. Сербия и Черногория в русской поэзии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 68–69.

⁷⁶⁵ Там же. С. 203.

Ср. "...пусть будем называться твоим именем, — сними с нас позор" (Ис. 4:1); "...Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалима..." (Ис. 4:4)⁷⁶⁶.

Однако О. Ронен не отметил еще один важнейший момент, связанный с Книгой Исаяи и отразившийся в стихах Ахматовой:

**Мне голос был, он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный
Оставь Россию навсегда» ...
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.**

Вспомним слова пророка: «Я сказал им: сила их — сидеть спокойно» (Ис. 30:6-7). Всевышний предупреждал Израиль: «...сила фараона будет для вас стыдом, и убежище под тению Египта — бесчестьем» (Ис. 30:3). Таким образом, слова поэта о «стыде» и «спокойствии» оказываются цитатами из Исаяи.

Важно заметить, что мотив неоставления родной земли, России, развивается в целом ряде произведений Ахматовой и обычно толкуется в общепатриотическом ключе. Но, как нам кажется, стихи типа «И дух суровый византийства // От русской церкви отлетал...» должны рассматриваться и в религиозном контексте. Причем этот контекст уже имел в русской литературе соответствующую традицию.

Вот еще одно знаменитое стихотворение Ахматовой:

**Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
.....
Мы знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...**

Что же это за «оценка поздняя»? На наш взгляд, отнюдь не оправдание поступков поэта потомками, как можно подумать, но исполнение того, что поэт услышал из уст пророка Исаяи. На Книге Исаяи основано и удивительно близкое ахматовскому стихотворение А. С. Хомякова:

**Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы Божий меч, мы Божий щит!»**

⁷⁶⁶ Ронен О. К истории акмеистических текстов: Опущенные строфы и подтекст // Сохрани мою речь. М., 1993. Вып. 2. С. 66–67.

Не с теми он, кто звуки слова
 Лепечет рабским языком...

 Но с теми Бог, в ком Божья сила,
 Животворящая струя,
 Живую душу пробудила
 Во всех изгибах бытия...

 Он с тем, кто духа и свободы
 Ему возносит фимиам;
 Он с тем, кто все зовет народы
 В духовный мир, в Господень храм!

Если учесть, что и первая часть стихотворения Хомякова «Мы род избранный, — говорили...», и слова Ахматовой об утрате «сурового духа византийства» русской церковью подразумевают недовольство Всевышнего «жертвоприношениями» забывшего Его Избранного Народа, то синтаксическая конструкция стихотворений Ахматовой и Хомякова оказываются знаком отсылки к Книге пророка Исаяи.

Обратим внимание на то, что имя Хомякова возникло и в варианте стихотворения Мандельштама «Дайте Тютчеву стрекозу...». Правда, очень немногие (подобно М. Каганской) решились всерьез отнестись к этому тексту.

А еще богохранима
 На гвоздях торчит всегда
 У ворот Ерусалима
 Хомякова борода.

Как давно установлено, эти строки Мандельштама с большой долей вероятности тоже восходят к стихам самого Хомякова⁷⁶⁷:

Широка, необозрима,
 Чудной радости полна,
 Из ворот Ерусалима
 Шла народная волна.

Та же «ерусалимская» строка встречается в экспромте Николая Гумилева из альбома С. Ремизовой-Довгелло⁷⁶⁸:

У ворот Иерусалима
 Ангел душу ждет мою,
 Я же здесь, и, Серафима
 Павловна, я Вас пою.

Первую строку Н. А. Богомолов соотносит с уже вполне серьезными стихами Мандельштама:

⁷⁶⁷ Харджиев Н. Комментарии // Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 292.

⁷⁶⁸ Гумилев Н. Соч. Т. 1. С. 468–469.

Эта ночь непоправима,
 А у вас еще светло!
 У ворот Ерусалима
 Солнце черное взошло, —

что и понятно, поскольку «Дайте Тютчеву стрекозу...» тогда еще написано не было.

Разная интонация затрудняет сведение приведенных текстов к единому знаменателю. Попытаемся понять смысл и контекст интересующей нас строки в стихотворении «Эта ночь непоправима...».

Упоминание «Ерусалима» (похороны матери состоялись, естественно, в Петрограде) задает возможность двойного чтения стихов. Так, строки:

И над матерью звенели
 Голоса израильтян... —

могут быть поняты и как описание конкретной еврейской похоронной церемонии в невской столице, и как звучание молитв в послехрамовую эпоху («священства лишены»), когда — в надежде дожить до восстановления Храма — Храм до времени воздвигали в молитве или, по слову пророка Осии, «устами» (ведь восстановится Храм только тогда, когда придет Росток из колена Давидова, о котором возвестит и возглаголет, по пророчеству Исайи, Благовестник).

Почти оксюморонный образ «сияния (!) черного солнца» проясняется здесь, по нашему мнению, опять же текстом Исайи: «И будет в тот день: накажет Господь воинство небесное в вышине и царей земных на земле. <...> Тогда посрамлена будет луна и пристыжено будет солнце, потому что Господь Саваоф будет царствовать на горе Сион в Иерусалиме, и слава будет перед старейшинами народа Его» (Ис. 24: 21–23). И чуть раньше: «Рыдайте, ибо близок день Господень, придет он как напасть от всемогущего <...> Вот приходит день Господень — жестокий, (полный) гнева и пылающей ярости, чтобы превратить землю в пустыню и уничтожить на ней грешников ее. Ибо звезды небесные и созвездия их не засияют светом своим, солнце померкнет при восходе своем, и луна не зацветит светом своим» (Ис. 13: 9–12). Нам представляется, что библейское солнце, меркнувшее при восходе, и есть источник черного солнца Мандельштама. Для поэта в момент написания стихотворения Исайя пророчествовал о самом главном — о преодолении смерти: «Уничтожит Он смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц, и позор народа своего устранил Он на всей земле, ибо так сказал Господь. И скажет народ в тот день: вот это Бог наш, на которого мы надеялись, и Он спасет нас! Сей есть Господь, на него уповали мы, будем же веселиться и радоваться помощи Его» (Ис. 25: 8–10). Мандельштам, уже несколько лет христианин, нашел возможность совместить иудейское и христианское: воспользовавшись одной из важнейших для христиан пророческих книг, он обрел форму для выражения веры в грядущее спасение матери наряду, разумеется, со всеобщим, обещанным христианством спасением, знаком чего и является тот, кто «проснулся в колыбели» в страшный момент:

**Я проснулся в колыбели
Черным солнцем осиян.**

По-видимому, такое понимание вполне соответствует апостольской мысли о спасительности иудаизма для истинных иудеев. Что же касается «священников», которые «священства лишены», то коль современная эпоха воспринимается поэтом в эсхатологическом аспекте, наличие или отсутствия священства — как иудейского, так и христианского («Бегите, иерои...») — уже ничего не меняет.

Наконец, как раз «у ворот Иерусалима» должен быть встречен «Росток», Машиах или Мессия. Естественно, что и «Кадиш» при погребении содержит те же самые истины: «Да возвысится и освятится Его великое Имя! В будущем и обновленном мире, где Он вернет мертвых к жизни и пробудит их к вечной жизни, и отстроит город Иерусалим и воздвигнет там совершенный Храм; искоренит служение чужим божествам...» (мотивы и образы стихотворения «Эта ночь непоправима...» нашли отражение и развитие в стихах 1917).

Вернемся к экспромту Н. С. Гумилева:

**У ворот Иерусалима
Ангел душу ждет мою,
Я же здесь, и Серафима...**

Нам представляется, что Гумилев намеренно обыграл сочетание лексики типа «ворота Иерусалима», «ангел», «душа» и имени жены А. М. Ремизова — Серафима. Это вызывает в памяти вновь Книгу Исаяи: «...видел я Господа, сидящего на престоле высоком и величественном, и края его наполняли храм. Перед ним стоят серафимы. <...> И сказал я: горе мне! я погиб, ибо я человек с нечистыми устами, и среди народа, чьи уста нечисты, живу я, а очи видели Царя, Господа Саваофа» (Ис. 6: 1–5). Разумеется, для поэта Гумилева небезразлично и то, что данный фрагмент текста Исаяи лег в основу «Пророка» Пушкина. Цитируем Исаяю дальше: «И услышал я голос Господа, говорящего: кого пошлю Я и кто пойдет для нас? И сказал я, пошли меня. И сказал Он: пойдти и скажи этому народу <...>. Отгучнело сердце народа этого и отяжелели уши его, и глаза его отвращены, чтобы не узрел он глазами своими и не услышал ушами своими, и чтоб не поняло сердце его, и не обратился бы он и не исцелился. И сказал я: доколе, Господи? И Он сказал: доколе не останутся города без жителя, и дома — без людей, и земля не опустеет, превратившись в пустыню» (Ис. 6: 8–12).

Похоже, что в «доколе?» содержится важный для Гумилева смысл этого отрывка, закодированного альбомным экспромтом. Ведь следующие строки стихотворения содержат (в христианизированном варианте) ответ:

**Долго нам еще терпеть,
Целовать нам долго, видно,
Нас бичующую плеть.**

Если обратиться к первой строке этого четверостишия, то мы увидим в ней одно из ключевых слов пророчества Исаяи:

Мне пред ангелом не стыдно...

Стыд этот связан с приходом Машиаха: «И в тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых. И страждущие более и более будут радоваться о Господе, и бедные люди будут торжествовать о Святом Израиля. Потому что не будет более обидчика, и хульник исчезнет, и будут истреблены все поборники неправды, которые запутывают человека в словах, и требующему сада у ворот расставляют сети и отталкивают правого. Посему так говорит о доме Иакова Господь, который искупил Авраама: тогда Иаков не будет в стыде, и лицо его более не побледнеет» (Ис. 29: 18–22). Однако совершенно ясно, что «сроки исполнятся», лишь когда тот, кому Серафим вложил уголь в сердце, явственно увидит дела Всевышнего.

Пока же политическая реальность несколько иная:

**Но и ты, всесильный ангел,
Сам виновен, потому
Что бежал разбитый Врангель
И большевики в Крыму.**

Строки гумилевского экспромта вновь возвращают нас к мотиву отказа покинуть родную землю в стихах Ахматовой — «Когда в тоске самоубийства...». Экспромт Гумилева датирован 7 декабря 1920 г., а стихотворение Ахматовой, которое, как мы полагаем, с ним напрямую связано, — 7 декабря 1921 г.:

**Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил
За себя заложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?**

Здесь Ахматова переключает библейский регистр гумилевского стихотворения в личный план, добавляя в свое «Когда в тоске самоубийства...» еще один мотив из Исайи, мемориально связывающий это стихотворение с экспромтом покойного Гумилева. Мотив отказа от бегства, от эмиграции в творчестве Ахматовой имеет религиозный характер. Это лишний раз подтверждается — по аналогии — тем, что в шутовском стихотворении Мандельштама о бороде многожды здесь упомянутого Хомякова проступают совсем не смешные тексты, вновь — из Исайи: «И будет в тот день, призову раба Моего Елиакима, сына Хелкиина <...>. И ключ от дома Давидова возложу на рамена его; отворит он, и никто не запрет; запрет он, и никто не отворит. И укреплю его как гвоздь в твердом месте <...>. И будет висеть на нем вся слава дома отца его, детей и внуков, всей домашней утвари до последних музыкальных орудий. В тот день, говорит Господь, пошатнется гвоздь, укрепленный на твердом месте, и будет выбит и упадет и распадется вся тяжесть, которая на нем; ибо Господь говорит» (Ис. 22: 20–25).

Поздняя — 1930-х годов — «Хомякова борода» включила в себя библейский текст (прежде всего — Книгу Исайи), который коллективно развивался в период «предреквиема» Ахматовой и теми, кому «Реквием» (и «Поэма без героя») будет посвящен. Катастрофические события, интерпретируемые Ахматовой,

Гумилевым, Мандельштамом в пророческих образах, создали основу для обращения к предшествующей традиции, освященной в России именем Хомякова, а значит, в более широком смысле — к идеям панславизма.

В упоминавшейся брошюре Будиловича приводится вольный перевод сонета из «Дочери Славы» (III, 61), прямо отсылающего к той же библейской книге:

**Когда подумаю о нашем славном роде,
Какой-то силою разбитом на куски
И в темноте служащем то князьям, то кралям,
Или пашам, невольню думаю с Исайей:
Ты, Господи, умножил нас, но не веселье
Наше...**

Таким образом, глубинная связь «Реквиема» Ахматовой с сонетами Коллара подтверждается еще на одном уровне текста, связанном с библейскими пророчествами.

4.

В годы, прямо предшествовавшие созданию «Реквиема», «славянская» идеология зазвучала в контексте репрессий. В 1933–1934 гг. НКВД организовал знаменитое дело «славистов», а значит, сам интерес к славистической проблематике мог в ту пору квалифицироваться как антисоветский, «фашистский»⁷⁶⁹.

При этом «наибольшее число пострадавших по ленинградскому делу пришлось на два крупнейшие музея страны», в частности — на Русский музей⁷⁷⁰, что не могло не затронуть его авторитетного сотрудника — мужа Ахматовой, искусствоведа Николая Николаевича Пунина. Более того, ахматовская квартира в Фонтанном Доме была служебной жилплощадью, положенной заведующему отделом рисунка в Русском музее. Впрочем, следствие по делу «Российской национальной партии» непосредственно Пунина не коснулось: его арест, преобразенный в один из сюжетов «Реквиема», произошел позже и по другому поводу.

Как было показано в предыдущей главе, во второй половине 1930-х славянский мотив постепенно утратил предосудительный характер, и годы создания «Реквиема» — 1935–1940 — оказались, пожалуй, даже избыточно насыщенными многочисленными трансформациями и перекодировками славянской темы. Но Ахматова, то противостоя официальная пропаганда, то совпадая с переменчивым «генеральным курсом», была верна своей поэтической и мировоззренческой линии.

⁷⁶⁹ О гонениях на славяноведение в официальной исторической науке см.: *Горяинов А. Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1030-х годов // *Славянская идея: История и современность.* М., 1998.

⁷⁷⁰ *Ашнин Ф. Д., Алтатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 37.

Великая Отечественная война актуализировала славянскую тему, которая в новых условиях обрела государственный статус. Например, стихотворение «Мужество» вполне отвечало актуальным представлениям о патриотической поэзии:

**Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!**

Официальное одобрение этого произведения подтверждается стремительной (текст датируется 23 февраля) публикацией на страницах «Правды» (8 марта 1942). Также не исключено, что важнейшая статья, которой открывается первый номер журнала «Славяне» (июнь 1942), включает аллюзию на стихотворение Ахматовой: «Создадим единый фронт славян против гитлеризма. В многовековой борьбе славянских народов с немецкими захватчиками пали геройской смертью миллионы славян. Кровожадные хищники погубили множество драгоценных памятников старинной славянской культуры. Но как бы ни ухищрялись гитлеровцы, им не удастся погубить славянский народ, его культуру. *Там, где звучит славянская речь, там вечно живут великие исторические традиции славянских народов, там не может восторжествовать двуногий зверь со свастикой — эмблемой смерти и разрушения. Вечно будет жить славянская речь. Никогда не умолкнет победная песня славян* (курсив наш. — Л. К., М. О.)».

Разумеется, Ахматова обращается к славянской теме, сохраняя прежнюю изощренность библейских ассоциаций, продолжая подспудный диалог с современниками. В. Хазан справедливо отметил, что строки стихотворения «Мужество» неожиданно откликаются на знаменитое мандельштамовское «Сохрани мою речь...», и оба текста, в свою очередь, ориентированы на Апокалипсис: «...ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся от имени Моего» (Откр. 3: 7–8)⁷⁷¹. Слова эти произносит «Святой, Истинный, имеющий ключ Давидов», что заставляет вспомнить о «ключе от дома Давидова» (Ис. 22: 22), а значит, и о «хомяковском» четверостишии Мандельштама. Наконец, образ «онемевшей» славянской речи встречается во вступлении к «Дочери Славы», пронизанном цитатами из Исайи. В свете сказанного дополнительный смысл приобретают наблюдения исследователя: «В тридцатые годы Мандельштам уходит

⁷⁷¹ Хазан В. А. Ахматова. «Я над ними склонюсь, как над чашей...»: Попытка комментария // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 1993. В. 31. S. 156, 171.

от неоклассицистической поэтики, тогда как Ахматова не только продолжает ее разрабатывать, но и находит в ее рамках, особенно при последующем обращении к военной теме, образы, совместимые с официально-патриотической идеологией»⁷⁷².

Кстати, советское правительство также осознавало не вполне «лояльный» характер разработки славянской темы в творчестве Ахматовой. Знаменательно, что кураторы Белградского Славянского съезда (1946) переживали, что «не были затронуты критикой существующие течения в области культуры, оставшиеся от довоенного строя в славянских странах. Если у нас сохраняются Зоценки и Ахматовы, то что же делается там, в этих странах, только что переживших революцию»⁷⁷³.

Сложное переплетение личных, библейских, эсхатологических и славянских мотивов симптоматично возникает в позднем стихотворении «Я над ним склонюсь, как над чашей...», посвященном памяти Мандельштама⁷⁷⁴.

И в послевоенных антологиях чешской (1959) и словацкой (1964) поэзии, для которых Ахматова перевела в общем-то случайный набор поэтов — К. Г. Маха, И. Краско, М. Валека⁷⁷⁵, присутствуют сонеты Коллара.

Показательно, что переводчиком здесь выступил такой близкий Ахматовой человек, как С. В. Шервинский, он же через несколько лет — когда она умерла — предложил новую версию сонета о липе:

**Здесь под липой навевал мне сны
ангел детства колыбельной сладкой,
здесь играл я и сидел с тетрадкой, —
золотые дни моей весны!
Здесь мужал. Мы были влюблены.
Славы дочь встречал я здесь украдкой,
Но любовь была такою краткой!
Мы простились, мы разлучены!
Мне под липой музы лиру дали,
и с ветвей сонет сонету вслед,
словно листья, мне на грудь слетали.
Здесь меня под лирой схороните.
Мрамора не требует поэт, — сенью
Славы прах мой осените»⁷⁷⁶.**

⁷⁷² Жолковский А. Страх, тяжесть, мрамор: Из материалов к житнетворческой биографии Ахматовой // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1995. В. 36. S. 145.

⁷⁷³ Отчет А. С. Гундорова цит. по: *Досталь М. Ю.* Белградский славянский конгресс победителей фашизма (1946) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 239.

⁷⁷⁴ Хазан В. Указ. соч. С. 131–172.

⁷⁷⁵ Антология чешской поэзии. Т. 1. М., 1959; Словацкая поэзия XIX–XX вв. М., 1964.

⁷⁷⁶ Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973. С. 175.

Издания такого рода были источником заработка для переводчиков или носили откровенно политически-ангажированный характер (в духе культурного взаимообогащения стран социалистического лагеря).

Достаточно привести слова из предисловия к полному переводу «Дочери Славы», создававшемуся проф. Н. В. Водовозовым при жизни Ахматовой и напечатанному в 1967 г.: «Идея славянского патриотизма и гражданственности в поэзии Коллара не утратили значения до наших дней, когда в Западной Германии снова поднимается мутная волна фашизма, пытающаяся вновь захлестнуть соседние славянские страны. Идеи славянской солидарности, звучавшие утопически в эпоху, когда жил чехословацкий поэт, ныне получили выражение в создании социалистического лагеря на востоке Европы, в который вошли все славянские государства, вставшие на путь социалистического строительства»⁷⁷⁷.

Перевод 385-го сонета, выполненный Водовозовым, примечателен стремлением с максимальной точностью воспроизвести смысл и имитировать непростую структуру славянского стиха «Дочери Славы», но уже отнюдь не напоминает «Реквиема», ориентированного на Коллара в прежней версии Гиляровского:

Под липой меня ангел в люльке качал
В то время, когда я младенцем был малым.
Под нею — о сладкая память! — усталым
Ребенком я после веселых игр спал.
Под липой красавицу я увидал —
Славянку (любви это было началом!).
Под липой с печалью потом запоздалой
Короткой любви моей дни вспоминал.
Под липой мне лиру дала муза здесь,
А ветви мне дали идею сонета,
Как листья в час зноя — приют для поэта.
Под липой меня похороните днесь.
Но мрамор на гроб мой, прошу, не кладите —
А липу такую же там посадите⁷⁷⁸.

Только крайняя политизированность славянской проблематики и практическая невозможность беспристрастного ее изучения скрыли от читателей и исследователей важнейшую тему, которая входит составной частью в сложную систему ахматовского жизнестроительства и которой Ахматова оставалась верна на протяжении всей жизни.

⁷⁷⁷ Ревякин А. И. К вопросу о взаимосвязи славянских литератур // Уч. зап. Московского педагогическ. ин-та. Вып. 287. М., 1967. С. 3–4.

⁷⁷⁸ Коллар Я. Дочь Славы // Там же. С. 248. За указание на этот источник мы благодарны проф. С. В. Никольскому.

Вместо заключения

Изучение модели «славянской взаимности» может способствовать выяснению ее значения для писателей и мыслителей, которых, на первый взгляд, трудно отнести к ярким сторонникам или пропагандистам этой разновидности «славянской» идеологии, или для тех, кого не подозревают в интересе к подобным проблемам.

Тем более, напомним, идеология «славянской взаимности» далеко не всегда выходила на поверхность: многие авторы — в силу конкретных политических причин, о которых мы писали, — часто либо скрывали интерес к этой идеологии, либо выражали его так, чтобы быть понятыми только «своими», «посвященными». Кроме того, ряд авторов пользовался топижкой «славянской взаимности» не постоянно, а в связи с осмыслением каких-либо конкретно-исторических событий.

Анализ примеров, которые мы здесь кратко рассмотрим, мог бы потребовать повторения того, что сказано на этих страницах, указания имен, цитат, контекстов. Однако реконструированная модель подразумевает эти сведения и даже логику их анализа. Интенсивность модели тем и отличается от экстенсивности дискриптивного подхода, что, будучи примененной в каждом отдельном случае, позволяет «подключить» к толкованию конкретного автора весь набор возможных составляющих частей: от начального словаря идеологом — до суммирующих попыток систематизации и масштабных историософских построений (в нашем случае — концепция «славянской взаимности»).

* * *

Когда в 1968 г. советские танки вошли в Прагу, драматург и мемуарист А. К. Гладков записал в дневнике: «11 сентября 1968. Утром БиБиСи передает странное сообщение о заявлении 88 советских (московских) писателей о чехословацких событиях и его текст (без подписей). В тексте говорится о «братьях славянах», о «кровном братстве», и хотя он резко осуждающий по отношению к советскому руководству и бранит Федина, Шолохова и Софронова, что-то в этом есть сомнительное. М. б. эти фразы о «братстве по крови» — это значит, что ни один еврей не подписал, что ли? Но как тогда набрали (да еще между 21 и 23 августа) 88 подписей? Все-таки за это время я видел кое-кого, но и краем уха не слышал о сборе подписей, а мог бы услышать (вернее, не мог бы не услы-

шать). М. б., это сделали “русситы”? Но их столько не наберется. Я, во всяком случае, такого текста не подписал бы, помимо прочего, из-за этих фраз о “славянской крови”. Меня одинаково возмущает, когда притесняют татар, евреев, венгров и прочие народы. При чем тут “славяне”? Именно поэтому мне этот документ несколько подозрителен. “Прогрессисты”, каких я знаю, этот текст не составили бы. М. б. это провокация. Или просто липа, составленная недалекими, хотя и благородными людьми. Но каковы бы ни были мотивы, это неумно»⁷⁷⁹.

Кем бы это письмо ни было сочинено, его образец, по-видимому, — письмо советских писателей в защиту Чехословакии времен Мюнхенского сговора. Трудно также избавиться от впечатления, что в некоей комплексной связи с этим историческим сюжетом правомерно рассматривать малотиражную (для специалистов⁷⁸⁰) публикацию 1967 г. первого полного перевода на русский язык «Дочери Славы» Яна Коллара⁷⁸¹ в симптоматическом сочетании с переводом на современный язык полузапретного в советские годы «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского⁷⁸².

А вот как на те же события реагировал Всеволод Некрасов, классик современного авангарда:

**поляки сарматы
румыны даки
русские скифы
дураки
дураки
и венгры-то и те гунны
господи
одни чехи хоть чехи
люди люди
(евреи израильтяне
это уж я не говорю
оно вроде хорошо
но похоже одно плохо
тоже избранный народ)**⁷⁸³.

Хочется надеяться, что читателям настоящих очерков комментариев тут не понадобится, а если это так и даже авангардный текст о «славянской взаимности» и глобальном мессианстве всех народов понятен, то наша задача выполнена.

⁷⁷⁹ *Гладков А.* «Я не признаю историю без подробностей...»: Из дневниковых записей 1945–1973/Пред., посл. С. Шумихина// IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 596.

⁷⁸⁰ Примечательно, что издание Н. Водовозова не упоминается даже в специальном обзоре поэтических переводов «Дочери Славы»: *Шведова Н. В.* «Сто сонетов» Яна Коллара как русский вариант «Дочери Славы» // Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист: К 200-летию со дня рождения. М., 1993.

⁷⁸¹ *Водовозов Н.* «Дочь Славы»: Поэма в пяти Спехах с Предспевом: Перевод на русский язык // Уч. зап. Московского педагогическ. ин-та. Вып. 287. М., 1967. С. 33–378.

⁷⁸² *Водовозов Н.* «Слово о Законе и Благодати» — древнейший памятник русской литературы // Там же. С. 425–442.

⁷⁸³ *Некрасов В.* Стихи из журнала. М., 1989. С. 53.

Именной указатель

Автономова Н. С.	227, 229, 254
Азадовский М. К.	34, 35
Айрапетов О. Р.	170 (с)
Айхенвальд Ю. И.	30
Аксаков И. С.	32, 46, 75, 76, 124, 253
Аксакова А. Ф.	81, 106
Александр I, император российский.	22, 126
Александр II, император российский.	81
Альбрехт Медведь, герцог.	286
Амвросий, епископ Медиоланский, св.	109
Амфитеатров А. В.	204 (с), 225, 226
Анненков П. В.	63, 66, 67
Анненский И. Ф.	284
Антонов-Овсеенко В. А.	165, 209, 210, 211
Арминий Германец.	133
Арцыбашев М. П.	145
Асеев Н. Н.	157
Атилла.	62
Ахматова А. А. (Торенко)	18 (с), 281, 283, 284, 287, 288, 289, 292, 293, 294, 295, 296
Ашкерц А.	284
Байда (Дмитрий)	132
Байрон Дж. Г.	29
Бакланов Я. П.	143, 144
Бакунин М. А.	11, 12, 69, 103 (с)
Бальмонт К. Д.	18 (с), 153, 203, 204, 205, 221, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 252, 257, 258, 264
Баракович Ю.	14, 15, 128
Баран Х.	123, 128, 129, 135, 140, 151
Баранцевич К. С.	165
Басаргин Н. В.	26, 29
Батюшков К. Н.	40
Бауринг Дж.	25, 27, 39
Безруч П.	245
Бейлис М.-М. Т.	162
Бейст Ф., фон.	81, 82, 99
Беленсон А. Э.	155
Белинский.	166
Белич А. И.	208

Белый Андрей (Бугаев Б. Н.).....	165
Бенедиктов В. Г.....	74, 75
Бенеш Э.....	208, 210, 211, 212, 213, 221, 226, 228, 231, 235, 237, 239, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 262, 270, 271, 273, 274, 275
Берг Н. В.....	68, 75
Бернштейн С. Б.....	268
Бертгольд Л.....	170
Берут Б.....	275
Бестужев М. А.....	29, 31
Бестужев-Рюмин М. П.....	29
Бестужевы, братья.....	29, 32 (с)
Бехтерев В. М.....	125, 157
Биб-Дода Пренк.....	174
Библ К.....	243
Бибо И.....	13
Блок А. А.....	18 (с), 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 154, 155, 156, 157, 207, 281
Бобринский В. А.....	170
Богатырев П. Г.....	262, 263, 267
Богомолов Н. А.....	289
Богушевич Ю. М.....	74
Бодлер Ш.....	246
Бодуэн де Кургенэ И. А.....	136, 137, 138, 139, 140, 142
Борисов П. И.....	34
Борисовы, братья.....	34
Брешко-Брешковский Н. Н.....	174, 182, 191
Бржезина О.....	239, 244
Брик О. М.....	196, 229, 256
Брискман М. А.....	28 (с)
Броз Тито И.....	269, 274, 276, 277
Брюсов В. Я.....	153, 156, 158
Будилович А. С.....	17, 106, 166 (с), 190, 285, 286, 293
Булгарин Ф. В.....	22
Бульст-Тилле М. Л.....	130 (с)
Бурлюк Д. Д.....	152, 180
Вадковский Ф. Ф.....	31, 32, 33
Валек М.....	295
Ванек В.....	247
Васильчиков А. И.....	103 (с)
Вашек Я. (Безруч).....	245
Вейнберг П. И.....	237
Вельтман А. Ф.....	55
Венелин Ю. И.....	55, 61, 62
Вергилий.....	24
Вестстейн В.....	163
Вечорка (Толстая Т. В.) Т.....	174 (с)
Вид В.....	170, 171, 172, 173, 175
Вильгельм I.....	126
Вильгельм II, германский император.....	150, 170

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Виноградов В. В.	267
Витовт, литовский князь	86
Водовозов В. В.	125 (с), 296
Волошин М. А.	193, 194, 195, 196, 197, 199, 200
Вольман С.	92
Вольф М. О.	154
Волынец Дмитрий	149
Волынский А. П.	131
Врангель П. Н.	292
Врублевская Т.	80 (с)
Врхлицкий Я.	237, 239, 242, 244, 247
Вымазал Ф.	49
Вяземский П. А.	75
Габсбурги, династия	10, 14, 26, 39, 55, 56, 64, 69, 73, 99, 127, 131
Гавличек-Боровский К.	13, 16, 284, 285
Гагарин И. С.	58
Гайдебуров В. П.	286 (с)
Галилей Г.	55, 110
Галл Аноним	10
Галушкин А. Ю.	222 (с)
Ганка В.	46, 47, 48, 49, 52, 53, 55, 56, 77, 78, 93, 98, 128
Ганнибал, полководец	131
Гарибальди Дж.	67, 69, 103 (с)
Гартвиг Н. Г.	170
Гаршин Н.	152
Гаспаров М. Л.	50, 227, 229, 254
Гейро Р.	173, 175
Геббельс Й.	268
Генис В. Л.	210
Генрих Лев, герцог	130 (с), 286
Генрих I Птицелов, император Священной Римской империи	286
Гердер И. Г.	14, 286
Геруц К.	129
Герцен А. И.	22
Гете И.-В.	27, 157
Гиляровский В. А.	158, 282, 287 (с), 296
Гиппарх	109
Гирса В.	210, 212
Гитлер А.	267 (с), 272, 277
Главачек К.	211
Гладков А. К.	299
Гладстон У.	188
Гланц Т.	208, 212
Глинка М. И.	76
Гогенцоллерны	127, 131
Гоголь Н. В.	148
Годжа М.	211
Гора Й.	243

Городецкий С. М.	153, 191
Горожанин В. М.	232, 256
Горская Н.	133 (с)
Горчаков А. М.	76, 82, 90
Готвальд К.	270, 271
Греков Б. Д.	275
Греч Н. И.	21
Грибоедов А. С.	29
Григорьев А. А.	63, 67, 68, 69, 70
Григорьев В. П.	139 (с)
Гурьянова Н. А.	159, 162 (с)
Гумилев Н. С.	284, 285, 287, 289, 291, 292, 293
Гундоров А. С.	269, 270, 275, 276
Гус Я.	54, 55, 82, 99, 101, 102, 131, 133, 239, 240
Гусман Б. Е.	154
Гюон (Гюйон) Ж. М.	23
Дагоберт I, король франков	133
Даль В. И.	136, 137, 138, 139, 141, 159, 162 (с), 174 (с), 194
Данилевский Н. Я.	18 (с), 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111 (с), 114, 115, 116, 118, 119, 173, 250, 251
Данте А.	281, 286
Дантес Э.	24, 40, 158
Дарий I Гистапс, персидский царь	126
Д'Арк Иоанна (Жанна)	180, 190
Дени Э.	82 (с)
Державин Г. Р.	264
Державин Н. С.	268, 269, 270
Джилас М.	269, 275, 277
Дизраэли (Биконсифльд) Б.	187
Димитров Г. М.	277
Дини П.	88
Добровский Й.	12, 16, 49, 67, 128, 182
Добролюбов Н. А.	18 (с), 22, 61, 63, 68, 70
Доланский Ю.	275
Долгоруков П. В.	91
Доминца	211
Донской Дмитрий Иванович	149, 150
Досталь М. Ю.	93
Достоевский Ф. М.	187, 227, 239, 286 (с)
Драгоманов М. П.	179, 180, 181, 190
Драгомиров М. И.	180
Дуганов Р. В.	134, 152
Дудич И.	284
Дунш-Барковский С.	38
Дурново Н. Н.	211, 267
Духнович А. В.	264
Дьяков В. А.	93
Дядичев В. Н.	222

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Еврипид	281
Екатерина II, российская императрица	26
Елизавета, королева Румынии	166 (с), 170
Ермак (Тимофеевич)	143, 144
Жаботинский В. Е.	193
Жакова Н. А.	49
Жевержеев Л. И.	158
Жижка Я.	101, 102
Житецкий П. И.	185
Жуковский В. А.	22, 31, 32, 38, 40, 281
Жупанчич О.	284
Завалишин Д. И.	33
Зайцев К. И.	226
Зайцева А. А.	24, 25, 35
Зданевич И. М. (Ильязд)	18 (с), 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 191, 192, 193, 198, 199, 200
Здекауэр Н. Ф.	32
Златарский В. Н.	208
Змай И. И.	284
Зоценко М. М.	295
Зриньи Н. (Никола Зринский)	55, 133
Иванов Вяч. И.	115, 140 (с), 153
Иванов Г. В.	154
Ивинский Д. П.	89 (с)
Извольский А. П.	125
Иларион, митрополит Киевский	300
Илич И.	284
Иоанн, епископ Мессинский	86
Иордан	9, 130 (с)
Иосиф II, император Священной Римской империи	12
Йейтс У. Б.	281
Кавур К. Б.	67
Каганская М.	289
Кадашев В.	196
Каменева О. Д.	209
Каменский В. В.	178
Кант И.	127, 164
Караджич В.	182
Карамзин Н. М.	29, 86
Карл I Великий, император франков	109, 110, 114, 286
Карл IV	166
Каспрович Я.	244
Катаев В. П.	123
Катанян В. А. (Клочковский Б.)	191
Катков М. Н.	89, 90, 98, 105, 250
Катранов Н. Д.	62, 63
Кеплер И.	109, 110
Кеппен П. И.	21

Киреевский И. С.....	249, 286 (с)
Кирилл, св.....	78, 82
Клюич.....	21
Кобзарь.....	132
Кобринский А. А.....	177 (с)
Ковалевский Е. П.....	69 (с)
Когут З.....	86
Коллар Я.....	11, 14, 15, 16, 17, 18 (с), 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28 (с), 29, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 65, 66, 67, 68, 70, 73, 74, 76 (с), 77, 80, 81, 92, 93, 98, 99, 108, 116, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 139, 140, 142, 144, 158, 166, 173, 239, 249, 250, 269, 270, 271, 275, 276, 282, 283, 285, 286, 287, 293, 295, 296, 299
Константин I Великий, римский император.....	109, 110, 114
Константин Иванович, князь Острожский.....	85
Конявская Е. Л.....	87
Коперник Н.....	55, 109, 110, 131, 133
Корнейчук А. Е.....	270
Корш Е. Ф.....	66, 67
Косанович Б.....	153 (с), 287 (с)
Костомаров Н. И.....	11, 132, 185
Костюшко Т.....	39, 40, 81, 131
Кошелев А. И.....	32
Краевский А. А.....	65
Крамарж К. П.....	124, 125, 179, 204, 207, 208, 211, 213, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 231, 236, 238, 239, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 261
Крамарж Н. Н.....	225, 226, 227
Красинский З.....	111
Краско И.....	295
Красовский М. В.....	124
Крейцер Я.....	226, 243
Крижанич Ю.....	111
Крум, болгарский хан.....	61
Крупп.....	164
Крусанов А. В.....	191
Кручных А. Е.....	155, 159, 160, 163, 164, 165, 172, 173, 176, 177, 178, 179, 180, 184, 190, 192, 200
Кубка Ф.....	237
Кужэ.....	210
Кузмин.....	155
Кульман Н. К.....	240
Купченко В. П.....	194, 197 (с)
Кучум.....	144
Кушнер Б. А.....	229
Кшицова Д.....	236, 237, 243
Кюхельбекер В. К.....	29
Лаврин Я.....	129, 157, 165, 171, 172, 173, 174, 175, 178, 182
Лавров А. В.....	147
Лазаревский Вл.....	257

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ламанский В. И.	76, 77
Левин Ю. И.	52, 94, 137, 138
Левинтон Г. А.	184 (с)
Ле-Дантю (Лидантю) М. В.	191
Лейбов Р. Г.	84, 85, 88, 91
Лекманов О. А.	207 (с)
Ленин (Ульянов) В. И.	159, 218, 219, 225, 243, 256, 274
Леонид, царь Спарты	126
Леонтьев К. Н.	17, 18 (с), 97, 101, 102, 103, 104, 111, 117, 119, 120, 173, 251
Лермонтов М. Ю.	244, 281
Лесик И. Ю.	88
Лешкова О. И.	178, 191
Лившиц Б. К.	180
Литвин Михалон	87
Ллойд-Джордж Д.	216
Ломоносов М. В.	131, 264
Львов Н. Н.	31, 124
Люблинский Ю. К.	34
Лютер М.	55
Магарашевич Г.	80 (с)
Магомет	132, 133
Макарий (Булгаков), митрополит	85, 86
Маклаков В. А.	124
Малахиева-Мирович В. Г.	151
Малларме С.	244
Мандельштам О. Э.	138, 281, 287, 289, 290, 292, 293, 294, 295
Манес А.	13
Маринетти Д. Т.	152
Мариньола Дж.	166
Мария Нидерландская, принцесса	170
Маркс К.	274
Марр Н. Я.	267, 278
Мартин, епископ Турский, св.	109, 133
Марцадури М.	171, 174
Масарик Т. Г.	16, 82 (с), 124, 125 (с), 165, 209, 210, 211, 213, 231, 247, 248, 251, 254, 258, 259, 275, 286 (с)
Маха К. Г.	244, 295
Махен (Маген) И. (Ванчюра А.)	243
Маяковский В. В.	17, 18 (с), 124, 126, 127, 152, 155, 156, 157, 158, 160, 163, 175, 179, 180, 181, 190, 196, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 235, 236, 237, 238, 242, 243, 247, 248, 252, 253, 254, 256, 257, 258, 259, 262
Маяр М.	11, 140
Мережковский Д. С.	145
Мефодий, св.	78, 82, 100
Микешин М. О.	78
Милетич Л.	208
Милюков П. Н.	207, 226, 247, 248, 258

Миндовг, литовский князь	85
Мирская Ю. Б.	40
Мицинский Т.	115
Мицкевич А.	11, 15, 18 (с), 36, 37, 38, 39, 40, 42, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 78, 80, 88 (с), 90, 91, 92, 93, 111, 112, 113, 114, 115, 118, 173, 270
Молотов В. М.	273, 277
Мончаловский О.	181
Моравская М.	155
Моран П.	214, 215
Морозенко, герой украинского фольклора	132
Морозов П. О.	156
Морошкин М. Я.	135
Морошкин Ф. Л.	56
Мочалов В. В.	274
Муссолини Б.	212
Мур Т.	23, 29, 30
Муравьев А. Н.	84, 85
Муравьев М. Н.	84, 84, 90
Муравьевы, братья	91
Навратил Й.	13
Надеждин Н. И.	23
Наполеон I.	57, 126, 246, 249
Наполеон III	67, 126
Нарбутт Т.	86
Неедлы З.	209, 270, 271
Незвал В.	243
Нейман Ю. М.	243
Некрасов В. Н.	299
Некрасов Н. А.	68, 281
Неруда Я.	242
Нессельроде К. В.	64
Нестор, летописец	17, 285
Нидерле Л.	10
Николай I, император российский	11, 22, 63, 66
Николай II, император российский	170, 253
Николай I Черногорский, король	284
Никольская Т. Л.	191
Никольский С. В.	27 (с), 296 (с)
Никольский Ю. А.	154
Новак А.	245
Носов А. А.	105 (с), 150 (с)
Ньютон И.	109, 110
Огарев Н. П.	32, 33, 35
Одоевский А. И.	28, 29, 32, 33, 35, 36, 67, 74, 158, 173, 282
Оленько (Александр) Владимирович, князь киевский	132
Ольгерд, литовский князь	85
Ослябя Р.	144
Остранница, атаман	132, 143, 144

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Островский А. Н.	67
Павлова К. К.	32
Палацкий Ф.	12, 13, 16, 56, 73, 77, 92, 99, 100, 102, 103 (с), 106, 107
Паливода, агаман	132
Палмотич Ю.	166
Папоушек	210
Парнис А. Е.	127, 128, 145
Паскевич И. Ф.	21
Пастернак Б. Л.	163, 207 (с), 216, 220
Перцова Н. Н.	135, 136, 139, 140 (с), 141, 142
Петр I Великий, российский император	133, 194, 268
Петрарка Ф.	14, 21, 286
Петрова А. М.	194, 195
Пилсудский Ю.	205, 206, 217, 223, 264
Платов М. И.	143, 144
Платонов С. Ф.	225
По Э.	246
Погодин М. П.	11, 12, 27 (с), 32, 33, 47, 49, 50, 53, 64, 65, 67, 81, 93, 98, 105, 250
Покровский М. Н.	207, 267
Попов Н. А.	105
Потебня А. А.	185, 186
Прискиллиан	109
Пугачев Е. И.	131
Пумпянский Л. В.	63
Пунин Н. Н.	293
Пушкин А. С.	18 (с), 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 47, 88 (с), 90, 91, 92, 93, 97, 112, 116, 119, 141, 142, 143 (с), 144, 145, 152, 155, 156, 157, 158, 173, 239, 244, 264, 270, 281, 291
Пуцци И. И.	31 (с), 32
Пыпин А. Н.	10, 12, 82, 93, 117, 165
Радлов Э. Л.	112 (с)
Разин С. Т.	131
Раскольников Ф. Ф.	204
Рафаева А. В.	140 (с)
Ремизов А. М.	145, 291
Ремизова-Довгелло С. П.	289
Рерих Н. К.	269
Риббентроп И., фон	268
Ригер Ф. Л.	102, 103 (с)
Рогов К. Ю.	53
Родченко А. А.	216
Розанов В. В.	118, 188
Розвадовский Я. М.	208
Розен А. Е.	21 (с)
Рокита Я. (Черный А.)	245
Романовы, династия	58, 69
Ронен О.	287, 288
Рубчак Б.	132

Руставели Ш.....	186
Рыков А. И.....	208
Рыльский М.....	270
Рындзюн В. И. (Ветлугин А.).....	154
Сабина К.....	13
Садовской Б. А.....	151
Сайферт Я.....	243
Самарин Ю. Ф.....	50, 65
Самко (Сомко) И. С.....	131, 132, 133, 136
Само, правитель древнего славянского государства.....	132, 133, 134, 136
Сахаров И. П.....	141, 142
Святослав Игоревич, киевский князь.....	131
Северянин Игорь (Лотарев И. В.).....	164, 165, 179, 180
Селищев А. М.....	267, 268, 269
Сельвинский И. Л.....	196, 197, 198, 216, 229, 230
Сенкевич Г.....	152
Сигей (Сигов) С.....	163, 169
Сирко И. Д., атаман.....	132
Словацкий Ю.....	111
Смирдин А. Ф.....	22
Соболевский С. А.....	36
Сова А.....	244, 245
Соловьев В. С.....	18 (с), 97, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 144, 150, 154, 173, 193, 196
Соловьев Вс. С.....	85
Соловьев С. М.....	111
Сологуб (Тетерников) Ф. К.....	145, 153, 155
Сорокина М. Ю.....	210, 211 (с), 213, 254
Софронов А. В.....	299
Срезневский И. И.....	41, 70
Сталин (Джугашвили) И. В.....	219, 220, 268, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278, 282
Стахович А. А.....	124
Степанов Н. Л.....	132
Страхов Н. Н.....	104, 118, 119
Струве П. Б.....	126, 235, 258
Суворов А. В.....	39, 40
Сураварди.....	247
Сухомлинов М. И.....	68
Сципион, полководец.....	131
Сытин И. Д.....	125
Сэльвер П.....	246
Тагор Р.....	207, 247, 248
Терентьев И. Г.....	176, 177, 178, 188, 192
Тетмайер К.....	284
Товянский А.....	111
Толбухин Ф. И.....	276
Толстая С. А.....	112
Толстой А. К.....	32, 148, 245

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Толстой Д. А.	78
Толстой Л. Н.	16, 145, 152, 156, 239
Томан К.	246
Топоров В. Н.	283, 287
Трилиссер М. А.	211
Троцкий (Бронштейн) Л. Д.	193, 223, 277
Трубецкая Е. Э.	92
Трубецкой Е. Н.	115
Трубецкой Н. С.	256, 267
Тувим Ю.	231
Тун Л., фон.	39
Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е. В.)	69
Тургенев И. С.	18 (с), 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68 (с), 69, 70, 97
Турский Григорий	133
Тынянов Ю. Н.	78, 150, 231
Тютчев Ф. И.	17, 18 (с), 31, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 84, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 106, 108, 152, 199, 200, 241, 246, 270
Тютчева М. Ф.	84
Уваров С. С.	47, 51, 250
Уитмен У.	244
Уржидил	210
Устрялов Н. Г.	87
Фадеев А. А.	271
Фадеев Р. А.	250, 251
Фальмерайер Я. Ф.	50, 108
Федин К. А.	299
Федоров	227
Федотов Г. П.	148, 149, 150
Филевич И. П.	181, 183, 185, 190
Фирлингер З.	271
Фишель А.	209, 210
Флекенштейн Й.	130 (с)
Франц Иосиф I, император Австро-Венгрии	64, 69
Францев В. А.	26 (с), 92
Фризман Л. Г.	22
Фрунзе М. В.	225
Хазан В.	294
Харджиев Н. И.	127, 130, 159
Хельчицкий П.	239, 240
Хлебников В. В.	18 (с), 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 163, 166, 171, 172, 173, 177, 180, 181
Хмельницкий Б.	132
Ховин В. Р.	155
Ходасевич В. Ф.	237
Ходжа Э.	277
Холленштейн Э.	227
Хомяков А. С.	17, 40, 50, 51, 56, 57, 75, 98, 106, 119, 240, 249, 285, 286, 288, 289, 292, 293

Цаф О.....	140
Чапек К.....	82 (с)
Челаковский Ф.Л.....	12, 27, 240
Червинка В.....	237
Черкасский В.А.....	105
Чернов В.М.....	187
Чернышевский Н.Г.....	66, 68 (с)
Честертон Г.К.....	205
Чичерин Г.В.....	209, 210
Чуковский К.И.....	184, 200
Шабтай Цви.....	193
Шафарик П.Й.....	12, 13, 26, 47, 67, 80, 270, 276
Шашкевич М.....	181
Шевченко К.В.....	263 (с)
Шевченко Т.Г.....	181, 270
Шевырев С.П.....	27 (с)
Шекспир У.....	281
Шенгели Г.А.....	179, 180, 181, 190
Шервинский С.В.....	295
Шершеневич В.Г.....	136
Шишков А.С.....	136
Шкирятов М.Ф.....	211
Шмидт В.....	14
Шолохов М.А.....	299
Шопен Ф.....	78
Шрамек Ф.....	243
Штайнер Р.....	194
Штейн Б.Е.....	210
Штейн С.В.....	284, 285
Штроссмейер И.Ю.....	111
Штук Ф.....	227
Штур Л.....	76, 98, 275
Шульгин В.В.....	256, 257
Щеголев П.Е.....	156
Щербаков А.С.....	271, 274
Эль-Лисицкий.....	227
Энгельс Ф.....	274
Эренбург И.Г.....	17, 18 (с), 204, 205, 206, 208, 212, 214, 215, 220, 221, 226, 227, 230, 237, 238, 252, 259, 260, 261, 262, 263, 264
Эренталь А., фон.....	125, 170, 174, 183, 186, 187, 189
Эрн В.Ф.....	164
Эссад-паша.....	172
Юлиания Александровна, литовская княгиня.....	85
Юнгинген Конрад, магистр.....	86
Юнгман Й.....	11, 12, 13, 27, 139, 140
Юрнев.....	210
Юстиниан I, византийский император.....	109
Ягайло, литовский князь, польский король.....	85, 86

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ягич И. В.	47, 185
Языков Н. М.	32
Якобсон Р. О.	17, 163, 164, 165, 166, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 219, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 236, 238, 239, 248, 252, 253, 254, 255, 256, 262, 267
Якубец Я.	245
Ян III Собеский, польский король.	110, 144
Ян Люксембургский.	166 (с)
Ярослав Владимирович Мудрый, киевский князь.	87
Ярославский Е. М. (Губельман М. И.)	211
Ясинский И. И.	117
Akhmatova A. (см. Ахматова А. А.)	
Antonomova N. (см. Автономова Н. С.)	
Bianchini S.	
Cooper D. L.	
Dogo M.	
Gayraud R. (см. Гейро Р.)	
Hellman B.	
Hroch M.	13 (с)
Jakubec J. (см. Якубец Я.)	
Janecek G.	
Karagyozov P.	
Ketchian S.	
Kohn H.	
Kollar J. (см. Коллар Я.)	26
Ljunggren A.	
Macura V.	13 (с)
Maruzaku T.	
Mickiewicz A. (см. Мицкевич А.)	
Palacky F. (см. Палацкий Ф.)	
Piwinska M.	
Pont G.	190
Schama S.	
Sophie, la reine d'Albanie	172
Uffelmann D.	16 (с)
Yeats W. B. (см. Йейтс У. Б.)	
Ziegler R.-M.	

Л. Ф. Кацис
М. П. Одесский

«СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ»

МОДЕЛЬ И ТОПИКА

Очерки

REGNUM

Издательский Дом «Регнум»

115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

СЕРИЯ SELECTA

ПОД РЕДАКЦИЕЙ *М. А. КОЛЕРОВА*

Подписано в печать ***.2011. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. ***. Тираж *** экз. Заказ №*****

Отпечатано в ООО «МТК press».
Ярославль, ул. Промышленная, дом 1, стр. 5.